

Ю.А. ЯХОНТОВ

ЛЕТОПИСЬ СЛАВЯН-РОССОВ

с древнейших времен
до Рюрика

Ю.А. ЯХОНТОВ

ЛЕТОПИСЬ СЛАВЯН-РОССОВ

с древнейших времен
до Рюрика

Москва
«Вече»
2009

УДК 94(3)
ББК 63.3(2)2
Я90

Яхонтов Ю.А.
Я90 **Летопись славян-россов с древнейших времен до Рюрика / Ю.А. Яхонтов. — М. : Вече, 2009. — 296 с.**

ISBN 978-5-9533-4027-4

Новаторское и уникальное исследование, полностью меняющее наше представление о долетописной истории славян. Автору удалось доказать достоверность сведений, изложенных в рукописи XIX века крестьянина Артынова, которые тот переписал из несохранившихся древнейших исторических источников.

В книге дана постолетняя хронология событий на протяжении четырех с лишним тысячелетий с древнейших времен до призвания Рюрика. Решены многие основополагающие и спорные до сих пор вопросы: определены этапы и время расселения славян (начало — IV тыс. до н.э.), а также установлены самоназвания славян в древнейшие времена; выяснено происхождение этнонима «рос» (не позднее IV—III тыс. до н.э.); определена этническая принадлежность многих археологических культур; установлено, что в VII в. до н.э. было образовано огромное славянское государство вандалов; фундаментально доказано славянство скифов, сарматов, а также готов; определено, что создание Русского государства в IX в. произошло объединением Новгородской и Ростовской земель; установлены точное время основания Москвы и ее основатель и многие другие важнейшие вопросы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей.

**УДК 94(3)
ББК 63.3(2)2**

ISBN 978-5-9533-4027-4

© Яхонтов Ю.А., 2009
© ООО «Издательский дом «Вече», 2009

Введение

Цветок засохший, безуханный,
Забытый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

А.С. Пушкин

Работая в архиве Государственного музея-заповедника Ростовского кремля, я обратил внимание на рукопись с удивительным названием — «Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до Великого князя Рюрика и князей Ростовских», написанную крестьянином села Угодичи Александром Артыновым. Я вспомнил, что фамилия эта уже встречалась мне в некоторых современных исторических работах, где об А.Я. Артынове говорилось как о «сказочнике» и безудержном фантазере. Например, во вводной статье к «Истории Российской» В.Н. Татищева М.Н. Тихомиров писал об Артынове, что тот «попросту говоря, сочинял в XIX веке сказки о древностях Ростова». Аналогично высказывалась и Е.И. Горюнова, что А.Я. Артынов создал целую рукописную литературу по истории Ростова Великого (68, ссылка к с. 149). Его сочинения, по ее словам, характеризуются безудержным сочинительством и фантастикой, где автор без разбора использует и сводит в единое повествование самую разнообразную литературу: от ученых трудов до местных сказок и легенд. Правда, Горюнова добавляет при этом, что в основе сочинений Артынова все же были какие-то реальные местные сказания.

Разговор со знакомым ростовским историком подтвердил это устойчивое мнение об Артынове. Но, продолжая читать рукопись, меня все сильнее и сильнее охватывало волнение, я все больше понимал, что то, что я читал, не могло быть придумано не только не слишком образованным крестьянином девятнадцатого века, но и любым ученым того времени. Шло повествование от времен Адама, с краткой вначале и более подробной затем информацией по столетиям до времени призвания Рюрика. Пересказывалась современным для второй половины XIX века языком история в основном славян, с такими сведениями, знать которые человек, живший в XIX веке просто, не мог.

Позднее подтверждения сообщенным в этой рукописи фактам я находил в отчетах археологических экспедиций уже наших лет, в фундаментальных исследованиях по истории, антропологии, лингвистике и этнографии XX века. Время глобальных переселений, указанных в ру-

кописи, практически точно совпадало со сроками засушливых периодов планеты, обоснованных уже в следующем столетии и со временем индоевропейского расселения, указанного лингвистами, историками и археологами XX века.

Когда я прочитал рукопись до конца, мне стало совершенно очевидно, что в XIX веке ни один человек не мог знать или предвидеть того, что было написано. Продолжая размышлять над рукописью, я не мог понять, почему на нее не обратили внимания исследователи, если, конечно, ее видели, поскольку чьих-то ссылок именно на эту работу мне обнаружить не удалось. Возможно, она так и осталась неизвестной — эта тетрадка, в общем списке рукописей А.Я. Артынова, сразу приобретя репутацию недостоверной, «сказочной» информации. А ведь какие-то работы Артынова видели и М.П. Погодин, и В.И. Лествицын, и А.А. Титов. Что ж! Если эта рукопись и попала на глаза историкам тех лет, то пересказанные языком крестьянина события древнейшей славянской истории, которые из-за древности, не мог подтвердить ни один известный источник, видимо, не позволили им рассматривать ее как достоверный исторический материал. Да и уровень развития других наук того времени не допускал проведения какого-либо обоснования. Таким образом, рукопись по форме не соответствовала требованиям внушающего доверие исторического документа... Но содержание говорило о другом — о подлинности сведений, о невозможности фальсификации, о том, наконец, что переписана эта рукопись была явно с подлинных древних материалов, которые в свою очередь скопированы были с источников, восходящих к самой ранней истории славянства и всего человечества. Правдивость рукописи подтверждалась и личностью самого А.Я. Артынова, особенно когда я нашел материалы о нем — бесхитростном, честном и глубоко религиозном человеке.

Что же было делать дальше? Рукопись, в том виде, в каком она была, не могла быть использована для разработки новых исторических положений и концепций. И неожиданная мысль вначале пришла, а затем полностью завладела всеми моими помыслами, а именно: скрупулезно проработать исторические источники — русские и иностранные (греческие, латинские, европейские, арабские, скандинавские) с самых ранних до X—XII вв., а некоторые и до XVI в.; проанализировать данные археологических исследований за последние полтора столетия с глубиной археологического материала не менее 5 тысяч лет на территории, где разворачивается повествование Артыновской рукописи, параллельно отслеживая тенденцию антропологического изменения жившего на этой территории населения; сопоставить с материалами

по истории, археологии и антропологии массив проведенных лингвистических исследований; оценить огромный объем топонимики; привлечь исследования по этнографии, географии и, возможно, астрономии и геологии. Далее, сравнить ключевые факты, изложенные в рукописи Артынова, с аналогичными данными, выявленными в источниках, материалах и результатах исследований рассмотренных наук. Полученные результаты математически обработать. При высокой степени корреляции сравниваемых данных поставить вопрос о признании рукописи Артынова достоверным историческим источником и на его базе сформировать новую концепцию истории славянства.

То есть на основе современных достижений науки выполнить это глобальное исследование, которое в XIX веке выполнить было просто невыполнимо и когда от невозможности доказать достоверность сведений могли только бессильно опускаться руки. Но для выполнения этой огромной и исключительно разносторонней работы потребуются годы и годы, если ее вообще можно выполнить в одиночку. Долго я не мог решиться на этот труд. Но раскрыть историю славян более чем на четырехтысячелетнем промежутке, начиная с древнейших времен и до призвания Рюрика, причем историю, написанную самими славянами, тогда как известные летописные источники только и начинаются практически от Рюрика, — это была задача из задач. И еще, хотелось подтвердить правдивость крестьянина А.Я. Артынова, который как мог, но донес до нас древнюю историю наших предков. Пытливый и любящий свой родной край крестьянин нашел неизвестные до него древние рукописи, переписал их и сделал то, что не сумели сделать профессиональные историки — его современники.

И я решил. Так прошло девять лет. И вот эта книга перед вами. При исследовании были поставлены следующие основные задачи: 1) оценить сведения, изложенные в рукописи Артынова, с позиций современных достижений науки и доказать достоверность этих сведений и самой рукописи как исторического источника; 2) параллельно исследовать узловые вопросы славянской истории и дать свое понимание и решение этих вопросов, максимально согласуя с историческими источниками, археологическими и антропологическими материалами, данными лингвистики, топонимики и этнографии; 3) на базе проведенных исследований в первых двух пунктах разработать основные положения концепции истории славян с древнейших времен до призвания Рюрика (с более углубленной проработкой истории россов).

Изложение и решение поставленных задач приводятся в каждой главе книги с учетом хронологического повествования и завершаются

сконцентрированными в пятой части наиболее характерными положениями и выводами.

В названии книги сделан акцент на союзе племен россов по следующим соображениям: во-первых — древние исторические источники, содержание которых нашло отражение в рукописи Артынова, хранились в Ростове (или под Ростовом, в загородной резиденции ростовских князей — в с. Угодичи); во-вторых — Ростов Великий был центром или одним из центров союза племен россов; в-третьих — хронология излагаемых событий с V в. до н.э. и до Рюрика начинает локализоваться в большей мере в Ростовской земле и в Ростове; в-четвертых — если вначале, по античным источникам, наименование «Скифия» покрывало все славянские племена, затем эта роль перешла к Сарматии, то, особенно после нашествия гуннов, племенное название россов также стало общим для славянских племен нашей страны не только по внешним, но и по внутренним источникам, что подтверждается корнем названия нашего государства.

Таким образом следует учитывать, что, кроме россов, изложение событий в книге касается и славянских племен скифов и сарматов, особенно на более ранних этапах истории славян (до VI в. до н.э.). Думается, что постепенная интеграция скифов, россов и сарматов привела в конце концов к отмиранию различных наименований славян. После нашествия гуннов часть племен скифов и сарматов была разгромлена, а оставшаяся часть ушла в лесную полосу к россам. Большая часть скифов переселилась к россам значительно раньше, из-за многолетней засухи в Скифии. Переселившиеся в лесную полосу скифы и сарматы слились с жившим там населением, которое полностью сохранило все свои государственные структуры, при этом естественно было принято общее наименование — россы, а названия «скиф» и «сармат» остались только в языке, перестав соотноситься с конкретными племенами.

Основным сюжетом книги является сопоставление сведений, с столетней хронологией, представленных в рукописи А.Я. Артынова, с данными исторических источников и материальной культуры соответствующих эпох, а также с результатами исследований ученых прошлых лет и современных. В отдельных главах приведены параллельно исследованные узловые вопросы славянской истории.

Остановлюсь на одном важном моменте, который возникает при работе с источниками. Некоторые исследователи применяют так называемое «новое прочтение» отдельных мест давно известных исторических документов. При этом если какой-либо факт не соответствует излагае-

мой гипотезе, то следует предположение об ошибке, а то и умышленном искажении фактов при написании исторических документов. И тут же предлагается вариант, как следует читать данное место. Очевидно, что если по своему желанию пересматривать сведения, подгоняя их под излагаемые теории, то и остальные факты в этих исторических памятниках всегда можно подвергнуть сомнению, а использование самого источника с измененными данными лишает сделанные затем выводы документальной достоверности. И еще: за теми, кто подвергает сомнению и реконструирует отдельные летописные сообщения, идут по проторенному пути уже такие «новаторы», которые полностью отвергают достоверность и хронологию летописей. И начинаются ни на чем не основанные измышления. Об этом не стоит забывать творцам «новых прочтений».

В этой книге я рассматриваю исторические источники без всякой иносказательности, только в прямом прочтении, поскольку такой подход, думается имеет преимущественное право перед всяким другим. И если при этом подходе многие вопросы объясняются, то других, не подтвержденных ничем толкований, наверное, и не должно быть.

При работе с внешними источниками я постоянно помнил, что, как правило, авторы их жили в пограничных со славянами странах и по большей части странах, враждебных славянам, поэтому был очень осторожен в восприятии эмоционально негативных сообщений. В свое время Страбон писал: «Видя, что откровенные сочинители мифов пользуются уважением, эти историки решили сделать свои сочинения приятными, рассказывая под видом историй то, что сами не видели и о чем никогда не слышали» (231, кн. XI, гл. VI, 3). Необъективность замечается и у Геродота. Например, он пишет: «Из всех стран, куда Дарий выступил походом, помимо скифских народностей, на Евксинском Понте обитают самые невежественные племена. Ведь по эту сторону Понта нельзя назвать ни одного просвещенного племени, и мы не встречаем у них ни одного знаменитого человека, кроме скифа Анахарсиса» (55, IV, 46). При этом многие племена Геродот не только не видел, но и не мог, по его же словам, даже найти очевидцев, их видевших. Да и в Скифии-то он был проездом.

Еще хуже и необъективнее суждения латинских писателей. И «кочуют [сарматы] в таком варварстве, что даже не понимают мира» (Флор. 258), и глупейшие-то скифы (Апулей) и немирные геты (Овидий Назон. 176), «Они [скифы] любят войны и резню» (Помпоний Мела. 153, с. 122), дикие и разбойничье нападающие — у К. Тацита и т.п. Как будто сарматы должны понимать мир или геты должны быть мирными, ког-

да в рабство уводят дорогих им людей. Эти римские авторы забывали, что вся их империя могла существовать только при постоянном притоке новой рабской силы, а значит, и при экономически вынужденных для римлян разбойничьих набегах на славянские земли. И нельзя осуждать тех, кто, теряя своих самых близких людей, разрушали эти ненавистные города — центры рабства и уничтожали насильников, которые были преисполнены сознания, что все неримляне — в перспективе рабы римлян. Эта психология ощущается в оставшихся от тех лет сочинениях. Отношение же к самому Риму пограничных с Римской империей государств хорошо видно из прокомментированных И.Е. Забелиным слов Митридата Великого (121—64 гг. до н.э.), который ненавидел Рим от всей души, боролся с ним и прилагал все силы, чтобы истребить это волчье гнездо «ненасытное крови и завоеваний, жадное к богатству и завистливое ко всякой власти...» (89, с. 355).

Очевидно, что сведения внешних источников очень ценны, но и могут быть достаточно тенденциозны. Поэтому в последующих разделах книги будем внимательно изучать сообщения греческих, латинских и более поздних европейских писателей и историков, обращая большое внимание на каждый факт и не очень большое — на эмоциональную его окраску. И очень хочется послушать другую сторону — наших с вами давно ушедших и забытых предков. Сообщения в рукописи Артынова и есть тот, уже, видимо, единственный оставшийся голос, пробившийся к нам через толщу тысячелетий и рассказывающий о феноменальных по своей значимости фактах истории славянства. Чтобы он зазвучал, и написана эта книга. И еще, читая о древнейших событиях, изложенных многими поколениями славян-летописцев, все время ощущаешь их отличие от внешних источников какой-то теплотой и добротой. И вспоминаются слова Гомера, который называл скифов справедливейшими людьми.

В Приложении дана рукопись А.Я. Артынова в несколько сокращенном варианте. Изложение дается со времени описания Всемирного потопа (у Артынова кратко изложены события и до потопа) при этом опущены сюжеты (особенно до окончательного обособления славянских племен — XVII столетие до н.э.), не использованные для сопоставления событий и фактов, а также сказочные сюжеты. Не дано описание родословной князей в тексте, поскольку в конце рукописи приведена общая родословная царей, старейшин и князей от Ноя с 76 поколениями до Рюрика (старшая ветвь) и 88 (по тексту рукописи — 90) поколениями ростовских князей до современников Рюрика (младшая ветвь). Эта родословная славянских царей и князей пред-

ставляет исключительный научный интерес, являясь единственным в мире подобным источником, как, впрочем, и вся рукопись А.Я. Артынова. В целом по сравнению с оригиналом количество не рассмотренных сюжетов, начиная со времени окончательного обособления славянских племен — XVII столетие до н.э., — незначительно. Для достижения максимальной объективности материалы рукописи, что представлены в Приложении, даны без каких-либо изменений, даже без орфографических правок текста А.Я. Артынова.

Изложение сюжетов из рукописи Артынова, необходимых для анализа, дается в книге в более сжатой по сравнению с рукописью форме. Хронология событий указана по столетиям, как и в оригинале, а в скобках дана принятая ныне система летоисчисления.

В тексте книги комментарии или смысловые вставки от автора введены в квадратные скобки. Вместо наименования исследуемой рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа...» для сокращения дано обозначение — (Р). При неоднократном упоминании какого-либо источника или исследования ссылки на страницы указываются в тексте книги. При однократном упоминании — страницы приводятся в списке использованной литературы.

Часть I. Пересматриваем позиции

История рукописи

Подлинность же самой песни
доказывается духом древности,
под который невозможно подделаться.

А.С. Пушкин. Песнь о полку Игореве

Рассмотрим саму рукопись А.Я. Артынова. Это относительно небольшая тетрадка размером 17 × 22,5 см, имеющая 126 листов, без переплета. Написана скорописью, нумерация постраничная. Датировка рукописи — XIX век. Поступила из Ростовского музея древностей, приобретена была у Федора Ивановича Петрова. Инвентарный номер ГМЗРК КП-10055/233/P-235.

О самом А.Я. Артынове можно было узнать из «Сборника материалов о краеведе и церковном старосте Александре Артынове», а также из книги, написанной самим А. Артыновым «Воспоминания крестьянина села Угодич, Ярославской губернии Ростовского уезда» и из Предисловия к этой книге А.А. Титова. Как явствует из этих материалов, более полувека Артынов посвящал свое свободное время собиранию сведений по истории древнего Ростовского княжества, в том числе народные предания и сказания. Особым источником Артынову послужили старинные рукописи из известных библиотек Хлебникова, Трехлетова, Марокуева и других. «В его руках, — как пишет А.А. Титов, — были две знаменитые рукописи: Хлебниковский Ростовский летописец XVII века и рукопись бывшего владельца села Угодич, стольника Мусина-Пушкина (XVII–XVIII вв.). Эти рукописи заключали в себе такие подробности, которые... были поистине замечательными».

«Нельзя не пожалеть о том — далее замечает в Предисловии А.А. Титов, — что А.Я. Артынов (тогда еще человек молодой и малоопытный в святом деле изучения своей родины) не потрудился эти рукописи записать дословно и ограничился лишь тем, что извлекал из них вкратце содержание, не удерживая “языка” подлинных рукописей». «Утрата подлинников этих двух рукописей», — отмечается в «Сборнике материалов о краеведе и церковном старосте Александре Артынове (ГМЗРК, Р-236, л. 53), — лишает ныне возможности определить точно их состав и степень достоверности сообщаемых ими сведений».

Интересна характеристика Артынова как человека, данная А.А. Титовым: «...воспоминаний писанных бесхитростною и правдивою крестьянскою рукою...», или «Сам автор [Артынов] человек глубоко верующий и отчасти даже увлекающийся своею верою ко всему “чудесному”. Но это нисколько не мешает ему быть глубоко правдивым».

Хочется привести и высказывания самого Артынова, в которых он с горечью вспоминает о том, что хотя многие события прежде были буквально выписаны [подчеркнуто мною. — Ю. Я.] из летописей Хлебникова, Трехлетья и др., но по неопытности исправляя язык и слог, который тогда считал тяжелым и неудобным, лишил свои сказания главного достоинства (15, с. 163).

Однако как итог хочется подчеркнуть несомненную правдивость и бесхитростность самого А. Артынова, а также наличие у него во время переписки старинных исторических материалов. И то, что в повествование у А. Артынова часто вплетаются сказочные литературные сюжеты, говорит не о его фантазии, а о древности источника. Как, например, пишет Ю.А. Лимонов, что в кратких летописных заметках Ростовского сборника, памятника письменной культуры Северо-Восточной Руси, содержались не только летописные известия, но и местные литературные сочинения (141). Вспомним Геродота — сколько у него в Истории явных небылиц! В те времена реальное постоянно соседствовало со сказочным, однако от этого труд Геродота никто не называет «сказками». Кстати, как следует из материалов об Артынове, в то время никто его фантазером не считал. Просто сожалели, что подлинных источников не сохранилось, а написанные своим «языком» рукописи Артынова не могут считаться историческим документом. Известные историки тех лет относились к А.Я. Артынову с участием и уважением. Это — В.И. Лествицын, М.П. Погодин, А.А. Титов. В Предисловии к «Воспоминаниям» Артынова А.А. Титов писал о почтенности его трудов по собиранию сказаний и преданий.

Попробуем проследить, каким образом могла дойти до А.Я. Артынова эта исключительная по значимости и давности историческая информация. В своих воспоминаниях А.Я. Артынов пишет, что однажды вместе с бурмистром с. Угодич и писарем пошли они в сельский архив, находившийся под колокольней Николаевской церкви, и там нашел он среди прочих древностей рукопись стольника Алексея Богдановича Мусина-Пушкина «От Ноя праотца до великого князя Рюрика» с надписью на заглавном листе: «Книга о великих князьях русских, отколе произыде корень их» (15, с. 119). Как выражается А.Я. Артынов: «Писана в лист кудреватой скорописью XVII в.». Про эту и другие рукопи-

си он писал: «Все эти вышеописанные памятники старины отчасти и были мной списаны» (15, с. 120). Да и аналогия названий рукописей подтверждает, что Артынов при переписке использовал именно рукопись А.Б. Мусина-Пушкина.

В книге Б.Н. Эдинга «Ростов Великий. Углич» говорится, что Богдан и Ирина Мусины-Пушкины, родители Алексея Богдановича, после участия в Смоленской войне [1632–1634 годы] поселились в принадлежащих Мусину-Пушкину Угодичах, бывшей древней летней резиденции ростовских князей, где, увлеченные славным прошлым Ростова, ревностно стали собирать древние рукописи (284, с. 32, 33). Думается, на основе собранных его родителями рукописей и написал свою работу А.Б. Мусин-Пушкин. Далее, в этой же книге (с. 33–34) говорится, что есть глухое указание на то, что в 1672 г. Алексей Богданович напечатал в Москве «Книгу о славяно-русском народе и великих князях русских, отколе произыде корень их на Руси».

Итак, сведения для своей книги А.Б. Мусин-Пушкин брал из древних ростовских рукописей. То, что в Ростове, одном из древнейших русских городов, могли находиться самые древние летописные источники, убеждают многие параллели (но не повторы!) рукописи Артынова с Иоакимовской летописью и свидетельства о наличии Ростовской летописи, о которой Татищев говорит в своем подготовленном издании Русской Правды и Судебника. Судя по выпискам, сделанным Татищевым, пишет М.Н. Тихомиров во вводной статье, эта летопись примыкала к числу Новгородских. И далее: связи между Богоявленским Авраамиевым монастырем в Ростове (Татищев приписывал составление летописи Авраамию Ростовскому) и Великим Новгородом существовали, как это видно из особых редакций жития Авраамия Ростовского (232, с. 49, 50). В комментариях к Повести временных лет Д.С. Лихачев пишет, что в Никоновской летописи были использованы какие-то не дошедшие до нас летописные списки весьма древнего происхождения, например летопись ростовская (185, с. 390).

Анализ сведений, приведенных в Летописи св. Димитрия митрополита Ростовского (81), показывает большое количество совпадений с рукописью Артынова, причем во многих случаях — дословного. Этот факт является важнейшим свидетельством исторической подлинности Артыновских материалов. Причем, если учесть, что в (Р) кроме совпадений дано много дополнительной информации, то очевидно подтверждается также и то, что Артынов переписывал свою рукопись не из Сочинений св. Димитрия Ростовского, а, как уже говорилось, из несохранившейся книги А.Б. Мусина-Пушкина. В то же время отдельные

ссылки в (Р) на Сочинения св. Димитрия Ростовского показывают, что эти Сочинения, а может быть, и Летопись были знакомы А.Я. Артынову. Таким образом, можно сделать вывод о том, что А.Б. Мусин-Пушкин и св. Димитрий Ростовский при написании своих сочинений пользовались одним и тем же (а может быть и несколькими) историческим источником, не дошедшим до наших дней. Св. Димитрий Ростовский ссылается на некоторые источники, которые он использовал, например русские Библии и Хронографы, Синописис Печерский, сочинения Георгия Кедрина. Свою Летопись в хронологических рамках св. Димитрий Ростовский успел дописать только до «четвертой тысячи шестаго ста лѣтъ деяния», то есть до 2008–1908 гг. до н.э. Однако и третья часть Летописи (уже без хронологии), посвященная истории славянского народа, представляет исключительный интерес, заставляет по-новому взглянуть на историю славянства, причем представленные сведения в большинстве своем подтверждают аналогичные сообщения Артыновской рукописи — (Р).

При прочтении (Р) еще больше убеждаешься в исключительной близости Новгорода и Ростова. Об этом говорит даже самое последнее сообщение, относящееся к IX в., когда две огромные северные республики Новгородская и Ростовская, объединившись, положили начало Русскому государству. Поэтому возможное наличие летописных материалов дорюриковых времен в летней резиденции древних ростовских князей в принципе не должно удивлять. Не будем забывать и того, что, например, «Слово о полку Игореве» также было найдено в архивах семейства Мусиных-Пушкиных.

Однако истинность всякой письменной информации о славянах, о временах ранее IX века, казалось бы, может поставить под сомнение тот факт, что сама славянская письменность по широко принятой версии только и начинается с IX века, с Кирилла и Мефодия. А если не было письменности, то и все записи о событиях, сделанные до солунских братьев, можно подвергнуть сомнению. Рассмотрим этот вопрос. Исследования последних лет, да и существующие исторические свидетельства, убедительно говорят о наличии письменности у славян задолго до Кирилла, а именно письма типа «черт и резов». Черноризец Храбр, живший в IX–X веках, писал: «Прежде убо словене не имяху книг, но чертами и резами чытяху и гадаху...» Аналогично у Ибн-ан-Надима, написавшего в 987–988 гг. «Книгу росписи наукам», находим: «Русские письма. Мне рассказывал один, на правдивость коего я полагаюсь, что один из царей горы Кабк [Кавказские горы] послал его к царю Русов; он утверждал, что они имеют письма, вырезываемые на

дереве. Он же показал мне кусок белого дерева, на котором были изображения...» (50, с. 240).

У Ктесия Книдского говорится, что «скифский царь Скифарв в гневе написал Дарию дерзкое письмо...» (130). Это подтверждает, что у скифов в 512 г. до н.э. уже была письменность. (О славянстве скифов — см. следующую главу данной книги). В.Н. Татищев сообщает о славянине из Истрии Герониме, который в IV в. н.э. перевел Библию на славянский язык (232, с. 94). Это высказывание перекликается с тем известием, в котором Иоанн Златоуст еще в IV в. н.э. сообщал, что скифы перевели Священное Писание на свой язык. Г.Ф. Турчанинов пишет о том, что в греческих, латинских и сирийских источниках имелись упоминания о существовании собственного письма у скифов, сарматов и алан, начиная с V–VI вв. н.э. И приводит текст из анонимной византийской Пасхалии VII в.: «Знают же свои собственные письмена суть: ...сарматы... скифы...» (250).

Следует особо остановиться на исключительной по своим результатам работе Г.С. Гриневича «Праславянская письменность. Результаты дешифровки», из которой следует, что праславянской письменностью (это письменность славян до создания азбуки Кириллом и Мефодием) выполнены: тэртерийские надписи (V тыс. до н.э.); протоиндийские надписи (XXV–XVIII вв. до н.э.); критские надписи (XX–XIII вв. до н.э.), в том числе Фестский диск; этрусские надписи (VIII–II вв. до н.э.) и надписи, найденные на территории расселения славян, исполненные так называемым письмом типа «черт и резев» (71, с. 254). В этой же работе делается вывод (с. 254), что праславянской письменностью славяне пользовались на протяжении по крайней мере 6 тысячелетий до перехода на буквенное письмо, созданное Кириллом и Мефодием, а также то, что праславянский письменный язык очень близок к старославянскому. Г.С. Гриневич пишет, что надписи, выполненные письмом типа «черт и резев», встречаются на огромных просторах от Рязани до Познани и от Москвы до Стамбула, при этом отмечает важный момент, что написанное слово было не диковинкой, а привычным средством общения между людьми. И такое состояние грамотности славян в IV–IX веках по всей видимости было бы невозможным без хорошо поставленного книжного дела (71, с. 73).

Итак, просматривается следующая возможная цепочка передачи информации (см. рис. 1.1), окончательный вариант которой мы находим в рукописи Артынова (16). Начало славянской письменности (первое звено по рис. 1.1) у Г.С. Гриневича указано более древним — V тыс. до н.э. Начало второго звена (с V в. до н.э.) в схеме дано на основании сведений в (Р).

1. Ведение летописных записей при помощи черт и резов при древних славянских царях, старейшинах и князьях.
Начало — не позднее конца IV — начала III тыс. до н.э.
↓
2. Сбор летописных материалов, создание и сохранение библиотеки на деревянных досках в Ростове — одной из древних столиц славян.
↓
С V в. до н.э. — до IX в. н.э.
3. Перенесение летописной информации с праславянской слоговой письменности на буквенное письмо и сохранение в Ростове.
↓
С IX в. н.э.
4. На основе хранящихся в Ростове (или с. Угодичи) древних рукописей написание А.Б. Мусиным-Пушкиным своей книги (рукописи).
↓
XVII в.
5. Переписка А.Я. Артыновым рукописи А.Б. Мусина-Пушкина (возможно, с сокращениями). XIX в.

Рис. 1.1. Схема передачи исторической информации

Судьба деревянных досок — древнейшей летописной библиотеки, видимо, так же печальна, как и у огромного количества более поздних рукописей и книг. Они разрушились от времени или скорее всего сгорели во многих и многих пожарах, когда в отдельных случаях выгорали целые города. В Ростове таких пожаров, в которых выгорала большая часть города, было несколько, отмеченных в летописи Ростова, и сколько — не отмеченных.

Из анализа рассмотренных материалов и схемы передачи исторической информации (рис. 1.1) очевидно, что появление древних сведений в рукописи крестьянина А.Я. Артынова из с. Угодичи выглядит достаточно логичным.

Ираноязычны ли были скифы?

Русоволосы мы и бородаты
И взгляд наш прямодушен и глубок,
Славянский мир от степняков далек,
Да, скифы мы, но мы не азиаты.

Ю. Яхонтов

Кто были скифы и сарматы? На каком языке они говорили? Как от брошенного в воду камня волны далеко расходятся во все стороны, так

и от ответа на эти вопросы решающим образом зависит наше понимание времен, далеко отстоящих от скифов, как к более поздней эпохе, так и в глубину тысячелетий. История и судьбы славянства, наша история прямо связаны с этими вопросами. Поэтому и рассматриваются они в этой главе, до начала основного изложения книги.

Письменных источников скифского языка нет, поэтому ведущую роль в установлении языковой принадлежности скифов и сарматов стали играть лингвисты. Разными поколениями исследователей выдвигались разные версии, однако наиболее обоснованной, по мнению многих, ныне считается ираноязычная теория, хотя нужно отметить, что далее гипотезы она так и не продвинулась.

В XIX веке многие русские ученые считали скифов и сарматов славянскими племенами и фундаментально обосновывали это положение. И современные исследователи признают, что основания для таких выводов были. Например, П.Н. Третьяков пишет, что Ю.И. Венелин и другие историки, сближавшие славян со скифами, имели некоторое основание для своих выводов (242, с. 64). Но, как замороженный теорией ираноязычности, в другом месте (с. 61) делает вывод, что мнение Ю.И. Венелина и историков антинорманистов, исходящих из представления о единстве скифского мира, — ошибочное, так как Скифия говорила на иранском языке. Аналогичное мнение об ираноязычности скифов и сарматов и у большинства других современных историков. При этом данные о непрерывности археологических культур, при переходе от скифов к славянам, о неизменности антропологического типа, о религиозной и обрядовой общности, наконец, просто сведения летописей и других источников — все игнорируется и изрекается как неоспоримый аргумент, — Скифия говорила на иранском языке.

Археологи, не имея возможности по памятникам материальной культуры делать собственные выводы о языке ее носителей, соглашались с мнением лингвистов об ираноязычности скифов и сарматов. Более того, имея материалы, доказывающие преемственность археологических культур, методом экстраполяции выводят ираноязычность уже населения предыдущего времени, а именно срубной и андроновской культур, как генетических предков соответственно скифов и сарматов. Затем тот же метод экстраполяции дает разрастание ираноязычного населения вширь (по территории) и в глубь (по времени) — вспомним расходящиеся волны. И, как результат, возникает вывод о более позднем приходе славянских племен на территорию, ранее занятую скифами и сарматами. При этом умалчивается сразу же появляющаяся несурезица, которая старшим поколением ученых в XIX веке отчетливо

ощущалась, а именно о дальнейшей судьбе этих огромных «иранских» племен. Например, еще вначале XX века И.Е. Забелин писал: «...как и куда исчезло бесчисленное иранство, оставив на своих местах одни лишь славянские племена, внезапно упавшие, по-видимому, с неба не ранее VI в. по Р.Х. ...» (89, с. 235).

Нельзя же всерьез воспринимать факт превращения одного из самых многочисленных и могущественных народов земли, по данным древних писателей (см., например, 262), в небольшой осетинский народ, который, по сведениям одного из основоположников ираноязычной теории В. Миллера, на 1881 год составлял 111 тыс. человек, занимающая территорию всего около 205–210 квадратных миль (162, с. 4). Да и внешне между осетинами и скифами, судя по дошедшим до нас изображениям, ничего общего нет.

Однако мнение о всеобщей ираноязычности скифов поддерживается далеко не всеми исследователями и сегодня. Например, в более поздних публикациях О.Н. Трубочев отмечает, что не все материалы укладываются в концепцию скифское = иранское (171, с. 117). Там же (с. 118) относительно ираноязычности киммерийцев он справедливо делает вывод, что династы с иранскими именами у киммерийцев — недостаточный аргумент о принадлежности всего этноса. Л.А. Лелеков пишет, что принадлежность скифов к ираноязычным народам пока еще не столько аксиома, сколько гипотеза, которая не объясняет удовлетворительным образом целого ряда фактов, таких, как имена Папай, Апи, Аргимпаса в пантеоне, Анахарсис, Иданфирс, Савл, Гнур, Скил в ономастике, название шатра и кочевой повозки в апеллятивной лексике, начальные s- и sk — в этнонимах «синд», «скиф», «сколот», «савромат», «сармат» и т.п. (171, с. 126).

Итак, цена вывода о языковой принадлежности скифов и сарматов высока, поэтому рассмотрим, насколько бесспорны выводы об ираноязычности скифов и родственных им племен. Работами Мюлленгофа, Юсти, Миллера, Соболевского и Абаева, казалось, была установлена прочная основа для сделанного вывода, что Скифия говорила на иранском языке. Причем если первые исследователи были относительно осторожны в своих выводах, оставляя окончательное решение вопроса открытым: например, В. Миллер в «Осетинских этюдах» писал — «...мы однако не считаем убедительными и доказательства их [скифов] иранства, основанного исключительно на лингвистическом анализе нескольких собственных имен ввиду возможности допустить заимствование последних» и еще — «присутствие персидских имен... у фракийцев, которых, кажется, никто на этом основании не считает иранцами»

(162, с. 136), то в работах более поздних авторов сомнения, как правило, уже отсутствуют.

В.И. Абаев отмечал: «...в каждом разделе нашего очерка — в лексике, фонетике, словообразовании, мы получили некоторую сумму положительных, твердых и бесспорных данных, которые не могут быть поколеблены никакими будущими изысканиями и открытиями. Эти данные характеризуют скифский язык как иранский язык» (1, с. 239). Аналогично высказывался в более ранних публикациях и О.Н. Трубачев, говоря о том, что нестареющим достижением науки остается признание иранского характера языка скифов и родственных им сарматов (246). В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев в другой публикации, утверждая, что бесспорным является то, что основным этническим элементом были ираноязычные племена, обитавшие в южнорусских степях в течение долгих веков, вводят даже двойную оценку топонимических данных: «...наличие каждого достоверно, точно локализованного топонимического иранизма представляет собой свидетельство большой важности, тогда как отсутствие иранских элементов на данной территории вовсе не означает, что здесь не жили иранцы» (241, с. 230). Но с таким же успехом можно сказать, что отсутствие, например, славянских топонимов не означает, что здесь не жили славяне. Позднее О.Н. Трубачев, разрабатывающий индоарийское языковое направление, выражался уже осторожнее: «часть скифов говорила по-ирански» (249).

Итак, рассмотрим фактическую базу ираноязычной теории. Поскольку тексты на скифском языке отсутствуют, основными материалами для исследования, как принято считать, являются практически только данные ономастики, то есть собственные имена и племенные названия в эпиграфических надписях Северного Причерноморья и в сочинениях древних писателей, а также топонимика.

Сразу же заметим, что имена и названия дошли до нас, написанные на чужом для скифов и сарматов языке. Это подтверждается, например, у Диона Хризостома: «И другая одежда у них [борисфенитов] по большей части черного цвета по примеру одного скифского племени, которое как мне кажется, от этого получило у эллинов название меланхленов (черноризцев)» (84). Следовательно, наименования племен — это в большинстве случаев, видимо, не самоназвания, а в лучшем случае переводы. Данный вывод практически обесценивает научное значение последующего лингвистического анализа этих слов. О больших искажениях скифских названий в греческом (или латинском) написании, а то и просто замене их греческими словами пишут многие исследовате-

ли. В.И. Абаев отмечает, что передача скифских имен греческими (или латинскими) буквами из-за большого различия фонетических систем была очень несовершенной. При этом нередко были также случаи искажений, описок и ошибок (1, с. 150).

Аналогично пишет и Г.А. Хабургаев: «...у Геродота (как и у других античных авторов) названия варварских племен представляют сильные искажения... а в ряде случаев просто являются греческими наименованиями (например, меланхлены, андрофаги и др.), а не передачей (хотя бы и искаженных самоназваний» (263). Но это еще не все, и далее, например, Абаев замечает, что если трудно восстановить подлинный звуковой облик скифских слов, то задача определения значений этих слов еще значительно сложнее, поскольку имеющиеся источники, как правило, не дают даже намека на эти значения (1, с. 150). И их приходится лингвистам устанавливать сравнительным путем, посредством, допустим, иранских языков. Однако еще Ж. Вандриес писал, что из-за отсутствия точных данных об условиях исторического процесса при сравнительном методе приходится считать родственными — языки похожие. Но этот метод опасен, поскольку не все двойники — родственники. Далее Вандриес замечает, что особенно не следует доверять сходству в словаре, так как слова, близкие или даже вполне совпадающие по форме и имеющие совпадающее значение, могут быть совершенно разного происхождения (37, с. 279).

Итак, из сказанного очевидно, что научной достоверностью полученные выводы обладать не могут и ни о какой их категоричности не может быть и речи. Многое также зависит от направленности ученого. Например, В.Н. Топоров и О.Н. Трубачев отмечали у А.И. Соболевского предвзятую с точки зрения иранского языка интерпретацию гидронимов Верхнего Поднепровья и смежных областей (241, с. 8). Рассматривая анализ А.И. Соболевским названий рек, озер и гор, нельзя не отметить, с одной стороны, исключительную важность выявленных им закономерностей, к которым мы позднее еще вернемся, но, с другой стороны, и значительного количества натяжек и допущений при попытке ираноязычного объяснения им различных слов и названий.

Вот пример его допущений при анализе имени скифского Зевса — Παλαῖος (226, с. 295): 1-е допущение — Геродот прочитал, а не воспринял это имя на слух; 2-е допущение — источник, который прочитал Геродот, содержал ошибку; 3-е допущение — ошибка сделана писцом именно в букве π; 4-е допущение — вместо π должна быть почему-то буква χ; 5-е допущение — полученная форма Παχῆιος, по мнению Соболевского, должна соответствовать предлагаемому им слову Βαχῆιος,

которое, по его мнению, фригийское, а «арийство, если не иранство, древних фригийцев не подлежит сомнению» (226, с. 296). Математическая оценка достоверности полученного при таком анализе результата стремится или даже равна нулю. С такими допущениями фактически можно доказать что угодно. Хочу заметить, однако, что возможна куда более очевидная трактовка слова Папай: это на слух воспринятое слово Папа — отец небесный. То есть без всяких допущений точный перевод.

Субъективность и отличие переводов замечаются даже у приверженцев ираноязычной теории. Например, Абаев, анализируя перевод имени скифского вождя и царя *Ταξαχης*, выполненный его предшественниками Юсти и Миллером, которые перевели его как «плотник» (др.-инд. *taksaka*), справедливо указывает на смысловое несоответствие этого перевода для кочевников — скифов. И сам приводит другое значение — «быстрый, олень» (*tak-saka*) (1, с. 202). Но и переводы у Абаева также не лишены значительных допущений. Например, пишет он, в надписях персидского царя Дария I [заметим — персидского царя, где все имена, естественно, переименовывались на иранский лад] скифы называются *saka*. Затем Абаев, правда с некоторым сомнением, утверждает: «По-видимому, это было одним из их самоназваний» (1, с. 37). Почему? Как раз, как правило, в сочинениях древних авторов мы видим обратное. Да и о том, что «саки» — это персидское название скифов писал, еще Геродот: «Персы ведь всех скифов зовут саками» (55, VII, 64). Далее Абаев продолжает: «*Saka* сближается с осетинским *sag* — олень» (1, с. 37). Новое допущение! Во-первых сближение совсем не очевидное, и, во-вторых, все логическое построение основано на том, что *saka* — это самоназвание скифов, а это, как говорилось ранее, еще совсем не доказано. Однако, переведя таким образом название скифов, Абаев делает вывод об этом примере как о факте, указывающем на особую близость скифского и сарматского языков — осетинскому (1, с. 37). О степени достоверности такого вывода, наверное, можно и не говорить.

Рассмотрим еще один пример того же автора: «Название *Σαυροματοι* “савроматы” быть может = ос. *Sawcergmatoc*, что означает “смуглорукие” (*saw* “черный” и *arm* “рука”)» (1, с. 37). Во-первых, не доказано, что «савромат» это самоназвание, значит, анализ этого слова уже не достоверен, во-вторых, получающееся созвучие с осетинским — это еще не аргумент для доказательства (вспомним пример с корректировкой приведенного выше перевода имени *Ταξαχης*, выполненной самим Абаевым). К тому же, я думаю, есть более осмысленное название племени, чем

«смуглорукие». Наименование «сарматы» куда ближе к русской форме «сыромяты». Этот переход очевиден: сыромяты — сырматы (или сирматы) — сарматы. Причем переходную форму «сирматы» использует при названии сарматов Псевдо-Скилак (189), а также Стефан Византийский при названии савроматов (230, с. 266). И по смыслу перевод сарматов как сыромятов куда больше соответствует материальной культуре этих племен — скифы и сарматы впервые стали выделывать и, видимо, поставлять на продажу сыромятную кожу. Неиранский характер слова «сарматы» предполагает и О.Н. Трубочев (248, с. 40).

В качестве итога сказанному приведем мнение Г.В. Церетели, с которым нельзя не согласиться, что «было бы ошибкой думать, что путем лишь одних сравнительно-типологических изысканий можно установить родственные отношения между языками. Такие попытки неоднократно приводили к роковым последствиям...» (268). И, например, такие имена, полученные Абаевым при переводе скифских слов посредством осетинского, как «Имеющий восемь луков», «Невредимый утром», «Темносерый осел», «С непокрытой головой», «Муха» и т.п., вызывают законное сомнение в правильности ключа перевода — то есть осетинского языка.

Каким-то основанием для выводов по языковой принадлежности, учитывая важность этого аспекта для всех народов, мог бы стать состав имен пантеона богов скифов. К тому же консервативность у всех народов в этой области общеизвестна. Например, Дионисий Галикарнасский, говоря о неизменяемости отеческих культов, в особенности у варваров, отмечает, что долгий ряд веков не сделал того, чтобы некоторые народы, в том числе и скифы, хоть что-нибудь изменили в культе поклонения предков богам (85). Но и тут, как показали исследования, эти имена не на иранском языке (см., например, 248, с. 29).

Рассмотрим и проанализируем объем и распределение найденных в древних городах Причерноморья надписей, которые являются главным аргументом сторонников ираноязычной теории. Как пишет В. Миллер, им было проанализировано 425 имен (162, с. 79). При этом было выявлено, что поддаются объяснению с иранского: из ста ольвийских варварских имен — менее половины; из ста шестидесяти танаидских имен — более ста; из ста десяти пантикапейских имен — пятнадцать. Это основные, по находкам надписей-имен, города.

Абаев приводит около 200 слов-основ (1). При исследовании их он делает вывод, что имеется значительное количество слов, которые не поддаются объяснению ни из греческого, ни из иранского. У Миллера, как мы видим, результат аналогичный. Причем даже те слова, что пе-

реведены, характеризуют в сущности древнеиранский язык, а не скифский. То есть не имея доказательства ираноязычности скифов, имена предположительно скифские были переведены посредством древнеиранского и осетинского языков. И то, что значительное количество слов (у Миллера по трем основным (по находкам) городам — Ольвии, Танаиду и Пантикапею — больше половины) не поддается переводу, говорит о неправильности выбранного ключа перевода (древнеиранского и осетинского языков), иначе результат был бы иным. Даже такой важный этноним, как «скифы», не может быть объяснен посредством иранского языка. Не следует забывать о существовавшем в те времена обычае — заимствовать имена других народов. Об этом писал Иордан (107, §58), упоминает о возможности заимствования и Миллер (162, с. 136). И это ставит под сомнение принадлежность иранскому языку даже переведенных, посредством древнеиранского или осетинского языка, имен.

Неуверенность в достоверности результатов ощущается даже у творцов ираноязычной теории. Высказывание Миллера уже приводилось выше (162, с. 136). Вот что пишет В.И. Абаев: «Мы выставляем формы [словарные], которые, как мы думаем, совпали бы с древнейшими скифскими, если бы последние до нас дошли (1, с. 151). И еще: «ограниченность и специфичность материала — почти исключительно собственные имена — полное отсутствие фразеологии ставят исследователя в тесные рамки. А дефектность передачи вносит во многие предлагаемые разъяснения элемент неуверенности и гадательности» (1, с. 239). Что ж! — справедливо. Но тогда и выводы не должны быть столь категоричными.

Проанализируем хронологию и территорию распространения найденных слов. Это находки на месте причерноморских городов Танаида, Ольвии, Горгиппии, Пантикапея, Фанагории и др., имен горожан, живших в промежутке 700–800 лет. Надписи на камнях, найденных в городах Южной России, кроме указанных выше исследований, имеются также в работах В.В. Латышева (134–137). Если посмотреть на карту территории, занятой скифами и сарматами, то ориентировочные расчеты показывают, что территория причерноморских городов, где были найдены надписи, составляла менее сотой доли процента (0,01 %) от общей территории Скифии и Сарматии. Причем территория специфическая, в целом не скифского или сарматского населения. Математически оценивая результаты лингвистического анализа, сделанного по этой части, составляющей менее 0,01 % от всей территории и отнесенной ко всей Скифии и Сарматии, можно сказать, что досто-

верность выводов стремится к нулю. Похожее мнение имел и И.Е. Забелин, который писал, что имена на камнях совершенно не указывают на обитателей всей страны (89, с. 235).

Аналогично рассуждая о достоверности выводов по выборке из 200 слов-основ по отношению к общему словарному запасу народа (например, по данным Ф.П. Филина, приведенным в (206, с. 5)), словарный запас праславян даже во II тыс. до н.э. составлял свыше 20 тыс. слов), можно видеть, что 200 слов по отношению к общему объему слов составляют не более 1 %. И это количество также не дает права делать выводы по всему языку. Поэтому даже предположительно сделанные выводы могут распространяться только на территорию причерноморских городов, при этом не могут дать научно достоверных сведений в целом о языке даже жителей этих городов, не говоря уже о всей Скифии и Сарматии. Об этом писал в свое время и Миллер: «имена скифов и иранец не покрывают друг друга; мы отмечаем вероятным только то, что под именем скифов скрывались племена индоевропейские, и в числе их, в восточных частях Скифии по северному побережью Понта, главным образом в бассейне Дона, были и иранцы» (162, с. 117).

Хочу заметить, что при лингвистических исследованиях все же должна соответствовать значимость выводов с достоверностью произведенной выборки слов, а также с уровнем доказательности. Например, в работе (3), идет рассуждение о скифо-европейских изоглоссах (правильнее было бы сказать «осетино-европейских изоглоссах», поскольку то, что осетины потомки скифов, дальше гипотезы не продвинулось) и делаются далеко идущие исторические выводы, такие как: «иранский элемент был исконным в Восточной Европе» (3). А ведь, по словам самого же автора статьи, осетино-латинских изоглосс всего-то с десяток. То есть опять достоверность такого вывода математически стремится к нулю.

Перейдем к следующему важному фактору, который должен окончательно закрыть вопрос об ираноязычности скифов, сарматов и родственных им племен. По данным Миллера, основные находки предполагаемых скифо-сарматских имен приходятся на города Танаид, Ольвию и Пантикапей. Причем на танаидские находки попадает наибольшее количество поддающихся переводу с иранского слов, а именно около 100 из 160. Следовательно, это наиболее благоприятный с позиции теории ираноязычности скифов и сарматов город, в котором в соответствии с находками проживало больше, чем в других городах, ираноязычных жителей. Проанализируем эту цифру. Найденные надписи хронологически располагаются в промежутке 700–800 лет, то

есть 100 имен, или 100 ираноязычных жителей города, за 700–800 лет. Или в среднем около 13–14 человек в столетие. Если, по Геродоту, принять три поколения за столетие, то получим не более 4–5 человек в одном поколении. Учитывая возможность проживания двух поколений одновременно, эта цифра возрастает до 9–10 человек, говорящих по-ирански, и то предположительно, учитывая критические замечания, сделанные ранее. Итак, по факту находок в городе с населением по меньшей мере в несколько десятков тысяч человек — всего 9–10 ираноязычных жителей. Да это мог быть один персидский купец с семьей и прислугой (вспомним такие имена в найденных надписях, как «Привратник»), тем более что рядом были страны с ираноязычным населением. И это в самом ираноязычном, по находкам надписей, городе всего Северного Причерноморья.

Если сделать аналогичный расчет для других городов, то численность фактически подтвержденных, одновременно проживающих «иранцев» для Ольвии не превышала 4–5, а для Пантикапея — 1–2 человек. Для таких городов, как Горгиппия, Фанагория, Феодосия, Херсонес, ираноязычные жители в одном поколении вообще были эпизодичны (менее одного человека). Итак, 9–10 одновременно проживающих в Танаиде жителей составляли десятые, а то и сотые доли процента от всего населения города. Это значит, что документально подтвержденного ираноязычного населения практически не было даже в городах Причерноморья, не говоря уж обо всей огромной территории Скифии и Сарматии. Если принять возможную неравномерность распределения найденных надписей по столетиям и увеличить полученные цифры вдвое или даже втрое, то все равно количество предположительно ираноязычных жителей не будет превышать десятых долей процента от общего числа жителей этих городов. Учитывая вышесказанное, ираноязычная теория, просуществовав более ста лет, должна закончить свое существование.

Если оценить антропологические данные, то, как писал Г.Ф. Дебеч, ни о каком существенном расовом своеобразии осетин по сравнению с другими народами Кавказа не может быть и речи (77, с. 282). При этом, вспомнив высказывание Аммиана Марцеллина о рослых, белокурых аланах (151, с. 341), а также описание скифов и сарматов другими древними авторами, можно сделать вывод об их несоответствии облику осетин, но зато о полном их соответствии облику славян. Лев Диакон, приводя слова Арриана об Ахилле, пишет, что одним из признаков явного доказательства скифского происхождения Ахилла являются белокурые волосы и светло-синие глаза (139, с. 78). То есть все скифы имели именно такую внешность, по которой их отличали от других

народов. И эта внешность никак не вяжется с ираноязычными народами.

Ряд исследователей отмечает отсутствие иранского влияния на славянские языки, что, например у Т. Барроу, вызывает удивление, учитывая, по его словам, постоянные набеги скифских племен на Европу и длительное проживание их на обширных территориях, простиравшихся до Дуная (23). Думается, всякое удивление пройдет, если отказаться от ираноязычности скифов. А отсутствие иранского влияния на славянские языки как раз и служит доказательством неираноязычности скифов и сарматов. Далее Т. Барроу делает вывод, что практически все виды контактов, какие можно обнаружить между иранскими и славянскими племенами, следует относить только к тому периоду (не позднее 2000 г. до н.э.), когда первобытные иранцы еще не покинули прародину, где они находились в близком родстве в течение длительного времени (23). То есть до расселения из индоевропейского массива. С этим можно только согласиться.

Таким образом, учитывая высказанные ранее аргументы, можно сказать, что это «лингвистическое нашествие иранства на наши южные края», по образному выражению И.Е. Забелина (89, с. 234), не имеет под собой серьезной научной основы. И еще приведу его же слова: «Лингвистика, конечно, важнейшее орудие [в исторических исследованиях]. Но поставленное на первое место пред всеми другими средствами добывать историческую истину, это великое орудие становится великим препятствием к познанию истины...» (89, с. 43).

Остается добавить несколько слов относительно той части топонимики, приписываемой некоторыми исследователями к ираноязычной. Эта топонимика оставлена индоевропейскими славянскими племенами, которые на протославянском и праславянском этапах развития давали при своем расселении названия рекам и озерам на языке, в котором было еще много общих индоевропейских слов. А. Мейе писал, что «славянский язык хорошо сохранил унаследованный им индоевропейский словарь» (152). Подробнее об изменениях в славянском языке с учетом «Родословной царей...», данной в (Р), говорится в главе «Перелом в общеславянском языке. Об именах» в третьей части книги.

Подведем краткие итоги: 1) ираноязычная теория не может удовлетворительным образом объяснить исчезновение по этой теории иранских племен, проживавших на огромных территориях, и появление на этих же территориях славян; 2) основными материалами для исследования языка скифов и сарматов являются практически только данные ономастики, при этом решающим фактором стали надпи-

си, найденные на месте древних городов Северного Причерноморья; 3) установлена очевидность искажения скифских и сарматских слов и названий, написанных на чужом греческом или латинском языках, а также невозможность достоверного определения значений этих слов из-за отсутствия фразеологических материалов и достоверного ключа перевода. Применяемые для перевода древнеиранский и осетинский языки дают значительное количество непереводаемых и лишенных смыслового содержания слов; 4) возможность заимствования имен других народов, отмеченная в источниках, ставит под сомнение принадлежность иранцам даже переведенных с помощью древнеиранского и осетинского языка имен; 5) площадь территории, на которой найдены надписи по отношению ко всей Скифии и Сарматии, составляет не более 0,01 %. Количество этих надписей-слов к общему словарному запасу составляет не более 1 %. В обоих случаях такая статистическая выборка не позволяет математически и исторически достоверно делать выводы о языковой принадлежности скифов и сарматов; 6) максимальное количество, по факту находок, одновременно проживавших предположительно ираноязычных жителей в Танаиде (городе, где в соответствии с найденными надписями проживало больше, чем в других городах, ираноязычных жителей) не превышало 9–10 человек, что составляло сотые доли процента от общего количества горожан. В других причерноморских городах предположительно ираноязычных жителей было еще меньше. Это значит, что ираноязычное население в причерноморских городах практически не проживало (в Танаиде — менее 0,1 %), не говоря уже обо всей территории Скифии и Сарматии, где их, возможно, не было вообще; 7) антропологические материалы и письменные источники показывают несоответствие скифо-сарматского населения осетинам.

Таким образом, ираноязычная теория, практически отрицающая автохтонность и древность проживания на своих территориях славянского населения, оказалась несостоятельной и должна освободить широкую славянскую дорогу, уходящую в глубь тысячелетий.

Если скифы и сарматы не говорили на иранском языке, то на каком же языке они говорили? Обратимся к письменным источникам. В Повести временных лет читаем: «И жили между собою в мире поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи и хорваты. Дулебы же жили по Бугу, где ныне воляныне, а уличи и тиверцы сидели по Днестру и возле Дуная. Было их множество: сидели они по Днестру до самого моря, и сохранились города их и доныне; и греки называли их “Великая Скифь”» (185, с. 146). И далее под 907 г. аналогично: «Пошел Олег на

греков, оставив Игоря в Киеве; взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и кривичей, и мерю, и древлян и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев, известных как толмачи: этих всех называли греки «Великая Скифь» (185, с. 152). Аналогично записано в Ипатьевской (108) и Никоновской (174) летописях, Тверском сборнике (234) и других летописях.

Как видим, идет перечисление славянских племен и при этом ясно говорится, что у греков эти славянские племена назывались «Великая Скифь», причем в процитированных текстах иное толкование просто невозможно. Таким образом, по самым нашим авторитетным источникам однозначно следует, что славяне у греков назывались скифами.

В подтверждение этому в «Истории» Льва Диакона, например, русские названы скифами 63 раза, росами — 24 раза, тавроскифами — 21 раз (139, комм. к кн. 4, гл. 6). Вот отрывок, где Лев Диакон без перехода, тут же росов называет скифами: «...росы же, подбадриваемые своим военачальником Сфенкелом, который был у скифов третьим по достоинству после Сфендослава [Святослава]» (139, с. 71). И еще эпизод: «Так они [ромей] достигли царского дворца, в котором сгрудилась лучшая часть войска росов. Но скифы, находившиеся во дворце...» (139, с. 72). Для Льва Диакона — скифы = славяне = росы = русские. После Льва Диакона этникон «тавроскифы» применительно к русским употреблялся и другими авторами (Анна Комнина, Никита Хониат и др.). Отождествляет тавров с росами и Евстафий в комментариях к Землеописанию Дионисия (87).

В Мазуринском летописце сказано: «...новопришельцы скифы начаша именоватися словяня...» (146). Из Иоакимовской летописи также следует, что скифы были славянского рода (232, с. 108). В Никоновской летописи прямо сказано: «...словеньскому же языку, якоже рѣкохомъ, живущи на Дунаи, придоша отъ скиоѣ...» (174). Какие же еще нужны доказательства того, что скифы — это славяне, а скифский язык — это славянский язык?!

Итак, если скифы — это славяне, то, учитывая указываемое многими древними авторами родство сарматов и скифов, сарматов также следует считать славянами. О родстве скифов и сарматов сказано у Геродота. Он писал, что савроматы говорят на скифском языке (55, IV, 117). Страбон в своей «Географии» отмечает, что сарматы — тоже скифы (231, кн. XI, гл. II, 1). Курций Руф в «Истории Александра Великого» также говорит, что скифское племя не сопредельно с сарматами, а составляет часть их (203, с. 131).

В то же время сарматы и самостоятельно определяются как славянское племя. В Певтингеровых таблицах славянское племя венедов названо сарматами «Venadi Sarmatae» (276). К сарматам причислял венетов и Плиний. Славянские племена вандалов или венедов называл сарматами также Прокопий Кесарийский (194, с. 11). В Иоакимовской летописи, как пишет В.Н. Татищев, славяне именуются сарматами (232, с. 108). Следует также сказать, что и более поздние авторы называли скифов и сарматов славянами. М.В. Ломоносов писал, что славяне и сарматы были одним народом, причем первым именем с древних времен сами себя называли от славных дел, а другим именем от греков и римлян (142, с. 28).

Ю.И. Венелин отмечал, «что какие бы ни носились впредь новые имена над Русью, они не могут уничтожить таящейся в Сарматии идеи руссизма» (45, с. 5). И.Е. Забелин в «Истории русской жизни с древнейших времен» говорит, что савроматы были славянскими племенами (89, с. 235), при этом приводит слова Помпония Мела, что в Сарматии было много племен, но все говорили одним языком (89, с. 237). Значит, вся территория Сарматии была заселена одним славянским народом. И еще, пишет И.Е. Забелин, что по характеру этого языка и все другие обитатели нашей равнины явственно могли называться сарматами, то есть, в сущности, славянами, и сармат в собственном смысле был славянин (89, с. 237–238). За скифское происхождение славян выступал и Д.Я. Самоквасов (209). Д.И. Иловайский замечает, что Русь скрывается в VII–IX веках в византийской историографии под общими именами скифов и сарматов (102, с. 76). Из приведенных выше сведений достаточно убедительным является вывод о славянстве скифов и сарматов, и, что естественно, говорили они на славянском языке.

Рассмотрим, как согласуется этот вывод с материалами по антропологии и археологии. Еще в конце семидесятых годов XIX столетия А.П. Богданов сделал вывод, что «курганное население скифской эпохи настолько близко по общеплеменным чертам к курганному населению других прилегающих областей Средней России, что с большою вероятностью должно быть отнесено к одному типу с ними» (31, с. 14). Более того, далее (с. 15) он писал, что «краниологические данные дают еще больше основания утверждать, что термин “скифский” может иметь только географическое или археологическое значение, но не племенное, не антропологическое». Как видим, полное соответствие с данными русских летописей, а именно скифы = славяне. В этой же работе (31, с. 1) указано аналогичное мнение Д.Я. Самоквасова, что названием «славянский», как и «скифо-

сарматский», определяется не народность могил, а историческая эпоха, к которой они относятся. Общим выводом работ А.П. Богданова, пишет Г.Ф. Дебец, является доказательство однородности физического типа древнего населения России и исконного единства «русского племени», издавна населявшего Восточно-Европейскую равнину (77, с. 10–11). Сам Г.Ф. Дебец, при анализе северянской серии черепов, отмечает их большую близость серии черепов из полей погребальных урн, то есть сарматского времени, и схожесть тех и других со «скифами» Поднепровья (77, с. 260) и далее (с. 261) — схожесть северян с древлянами.

В.В. Седов, сопоставляя краниологию населения Среднего Поднепровья, приходит к мнению о явной близости скифского населения (II–IV вв. — черняховская культура) и славян. Правда, в качестве итога он образует какой-то загадочный конгломерат: «славянизированные потомки скифского населения» (212, с. 8).

Итак, антропологические материалы неопровержимо свидетельствуют о неизменности населения, живущего на Восточно-Европейской равнине. Эта неизменность наблюдается и при переходе от скифо-сарматского к летописным уже временам. То есть скифы и сарматы были предками позднее живших на этих территориях славян и сами, естественно, были такими же славянами. Некоторое отличие краниологических параметров скифов и сарматов говорит о том, что это были разные роды одного славянского племени.

Данные археологии также подтверждают сделанные выводы о генетическом единстве населения скифо-сарматского времени и славян. В своей книге «Востоочнославянские племена» П.Н. Третьяков утверждает, что в распоряжении археологической науки нет никаких данных, указывающих на смену населения в Верхнем Поднепровье. Веками здесь жило одно и то же население (242, с. 83), то есть славяне. Далее, в общем-то приверженец ираноязычной теории, П.Н. Третьяков признает, что многие элементы религиозных представлений и обрядности связывали средневековых славян с миром не только протославянских племен, но и со скифами. В качестве примера сходства он приводит изображение четырехликого славянского бога, найденного в реке Збруч, на котором был высечен ряд чисто скифских атрибутов: конь, турий рог и меч (242, с. 64). И далее, там же, пишет, что по рассказу Саксона Грамматика, автора XII в., конь, питьевой рог и меч были атрибутами бога балтийских славян Святовита. Такие же изображения имеются на каменных бабах скифского времени, найденных в Восточной Скифии.

Геродот, рассказывая о скифах, писал, что «на каждом таком холме водружен древний железный меч... Этому-то мечу ежегодно приносят в жертву коней и рогатый скот» (55, IV, 62). Такое же поклонение мечу было и у славян. Одежда скифов и их внешний облик по изображениям, дошедшим до нас, например на вазе из кургана Чертомлык, золотом гребне из кургана Солоха, электровом сосуде из кургана Куль-Оба, пекторали из Толстой Могилы, очень похожи на одежду и внешний вид славян.

На ряд поразительных параллелей указывает П.Н. Третьяков, которые связывают население северо-западной и северной периферии Скифии со славянскими племенами последующего времени. Это жилища-землянки, известные по «домовищам» в курганах скифской поры и по материалам средневековых славянских городищ; глиняные печи в этих землянках — очень похожие на печи I тыс. до н.э.; ямы для хранения зерна, имевшие в древности и в славянское время одинаковую колоколовидную форму (242, с. 62). Далее, там же, говорится, что погребальный обряд у скифов, по мнению Д.Я. Самоквасова, долго сохранялся славянами.

Итак, у скифов и у славян были одинаковые типы жилища и быт, обряд погребения, религиозные представления, обрядность и, наконец, внешний вид. П.Н. Третьяков, рассматривая контактные области, приводит примечательное наблюдение, что многочисленные славянские поселения, находившиеся в непосредственной близости с сарматскими кочевьями, как и в других местах, не имели никаких защитных сооружений (242, с. 173). Однако, на мой взгляд, Третьяков делает неверный вывод о подчиненности славян сарматам. На самом деле отсутствие защитных сооружений может объясняться исключительно мирными, дружескими отношениями между единоплеменными славянскими объединениями, к которым относились и сарматы. В сущности, отсутствие укреплений и подтверждает эту славянскую единоплеменность.

В качестве еще одного аргумента приведем результаты анализа В.А. Городцовым экспонатов выставки крестьянского искусства, а именно северно-русских вышивок. Он пишет о схожести религиозно-культовых и обрядово-правовых представлений в памятниках русского народного творчества с такими же представлениями у сарматов и даков (66, с. 7). Например, повторяющиеся изображения женского божества, великой богини, как пишет Городцов, со стоящими по сторонам всадниками. Причем при анализе искусства народов, населявших территорию Европейской России до первых веков христианской эры и не принадлежащих к русской нации, аналогий с описанным народным

творчеством не находится, но как только начинают рассматриваться сарматские древности, тотчас видны искомые совпадения (66, с. 20). Приведенные Городцовым аналогии также позволяют поставить знак равенства между сарматами и славянами. Похожие мотивы имеются и в скифском искусстве. Далее, Городцов, рассматривая сцены, изображенные на языческих образках, найденных на пространстве древней Дакии, и сравнивая их с северно-русским шитьем, приходит к выводу о большом их сходстве (66, с. 30). При этом помимо сходства главных символов и персонажей было обнаружено большое сходство и в расположении фигур.

Эта общность объясняется единством культур этнически близких племен. В соответствии с материалом, изложенным в главе «Три территории россов» в третьей части данной книги, Дакия входила в территорию дунайских россов, тогда как северные россы занимали лесную полосу. Вообще же в Сарматии, по словам Помпония Мелы, все говорили на одном языке, что характеризует единство всех славянских племен того времени, а не только россов. И пусть на карте Птолема изображено много племен, нельзя не согласиться с П.Н. Третьяковым, который писал, что «на самом деле население не являлось столь пестрым, в действительности постоянно жило население с более или менее однородной культурой» (242, с. 107).

Б.А. Рыбаков, анализируя вышивки из Северной России XIX в., также подтверждает высказанные Городцовым мысли о древних параллелях представленных сюжетов. Изображения великой богини или заменяющее ее дерево жизни и всадников-жрецов показаны на вышивках и на скифских предметах (205). О возможной аналогии формы резных охлупней изб, а также декоративных резных изображений птиц, устанавливаемых близ изб на высоких шестах, замеченные в Коми-Пермяцкой области и по р. Онеге, со звериным стилем в скифо-сарматской орнаментике указано в работе (90). Скифо-сарматские и славянские аналогии заметил и Л.А. Динцес, при анализе одежды глиняных игрушек. Он пишет, что изображение более древнего типа одежды, чем княжеская, на куклах Киевской Руси тесно связывает их с древней богиней Скифо-Сарматии. При этом отмечает единообразие изображений женских одежд по всей территории Скифии и Сарматии (82). Таким образом, добавляется еще один аргумент к выводу о славянстве и единообразии племен Скифии и Сарматии.

Давно известны параллели между царскими родовыми знаками династии Аспургианов Боспорского царства, Хорезма, Парфии, Кушанского царства, знаками в находках славянских древностей

VI–VII вв. (Днепровско-Окской области) и знаками Рюриковичей. Глубокий анализ этих параллелей привел в своей работе С.П. Толстов (239, с. 46–49). Сопоставление этих знаков совершенно очевидно показало их генеалогическую связь. Сделано очень важное заключение о связях Киевского государства со среднеазиатским миром массагетско-скифских держав, поскольку, как пишет С.П. Толстов, тамга в ту эпоху была символом слишком большого значения, чтобы совпадение могло быть случайным (239, с. 51).

На рис. 1.2 показаны родовые знаки (239, с. 48), из которых становится очевидной генеалогическая связь правящих династий всех территорий, где были найдены эти тамги. Единообразие знака № 7 (Парфия)

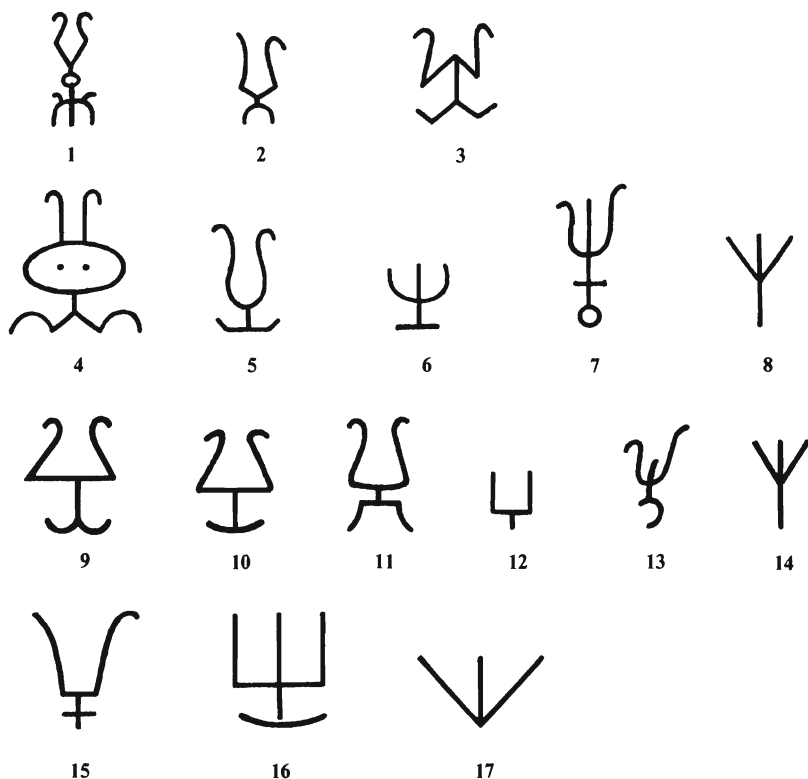

Рис. 1.2. Изображение родовых знаков (царских тамг). Боспорское царство II–III вв. н.э. (1 – Савромат II; 2 – склеп 1872 г.; 3 – Кривой Рог); Хорезм I–VIII вв. н.э. (4, 5, 6, 8); Парфия (7); Днепровско-Окская обл. VI–VII вв. н.э. (9 – Мощинский клад; 10 – Смела); Маяцкое городище (11); Цимлянское городище (12, 13, 14); Знаки Рюриковичей X–XII вв. (15, 16, 17).

с остальными не удивляет, если вспомнить высказывание Помпея Трога, что скифы были родоначальниками парфянов. Если не признавать славянство скифо-сарматских племен, то совершенно непонятно, каким образом родовые знаки не славянского происхождения могли попасть в чисто славянские городища VI–VII вв. н.э. и быть знаками славянских киевских князей X–XII вв. Только при родстве племен, живших на этих территориях, а значит, при их славянстве, объясняется единообразие родовых знаков, которые также являются родовыми знаками славянских династий. Единообразие царских тамг определенно говорит еще и о существовании на Восточно-Европейской равнине и в Азии огромного единого славянского государства с единой правящей династией.

Непонятным при этом остается лишь наличие аналогичных знаков именно у Рюриковичей, ведь Рюрика призвали только в IX веке. Однако, если посмотреть родословную славянских царей, старейшин и князей, приведенную в (Р), то станет очевидным, что родовые знаки Рюриковичей — это прежде всего знаки предков Рюрика, которые, будучи правящей династией огромного славянского государства, уехав из Ростова Великого за триста лет до н.э., через какое-то время оказались в землях поморских славян. А затем, вместе с Рюриком, эта династия исконных древних славянских князей возвратилась в Северную Русь.

Отмечу интересную ссылку, сделанную С.П. Толстовым к с. 51 (239), что анализ семантики комплекса сиявушидских тамг показал, что в их основе лежит знаменитая «трехфигурная композиция» — богиня (=дерево) + протомы двух коней, то есть дако-сарматский элемент, выявленный В.А. Городцовым в русском народном творчестве.

Посредством генеалогической связи родовых знаков приводит еще одно доказательство славянства скифов и сарматов, а именно: днепровско-окские памятники и знаки киевских князей сомнений в славянстве их носителей не вызывают; параллелизм родовых знаков с царскими тамгами массагетско-скифских династий доказан со всей очевидностью; значит, имеется близкое родство и общая государственность всех перечисленных царств; методом экстраполяции можно сделать вывод о славянстве массагетско-скифских царских династий; очевидность единоплеменности правящих династий с основной массой народа и, следовательно, славянство основного населения рассмотренных государств. Этот вывод подтверждает уже приведенные ранее факты славянства скифов и сарматов.

Следует согласиться с С.П. Толстовым (239, с. 49), что все эти государства были не отдельными оторванными друг от друга полити-

ческими центрами, а сложной и мощной политической системой, противостоящей, с одной стороны, западному политическому объединению — Римской империи, и, с другой стороны, на востоке — Ханьской империи Китая. Эти государства имели общие экономические, политические и культурные связи и интересы.

Систематизируем и подведем итог нашим доказательствам славянства скифов и сарматов (Сводная таблица).

Сводная таблица

№ п/п	Сведения, подтверждающие славянство скифов и сарматов	Письменные источники и данные материальной культуры
1	Славянские племена: поляне, древляне, северяне, радимичи, вятичи, хорваты, дулебы, уличи, тиверцы — греки называли Великая Скифь. В другом месте (185, с. 152) к перечисленным племенам добавлены еще и варяги, славяне, чудь, кривичи и меря, также с общим названием — Великая Скифь. [Следовательно, перечисленные славянские племена, в качестве населения Великой Скифии, естественно, были скифами, т.е. скифы = славяне]	ПВЛ (185, с. 146, 152), Ипатьевская летопись (108, с. 9), Никоновская летопись (174, с. 5), Тверской сборник (234, с. 37) и др. летописные источники
2	Скифский язык — это славянский язык	Никоновская летопись (174, с. 5)
3	Скифы — это росы, это — тавроскифы, это — русские	Лев Диакон (139)
4	Скифы — это славяне	Мазуринский летописец (146, л. 2 об.), Иоакимовская летопись (232, с. 108)
5	Родство скифов и сарматов. Один язык. [Значит выводы о славянстве скифов относятся и к сарматам и наоборот]	Геродот, IV, 117 Страбон, кн. XI, гл. II, 1 И. Флавий (255, с. 483), и др. авторы
6	Венеды — это сарматы [то есть сарматы — это славяне]. Или по другой формулировке: сарматы — это славяне	Певтингеровы таблицы (276), Прокопий Кесарийский (194, с. 11), Иоакимовская летопись (232, с. 108)
7	Неизменность и генетическое единство населения скифо-сарматского времени и славян по материалам археологии и антропологии. [То есть скифы и сарматы — славяне]	А.П. Богданов (31, с. 14, 15); (77, с. 10, 11), Д.Я. Самоквасов (31, с. 1), Г.Ф. Дебец (77, с. 260, 261), В.В. Седов (212, с. 8), П.Н. Третьяков (242, с. 62, 83)

8	В разных формулировках изложена схожесть (или единство) религиозно-культурных представлений славян и скифов (или сарматов)	П.Н. Третьяков (242, с. 64), В.А. Городцов (66, с. 7–35), Б.А. Рыбаков (205), С. Забелло и др. (90)
9	Генеалогическая связь скифо-сарматских и славянских родовых знаков. [Анализ этих знаков позволяет сделать вывод о славянстве скифов и сарматов]	С.П. Толстов (239, с. 46–49)
Общий итог: скифы и сарматы – это славяне.		

Поскольку в Сводной таблице рассматривались только письменные источники и данные материальной культуры (то есть исторические документы и научно-обоснованные факты), при аргументации не были приведены мнения известных ученых, которые в своих исследованиях также подтверждали славянство скифов и сарматов. Это М.В. Ломоносов, Ю.И. Венелин, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский и другие исследователи.

Все приведенные сведения, подтверждающие славянство скифов и сарматов, соответственно являются фактами, доказывающими их неираноязычность и могут усилить ранее изложенные доводы.

Часть II. Расселение племен

Единство родов и начало его распада

Как жарко здесь...
Давно нас манит север,
Там, далеко, земля иная ждет,
В прохладе там черемуха цветет,
И на лугах краснеет нежно клевер...

Ю. Яхонтов

Хронологические рамки этой главы охватывают тысячу лет — с 2200 по 3200 г. (3308—2308 гг. до н.э.). Летописание указано по рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа...» (в дальнейшем просто — (P)), которое соответствует принятому в летописях летоисчислению от Адама или, как пишет св. Димитрий Ростовский: «Отъ Адамова изъ рая изгнанія міробытію лѣта счисляти начинаемъ...» (81, Летопись, ч. 1, с. 80). В скобках дается принятое ныне летоисчисление. Как уже сказано во Введении, информация представленная в (P) для удобства анализа изложена в сжатой фактологической форме современным языком. Это краткое изложение дается в круглых скобках после хронологических рамок.

(P). 2200—2300 гг. (3308—3208 гг. до н.э.) (Был потоп в лето 2163 г.)

В летописях указывается дата начала потопа — 2242 г.: «От Адама и до потопа 2242 года...» (185, с. 148). По сравнению с (P) — разница в 80 лет. Эта разница объяснена в Летописи св. Димитрия Ростовского, где говорится, что потоп по русским Библиям был в лето 2163 года, а по русским Хронографам — в лето 2243 года (81, Летопись, ч. 1, с. 244). Следует отметить практически дословное совпадение сообщений о потопе в Летописи св. Димитрия Ростовского и в (P). Очевидно, что св. Димитрий митрополит Ростовский, живший в Ростове Великом, использовал для написания своей Летописи ростовские рукописи и древнейшие источники. Поэтому аналогия сообщений, а также, как станет далее ясно, во многих случаях почти дословное совпадение изложения отдельных мест с материалами (P), говорит, с одной стороны, о едином источнике и, с другой стороны, о правдивости информации в рукописи А.Я. Артынова.

(Р). 2300–2400 гг. (3208–3108 гг. до н.э.) (Ной жил со своим домом в долине между Большим и Малым Араратом. От Яфетова племени произошли русские народы — славяне с единым славянским языком. Славяне получили свое наименование от своих славных дел. Затем от рассеяния по многим странам стали называться рассеянами, потом — россами. От славянорусских поселений произошел русский народ, часть которого звалась россами, а часть — аланами, потом стали называться роксоланами.)

* * *

Приведены очень важные сведения: о древнейшем происхождении этнонима «рос»; о том, что часть русского народа называлась россами, а часть аланами, которые затем объединились под общим наименованием роксоланов, о чем говорит и само слово; также то, что корнем наименования «славяне» было «слава», а не «слово», как считают некоторые исследователи.

Вот что пишет св. Димитрий Ростовский о происхождении наименований — славяне, русские, россы, — подтверждая сведения А.Я. Артынова: «Русские или паче российские народы тыезде суть славяне: единого бо естества отца своего Иафета и тогожде языка. Ибо яко славяне отъ славныхъ дѣлъ своихъ изъ начала славянское имя себѣ приобрѣтоша, тако по времени отъ разсыянiя по многимъ странамъ племени своего разсыяны, а потом россы прозвашася» (81, Летопись, ч. III, с. 5–6). Как видим, аналогия с (Р) — полная (см. Приложение: (Р), с. 29). Далее читаем у св. Димитрия Ростовского (там же, с. 6): «...россы... отъ славяновъ именемъ точiю разнствуютъ; по роду же своему едино суть, и яко единъ и тойже народъ славянскiй, нарицается славеноросскiй или славноросскiй».

Приведем исключительно важное свидетельство Прокопия Кесарийского, который писал, что «некогда даже имя у славян и антов было одно и то же. В древности оба эти племени называли спорами (“рассеянными”»)» (195, с. 297). А выше, аналогично было показано, что название «россы» произошло от «рассеяны» (16; 81). Как видим, точнейшим образом подтверждается правильность высказанного положения о происхождении этнонима «рос» и его древность, относящаяся к начальному этапу расселения славян, а также очевидная корректность сведений в (Р).

Вот еще один пример практически дословного совпадения сведений, изложенных в Летописи св. Димитрия Ростовского и в (Р). В Летописи: «Отъ тѣхъ же Сарматскихъ и Славноросскихъ осадъ [поселений — по В. Далю] тойже народъ Росскiй изыде, отъ негоже нѣцыи

нарицахуся Россіи, а иніи Аляны, и потомъ прозвашася Роксоляны, аки бы Россіи и Аляны; понеже всѣ лѣтописцы всѣхъ тѣхъ народовъ предреченныхъ нареченіемъ паче, нежели естествомъ раздѣляютъ...» (81, Летопись, ч. III, с. 7). (Для сравнения см. Приложение, (Р), с. 29.)

Таким образом, россы, аланы и роксоланы — это славяне, и отличие их только в наименовании, а не в их, как пишет св. Димитрий Ростовский, естестве. Также очевидно, что синонимом слова «россы» является «русские». О славянстве роксоланов писали также М.В. Ломоносов, Ю.И. Венелин, И.Е. Забелин, Д.И. Иловайский и др.

(Р). 2400–2500 гг. (3108–3008 гг. до н.э.) (Москва и прочий русский народ и славянский язык произошел от Мосоха. Святой пророк Иезекииль говорил, что у князя Мосоха была русская речь. Некоторые ведут происхождение от Рифата и Форгама, а происхождение племени русь считают, что пошло от Яфета, так как Мосох — сын, а Рифат и Форгам — внуки Яфета.)

* * *

Итак, говорится о происхождении русского народа и славянского языка от Мосоха. Из приведенной в Приложении «Родословной царей, старейшин и князей...» видно, что славяно-русский народ произошел от племен Гамера и Мосоха, которые впоследствии объединились. Поэтому высказанное другое мнение, по которому происхождение ведется от сыновей Гамера — Рифата и Форгама, также вписывается в эту родословную версию.

Святой Димитрий Ростовский за этот же промежуток времени («третьей тысячи пятого ста лет деяния») аналогично (Р) писал: «...Москвъ и прочіему Рускому народу, и всему славенскому языку отъ Мосоха произыти глаголють мнози, якоже и святыи Пророкъ Іезекіиль именно Мосоха князя быти руска рече, аще иныи и не согласуютъ. Овыи бо отъ Рифата, сына Гамерова, сихъ расплодятся сказуютъ, овыи же отъ Форгамы, брата Рифатова, Москвъ, еже и бѣлая Русь отъ инѣхъ нарицается, быти повѣствуютъ. Намъ же сіе вѣдати довлѣеть, яко отъ Іафетова племени есмы, ибо якоже Мосохъ, сынъ бѣ Іафетовъ, сиче Рифатъ и Форгамы, внуки Іафетовы бяху, сынове сущи сына его, Гамера...» (81, с. 267). То есть почти дословное совпадение с (Р) (см. Приложение: (Р), с. 30), приведенной цитаты из Сочинений св. Димитрия Ростовского.

Вот что пишет св. Димитрий Ростовский о происхождении имен: «Ибо яко Іафетъ толкуется разширеніе или разширителень, тако подобнь сказуется и Мосохъ растягающій, и далече вытягающій». (81,

Летопись, ч. III, с. 9). Толкование этих имен хорошо согласуется с исходным словом «рассеянные» — «рассеяны», от которого произошло наименование россы, русские. Москва получила название от наименования реки — об этом пишет и св. Димитрий Ростовский. Происхождение же названия Москва от Мосоха, я думаю, вполне возможно. Связь имен очевидна, например, Мосохова река: Мосохова — Мосохва — Мосхва — Москва.

Интересен следующий факт: св. Димитрий Ростовский указывает источник, из которого почерпнуты сведения о славянах, Мосохе и киммерийцах: «О Славянѣхъ, о Русь, и о Мосохѣ, и о Цимбрахъ [киммерийцах] зри Синописиъ Печерскій» (81, Летопись, ч. 1, с. 267). Следовательно, данный источник, учитывая почти дословные повторения сообщений в (Р) с Летописью св. Димитрия Ростовского, можно с уверенностью причислить к тем историческим материалам, которые использовал при написании своей книги А.Б. Мусин-Пушкин, послужившей основой рукописи А.Я. Артынова.

(Р). 2500–2600 гг. (3008–2908 гг. до н.э.). (Царь-пастырь Рифат дал своему племени имя сарматов и был родоначальником этого народа.

Патриарх Ной со всем своим потомством переселился на берега Кронийского моря. Из-за многочисленности своего потомства и бесчисленных стад Ной, для привольного проживания, распределил детей своих на другие места. Он разделил землю: Симу — Азию; Яфету — Европу; Хаму — Африку.

Царь-пастырь Форгам ушел со своим родом в полуденные [южные] страны и переходя с места на место, вблизи Средиземного моря основал крепкий город и назвал его Скифским или искателей добра.

Цари-пастыри братья Луд и Оса, дети Рифата, поселились на берегу Средиземного моря и были изобретателями мореходства и родоначальниками финикийцев.

Патриарх Ной распределил своих детей по пространнейшим местам, одних у берегов Средиземного моря, других на поля Сенаарские. А сам возвратился в долину реки Аракс.

Сын Хама Менес или Месраин поселился со всем племенем своего отца на берегах Нила, основал крепкий город Каир, страну назвал Египтом, а сам стал там первым царем или фараоном.)

* * *

Этнонимы «сармат» и «скиф», как видно из сообщений в (Р), появились в период 3008–2908 гг. до н.э. Учитывая ранее сказанное, родоначальниками союзов славянских племен, заселивших впоследствии

Восточно-Европейскую равнину и степи Западно-Сибирской равнины, видимо, были: Мосох — племени россов; Рифат — племени сарматов. Название города — Скифский или искателей добра, приведенное в (Р), может быть, пролет свет на истинный перевод этнонима «скиф». Из материалов (Р) также определяется одно из первоначальных мест расселения скифского племени (вблизи Средиземного моря).

Учитывая сказанное о Рифате, можно сделать предположение о славянстве финикийцев, родоначальниками которых стали его сыновья Луд и Оса. Подтверждается мнение многих исследователей о финикийцах как пионерах кораблестроения. Кстати, В.Н. Татищев писал, что, по сообщению древних авторов, в том числе и Диодора Сицилийского, первоначальным жительство славян была Сирия и Финикия (232, с. 93).

Видимо, с распределения Ноем части своих потомков на Сенаарских полях [междуречье Тигра и Евфрата] в 3008–2908 гг. до н.э. и затем дополнительного переселения потомков Ноя в эти же места (2808–2708 гг. до н.э.) и следует вести отсчет Месопотамской цивилизации. Современным научным данным этот вывод не противоречит.

Сообщение об основании Каира и образовании Египта в 3008–2908 гг. до н.э. соответствует времени Раннего царства. Причем, по данным сочинения жреца Манефона, первым царем всего Египта стал Мина — в рукописи А.Я. Артынова — Менес. Совпадение имен — очевидно. Название «крепкий» город в данном и в дальнейших сообщениях, видимо, означает — укрепленный город или город-крепость.

По приведенным сведениям, можно сделать вывод, что первая раздвижка племен, но еще в рамках так называемого индоевропейского единства произошла в основном в период от 3008 до 2908 гг. до н.э. Это относительно ограниченная территория вокруг части Средиземного моря. Опорными точками этой территории являлись: Двуречье (Сенаарские поля); Сирия; Финикия; Египет (Каир); побережье Черного моря. Хотя, как станет ясно из сообщения за столетие (2700–2800 гг.), отдельные племена могли начать расселение и раньше, например племя Мосоха.

(Р). 2600–2700 гг. (2908–2808 гг. до н.э.) (Арфаксад, сын Сима, жил вначале с братией своей в Армении. Затем, перейдя реку Тигр со своим племенем, стал жить в Халдее, где до него никто не жил.

После смерти Ноя некто Маема из племени Гатера, знаменитый из царей-пастырей, вместе с другими однородными племенами обитал в

Палестине, в окрестностях горы Мории. Вблизи этой горы Маема построил крепкий город, назвав его Иерусалимом. После смерти Маемы его потомки ушли жить в Месопотамию Сирскую.)

* * *

Сюжет об Арфаксаде и его переселении в Халдею имеет практически дословное подтверждение в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. 1, с. 276), еще раз устанавливая корректность сведений в рукописи А.Я. Артынова (16).

Приводится сообщение о первой постройке Иерусалима, основание которого, возможно, следует отнести к периоду 2908—2808 гг. до н.э.

(Р). 2700—2800 гг. (2808—2708 гг. до н.э.). (Потомки Ноя, прожив в Армении долгое время и умножившись, переселились в землю Сенаар, в места красивые и плодородные между Тигром и Евфратом.

После разрушения Вавилонской башни и смешения языков, народы стали расселяться повсюду в земли, которые им попадались.

Владения Яфетовых сыновей начинались от гор Тавра и Амана, в Азии до реки Танаис, в Европе — до Гадиры. От Мосоха произошли мосхи, ныне каппадокиане. Мосох через 131 год после потопа ушел из Вавилона со своим племенем. В Азии и Европе над берегами Черного моря народы мосоховитов оставляли поселения своего имени. И оттуда, умножаясь и передвигаясь день ото дня в северные страны за Черное море, над Доном, Волгой и озером Меотис широко распространились своими селеньями. От Мосоха произошел не только народ москва, но и вся Русь или Россия. Название города Москва также произошло от имени Мосоха.

Потомки Фовела уклонились от Вавилона в западные страны, к северу, и расселились там. От них произошли поливоны, финны, халивиты и меря.)

* * *

Отметим значительную разницу в климате Двуречья того и нынешнего времени. В (Р) (2808—2708 гг. до н.э.) — места красивые и плодородные. На современном этапе — субтропические и тропические пустыни. Озера, солончаки, по долинам рек — галерейные леса (228, с. 794). Произошло очевидное изменение климата, превратившее плодородные земли в пустыни.

Движение славянских племен Мосоха* из Двуречья подтверждается словами летописца, приведенными в работе (253, с. 8): «Норики-

* Расселившиеся на тысячекilометровых пространствах, это были, видимо, уже союзы племен, первоначальным главой которых был Мосох.

славяне из долины между Тигром и Евфратом двинулись на новые места и спустя много времени осели на Дунае». География расселения племен Мосоха и описание самого движения в (Р) снова практически дословно совпадает с аналогичными сведениями в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. III, с. 8). Кроме того, подобная запись, также почти дословно повторяющаяся, имеется в Мазуринском летописце. Если считать дату потопа по русским Хронографам — 2242 г., то Мосох со своим племенем начал движение из Вавилона на север («в полунощные страны») через 131 год, то есть в 2373 г. (3135 г. до н.э.). Сообщение же это приведено в (Р) за период 2700—2800 гг. (2808—2708 гг. до н.э.), с разницей от начала движения в 327—427 лет. Эта разница, видимо, отражает время от начала движения до его завершения основным ядром союза славянских племен. Ведь в сообщении говорится уже о географии расположения племен Мосоха на Восточно-Европейской равнине; причем показан способ заселения — постепенное перемещение с образованием на оставленных местах поселений. За промежуток в 327—427 лет племена Мосоха расселились на огромных пространствах — от Вавилона до, например, истоков Волги, в среднем продвигаясь по 6—8 км в год.

Несмотря на лаконичность сообщения, грандиозность и масштабы этого продвижения на север производят сильное впечатление. Огромные, совершенно безлюдные пространства, заросшие дремучими непроходимыми лесами с единственно возможными транспортными магистралями — полноводными реками. Можно только представить себе, что испытывали наши предки россы, двигаясь через глухие сказочные леса, обильные зверями и дичью, плывя по рекам, кишашим рыбой. Как, должно быть, высоко вздымалась у них грудь от новых безграничных возможностей и как билось сердце от неизвестности, ждущей впереди.

Исключительно важный вывод можно сделать из сведений о расселении племен, потомков Фовела, от которых произошли угро-финские племена. Как видно из данных (Р), движение их из Вавилона началось тогда, когда славянские племена Мосоха уже заняли Восточно-Европейскую равнину (разница между уходом племени Мосоха и потомков Фовела составила 327—427 лет), причем предки угро-финских племен отклонились в своем движении более к западу. Из сказанного определенно можно говорить об автохтонности славянского населения на тех территориях, которые они заняли и на которые впоследствии стали перемешаться угро-финские племена.

(Р). 2800–2900 гг. (2708–2608 гг. до н.э.) (Цари-пастыри Дадан и Евер собрали Совет, на котором решили уйти с берегов Евфрата в Палестину, в местожительство своих предков. Вместе с ними последовали другие цари, старейшины и их дети [поименное перечисление см. в (16) с. 46–47 — дано в Приложении] со своими племенами. Там, на развалинах древнего города Иерусалима, они построили новый город с тем же названием. Недалеко от него, на берегу реки Иордан, они построили другой город, назвав его Салимом, а также много других городов и селений.)

* * *

После разрушения Вавилонской башни славянские племена вместе с племенами других народов, как видно из сообщения, отправились в Палестину. Хотя часть славянских племен (племена Мосоха) ранее, еще в 3135 г. до н.э., ушла из Месопотамии и начала заселять Восточно-Европейскую равнину. Славянские племена, ушедшие в Палестину, жили там долгое время, пока под предводительством Велиуда (в 1708–1608 гг. до н.э.) не отправились по стопам предков, племен Мосоха, на север. Это был (племена Велиуда) уже окончательный уход всех славянских племен из Палестины. Из приведенного выше сообщения в (Р) также следует, что на месте построенного Маемой Иерусалима, к приходу переселявшихся в Палестину племен, были уже развалины, на которых был построен новый город с тем же названием.

Интересно известие за тот же период (2708–2608 гг. до н.э.) о «хитро сделанном... деревянном коне», на котором улетел юный царевич Годуир в «пределы Аравийские», спасаясь от Полидамнии, дочери Ниврода (16, с. 48). Не прообраз ли это летательного аппарата?

(Р). 2900–3000 гг. (2608–2508 гг. до н.э.). (Население увеличивалось, образовывались города и царства, устанавливались гражданские законы. Племя Яфета, распространяясь в страны северные, восточные, южные и западные, превосходило всех силой, мужеством и храбростью. И от славных своих воинских дел стали называться славянами или славными.

Роды знаменитых царей-пастырей Дадана, Евера, Асермофа, Офера и Фираса, увеличиваясь в числе из года в год, густо заселили Палестину, Сирию, Дамаск и заняли большое пространство на берегу Средиземного моря и далеко вглубь севера и востока.

Нин, сын вавилонского царя Вила, сделал идола по подобию своего умершего отца, поставил в городе на столп и заставил народ ему по-

клоняться. Издал закон, при котором тех преступников, что придут к столпу и поклонятся идолу, освобождал от казни.

Дочь Ниврода Полимния [ранее в тексте — Полидамния], супруга царя Салефа, царствовавшего в стране мирмидонской, после смерти за свою красоту получила имя богини Лады-Венус.)

* * *

Очень важные сведения о распространении племени Яфета в страны северные, восточные, южные и западные. Причем говорится как об уже произошедшем факте всеобщего расселения, хотя началом этого расселения был уход племени Мосоха из Вавилона. И снова почти дословное подтверждение читаем у св. Димитрия Ростовского: «Той-же народъ (или племя Іафетово) разширився на странахъ полуночныхъ, восточныхъ, полуденныхъ и западныхъ, прочихъ всѣхъ силою, мужествомъ и храбростію превзыде, страшень и славень всему свѣту бысть...» (81, Летопись, ч. III, с. 2). Причем если у св. Димитрия Ростовского данное сообщение не имеет хронологической привязки, то в (Р) (см. Приложение: 16, с. 48–49) оно отнесено к определенному временному отрезку, что еще раз доказывает, что А.Я. Артынов использовал не Летопись св. Димитрия Ростовского при написании своей рукописи (хотя, возможно, знал о ней), а другой источник. Дословное же повторение также еще раз подтверждает, что при написании этого другого источника (книги А.Б. Мусина-Пушкина) были использованы те же исторические документы, какие, видимо, использовал и св. Димитрий Ростовский.

Если сопоставлять сведения в (Р) с принятым в исторической науке понятием «индоевропейского единства» и временем его распада, то становится очевидным, что начало этого распада можно соотнести с отмеченным в (Р) смещением языков, не ранее середины XXVIII столетия до н.э., учитывая сорокалетнее строительство Вавилонской башни. Данные об интенсивном расселении племен, начиная с 2808–2708 гг. до н.э., указанные в (Р), хорошо согласуются с мнением историков и лингвистов.

М.И. Артамонов указывал, что этнические особенности славян сложились очень давно, не позже, чем в эпоху бронзы, а может быть даже еще в конце неолита (12, с. 7). Б.В. Горнунг, например, писал о своем согласии с формулировкой Т. Лер-Сплавинского: «Общеславянский комплекс сложился в результате многовекового взаимного наслаения ряда индоевропейских этническо-культурных и языковых элементов... начиная с III тысячелетия до н.э.» (63, с. 13). Аналогично время распада индоевропейского единства определено и у В.И. Абаева:

«III тыс. до н.э., 2-я пол. Индоевропейская общность стала на путь распада и территориального разобшения» (4, с. 36).

В.В. Мавродин делает вывод, что в далеком прошлом люди, говорившие на индоевропейских родственных языках, обитали на сравнительно небольшой территории, откуда они расселялись сотни и тысячи лет, пока не заселили всю планету (145, с. 16). Причем там же (с. 26) приводит удивительные аналогии между хеттским (индоевропейским) и древнеславянским языками: *attas* — отец (тата, тятя), *vatar* — вода, *taia* — утаивать, *lip* — липкий, *nepis* — небо, *dalugašti* — долгота, длина. Если учесть, что хетты в III тыс. до н.э. уже были в Малой Азии, то данные языковые связи говорят о близком территориальном соседстве славян. Анализируя уже приведенные сообщения из (Р), становится очевидным наличие такого контакта и как раз не позднее начала III тыс. до н.э., то есть до начала расселения.

Далее В.В. Мавродин пишет о связях между славянским и тохарским языком, которые восходят к глубокой древности. Не позднее конца IV — начала III тыс. до н.э. скотоводческие племена тохаров начали свой путь переселений из Восточной Европы в Восточный Туркестан. Вот примеры языковых связей: тохарское *geki* — слово, речь; *rik* — писать; *malke* — молоко; *krantsi* — красивый; *mokats* — мощный (145, с. 26–27). Следовательно, и контакты между славянами и тохарами были не позднее того же времени. Это также подтверждает данные (Р) о местах проживания славян при еще так называемом индоевропейском единстве и примерном времени его распада. Ф.П. Филин делает вывод о том, что «древняя индоевропейская общность перед ее распадом приходится на конец неолита». И далее: «Индоевропейцы представляли собой в это время обширную группу племен, говорившую на близкородственных диалектах (языках)» (253, с. 97–98).

Применяя термины «индоевропейское единство» и «индоевропейский язык», я хотел держаться общепринятых понятий, хотя условность этих терминов очевидна. Вот, например, высказывание известнейшего лингвиста В. Пизани: «Индоевропейцы — это только лингвистическое понятие... Это совокупность племен, говоривших на диалектах, входивших в единую систему изоглосс... Лингвистическое понятие... не дает никаких оснований выносить суждение о характере народа, культуре или расе индоевропейцев» (182, с. 181–182), а также мнение Ж. Вандриеса: «Индоевропейский язык, восстанавливаемый учеными, лишен какой бы то ни было конкретной реальности... самый глубокий знаток индоевропейского праязыка не сможет сказать на этом языке такую простую фразу, как лошадь бежит или дом большой» (37, с. 275).

Рассмотрим возможную климатическую предпосылку переселений племен. Исследование болот выявило так называемый пограничный горизонт, который свидетельствует, по словам Л.С. Берга, о наличии когда-то более сухого климата. Л.С. Берг отмечает, что в прошедшее время был по крайней мере один такой период, когда климат был более сухим и теплым, чем современный. Эту эпоху ботаники называют ксеротермической (24, с. 34).

Н.А. Хотинский пишет, что исследования П.М. Долуханова выявили два регрессивных спада уровня вод Балтики на рубеже атлантического и суббореального периодов. Первая регрессия произошла около 4500 лет назад, вторая — около 4100 лет назад. Изучение болота показало, что «разница между абсолютным возрастом пня сосны и молодым сфагновым торфом, лежащим всего на 20 см выше корневой шейки пня, достигает 925 ± 190 лет. Все это заставляет снова обратиться к старой веберовской гипотезе о тысячелетнем перерыве в развитии торфяных болот» (266, с. 175—176). По климатической теории Вебера, пограничный горизонт — продукт ксеротермического суббореального периода.

Хотя общепринято считать, что ксеротермический характер имел весь суббореальный период (примерно с 3000 г. до н.э.), Н.А. Хотинский разделяет суббореальный период на три разнородных климатических этапа: раннесуббореальное похолодание (4200—4600 лет назад), среднесуббореальное потепление (3400—4200 лет назад) и поздне-суббореальное похолодание и увеличение влажности климата (2500—3400 лет назад) (266, с. 163).

Об уменьшении разливов рек, которые увлажняли пойменные луга, и возможном уменьшении площадей, занятых лесом, с приходом в III тыс. до н.э. более сухой суббореальной эпохи, отмечается в работе (40, с. 52). Доказательства более сухого климата, чем современный, в ксеротермический период приводит Л.С. Берг. Он пишет, что ландшафтные зоны по сравнению с нынешними были смещены к северу, и лесостепье, возможно, доходило до берегов Финского залива (например, нахождение лесостепных растений даже у Невы). В степях еще сохранились реликты той флоры, которая была при более сухом климате. Между Бугом и Днепром можно встретить растения, характерные для пустынь и полупустынь. В ксеротермический период эти степи были населены такими крупными млекопитающими, как двугорбый верблюд, лошадь восточного типа и др., что указывает на более сухой климат, чем нынешний (24, с. 34). Итак, флорой, фауной и пограничным гори-

зонтом подтверждается существование в прошлом засушливого ксеротермического периода.

Если посмотреть сведения в (Р) за более поздний период, то очевидно, что последний и окончательный уход славянских племен из первоначального места обитания произошел в середине II тыс. до н.э. (при Велиуде — 1708—1608 гг. до н.э.). Это время, по мнению лингвистов, соответствует времени распада индоевропейского единства, завершившегося как раз в середине II тыс. до н.э. Таким образом, ксеротермический период покрывает период начала и конца расселения так называемых индоевропейцев. Если учесть, что до расселения племен климат в Месопотамии (по данным (Р), места красивые и плодородные) разительно отличался от, например, современных условий (субтропические и тропические пустыни), то одной из причин расселения племен («индоевропейцев») можно считать и климатические изменения на планете. Однако это была, видимо, не единственная причина. Из данных (Р) становится очевидным, что сказалась и постепенная концентрация населения на относительно малых территориях. При скотоводческом характере ведения хозяйства и пропорциональном росту населения увеличению численности поголовья скота началá сказываться нехватка кормов, которая усугубилась в ксеротермический период. Ну и, конечно, манили беспредельные просторы, неизведанные места и вольная жизнь. Иначе чем объяснить движение «к ночи», на север, славянского племени Мосоха всего через 131 год после потопа, когда перенаселение и климат еще не являлись определяющими факторами.

Из рассматриваемого периода времени 2900—3000 гг. (2608—2508 гг. до н.э.) значительными являются факты, свидетельствующие о создании государственности у славянских племен, — установление гражданских законов, создание городов и царств. Способствовало этому и единство славянского языка. В.В. Мавродий пишет: «Важно отметить наличие у славян этнонима, т.е. общего наименования — славяне. Следовательно, сознание единства всех славян восходит к очень далекому прошлому. Нельзя не отметить, что соседи славян — балты и германцы такого общего этнонима не знали» (145, с. 47).

В сообщении о царе вавилонском Нине фактически говорится о начале идолопоклонства. Приведенный в (Р) сюжет подтверждается в Летописи св. Димитрия Ростовского, где за тот же период времени — 2900—3000 гг. — сказано, что идолопоклонство началось от Нина, сына Вила, сделавшего идол по подобию своего умершего отца Вила и поставившего его в центре города (81, ч. II, с. 19—20).

К этому же периоду относится, видимо, и установление культа Венеры (Лады-Венус). Полимния или Полидамния — от нее пошел этот культ, — была женой царя Салефа в стране мирмидонской, которая позднее отождествлялась со скифской землей, а значит — славянской. И сам Салеф (или Фалеф по «Родословной царей...») являлся родоначальником славяно-русского народа (см. Приложение).

(Р). 3000–3100 гг. (2508–2408 гг. до н.э.). (Во времена Рагава стали люди друг перед другом возноситься гордостью, брать царские титулы, начали делать оружие и друг с другом воевать. Царь Нин, сын Вила, расширил и укрепил ассирийскую монархию, начал воевать и с дальними странами. Воевал он с царем бактрийским Зороастром, победил его, царство покорил, а Зороастра убил.

Царь Ассон, царствовавший в Сирии Аравийской, завоевал у царя вавилонского Нина Бактрийское царство и уничтожил погребательных псов, которым люди приводили на съедение своих старых отцов и матерей.)

* * *

Святой Димитрий Ростовский, ссылаясь на Георгия Кедрина, приводит сообщение, которое практически дословно повторяется в (Р) о том, что «во дни Рагавовы, челоуѣцы другъ на друга гордостію возносящяся, и царскія титлы себѣ вземлюще, начаша оружія творити, и брани другъ на друга воздвизати» (81, Летопись, ч. II, с. 23). Такой же, совпадающий с (Р) эпизод о победе Нина над бактрийским царем Зороастром, о бесчеловечном обычае бактрийцев отдавать состарившихся людей на съедение погребательным псам приводится св. Димитрием Ростовским далее (на с. 23–24, ч. II). Дословное совпадение обширного текста в (Р) с Летописью св. Димитрия Ростовского, причем за один и тот же промежуток времени, еще раз убедительным образом доказывает правдивость сведений в (Р). Святой Димитрий Ростовский указывает даже имя автора (Георгий Кедрин), из сочинений которого были взяты изложенные сообщения. Упоминание о погребательных псах бактрийских мы находим и у Страбона в его «Географии», где он пишет, что у бактрийцев есть обычай, по которому истощенных старостью или болезнью людей отдавали на съедение специальным собакам, которые назывались «погребателями» (138, I, 1, с.153).

(Р). 3100–3200 гг. (2408–2308 гг. до н.э.) (Серух, сын Рагава, проживая в городе Уре в халдейской земле, первым стал делать и продавать идолов, и этим занятием кормился всем своим домом.

Два поколения Яфета, от Гамера и Мосоха, соединились в одно посредством брака Асатира и Хеттуры и от Асатира пошел славяно-русский народ. Асатир вел кровопролитные войны на берегах Нила с фараоном Тетмодисом или Амсисом, царствовавшим в Нижнем Египте и выгнавшим из египетской земли многих царей-пастырей. Оттуда Асатир пошел со своими победоносными воинами в халдейскую землю, дошел до города Ула [видимо, Ура], где его дочь Полимния, победив в единоборстве Салмака, сына царя города Ула, взяла его в плен и впоследствии вступила с ним в брак. Дочь Асатира Полимния с мужем и отцом переселилась на берега Эвксинского Понта, где первая учредила огнепоклонство и устроила неугасимый огонь богопочитания.

Киддак, сын Асатира, со всем своим домом и домом брата Гектана ушел к одноплеменным себе урало-россам и поселился там на горах Рифейских или Уральских.)

* * *

Сообщение о Серухе, который в городе Уре стал делать и продавать идолов, снова имеет параллель с аналогичными сведениями в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. II, с. 27–28), подтверждая еще раз достоверность (Р) как исторического источника. При этом св. Димитрий Ростовский снова пишет, что сведения эти взяты из «Кедринова сказания».

Изготавливать идолов первым начал Нин, царь Вавилонский, а Серух превратил это занятие в ремесло, которым кормился со всем своим домом.

Говорится о слиянии племен Гамера и Мосоха посредством династического брака. Если учесть, что, по данным (Р), Рифат дал своему племени название сарматов, а его потомком и наследником по династической линии был Асатир, а Хеттура по династической линии была потомком и наследницей Мосоха, от племени которого, как следует из (Р), ведут свое происхождение россы, то произошло объединение славянских племен. Причем, принимая во внимание, что в последующих сообщениях в рукописи Артынова племена скифов и россов даны объединенно, а именно скифо-россы (о единстве антропологического типа на Восточно-Европейской равнине, где проживали скифы и россы, говорят и данные антропологии), то посредством династического брака Асатира и Хеттуры произошло слияние в единый славянский народ, с единым царем племен скифов, россов и сарматов.

Киддак и Гектан переселились к одноплеменникам — к урало-россам, которые уже жили на Уральских горах. Эти урало-россы были, видимо, потомками русских племен Мосоха, которые заняли

Восточно-Европейскую равнину задолго до прихода Киддака и Гектана. Причем Киддак и Гектан сами являлись потомками Мосоха (см. «Родословная царей...» в Приложении № 81 и № 82), почему и говорится, что россы, уже проживавшие на Рифейских горах, были их одноплеменниками. Таким образом, имея факт древнейшего и автохтонного проживания россов в лесной полосе Восточно-Европейской равнины, очевидна связующая нить их с россами более поздних времен, когда образовалось Русское государство. Также очевидно, что кроме глобальных переселений могли происходить достаточно частые переселения отдельных славянских родов к своим единоплеменникам.

Об учреждении огнепоклонства более подробно сказано в главе «Курганы».

Сведения материальной культуры

Рассмотрим, как согласуются результаты археологических и антропологических исследований со сведениями, приведенными в (Р) за период 2200–3200 гг. (3308–2308 гг. до н.э.).

Анализируя результаты археологических исследований в Изюмском уезде в 1901 году, В.А. Городцов не только впервые открыл и дал название ямной, катакомбной и срубной культур, но и сделал вывод о прищлости народов этих культур (64, с. 27–36). При этом он писал о первичности на этой земле народа с ямными погребениями. Фактически в своем исследовании он сделал вывод о волнах миграций: первая — ямные; вторая — катакомбные и третья — срубные погребения.

С прищлостью ямных племен согласен и Н.Я. Мерперт (161, с. 13). Наиболее древние варианты древнеямной культуры он определяет не ранее начала III тыс. до н.э. (161, с. 60). О древнеямной культуре речь пойдет ниже, но отметим миграционный характер ее прихода, совпадающий со временем появления, по данным (Р), племен Мосоха на той же территории.

В работах М. Гимбутас (57–59) разрабатывается теория «курганых народов» или «курганной культуры». В этот собирательный термин она включает такие культуры, как Средний Стог II, Усатово, Михайловка I, майкопская и ямная. Курганые народы, по ее мнению, распространились по всей Европе. Продвижение древнеямных племен до нижнего течения Дуная, Северо-Восточной Болгарии и Венгрии отмечает и Д.А. Авдусин (5, с. 102). Конечно, следует сказать, что, во-первых термин «курганый народ» — не нов, аналогичное название — «курганное население» — использовал А.П. Богданов еще в XIX веке, а

во-вторых, включение М. Гимбутас культур IV тыс. до н.э. в терминологию «курганные» не увязывается с тем, что самые ранние курганы на территории от Днепра до Заволжья датируются не старше III тыс. до н.э. Однако генетическая связь и единообразие племен, которые М. Гимбутас объединила в «курганый народ», не вызывает сомнений. Продвижение ямных племен, включенных М. Гимбутас в состав единой курганной культуры, на запад, по ее мнению, происходило в 3000–2800 гг. до н.э. И это совпадает со временем глобального расселения племен Яфета по материалам (Р). Определяющим направлением миграции М. Гимбутас считает погребальный обряд.

О расселении родственных племен (как подтверждение расселения племени Яфета во все стороны света — по данным (Р)) говорит общность многих археологических памятников районов, значительно удаленных друг от друга. Например, пишет А.А. Формозов, в памятниках культур: ямной — на левобережье Украины; кельтеминарской — в Приаралье и афанасьевской — в Западной Сибири, можно найти много свидетельств взаимосвязей этих культур III тыс. до н.э. с очень отдаленными районами. Каменные антропоморфные стелы ямной культуры в целом и в деталях удивительно похожи на мегалитические изваяния Франции. Одинаковые, почти тождественные каменные навершия в виде стилизованных голов животных встречаются в Северо-Западном Прикаспии, в Румынии и Болгарии (259, с. 157). Причем в более поздних памятниках II тыс. до н.э. (срубной и андроновской культур) таких связей, по мнению А.А. Формозова, не обнаруживается. Я думаю, это может быть объяснено тем, что первая волна расселения племен Яфета носила всеобщий характер (в страны северные, восточные, южные и западные — по материалам (Р)), и расселявшиеся народы несли общую культуру так называемого индоевропейского единства. В дальнейшем, с обособлением этих племен, утратой связей из-за огромных расстояний, произошла со временем потеря общих элементов этой культуры. Следующие волны расселения носили более локальный характер в племенном отношении, поэтому такого рода связи уже не отмечаются.

Одним из факторов, свидетельствующих о времени расселения так называемых индоевропейцев, является датировка первоначального распространения колесного транспорта, которое применительно к Восточной и Средней Европе, например, В.Н. Даниленко относит примерно к середине III тыс. до н.э. Состояние консолидированных индоевропейцев, по его мнению, можно установить и по факту приручения коня, имеющего отражение в единообразной форме в языках

почти всех групп индоевропейцев. Кости прирученного коня появляются в IV тыс. до н.э., а начинают доминировать во второй половине III тыс. до н.э. (74, с. 173).

Важные выводы делает А.А. Формозов, что в индоевропейских языках скотоводческая терминология общая, а земледельческая — разная, а также отмечает проникновение степных племен на Балканы и в Западную Европу (261, с. 136).

Приведенные данные материальной культуры хорошо согласуются со сведениями в (Р) о расселении племен Яфета. Очевидно также и то, что до расселения племена были по преимуществу со скотоводческим ведением хозяйства и лишь после расселения стало развиваться земледелие. Общее движение к северу (к «ночи») скотоводческих племен объясняется необходимостью поиска кормов для сохранения «многочисленных стад». В работе (161, с. 114) приведено мнение В.П. Шилова, что для прокормления бедного хозяйства в 10–13 человек, в условиях чахлого травяного покрова Нижнего Поволжья, требуется как минимум 100 голов овец, 4 коровы и 4 верблюда и соответственно 1000 га пастбищ.

Я думаю, аналогичные выводы можно сделать и для других районов земли, например для Двуречья. Ранее уже говорилось, как изменился там климат по сравнению с III тыс. до н.э. А ведь в ксеротермический период засушливость была еще большей. А ближе к северу — там много воды, травы и листвы. Предпосылкой далеких передвижений стало и изобретение колесного транспорта, которое произошло, по мнению В.П. Даниленко, в середине III тыс. до н.э. (74, с. 173). Появилась возможность перемещаться с семьями и со всем скарбом.

По данным (Р), племена Мосоха, перемещаясь от Вавилона и постепенно расселяясь на Восточно-Европейской равнине, сохраняли общее движение на север. Данные материальной культуры подтверждают расселение племен с юга к северу. О такой тенденции — продвижении населения с юга на север — писал Г.Б. Зданович. При этом он сделал важный вывод, что близость культур Средней Азии, Урала, Западной Сибири и Казахстана сложилась еще в каменном веке (92, с. 297). От себя добавлю, что эта близость культур была при европеоидном типе людей. В.Н. Чернецов также указывал, что в неолите и энеолите на этой территории существовала единая этнокультурная общность, а все разнообразие культур является лишь ее локальными вариантами.

Как следует из более поздних сообщений в (Р), славяне последней (окончательной) волны переселения на Восточно-Европейскую равнину двигались также через Кавказ. Очевидно, что это движение шло по

проторенным ранее путям предыдущих переселений, начиная с движения племен Мосоха. Именно Кавказ был связующей нитью славян с прежним, первоначальным местом проживания («индоевропейским массивом»). А.А. Формозов пишет, что культурная связь через Кавказ в течение нескольких тысячелетий, в неолите, энеолите и во II тыс. до н.э. осуществлялась по двум путям: по черноморскому побережью, в обход Кавказского хребта с северо-запада, через Белореченский перевал и вдоль Каспийского побережья Кавказа (259, с. 150). Позднее дорогу вдоль Каспийского побережья называли скифской дорогой. Есть мнения и о четырех маршрутах движения скифов через Кавказ: по Меото-Колхидской дороге, через Малисонский перевал, через Дарьяльский и Дербентский проходы (181).

Рассмотрим более подробно археологические культуры, начало существования и территория которых совпадают с областью расселения славянских племен Мосоха по данным (Р). Наибольший интерес представляют майкопская, древнеямная, волосовская и афанасьевская культуры. На рисунке 2.1 показана предполагаемая схема первого этапа расселения славянских племен Мосоха в сопоставлении с этими археологическими культурами. Области распространения данных культур определены с использованием материалов в работах (5, 121, 161, 170). Разумеется, соотнесение единого славянского народа с разными археологическими культурами условно и сделано лишь для сопоставления сведений из (Р) с данными материальной культуры. Территориальные рамки отдельных славянских родов, соотнесенные с областями распространения археологических культур, также весьма условны, поскольку шел постоянный процесс расселения славян на пустующие земли в «страны полунощные, восточные, полуденные и западные».

Майкопская культура имеет исключительно важное значение как связующее звено между переднеазиатскими культурами и культурами Восточно-Европейской равнины. Эта культура занимала обширную область от Азовского моря до Махачкалы, через которую проходили два пути в Переднюю Азию. Ранее считалось, что памятники майкопского типа хронологически располагаются в пределах 2500–2300 гг. до н.э. (259, с. 145), но в последнее время произошло углубление хронологических рамок по крайней мере до рубежа IV–III тыс. до н.э., и датируется культура, по мнению Р.М. Мунчаева, от конца IV тыс. до н.э. до третьей четверти III тыс. до н.э. (170). Таким образом, начало майкопской культуры совпадает с нижней границей древнеямной культурно-исторической общности по классификации Н.Я. Мерперта. Очевидна

большая общность этих культур, особенно близость погребального обряда и сходство поселений (Мешоко-Михайловка), как отмечено в (161, с. 133). И древнейшие курганы на Северном Кавказе появились вместе с майкопской культурой, как и древнейшие курганы в южно-русских степях — с древнеямной культурой.

Проведенные спектральные анализы металла памятников майкопской культуры и Михайловки свидетельствуют фактически о едином их источнике, с высоким процентом мышьяка и почти полным отсутствии свинца и сурьмы (259, с. 141). О близости майкопских племен к степным причерноморским культурам — ямной, среднестоговской и др. — говорится и в работе (261, с. 79).

Переселение племен и их продвижение на север шли достаточно медленно, фактически, видимо, при постепенном заполнении пустующих пространств. После того как славянские племена Мосоха переправились через Кавказские горы, часть оставшихся у подножия Кавказских

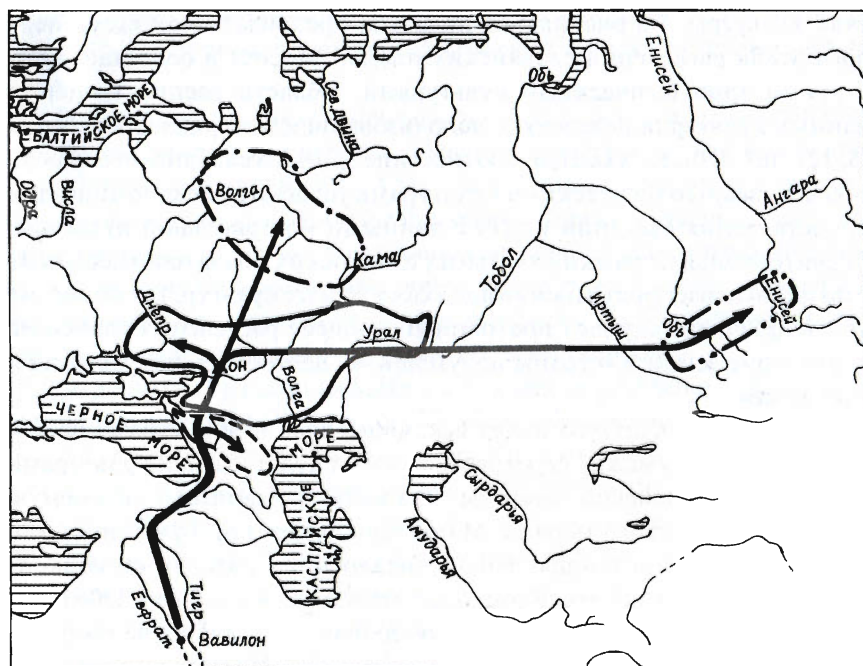

Рис. 2.1. Схема первого этапа расселения славянских племен (начало — 3135 г. до н.э.)

Условные обозначения: — древнеямная КИО; — майкопская культура; ····· волосовская культура; ····· афанасьевская культура

гор племен продолжали поддерживать достаточно тесные связи с родственными племенами, особенно в Передней Азии. Вот какие выводы делает известный исследователь майкопской культуры А.А. Формозов: племена майкопской культуры были связаны с переднеазиатскими и малоазийскими культурами, поскольку ряд культовых предметов с майкопских поселений имеет в тех культурах аналоги, при этом с юга заимствованы не только металл и украшения, но и некоторые представления. В месопотамских памятниках есть немало аналогий майкопским медным орудиям и украшениям. С шумерскими памятниками искусства схожи изображения на сосудах из Майкопа. Например, изображен фрагмент «процессии животных» на черепке из Хафадже и на сосудах из Майкопа, в частности — кабана и птицы. Обнаруживаются связи майкопской культуры с малоазийскими памятниками, с Критом, с Мохенджо-Даро. В Малой Азии найдены многие виды медных орудий, серебряных и золотых украшений, аналогичные Майкопскому кургану и Старомышатовскому кладу. Соответствия есть и в керамике Трои II, Мешоко и Долинского. Можно отметить аналоги предметов в Майкопском кургане, Мешоко и других и в Трое II: топор тесло, антропоморфные сосуды, однолезвийные ножи, долота с четырехгранным обушком с ручками, золотые бусы, голова хищника (259, с. 131–139).

Установлено сходство орудий Майкопа и Мохенджо-Даро. Подтверждая сходство различных памятников, А.А. Формозов все же делает вывод, что нет оснований предполагать непосредственные сношения населения Северного Кавказа с Индией, Критом или Средней Азией (259, с. 139). А сходство орудий, например Майкопа и Мохенджо-Даро, по мнению А.А. Формозова, говорит лишь о происхождении этих орудий от общих прототипов (259, с. 133). Я думаю, что такие связи все же следует допускать. Если учесть, что древнеиндийская цивилизация Мохенджо-Даро и пеласги в Древней Греции были славянами, о чем речь пойдет ниже в соответствующих главах данной книги, то в подобных культурных связях между отдельными славянскими цивилизациями нет ничего невероятного. Хотя это не исключает происхождение отдельных орудий и предметов от общих, опять же славянских, прототипов, созданных еще при так называемом индоевропейском единстве.

Другой исследователь майкопской культуры, С.В. Киселев, такие культурно-деловые связи допускал. Наиболее ярким примером связей Кавказа с Югом, с Передней и Малой Азией, писал он, являются находки майкопской культуры. Например, мотыга и кинжал Май-

копского кургана сходны с найденными в могилах I династии Ура. Украшения из дольменов Новосободной очень близки к найденным в могилах Ура и Киша и в древнеиндийском городе Мохенджо-Даро. С.В. Киселев писал о том, что Кавказ действительно был тесно связан с древнемесопотамской цивилизацией (113, с. 20–27).

Аналогичный вывод делает и В.И. Марковин: «...мы связываем происхождение западно-кавказских построек с возможной миграцией средиземноморских строителей дольменов на Западный Кавказ» (148, с. 252). Естественно, трудно представить себе отдельно миграцию строителей без своего племени, да и постройки должны были выполняться в родственной среде с аналогичными культурно-религиозными воззрениями.

Итак, данные материальной культуры не противоречат сведениям в (Р) о переселении славянских племен Мосоха, часть из которых, оставшись у Кавказских гор создала майкопскую культуру.

Широкое расселение славянских племен Мосоха на Восточно-Европейской равнине совпадает по времени с началом существования древнеямной культурно-исторической общности. Племена древнеямной культурно-исторической общности заселяли территорию от Урала или даже Эмбы на востоке до Днестра и Подунавья на западе, от Каспийского и Черного морей на юге до границы лесной зоны на севере. Древнеямная культурно-историческая область, как сказано в работе (274, с. 5), это «первое крупное объединение племен Восточной Европы в эпоху ранней бронзы, связанное целостью заселяемой территории, доминированием общих генетических компонентов в сложении материальной и духовной культуры (керамические формы, их орнаментация, погребальный обряд), единым уровнем социально-экономического развития, близостью религиозных представлений и системы социальных отношений».

В развитии древнеямной культуры можно выделить три этапа с общей протяженностью более тысячелетия: ориентировочно от начала III тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. До сих пор о древнеямной культуре известно немного, поскольку погребальные комплексы крайне бедны. Наиболее ранним вариантом древнеямной культуры является Волжско-Уральский, который занимает территорию междуречья Волги и Урала. Вспомним в (Р) о племенах Мосоха: «поступая день отъ дне въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ езеромъ... Меотись... въ поляхъ широко селеными своими распространишася» (16, с. 45). Как хорошо согласуются данные археологии о наибольшей древности Волжско-Уральского варианта с

сообщением в (Р) о первоначальном расселении племен Мосоха в своем движении на север, именно в области Волги и Дона.

Н.Я. Мерперт пишет, что основным видом древнеямных памятников в этом регионе являются курганы, самые древние из известных курганов (161, с. 24). Нижняя хронологическая граница древнеямных памятников Поволжья, по мнению Н.Я. Мерперта, не должна опускаться ниже III тыс. до н.э. (161, с. 59–60, 79). Как видно из (Р), именно на рубеже IV–III тыс. до н.э. — начало III тыс. до н.э. в этих местах появились славянские племена Мосоха, т.е. совпадение места и времени. Отметим также, что для Месопотамии (откуда пришли племена Мосоха) и для древнеямных племен характерны были скорченные индивидуальные погребения, и этот факт усиливает доказательную базу сообщений в (Р). Н.Я. Мерперт пишет, что традиция индивидуальных скорченных погребений, до появления племен древнеямной культуры, была не характерна для степной полосы, но распространена на Ближнем Востоке (161, с. 144), подтверждая тем самым первоначальное местожительство племен древнеямной культуры.

По мнению Н.Я. Мерперта, более ранние хронологические группы древнеямной культурно-исторической области идентичны и свидетельствуют о культурной интеграции, тогда как более поздние — все заметнее расходятся между собой (161, с. 113). Этот вывод также свидетельствует о факте переселения древнеямных племен. Выйдя из Месопотамии компактной группой единого племени или союза племен, с единой или близкой культурой, древнеямные племена впоследствии, из-за рассредоточения на огромной территории и обособления отдельных племен или родов, стали утрачивать связи, что увеличило и различия между ними.

Есть мнение, что эта дифференциация объясняется влиянием местных племен. Но это не так, древнеямные племена пришли на свободные, пустующие земли. Н.Я. Мерперт, например, пишет, что «в мезолите и раннем неолите глубинные районы степи были практически необитаемы» (161, с. 17). А это значит, что древнеямные племена (славянские племена Мосоха) были на занимаемой ими территории автохтонами. Если же гипотетически предположить наличие незначительного количества местного населения, то его влияние, несомненно, проявилось бы за полтысячи лет существования ранних хронологических групп. Однако именно в эти полтысячелетия и наблюдается та самая культурная интеграция.

О всеобщем расселении однородных племен говорят многие факторы, подтверждающие сообщение в (Р) о глобальном движении племен

Яфета (во все стороны света!). Например, окрашенные, скорченные погребения, как пишет О.Г. Шапошникова, характерны и для погребальных памятников в Болгарии, Венгрии и Румынии (273, с. 337). О распространении таких погребений на Ближнем Востоке и на территории древнейшей культурно-исторической общности уже говорилось.

Монолитность материальной культуры древнейшей культурно-исторической общности наводит на мысль о возможной государственности у входящих в эту общность племен. Н.Я. Мерперт пишет: «Такие далекие предприятия [продвижения до Нижнего Подунавья, Северо-Восточной Болгарии]... были не под силу отдельным разрозненным группам: они требовали согласованных действий ряда коллективов и, следовательно, создания крупных объединений» (161, с. 129). В работе (133) о древнейшей культурно-исторической общности сказано, что это общество было способно к созданию мощных оборонительных сооружений, что могло быть достигнуто лишь при условии концентрации усилий большого родового или племенного коллектива, находившегося под властью мощной патриархальной племенной верхушки. В другом исследовании (274, с. 35) говорится о сложении на огромной территории единого икономорфологического представления, выраженного в монументальных скульптурах на курганах, а также отмечается несомненный контакт населения этой территории с культурами Кавказа и древнейшими цивилизациями Ближнего Востока.

Я думаю, что эти факторы предполагают единство населения древнейшей культурно-исторической общности, а также подтверждают движение первой волны переселений (племена Мосоха) из Месопотамии через Кавказ. Суммируя приведенные ранее доводы, можно видеть косвенные признаки государственности у населения древнейшей культурно-исторической общности. Очевидно наличие механизма государственного функционирования и определенных прав, закрепляющих систему норм (иначе невозможно было бы достижение согласованности действий на огромной территории). Далее — существование определенной территории, на которую распространяются механизмы власти и прав. Кроме того, подтверждением сказанному служит общность духовной и материальной культуры, религиозных представлений (единый курганный обряд погребения) и единый антропологический европеоидный тип населения. Все вышесказанное хорошо согласуется с сообщениями в (Р) за период 2608—2508 гг. до н.э., где говорится, что образовывались города и царства, устанавливались гражданские законы. Следовательно, предположение о наличии госу-

дарственности у племен древнеямной культурно-исторической общности имеет достаточно веские основания.

Интересно наблюдение Н.Я. Мерперта о хронологических изменениях в материальной культуре древнеямной культурно-исторической общности: «В дальнейшем [на более поздних хронологических этапах] и обряд и керамика эволюционируют в соответствии со своеобразием развития конкретных территориальных вариантов, но определенные элементы общности сохраняются, а периоды нарастания различий сменяются периодами новой нивелировки» (161, с. 126). Это что, признаки раздробления государства, а затем снова его объединение? Как это знакомо по более поздним временам!

Данные антропологии, естественно, не могут говорить о языке населения исследуемых археологических культур. Однако, если удастся установить, на каком языке говорили носители более поздних культур, а также доказать антропологическую неизменность населения, генетическую преемственность в духовной и материальной культуре, близость религиозных представлений, то, используя метод экстраполяции, антропологические материалы могут быть достаточно убедительным аргументом определения языка более ранних культур.

Рассмотрим мнение антропологов о древнеямной культуре. О древнейших связях украинских степей с Кавказом, о непосредственном переселении некоторых племен Северного Кавказа в степи и наоборот указывает С.И. Круз (126, с. 135). Это подтверждает данные (Р) о движении переселяющихся племен через Кавказ в степи. В работах (54, с. 456; 76; 77, с. 102; 126, с. 93; 254) говорится об однородности серий и безусловной европеоидности. Авторы исследования (60) пишут, что черепа древнеямной культуры относятся к большой европеоидной расе и несут черты протоевропейского типа. По мнению С.И. Круз: «Череп позднего этапа ямной культуры [для территории Украины] характеризуются в целом признаками протоевропейского антропологического типа с примесью древнего средиземноморского: они долихокранные, высокие, со среднешироким и средневысоким, мезогнатным, хорошо профилированным лицом» (128, с. 531).

Антропологами доказано изменение черепов во времени в сторону постепенной брахикефализации и грацилизации. Однако, думается, вопрос не столь очевиден, как кажется. Г.Ф. Дебеч пишет, что, например, далеко не все имеющиеся данные легко укладываются в гипотезу «грацилизации» (78). В книге «Палеоантропология СССР» он приводит наблюдение известного русского анатома и антрополога П.А. Минакова о том, что при лежании в земле кости деминерализуются под

действием почвенных кислот, которые растворяют и извлекают из костей известь. А поскольку черепа чаще всего лежат на боку, то отличия в черепном указателе у древних и современных черепов могут быть объяснены чисто механическими причинами. При этом Минаков проделал ряд экспериментов, искусственно деминерализуя и высушивая череп. Он отметил резкое изменение его строения, при котором все размеры (особенно поперечный и высотный диаметр) уменьшились. Эти изменения делают череп более долихокранным, лоб становится более покатым, а надбровные дуги сильнее выступающими. Изменения усиливаются при давлении на череп (77, с. 302—303).

Г.Ф. Дебеч в качестве вывода ставит вопрос: «Не является ли наблюдаемый процесс брахикефализации всего-навсего процессом посмертной долихокефализации» (с. 303). И отвечая на него, пытается доказать, что изменение черепа под действием деминерализации вызывает общее уменьшение всех размеров. Однако Минаков-то отмечает — не пропорциональное изменение черепа! Дальнейшая попытка Г.Ф. Дебеча свести на нет резонное наблюдение П.А. Минакова, на мой взгляд, не достаточно убедительна. Конечно, П.А. Минаков искусственно ускорял процессы, протекавшие тысячи лет, и проверить корреляцию его опытов с действительным процессом невозможно, но научная фундаментальность опытов и результатов очевидна, как и очевидно изменение формы черепов, лежащих под слоем курганного грунта тысячи лет. Так что с большой долей вероятности можно сделать предположение о не слишком значительных отличиях людей неолита и бронзы от современных. При этом вспоминаются слова М.М. Герасимова о том, что «мы могли бы продемонстрировать ряд черепов из Старой Рязани XIV в., не менее массивных, чем черепа древнейшей культуры» (54, с. 472).

Рассмотрим вопрос о преемственности археологических культур, решение которого, помимо данных, приведенных в (Р), позволит квалифицировать племена древнейшей культурно-исторической общности как славянские. Рядом исследователей был сделан вывод об очень большой устойчивости антропологических типов в пределах Восточно-Европейской равнины (77, с. 322—331; 36). А.А. Формозов писал, что «материалы археологических раскопок гораздо чаще свидетельствуют о преемственности культуры» (261, с. 8). Ф.П. Филин отмечал: «...нельзя отрицать определенное значение для этногенеза данных антропологии. В классическом родовом обществе племя антропологически было устойчивой единицей, поскольку соплеменники были связаны общностью кровнородственного происхождения...» (253, с. 74). Археологами и антропологами отмечается генетическая связь

древнеямной и срубной культур и в свою очередь срубной со скифами (о чем будет сказано позднее, в соответствии с хронологией изложения событий). В первой части данной книги было доказано славянство скифов. Учитывая антропологическую неизменность населения, преемственность в материальной и духовной культуре и религиозных представлениях, методом экстраполяции проводим связующую нить от славянства скифов до славянства племен срубной и далее до славянства племен древнеямной культурно-исторических общностей. Таким образом, данные материальной культуры подтверждают сделанные ранее выводы на основании сведений в (Р). Племена древнеямной культурно-исторической общности входили в союз племен Мосоха.

Особо остановлюсь на среднестоговской культуре, которая, по мнению большинства исследователей, имеет близкое генетическое родство с древнеямной. По мнению Д.Я. Телегина среднестоговская культура развивалась около 800 лет (с 3500 до 2750 гг. до н.э.) и предшествовала ямной и майкопской с возможностью ее сосуществования с ними на их позднейших этапах (236, с. 309). В.Н. Даниленко вообще относит памятники Среднего Стога II к ранним звеньям древнеямной культуры (74, с. 27). М. Гимбутас включает памятники среднестоговской культуры в ранние этапы единой «курганной культуры».

Оценивая антропологический аспект проблемы, специалистами отмечается, что резкой смены состава населения в междуречье Днепра и Волги при переходе от среднестоговской к раннеямной культуре не наблюдается (235, с. 153). Черепа среднестоговской культуры относятся к большой европеоидной расе, с долихокранной формой черепа, с широким, хорошо профилированным лицом (128, с. 530). Среднестоговские племена первыми в Европе начали использовать лошадей для верховой езды, о чем говорит наличие роговых псалиев (236, с. 309). Отмечается также высокий уровень умственного развития художников, судя по найденным статуэткам людей и фигуркам животных (235, с. 144). Оценивая вышесказанное в аспекте сведений в (Р), можно предположить, что племена среднестоговской культуры составляли отдельные племена из союза племен Мосоха, которые быстрее других выдвинулись на новые пространства.

При движении славянских племен на Восточно-Европейскую равнину часть родов, родственных племенам древнеямной культурно-исторической общности, ушла в степи Сибири. Это были племена афанасьевской культуры. Эта культура изучена в основном по курганам и небольшим поселениям и датируется с III тыс. до н.э. до начала II тыс. до н.э. Она была достаточно однородной и распространилась в степях

Сибири вплоть до Енисея. Это были племена скотоводов. Очевидность миграции афанасьевских племен с Запада отмечается многими исследователями. Например, В.П. Алексеев пишет: «...несомненно, что появление этого типа [антропологического] в степях Алтай-Саянского нагорья связано с широким притоком нового населения с запада» (8, с. 380). И далее, там же, заключает, что переселение шло, вероятно, с территории распространения ямной культуры, а «сходство серии ямной культуры с черепами из афанасьевских погребений в Батенях, Красном Яре и Теси достигает полного тождества».

При сложении афанасьевской культуры, как отмечает С.В. Киселев, заметны отдаленные связи в основном с Западом, которые доходили до Поволжья и, возможно, до Причерноморья, население которого было очень близко по физическому облику к афанасьевскому (111). В.Н. Даниленко прямо указывает: «Наиболее вероятно, что ядро будущей афанасьевской культуры примерно до середины III тыс. до н.э. представляло собой часть приволжской группы древнеямных племен» (74, с. 234). То есть еще раз подтверждается мнение об условности деления на археологические культуры. В физическом отношении племена афанасьевской культуры отличались от соседних таежных племен. Антропологии афанасьевцев посвящен ряд работ, среди которых можно отметить исследования Г.Ф. Дебеца (75; 77) и В.П. Алексеева (8). Г.Ф. Дебец, говоря, что сходство афанасьевских черепов с древнеямными доходит до идентичности, высказывал удивление по поводу принадлежности афанасьевцев к европейскому стволу (77, с. 67–68). Однако это сходство не только объясняется концепцией, изложенной в нашем исследовании, о единстве славянского населения и о первой волне переселения славян на Восточно-Европейскую равнину и далее на восток до степей Алтай-Саянского нагорья, но и подтверждает эту концепцию. В.П. Алексеев, приводя мнение Г.Ф. Дебеца о том, что чистота европеоидного типа и его специфические особенности — длинноголовость и широколичность — позволяют видеть в афанасьевском населении представителей кроманьонского варианта, добавляет, что происхождение этого палеоевропейского типа очевидно: он представлял собой древнюю формацию и был широко распространен на территории Восточной Европы в эпоху неолита и бронзы (8, с. 380). Итак, подводя итог приведенным данным материальной культуры, можно сказать, что население афанасьевской культуры было близкородственно племенам древнеямной культурно-исторической общности или даже входило с ними в один племенной союз, и, следовательно, афанасьевцы также были славянами.

Как видно из сообщений в (Р), славянские племена Мосоха заняли не только степную, но и лесную полосу Восточно-Европейской равнины. Время начала заселения лесной полосы, по данным (Р), соотносится с началом волосовской культуры. Происхождению этой культуры уделялось значительное место в работах (35; 121; 243; 265 и др.), где рассматривались две гипотезы: уральско-камское и волго-окское происхождение. Оценивая племена волосовской культуры как часть славянских племен Мосоха, поселившихся в лесной полосе, я думаю, что можно рассматривать происхождение этих племен аналогично древнеямным, то есть как результат первой волны расселения из так называемого индоевропейского массива. Собственно, используя общепринятую терминологию, волосовские племена, как майкопские, древнеямные и афанасьевские, можно рассматривать как первых индоевропейцев. Учитывая происхождение племени россов, по данным исторических источников и (Р), от Мосоха, генетическую связь волосовской культуры с последующими культурами, а также результаты исследований населения лесной полосы, приводимые позднее в данной книге, племена или союз племен россов вполне можно соотнести с населением волосовской культуры.

Основные памятники волосовской культуры расположены на огромной территории: от озера Ильмень на западе до устья Камы на востоке, от истоков Онеги на севере до истоков Суры на юге. Д.А. Крайнов в своей работе о волосовской культуре дает ее периодизацию и делает выводы по археологическим и антропологическим материалам, приводимым ниже (121, с. 14–27). Первый, протоволосовский, этап — начало второй четверти III тыс. до н.э. (возможно удревнение этого этапа до IV тыс. до н.э.); второй, ранневолосовский, этап — середина III тыс. до н.э.; третий этап (развитое волосовское время) — последняя четверть III тыс. до н.э.; четвертый, поздневолосовский, этап — первая четверть II тыс. до н.э. Таким образом, ориентировочно можно установить границы существования волосовской культуры: с 2750 гг. до н.э. (с возможным удревнением до 3000 гг. до н.э.) до 1750 гг. до н.э.

Близость форм хозяйства, погребального обряда, предметов искусства на всем пространстве волосовской культуры позволила сделать вывод о тесной связи племен, как экономической, так и генетической. Анализ материалов волосовских могильников свидетельствует об отсутствии имущественного неравенства в волосовских коллективах. Краниологические исследования показали, что волосовцы относились к европеоидному антропологическому типу, «очевидно... к этнической группе северных европеоидов» (121, с. 24). Отмечается их близость к

фатьяновскому антропологическому типу (последующей культуры), что говорит об их родстве, а значит, последующей антропологической неизменности населения. В работе (122, с. 50) отрицается принадлежность волосовцев к финно-угорскому этносу. Д.А. Крайнов пишет о близком сходстве и тесных связях волосовской культуры с одновременными культурами Прибалтики, а также о взаимодействии в контактных зонах с племенами ямной культурно-исторической общности (121, с. 27).

Многими исследователями отмечалось сходство и генетическое родство в антропологическом аспекте многих племен, обитавших на Восточно-Европейской равнине. Например, в работе (227, с. 28) приводится мнение Н.М. Малиева о том, что на востоке России, на Каме и Волге, в Болгарах жило в древности длинноголовое племя, сходное или генетически связанное по анатомическим данным с племенами, жившими в центральной полосе России. Антропологами более позднего времени высказывались аналогичные мнения, при этом подтверждался вывод о древности и устойчивости антропологического типа в Восточной Европе. Эти выводы не противоречат высказанному положению о расселении с начала III тыс. до н.э. на большей части территории Восточно-Европейской равнины славянских племен. Два таких союза славянских племен можно констатировать достаточно уверенно — это скифы и россы, с соотношением скифов с племенами древнеямной культурно-исторической общности, а россос с племенами волосовской культуры. Разумеется, к этим союзам славянских племен относятся и племена родственных археологических культур. Несколько неясным в первой волне расселения славян (с начала III тыс. до н.э.) остается место третьего союза племен — сарматов, которое, как покажет дальнейшее хронологическое изложение событий, вместе со скифами и россами участвовало в последней волне переселения славян из «индоевропейского массива» на Восточно-Европейскую равнину.

Для оценки изложенного положения о единстве славянского населения, соотнесенного с рассмотренными археологическими культурами и располагавшегося на этой территории, целесообразно рассмотреть ряд известных работ по топонимике. А.И. Соболевский в своей работе (226) делает исключительно важные выводы по топонимике. Он пишет, что повторения названий рек, озер, гор и т.п. указывает, что на территории, где это наблюдается, жило одно и то же население, давшее эти названия. И «если это пространство — целиком степь или лес, то наши выводы не могут быть особенно ценными. Но если повторяющиеся названия являются и в степной области, и в лесной, а сверх

того, на большом расстоянии одной реки от другой, одного озера от другого — мы можем прийти к важным заключениям... что население степи, скотоводы, было близкородственно с населением леса, охотниками и рыболовами» (226, с. 259). А.И. Соболевский приводит список названий рек, убедительно доказывающий это единство населения, живущего на бескрайних просторах степи и леса.

Волосовские и древнеямные племена были автохтонами на своих территориях расселения. Очевидно, что названия рекам, озерам, горам и т.п. дали они и, видимо, следующие, родственные им славянские племена, которые также были так называемыми индоевропейцами, но уже завершающего этапа расселения славян. Таким образом, из топонимического анализа А.И. Соболевского можно сделать вывод о близком родстве и единстве древнеямных и волосовских племен и тем самым подтвердить положение о двух союзах славянских племен скифов и россов, занимавших территории древнеямной и волосовской культур и составлявших единый славянский народ. Некоторые антропологические отличия племен древнеямной и волосовской культур говорят о том, что это были славяне разных родов. Однако в (Р) скифы и россы, судя по названию («скифо-урало-россы») и другим сообщениям, были объединены и, видимо, действительно составляли единый союз племен.

То, что волосовские племена были славянами, объясняет безуспешность некоторых исследователей причислить их к угро-финским племенам. Несоответствие топонимики лесных пространств угро-финским языкам замечали исследователи еще в XIX веке. Например, в своем очерке «Черемисы» И.Н. Смирнов писал, что имеется масса названий, которые не поддаются объяснению из живых финских наречий и принадлежат народу, занимавшему громадное пространство от меридиана Москвы до меридиана Перми (218, с. 17). И аналогично он пишет в другой работе «Вотяки»: «Перед нами оказывается... масса слов, уцелевших из языка народа, ранее вотяков жившего в крае...» (219).

Значительно позднее, то же самое замечал Б.А. Серебренников, что несколько тысяч волго-окских топонимических названий, отмеченных на карте европейской части СССР не могут быть объяснены с помощью финно-угорских языков. «Древняя топонимика Карело-Финской, Мордовской и Марийской республик явно свидетельствует, что никаких угро-финнов на этих территориях раньше не было» (213, с. 28). Это подтверждает ранее приведенное сообщение в (Р), из которого следует, что предки угро-финнов (из племени Фовела) начали

переселение из Вавилона намного позднее племен Мосоха — разница составляла 327–427 лет. Причем переселение шло в ином, чем племена Мосоха, направлении — более к западу. И лишь значительно позже, как будет показано в (Р) при дальнейшем хронологическом изложении событий, угро-финские племена начнут постепенно занимать территории, первоначально занятые славянами.

Об экспансии угро-финских племен пишет и Б.А. Серебренников, который заключает, что в результате экспансии прафинноугров на запад волго-окские народы и ананьинцы были сильно оттеснены. Финно-угорские племена проникли на территорию Удмуртской, Марийской и Мордовской республик, а также в Кировскую, Ярославскую и Ивановскую области. Волго-окское население частично было ассимилировано, частично было оттеснено к северу. В результате этой экспансии, делает вывод Б.А. Серебренников, на новых местах сложились новые финно-угорские народности: марийцы, мордва, меря, мурома, мешера, весь, карелы. Причем осталась топонимика волго-окских народов, потому что они жили оседло (земледельцы и скотоводы), а не угро-финнов, поскольку те вели бродячий образ жизни охотников. Возникновение топонимики всегда требует какого-то минимума оседлости (213, с. 28–30).

Приведем еще одно высказывание И.Н. Смирнова из его очерка «Черемисы». Он пишет, что страна, в которой окончательно осели черемисы, не была пустыней, когда они там появились. Главные воды территории от Волги до Вятки были известны человеку задолго до прихода черемисов. Все они имеют названия, не соответствующие черемисскому языку (218, с. 16).

Итак, названия рек и озер на территории, которая была занята племенами древнейшей, волосовской и родственными им культурами, были даны на одном языке, причем — не угро-финском. Если методом экстраполяции ранее было показано, что древнейшие племена были славянами и, следовательно, говорили на славянском языке, то соответственно волосовцы также были славянами и говорили на том же языке, и названия рек и озер на всей территории, занимаемой этими культурами, также даны на славянском языке или, точнее, на праславянском языке, еще сохранявшим много индоевропейских слов. Сопоставляя названия рек и озер, А.И. Соболевский пишет, что эти названия в пределах древних поселений восточных славян на севере находятся в самом близком родстве с названиями рек и озер в пределах древних поселений Центральной и Южной России. Причем те и другие вошли в восточные говоры общеславянского языка (выросшие

потом в русский язык) до образования в нем носовых гласных. И далее делает вывод, что, видимо, все они перешли в общеславянский язык от создателей этих названий, автохтонов. Сопоставление названий рек и озер Поволжья, Прикамья и Русского Севера дает возможность заключить, что это слова одного и того же индоевропейского языка (227, с. 26—27). Исключительно важные выводы полностью согласуются с данными (Р) и выдвинутом нами ранее положением о расселении на Восточно-Европейской равнине, начиная с начала III тыс. до н.э., славянских племен с единым праславянским языком.

Однако А.И. Соболевский, проведя интереснейшее исследование топонимики и сделав важнейшие выводы, совершенно неожиданно заключает, что народом, заселявшим все эти огромные пространства, была — чужь. И далее говорит, что, по рассказам, чужь отчаянно защищалась от русских, была побеждена и истреблена. При этом А.И. Соболевский ставит знак равенства между чужью и скифами. Если учесть, что скифы занимали огромнейшие пространства и имели один из самых многочисленных народов, то подобное предположение о такой всесветной бойне просто нелепо. А вспомнив то, что в первой части книги было установлено, что скифы — это славяне, конечный вывод А.И. Соболевского можно считать курьезным.

И еще одну ошибку сделал А.И. Соболевский. Приняв за аксиому ираноязычность скифов, стал в топонимике усиленно искать «иранский след», делая это подчас с очевидной тенденциозностью, которая, конечно, была замечена исследователями (см. напр., 241, с. 8) и подвергнута критике. Это в целом несколько затушевало очень значительные выводы по единству гидронимов и народа-автохтона, давшего эти названия. Доказательства по единству народа, жившего на территории, где наблюдается единство гидронимов, приведенные А.И. Соболевским и другими исследователями, можно считать очень важным доводом, подтверждающим правдивость событий, изложенных в (Р), а также выдвинутого положения о единстве народа славян, проживавшего на Восточно-Европейской равнине уже с начала III тыс. до н.э.

«Заимствование финно-уграми таких индоевропейских слов, как соль, мед, вода, палица, кабан, поросенок, вымя, шило, бич, рог, одежда, питье и др., — как пишет А.А. Формозов, — говорит, что не позже III тыс. до н.э. обособленные индоевропейцы были южными соседями прафинно-угров» (261, с. 137). Однако, если учесть, что волосовские племена и были уже обособленными индоевропейцами, они как раз и являлись южными соседями прафинно-угров и от них и произошло заимствование перечисленных выше и других индоевропейских слов.

В качестве итога можно сказать, что события, изложенные в (Р), а также выдвинутые в главе положения в основном подтверждаются данными исторических источников, сведениями материальной культуры и топонимикой.

Курганы

Курган разрыт. В тяжелом саркофаге
Он спит, как страж. Железный меч в руке.
Поют над ним узорной вязью саги,
Беззвучные, на звучном языке.

И. Бунин

Обряд погребения всегда считался одним из основных признаков отличия археологических культур. Поэтому специфический курганный обряд по праву может считаться не только фактором, указывающим на близкую взаимосвязь отдельных культур, но и на генетическое родство их населения, вложившего в этот обряд много элементов своей духовной и материальной культуры. Если же имеется и антропологическая близость, то это родство становится очевидным. Именно такие соображения, видимо, и дали основание М. Гимбутас объединить ряд культур под названием единой курганной культуры. Если учесть, что курганный обряд объединяет генетически родственные племена от древнейшей культурно-исторической общности до славян летописного времени, то это является еще одним веским аргументом неизменности славянского населения на этой территории, начиная с начала III тыс. до н.э.

«В невзрачные бугры, — как пишет А.А. Формозов, — в далеком прошлом был вложен колоссальный труд... Надо было поднять тысячи кубометров земли, а подчас доставить за десятки километров камни для кромлеха. Видимо, погребальным обрядам в идеологии ямных племен придавалось такое же большое значение, как и в Египте...» (260). И далее отмечает, что первые курганы в степи воздвигались одновременно с древнейшими пирамидами на Ниле.

Учитывая, что древнейшие племена начали свое движение из так называемого индоевропейского массива практически одновременно с заселением другими племенами берегов Нила и основанием Менесом царства Египет (Раннее царство), то естественно, что расселяющиеся племена вынесли с прародины одинаковые космологические представления. А.В. Шевченко пишет, что курган, будучи рукотворной моделью горы (в космологическом аспекте восприятие горы являет-

ся посредствующим элементом между землей и небом и тождественно функциональным мировому дереву), как бы объединял три зоны мироздания: подземный мир, населенный умершими и хтоническими божествами; зримый телесный мир живых людей и верхний мир — место нахождения богов (278).

Д.А. Авдусин приводит данные о самом большом кургане Южной Сибири — Салбыке, который относится к концу тагарской культуры (IV—III вв. до н.э.). Его высота — 11 м (считают, что первоначальная высота достигала 30 м), диаметр — полкилометра, под насыпью находилось огромное сооружение из каменных глыб, ограда размером 70 × 70 м при высоте до 6 м. Некоторые плиты для ограды были привезены за 75 км с берегов Енисея (5, с. 162). Трудоемкость сооружения такого кургана, думается, не уступала трудоемкости строительства египетских пирамид.

Видимо, первое описание курганного обряда погребения с применением огня дается у Гомера в «Илиаде» при похоронах Патрокла, а затем и Гектора. Сравним следующие строки, особенно последние три, с описанием курганов, раскопанных на территории степей и Северного Кавказа, и увидим полное соответствие.

*Прах драгоценный собравши в ковчег золотой положили,
Тонким обвивши покровом, блистающим пурпуром свежим.
Так опустили в могилу глубокую и, заложивши,
Сверху огромными частыми камнями плотно устлали;
После курган насыпали...*

Илиада. Песнь XXIV. ст. 795—799

Следует сказать, что в погребениях часто использовалась красная краска, охра, в основном двух оттенков — темно- и ярко-красная (алая). Об использовании в погребальных обрядах красной краски сообщается в работе (274, с. 19—20). Применение красной краски отмечено также в захоронениях: майкопской культуры (112, с. 20); волосовской культуры (121, с. 24); трипольской культуры позднего периода (179, с. 174); катакомбной культуры (188, с. 145).

В раннесрубное время в погребальном обряде широко использовался огонь, в развитой срубной культуре проявление огненного культа значительно меньше (40, с. 84). Широко применялся огонь в погребальном обряде и у андроновских племен. Применение огня, видимо, было наиболее сильным выражением этого культа, а использование красной краски, по мнению многих исследователей, — символиче-

ским его применением. Еще В.А. Городцов считал красную краску символом огня (64, с. 182). По мнению В.П. Шилова, этот обычай мог появиться только в результате возникновения верований в бессмертие души (280). И все же, видимо, красная краска не являлась символикой огня, а имела иные мотивы, поскольку применение ее наблюдается и в более раннее время (до огнепоклонства), в погребениях среднестоговской культуры. О применении красной краски в захоронениях этой культуры пишет Д.Я. Телегин (235, с. 10). Возвращаясь к приведенным выше строкам из «Илиады», обратим внимание на не случайное, конечно, использование при погребении пурпура. Видимо, он заменял красную краску. И это при непосредственном использовании огня в погребении. Следовательно, красная краска символизировала не огонь, а жизнь или продолжение жизни после смерти.

О начале огнепоклонства имеется сообщение в (Р), где за период 2408–2308 гг. до н.э. говорится о переселении дочери Асатира Полимнии на берега Эвксинского Понта и учреждении ею впервые огнепоклонства. Время этого события, указанного в (Р), полностью подтверждается археологическими материалами. Р.С. Багаутдинов пишет о следах огня, которые впервые появляются во втором периоде (по классификации Н.Я. Мерперта) существования древнейшей культуры в пределах третьей четверти III тыс. до н.э. (21). То есть в пределах 2500–2250 гг. до н.э. Замечу, что А.Я. Артынов в XIX веке этих археологических материалов, естественно, знать не мог, и этот факт еще раз подтверждает корректность сведений его рукописи. В религии племен кеми-обинской культуры, время существования которой определяется с середины III тыс. до н.э. до XVII в. до н.э., также широкое распространение получило почитание огня. Причем отмечаются тесные контакты с племенами ямной культуры (283).

Куда исчезла трипольская культура?

И пусть наш путь нелегким будет, пусть!
В лесах дремучих водный путь короче,
Мы поплывем по рекам дальше, к ночи,
В страну лесов, и это будет Русь!

Ю. Яхонтов

Трипольская культура, через полторы тысячи лет своего развития достигнув высокого уровня, перестала существовать. У многих историков возникал вопрос об этом загадочном исчезновении, поскольку очевидных преемников не находилось. А.Я. Брюсов, например, счи-

тал, что возникновение на месте трипольских погребений курганов может означать только одно — вторжение ямных племен на земли, занятые трипольцами. Причем вторжение было враждебным, поскольку было найдено большое количество разбитых статуэток-идолов, следы пожаров на поселениях и обилие разнообразных предметов в жилищах (35, с. 239, 242). Все это дало основание А.Я. Брюсову говорить о вытеснении трипольцев с занимаемой ими территории.

У современных археологов мнение иное. Они считают, что трипольские племена были не вытеснены ямными племенами, а подверглись их воздействию, откуда и возник усатовский и городский тип трипольской культуры с курганами. Иное толкование, в отличие от А.Я. Брюсова, было дано и разбитым статуэткам. При раскопках поселения Лука-Врублевская, где статуэтки встречались во фрагментарном состоянии и были преднамеренно сломаны, С.Н. Бибииков сделал вывод о существовании у трипольцев обряда, связанного с представлениями об умирающей и воскресающей природе (285, с. 244). Так что никакого «завоевания» трипольцев восточными племенами не было.

В работе (285, с. 168) приведена датировка этапов трипольской культуры, предложенная Т.С. Пассек.

Раннее Триполье (этап А)	— 3000—2700 гг. до н.э.
Среднее Триполье (этап В I)	— 2700—2300 гг. до н.э.
(этап В II)	— 2300—2100 гг. до н.э.
Позднее Триполье (этап С I—γI)	— 2100—2000 гг. до н.э.
(этап С II — γII)	— 2000—1700 гг. до н.э.

Затем в связи с появившимся методом радиоуглеродного датирования Т.С. Пассек удревнила свою классификацию, в результате чего раннее Триполье было отнесено ею к первой половине IV тыс. до н.э., среднее — ко второй половине IV тыс. до н.э. — началу III тыс. до н.э., а позднее Триполье — к середине III тыс. до н.э. (285, с. 174).

Далее, новейшие дендрохронологические измерения возраста сосны остистой удревнили и радиоуглеродные даты середины III тыс. до н.э. — примерно на 500 лет, а IV и V тыс. до н.э. — на 800 лет.

Что же получается: применение радиоуглеродного метода показывает, что археологические датировки не достаточно хороши (разница с радиоуглеродным методом в 800—1000 лет), но и применение дендрохронологического метода говорит о том, что и радиоуглеродный метод тоже не вполне надёжен (разница по сравнению с дендрохронологическим методом — 800 лет). А общее удревнение по сравнению с археологическими методами, например для раннего периода Триполья, составило более полутора тысяч лет. Вспоминаются слова В.Н. Даниленко

о том, что современная наука располагает несколькими методами, позволяющими судить об абсолютном возрасте археологических памятников, но сам факт множественности этих методов говорит о том, что единственный и, следовательно, безупречный метод еще не найден, и что даты, получаемые в настоящее время, не лишены элемента условности (74, с. 175).

Медный век, хронологически совпадающий с временем всего периода существования трипольской культуры, по мнению В.Н. Даниленко, является и периодом распада индоевропейского единства (74, с. 174). Я думаю, можно предположить, что трипольская культура занимала край так называемого индоевропейского массива и «исчезновение» ее совпадает с временем индоевропейского расселения.

Трипольская культура была земледельческой, с интенсивной системой ведения хозяйства, которая вызывала быстрое падение плодородия обрабатываемых земель и, как следствие, переселение на новые места. Если посмотреть территориальное перемещение трипольских племен по хронологическим этапам, то становится очевидным их неуклонное движение на север. В работе (30) оценивается это территориальное перемещение трипольцев: в конце раннего этапа осваивается Побужье; на среднем этапе происходит продвижение в междуречье Южного Буга и Днепра и выход на Днепр и Верхнее Поднестровье; в начале позднего этапа — появление на Волыни.

Шло планомерное освоение новых территорий, причем трипольцы были вынуждены занимать территории скотоводческих племен и вторжение не всегда было мирным. Расширение территории обитания, кроме истощения почв, вызывалось также увеличением численности населения. Происходил рост и территории поселков. На позднем периоде возникают суперцентры с численностью 10–15, а по некоторым данным, и в 20–24 тыс. человек. Они были даже объявлены протогородами энеолита Европы. Например, одно из таких поселений (Майданецкое) занимало площадь 300 га и состояло из 1500 жилищ (285, с. 240).

Антропологический состав населения трипольской культуры характеризуется в работах (44; 119; 128). С.И. Круц пишет о сочетании «признаков средиземноморского типа: небольшая, умеренно долихокранная невысокая черепная коробка и узкое средневысокое (или невысокое) лицо и широкий нос... Наличие... средиземноморских и протоевропейских типов и преобладание первых (насколько можно судить по немногочисленным материалам) свидетельствует о его неоднородности и о постоянном контакте со степными племенами, в первую очередь среднестоговскими, а впоследствии — и с ямными

(128, с. 529–530). Приведенные реконструкции М.М. Герасимова по позднему этапу трипольской культуры из Выхватинского могильника показывают лица ничем от современных славянских типов не отличающиеся. Причем очень пропорциональны лица у женщин.

Т.С. Пассек отмечает постоянные связи населения Дунайского и Днестровско-Днепровского бассейнов с древними племенами Восточного Средиземноморья и Малой Азии с III тыс. до н. э., которые значительно усиливаются во II тыс. до н.э. (178, с. 53, 237). Эти связи, я думаю, не должны вызывать удивления, учитывая, что общение шло, видимо, между отдельными славянскими цивилизациями (известен тезис о вхождении трипольцев в число языковых предков славян; пеласги-славяне в Греции; праславянская цивилизация на Крите — например, Г.С. Гриневичем доказана праславянская письменность у населения острова; предполагаемое славянство жителей Трои).

Относительно «исчезновения» трипольской культуры хочется привести слова П.Д. Либерова о необходимости знания последовательных этапов движения культуры, учитывать изменения в ней, возможные внешние влияния, иначе «культура как целое и племена как создатели и носители ее исчезнут без следа, хотя такое “исчезновение” в большинстве случаев может быть оправдано лишь недостаточностью наших знаний. История знает немало примеров “исчезновения” культур и племен, или же таких изменений в них, которые почти равнозначны исчезновению (племена катакомбной культуры, скифы и другие)» (140, с. 111).

К «исчезновению» трипольской культуры, думается, самое непосредственное отношение имела среднеднепровская культура. По материалам археологии, в конце энеолита и начале бронзового века происходило расселение культур шнуровой керамики, которые заняли за несколько столетий территорию от Верхней и Средней Волги на востоке до Рейна на западе, от Ютландии и Южной Скандинавии на севере до Днестра на юге. Археологи отмечают сходство глиняных сосудов и их орнаментации, однородность каменных орудий, близкие формы погребальных обрядов в Прибалтике, на Верхнем Днепре, на Висле и на Волге. «Сходство отдельных предметов, происходящих из местностей, отдаленных друг от друга на многие сотни километров, нередко бывает поразительным» (243, с. 69). Археологи считают, что данные факты указывают на общего предка или группу предков, тесно связанных друг с другом (243, с. 69; 14). По мнению большинства исследователей, племена шнуровой керамики принадлежали к древним индоевропейцам, предкам славян, балтов и германцев.

К этой группе племен шнуровой керамики или боевых топоров принадлежат и племена среднеднепровской культуры. Нас эта культура интересует потому, что от нее произошла фатьяновская культура, или, правильнее, племена среднеднепровской культуры, переместившись на новые места, образовали фатьяновскую культуру, которая в свою очередь занимала практически ту же территорию, что и волосовская культура, и была близко родственна с ней, о чем речь пойдет позднее. Волосовскую культуру мы ранее отождествили со славянским племенем россов, к которым следует отнести соответственно фатьяновскую, среднеднепровскую и, видимо, трипольскую культуры. И нет ничего удивительного в том, что племена древнеямной культурно-исторической общности (славяне-скифы) имели тесные контакты, особенно на позднем этапе, с трипольцами. Из более поздних сообщений в (Р) видно, что племена скифов и россов называются объединенно: скифо-урало-россы, то есть скифы и россы фактически единое племя. Так же, например, в (Р) царь Афей называется царем скифов славяно-россов.

Территория распространения среднеднепровской культуры в период расцвета была по Днепру от Черкасс до Могилева (по мнению некоторых, даже до Смоленска), и в стороны от Днепра — до Брянска и Мозыря (5, с. 113). Хронологические границы этой культуры: с XXVI до XV вв. до н.э. (13). Некоторые исследователи относят начало среднеднепровской культуры к более позднему времени — к 2400 гг. до н.э.

По вопросу происхождения среднеднепровской культуры единого мнения нет, одни связывают ее с трипольской культурой, другие — с древнеямной, третьи — с днепро-донецкой, четвертые — со средне-стоговской. Но если предположить, что все перечисленные культуры были славянскими, но различных родов, то оказывается, что все гипотезы как бы вдруг объединяются.

Т.С. Пассек считает, что поздне трипольские земледельческо-скотоводческие племена расселялись на север и восток, а среднеднепровская культура является закономерным результатом дальнейшего развития трипольских племен и стадияльно является следующим (после С II—γII — позднего этапа) этапом развития земледельческо-скотоводческих племен в Поднепровье (178, с. 217). С этим выводом следует согласиться, учитывая то, что усатовские памятники прекращают существование около 2400—2350 гг. до н.э. (163) и хронологически сразу же возникает среднеднепровская культура.

В среднеднепровской культуре исследователи видят черты трипольской и древнеямной культур, что выглядит закономерным, учитывая

значительную близость трипольской культуры на позднем этапе с древнеямной (курганы, формы инвентаря и посуды). Если посмотреть изменение территориального расположения трипольских племен во времени, то очевидно заметное их продвижение на север и восток по хронологическим этапам. Это движение ускорили их потомки — среднеднепровские, а затем фатьяновские племена. Причиной движения было увеличение численности населения, истощение почв и нехватка кормов в ксеротермический период. В лесостепной и лесной полосе джары деревьев и многообразие решали проблему кормов, а огромные незанятые пространства — «не раленые» (Р) земли — давали простор для земледелия.

Аналогичные побудительные причины движения племен на север («к ночи» по (Р)) были и у последующих скотоводческих племен срубной культуры. О племенах срубной культуры писал П.Д. Либеров: «Поиски более прочной и надежной кормовой базы и послужили первой и самой важной причиной движения их в лесостепные районы...» (140, с. 160). Если в ксеротермический этап суббореального периода голоцена лесостепь доходила до берегов Финского залива, а между Бугом и Днепром была пустыня или полупустыня и водились двугорбые верблюды, то проблема с кормами — для скотоводства, и урожайностью — для земледелия в течение всего ксеротермического периода стояла очень остро.

Загадка протоиндийской цивилизации

Рысиче я, хотя одинокий.

*Надпись на печати из Мохенджо-Даро,
перевод Г.С. Гриневича*

В (Р) за период 2608—2508 гг. до н.э. сообщалось, что племя Яфета расселилось в страны северные, восточные, южные и западные и от славных воинских дел своих стало зваться славянами. И именно этим же временем — 2500 г. до н.э. — датируется внезапное образование протоиндийской цивилизации. Раскопки Мохенджо-Даро дали много материалов о жизни протоиндийцев. Среди находок было около двух тысяч печатей с вырезанными изображениями, на некоторых были и надписи. Расшифровка этих надписей, выполненная Г.С. Гриневичем, позволила установить исключительный по своей важности факт, что текст написан на праславянском языке. Это означало, что жители протоиндийской цивилизации, время существования которой примерно

с 2500 до 1800 гг. до н.э., были славянами, таким образом, подтверждая сведения в (Р) о «расширении» славян в восточные страны.

Создав огромную и мощную цивилизацию (территория — более полутора миллионов кв. км) в Индии, славяне «протоиндийские» связи со своими соплеменниками не прерывали. Имеется много общих археологических находок, например в Мохенджо-Даро и майкопской культуре, а также на Крите и Трое II. О сходстве орудий Майкопа и Мохенджо-Даро указывал А.А. Формозов (259, с. 133), о близости украшений, найденных в дольменах Новосвободной и Мохенджо-Даро, пишет С.В. Киселев (113, с. 22).

Примерно с 2000 г. до н.э. протоиндийская цивилизация начала угасать и к 1800 гг. до н.э. исчезла. Куда же могло исчезнуть население столь огромной территории (уже сейчас известно не менее полутора сотен населенных пунктов, в том числе и городов)? Выскажу свои соображения о последующей судьбе этих праславянских племен. Обратим внимание на синхронное, с исчезновением протоиндийской цивилизации, появление извне на территории северопричерноморских степей (от Волги до Днепра) катакомбной культуры, которая датируется временем примерно с 2000 по 1600 гг. до н.э.

Учитывая давние связи со славянами майкопской культуры, а также проторенные ранее (племенами Мосоха) пути через Кавказ, переселение славян протоиндийской цивилизации тоже должно было идти «кавказской дорогой». Г.Ф. Дебеч, сравнивая черепа древнейшей и катакомбной культур, пришел к выводу, что катакомбная культура является не просто этапом развития общества, а связана с расселением какой-то этнической группы, включавшей в себя брахикранный элемент (77, с. 104). Т.Б. Попова пишет, что Северный Кавказ и был центром относительной брахикрании, откуда могло проникать население на территорию северопричерноморских степей, и продвижение это увязано с большим количеством археологического материала (188, с. 64—65).

О связях с Северным Кавказом не только катакомбных, но также более ранних — ямных и более поздних — срубных племен, писал Р.М. Мунчаев (169). Отмечая отсутствие генетической связи между погребениями раннего бронзового века и памятниками предкавказского варианта катакомбной культуры, А.А. Иерусалимская также фактически подтверждает ее пришлый характер (96). Пришельцами видел племена катакомбной культуры и первооткрыватель ее В.А. Городцов (64, с. 35). Появление курганов с катакомбами в пределах Дагестана, по мнению В.А. Фисенко, следует увязывать с движением племен с юга на север в южнорусские степи (150).

В то же время при достаточно очевидном миграционном характере появления племен катакомбной культуры в северопричерноморских степях безусловно отмечена близость их с племенами древнеямной культуры. Одной из основательных гипотез происхождения катакомбной культуры является та, по которой основным ее компонентом была ямная культура с внешним импульсом, пришедшим с Северного Кавказа, приведшим к ее трансформации (34). Т.Б. Попова пишет, что археологические данные не противоречат возможности генетически связывать катакомбную культуру с ямной. И нет никаких данных, которые свидетельствовали бы, что расселение сопровождалось вытеснением местного населения. С одной стороны, расселение происходило небольшими группами, с другой — происходила быстрая ассимиляция пришлого населения (188, с. 65). Добавлю то, что отдельные роды или небольшие группы не смогли бы прийти к враждебному или даже нейтральному, но иноплеменному населению.

Если учесть, что племена древнеямной культурно-исторической общности были славянами, а племена катакомбной культурно-исторической общности были переселившимися славянами «протоиндийцами», то указанная выше близость этих культур хорошо подтверждает их славянское единство. Некоторые отличия вполне естественны, ведь с момента ухода славян-протоиндийцев из Передней Азии прошло не менее 500–700 лет, а у славян древнеямной культуры и того более. При этом у двух обособившихся на длительное время славянских цивилизаций шло автономное развитие. Однако генетическая связь этих культур очевидна.

Некоторые исследователи считают, что индоарийская речь, например синдов, вполне могла быть унаследована от предкавказской катакомбной культуры, в погребениях которой есть некоторые следы индоарийских ритуалов (172, с. 74). На значительное количество скифо-индоарийских аналогий указывает Л.А. Лелеков. Например, положительное значение термина «дайва», «дэва», «див» в пантеоне; захоронение под Ульским курганом 360 конских костяков по схеме 20 × 18, как это предписывает ритуал ашвамедхи; культовые жертвоприношения собак; алтари огня в форме бычьей головы и многое другое (171, с. 126).

С учетом того, что население протоиндийской цивилизации было славянским, достаточно реальной видится и параллель между названиями реки Инд (протекающей, кстати, по территории протоиндийской цивилизации), да и самой Индией и венедами, которых Софокл, например, называл индами. Об огромном славянском государстве

вандалов-венедов будет подробно сказано позднее, в третьей части книги.

Подтверждением прихода племен катакомбной культуры с Индостана может служить факт распространения колесниц, которое происходило с юго-востока на северо-запад и которое хорошо документировано археологическими данными (49). В работе (269) приводятся материалы по обнаруженной в северопричерноморских степях в погребениях катакомбной культуры древнейшей в Восточной Европе боевой колесницы, датируемой рубежом III—II тыс. до н.э. Отмечаются аналогии марьевской колесницы с переднеазиатскими боевыми колесницами.

Арии в Индии, по данным Т.Я. Елизаренковой, также сражались на боевых колесницах, запряженных конями (201). В работе (224) говорится, что в древнейшем коневодческом трактате митаннийца Киккули (XIV в. до н.э.) вся коневодческая терминология — индоарийская, которая повторяется затем и в хеттских, и в ассирийских трактатах. Из данного факта делается вывод, что навыки коневодства и тренинга лошадей для колесничной запряжки принесены в Переднюю Азию индоарийцами. Более поздние колесницы срубно-андроновских и абашевских племен хорошо известны. Боевые колесницы широко применялись и в Троянской войне.

Видимо, общая картина была такова: какое-то изменение условий, скорее всего природное, заставило славянское население протоиндийской цивилизации в начале второго тысячелетия или на рубеже III и II тыс. до н.э. подняться с насиженных мест и, используя связи с населением северокавказских славянских культур (вначале майкопской, а в момент переселения — с северокавказской), через проторенные кавказские дороги, устремиться на новые места, где синхронно возникла новая археологическая культура — катакомбная. Приход новых славянских племен и их расселение были мирными — в те времена родовые связи хорошо знали и помнили, да и места хватало.

Высказанное предположение о судьбе протоиндийской цивилизации хорошо увязывается с археологическими и антропологическими материалами, а также данными других наук. Хочется привести в дополнение любопытную параллель со среднеазиатской археологической культурой Намазга V, которая напоминает о протоиндийской цивилизации не только связями с Мохенджо-Даро (аналоги в предметах), но и своей судьбой — таким же необъяснимым затуханием примерно в то же самое время. Поселения этой культуры были покинуты населением. Не совпал ли у них маршрут со славянами «протоиндийцами»?

Как же сложилась дальнейшая жизнь славян протоиндийской цивилизации в южнорусских степях, оставивших нам памятники катакомбной культуры? Произошла достаточно быстрая ассимиляция катакомбных племен в генетически родственной среде. Т.Б. Попова приводит данные о смене орудий из камня и кости, на всей территории распространения степных племен, начиная с времени существования катакомбной культуры, на орудия из меди, а затем и бронзы (188, с. 93). Естественно, почему бы от вновь пришедших родственных славянских племен не перенять более прочные и совершенные орудия, которые повлекли перестройку всей хозяйственной жизни.

Интересно наблюдение Т.Б. Поповой о том, что обряд погребения «не в катакомбах, а в ямах удерживается как пережиточное явление очень долго на всей территории распространения катакомбной культуры» (188, с. 31). Это является доказательством мирных отношений славян, местных — с пришельцами и в то же время подтверждает пришлое катакомбных племен и близкого генетического родства с древнеямыми племенами. В исследованиях последних лет указывается и обратное влияние — ямного компонента на формирование погребального обряда катакомбных племен.

Племена, переселявшиеся на новые места, приспособляли свои обычаи под конкретные географические условия. Об отличиях в погребальном обряде племен Среднего Дона, синхронных с катакомбной культурой, но не имеющих катакомб — одного из основных компонентов этой культуры, — писал П.Д. Либеров: «...в силу различных географических и прежде всего почвенных условий эти племена [Среднего Дона] вынуждены были отступить от древних традиций строить сложные погребальные сооружения в виде катакомб, которые возможны и не вызывают опасности обвалов в лёссовых отложениях или плотных глинах, но совершенно невозможны в супесчаных почвах» (140, с. 110). Кстати, способ захоронения в глубоких нишах — катакомбах, от которого получила название археологическая культура, возможно, применялся как препятствие от разорения погребения дикими животными — сверху над самим захоронением шел плотный щельк земли.

При анализе археологических культур некоторое их различие все же не должно заслонять очевидное родство населения, жившего на этих территориях. Родство, подтвержденное многочисленными материалами археологических и антропологических исследований, данными топонимики, а также родством самого населения, живущего ныне на этих же территориях и генетически связанного с ушедшими поколе-

ниями. Следует согласиться с тем, что при излишнем культуротворчестве происходит искусственное разделение этноса. При взгляде на пеструю карту археологических культур трудно себе представить, что, возможно, все это пространство населял единый народ, но разных родов, у каждого из которых были свои приемы в изготовлении посуды, свои художники с индивидуальной творческой манерой рисунка, свои особенности погребального обряда, приспособленные под условия местности, свои способы добывания пропитания, привязанные к природным условиям.

Несколько слов следует сказать о населении Северного Кавказа, жившего в послемайкопское время и через территорию которого, видимо, происходило переселение славян протоиндийской цивилизации. Это время северокавказской культурно-исторической общности, которая, по мнению археологов, существовала в период от 2300—2100 гг. до н.э. до 1400—1200 гг. до н.э. (149 с. 283). Таким образом, перемещение населения протоиндийской цивилизации могло произойти на первом этапе северокавказской культуры, который длился до 1800—1700 гг. до н.э. В.И. Марковин отмечает, что «памятники эпохи бронзы Северного Кавказа имеют определенные черты сходства с предшествующей им майкопской культурой. Это сходство представляется ряду исследователей не чисто случайным, а, возможно, вскрывающим коренные, генетические связи» (149, с. 257).

Ранее был сделан вывод о славянстве майкопской культуры. Учитывая неизменность проживающего населения и генетические связи с майкопской культурой, можно сделать предположение о славянстве племен северокавказской культурно-исторической общности. Это предположение не противоречит данным археологии и даже подтверждается сообщением, например, Геродота (кн. II, гл. 103) о покорении египетским фараоном Сесострисом (1878—1841 гг. до н.э.) скифов и фракийцев. Очевидно, что речь идет не обо всей Скифии, а о причерноморских районах. Арриан, сообщая в «Истории Парфии», что парфы переселились из Скифии при египетском фараоне Сесострисе, подтверждает тем самым сведения Геродота о нахождении скифов в местах своего проживания уже в XIX в. до н.э., при этом синхронно шел первый этап северокавказской культуры.

Появление памятников северокавказской культуры в Дагестане, по мнению А.А. Формозова, можно рассматривать как продолжившееся продвижение на восток потомков племен майкопской культуры (259, с. 150).

По ту сторону Эвксинского Понта

Есть женщины в русских селеньях

 В игре ее конный не словит,
 В беде — не сробеет — спасет:
 Коня на скаку остановит,
 В горящую избу войдет!

Н. Некрасов

Сообщения в (Р), изложенные в этой главе, охватывают временной период в 600 лет: 3200—3800 гг. (2308—1708 гг. до н.э.). Повествование доходит до времени окончательного ухода славян из Палестины (завершение индоевропейского расселения).

(Р). 3200—3300 (2308—2208 гг. до н.э.) (Царевич Моза ушел от своего отца царя Даннава из скифского города Вифсаны [город Вифсан] в Аскалон, где девица Декрета родила от него девочку, которую, стыдясь своего блудного дела, бросила в пустыне. Эта девочка впоследствии стала знаменитой вавилонской царицей Семирамидой.

Князь Нахор на годуировом коне спас от морского чудовища царевну Метевиль, дочь царя Мозы.

Царь скифского города Вифсаны Даннав прогневался на своих сыновей Плиноса и Сколопива [в «Родословной царей...» — Пайнос и Сколопиф] за непокорность их жен Марфении и Лампеды и прогнал их. После долгих странствий они поселились в Каппадокии, а после смерти Плиноса и Сколопифа [ранее Сколопив] Марфения и Лампедя основали Амазонское царство.)

* * *

Время рождения Семирамиды по (Р) значительно отличается от существующей ныне версии о времени ее жизни (царица Ассирии — конец IX в. до н.э.). По данным (Р), Семирамида жила примерно на полторы тысячи лет раньше. Однако в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. II, с. 33—36) при описании того же периода времени (3200—3300 гг.), как и в (Р), а именно: «четвертой тысящи третяго ста лѣтъ дѣянiя», дается аналогичное (Р) сообщение о Семирамиде (и снова во многом дословное совпадение), правда, называется она — Семирамис. Святой Димитрий Ростовский пишет, что Семирамис украсила Вавилон прекрасными садами, тем самым еще раз подтверждая, что речь идет об известной исторической личности.

В (Р) отцом Семирамиды назван царевич Моза из скифского города Вифсана, в то время как в Летописи св. Димитрия Ростовского

говорится просто о некоем юноше (ч. II, с. 33). Это расхождение снова убедительно свидетельствует о том, что А.Я. Артынов писал свою рукопись не с Летописи св. Димитрия Ростовского, а с другого исторического источника (книги или рукописи А.Б. Мусина-Пушкина). Причем повторение не только самого сюжета, но и отдельных предложений говорит еще раз о том, что в основе Летописи св. Димитрия Ростовского и книги А.Б. Мусина-Пушкина был один и тот же более древний исторический материал. Дополнительно отмечу, что царевич Моза указан в (Р) как родоначальник славяно-русского народа, следовательно, и знаменитая Семирамида по крайней мере по отцу принадлежала к славянскому племени.

Спасение царевны Метевиль от морского чудовища является, видимо, более древним изложением известного мифа о Персее и Андромеде, а деревянный конь Годуира, на котором можно было летать, — более древний прообраз Пегаса.

Конкретизация имен и местностей в сообщении об основании Амазонского царства подтверждает реальность существования этой ранее полумифической страны. Об Амазонском царстве писали Геродот, Диодор Сицилийский, Помпей Трог, Курций Руф, Помпоний Мела и другие авторы. Помпей Трог, также написав об изгнании скифских юношей царского рода Плина и Сколопита с их женами из отечества, указывает то же, что и в (Р), место их поселения — в Каппадокии (244, с. 57), тем самым в целом подтверждая сюжет, изложенный в (Р).

У св. Димитрия Ростовского в Летописи также приводится данный сюжет, причем за тот же, что и в (Р), период времени (3200—3300 гг.): «Отъ скиоскихъ странъ два юноши рода царска, Плинось и Сколопиѣъ, изгнанны, бывше отъ отечества своего, придоша въ Каппадокію съ женами и людьми своими. Многихъ бо сверстныхъ себѣ юношъ съ собою изведоша, и съдоша при рѣцѣ, глаголемой Ѳермондонъ...» (81, ч. II, с. 37). Приведенный сюжет подтверждает достоверность сведений в (Р) и, кроме того, еще раз говорит о древней государственности скифов и этнонима «скиф». Далее, рассказывая предысторию возникновения государства женщин-воительниц, св. Димитрий Ростовский пишет, что они оставляли себе только левую грудь, отчего и стали называться амазонками: «И того ради прозваны быша Амазоны, яко безъ сосца сущіи; мазонъ бо сосецъ глаголется, Амазонъ же — безсосцный» (81, ч. II, с. 39).

Однако в (Р) по сравнению с древними и более поздними авторами дается дополнительная информация, которая больше нигде не приведена. Во-первых, называется скифский город Вифсан, откуда

были изгнаны будущие амазонки, во-вторых, указывается имя отца изгнанных скифских юношей — Даннава, которое вместе с именами его сыновей Плиноса и Сколопифа увязано с «Родословной царей...», приведенной в Приложении, а также приведены имена жен Плиноса и Сколопифа — Марфении и Лампеды. Эта дополнительная информация подтверждает также и оригинальность источника, использованного А.Я. Артыновым.

Учитывая, что, по сообщению Помпея Трога (244, с. 58), вскоре после встречи царицы амазонок с Александром Македонским, она вместе со всеми амазонками погибла, то существование Амазонского царства продлилось с XXIII по IV столетие до н.э. О существовании царства амазонок вплоть до Александра Великого пишет и св. Димитрий Ростовский в Летописи (81, ч. II, с. 39). Подтверждают этот, почти двухтысячелетний период времени и промежуточные упоминания об амазонках: их участие в Троянской войне (~1200 г. до н.э.), а также, сообщение Павла Оросия о внезапном вторжении амазонок и киммерийцев в Азию в 30 г. до основания Рима [видимо, в VIII в. до н.э.] (175).

Судя по высказыванию Флавия Сиракузского, род амазонок и традиции женщин-воительниц сохранялись и в более позднее время (после IV столетия до н.э.). Он писал: «Были ведены также десять женщин которых он [Аврелиан] взял в плен, когда они в мужском убранстве сражались среди готов, причем многие другие были перебиты; надпись гласила, что они происходят из рода амазонок» (256). Среди пленных упоминаются племена готов, аланов, роксоланов, сарматов и вандалов. Не случайно участие амазонок на стороне славянских племен, чем подтверждается их славянское происхождение. У Помпея Трога от лица царицы амазонок Орифии также говорится о скифском [а значит, славянском] происхождении амазонок (что сказано и в (P)).

Геродот сообщает легенду о происхождении савроматов от скифских юношей и амазонок. Учитывая, что амазонки при рождении детей девочек оставляли себе, а мальчиков отдавали отцам, и это происходило на протяжении по крайней мере двух тысяч лет (с XXIII по IV столетия до н.э.), то участие амазонок в народонаселении савроматов может быть довольно значительным. Археологические материалы, по мнению К.Ф. Смирнова, свидетельствуют об особом положении и роли женщин в савроматском обществе (223; 225), и это подтверждают сообщения античных авторов.

Традиции женщин-воительниц, женщин-богатырш всегда были сильны у славян. Примеры участия в битвах и героизма русских женщин известны в разное время, например на Куликовом поле, в войне

с французами в 1812 году и в последней мировой войне. Амазонок называли савроматидами, а сарматы — это тоже славянское племя, как было показано в первой части данной книги, поэтому многочисленные примеры женской воинской доблести в отечественной истории не должны удивлять. Это проявление двухтысячелетних традиций амазонок, славянских женщин, у которых стойкость духа, физическая сила и сила характера выковывались многими поколениями. История древнего Ростова наполнена примерами героических воительниц-женщин, переодетых в мужскую одежду и участвующих в сражениях наравне с мужчинами. Например, в рукописи А.Я. Артынова (16) говорится в сообщении за период 5900–6000 гг. (392–492 гг. н.э.), что князь города Стугны по имени Кустодион нашел себе супругу на поле брани — княжну Ладу, дочь новгородского князя Славолюба, которая, как сказано далее, была героиня неустрашимая на бранном поле. Еще в одном сюжете, из более позднего времени, изложенном в рукописи А.Я. Артынова «Родословная князей ростовских», говорится, что внучка Юрия Долгорукого, княгиня Мария Александровна, под видом неизвестного витязя победив в поединке князя Глеба Ростовского, добилась у него освобождения своего жениха, князя Семена Юрьевича. И подобных примеров женщин-воительниц, не уступающих в силе лучшим воинам-мужчинам, в сказаниях Ростовской земли немало.

За период 3300–3400 гг. в (Р) дается сообщение о Фарре, который делал идолов и продавал их купцам из разных стран. Эти сведения хронологически подтверждаются в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. II, с. 40) и Никоновской летописи (с. XVI).

За этот же период времени впервые упоминается Геркулес, или Иракл-Алкид, как знаменитый воин того времени, освободивший захваченный врагами, в отсутствие царствовавшего там Авраама, город Дамаск. Время сообщения о Геракле (2208–2108 гг. до н.э.) относится к раннеэлладскому периоду, когда на территории Греции проживали пеласги, первые ее жители. Следовательно, и Геракл был пеласгом. В главе «Славяне в Греции и Италии» данной книги обосновывается славянство пеласгов, поэтому и Геракла можно считать славянином. Кстати, по одной из легенд, о которой упоминает Геродот, скифы [а значит, славяне] произошли от Геракла. С.С. Бессонова пишет, что Геродот не приводит скифского имени Геракла (29). Не потому ли, что его имя и было скифским (славянским) именем. Не случайно Геракл употреблял скифский лук.

За рассматриваемый период времени (3300–3400 гг.) упоминаются киммерийцы, которые были изгнаны с берегов Черного моря в Азию.

Причем говорится, что киммерийцы — потомки Салефа, сына Луда. А из «Родословной царей...» (см. Приложение) известно, что Салеф [в «Родословной царей...» — Фалеф], как и его отец, были родоначальниками славяно-русского народа. Следовательно, киммерийцев, видимо, также можно считать славянами. И Киммерис, по имени которой, как сказано в Примечании к (Р), киммерийцы получили свое наименование, была дочерью царя Севегона, который по «Родословной царей...» также являлся родоначальником славяно-русского народа и был прямым потомком Луда и Салефа. О славянстве киммерийцев пишет и св. Димитрий Ростовский: «...Гамера, отъ негоже и Киммерии или Цимбры, славенскаго же языка бывшии, произыдоша» (81, с. 267).

За период (3600—3700 гг.) в (Р) отмечается, что цари-пастыри или царьки владели каждый своим городом и царствовали только над своим племенем. Также говорится об объединении царей, потомков Яфета, владеющих небольшими царствами [видимо, в Палестине] в союз под началом царя Риссона. Это положило конец желанию окрестных народов поработить его подданных. С приведенным сообщением о городах-царствах хорошо согласуются данные Б. Грозного, правда, для Малой Азии: «В то время [1930 г. до н.э.] Малая Азия делилась на несколько независимых друг от друга городов-царств» (72).

Из «Родословной царей...» (16) видно, что Риссон являлся родоначальником славяно-русского народа, поэтому объединение, видимо, всех славянских племен в союз говорит о значительном государственном славянском образовании по южную сторону от Черного моря.

(Р). 3700—3800 гг. (1808—1708 гг. до н.э.) (Царевич Росс-Вандал взял в жены дочь царя Риссона Полимнию и остался жить в столице царства Риссона, в городе Вифсаиде [ранее упоминался скифский город Вифсан], где стал родоначальником многочисленного потомства, которое, соединившись с потомством царя Велиуда сына Риссона, называлось народом росо-вандалов.

Знаменитый полководец царевич Росс-Вандал доходил со своими войсками до пределов царя вавилонского Набопаласвара, с сыном которого Навуходоносором сперва ссорился, а потом помирился.)

* * *

Дружина царевича Росс-Вандала, как будет подробнее сказано в главе «Царство Ростовская земля» основала Ростов (Россов-стан), хотя, по преданиям, здесь уже стоял город Горицы. В приведенном сообщении впервые упоминается наименование вандалов применительно к народу, причем к славянскому племени (или союзу племен)

россов. Следует отметить несоответствие времени царствования Набопаласара (у А.Я. Артынова небольшое изменение в написании имени) и Навуходоносора в (Р) с принятой в исторической литературе хронологией.

Итак, по южную сторону от Черного моря произошло объединение славянских племен под властью царя Риссона. По северную сторону славянские племена, переселившиеся еще в первую волну расселений, занимали огромные пространства лесной полосы, степи и предгорий Северного Кавказа. Ранее уже говорилось о наличии признаков государственности у племен древнеямной культурно-исторической общности. По тем же факторам можно предположить наличие государственности у славян на всей Восточно-Европейской равнине у всех или по крайней мере у отдельных родовых союзов: у племен древнеямной культурно-исторической общности — славян скифов; у племен воловской культуры — славян россов и славян Северного Кавказа — племен майкопской и северокавказской культур. Хотя такое разделение племен в соответствии с археологическими культурами очень и очень условно и сделано для некоторой конкретизации занимаемых племенами территорий. Условность эта доказывается еще и тем сообщением в (Р) за период (2408—2308 гг. до н.э.), где, в сущности, говорится об объединении в один народ россов, скифов и сарматов. Поэтому всю территорию, на которой расположены вышеуказанные археологические культуры на Восточно-Европейской равнине, а также территорию афанасьевских племен правильнее рассматривать как единую славянскую территорию с единым народом.

Хочется еще раз отметить наличие исторических сообщений о значительно более древнем нахождении скифов в Северном Причерноморье, чем время, принятое ныне большинством историков. По данным Геродота, скифы уже жили в этих местах в XIX в. до н.э. (поход Сесостриса III). В другом высказывании Геродота о происхождении скифов отмечается: «Они [скифы] думают впрочем, что со времен первого царя Таргитая до вторжения в их землю Дария прошло как раз только 1000 лет» (55, кн. IV, гл. 7). То есть Таргитая, по рассказу Геродота, правил скифами, и скифы уже имели это самоназвание около 1500 лет до н.э., причем на этой же земле.

Чтобы как-то сопоставить высказывания Геродота с принятым в современной науке временем прихода скифов в VII в. до н.э., некоторыми историками делаются предположения, что Геродот спутал Сесостриса с Псамметихом, а о рассказе про Таргитая высказывается мнение, что тысячелетнее царство — это гипербола. Во Введении уже говорилось,

что в данной книге сообщения древних авторов используются без дополнительных измышлений или предположений об ошибке. Приведенные сообщения Геродота и без корректировки вполне соответствуют излагаемому материалу книги. Да, скифы уже жили в описываемое Геродотом время, но пришли они в эти места значительно раньше — во время переселения племен Мосоха. Следует добавить, что по северную сторону Черного моря также уже проживали, видимо, переселившиеся сюда в начале II тыс. до н.э. славянские племена «протоиндийцев», которые дали новый импульс развития степным племенам.

Россы

Тихая моя родина!
Ивы, река, соловьи...

Н. Рубцов

Фатьяновская культура, генетически связанная со среднеднепровской, является продолжением ее развития. Общие признаки этих культур начинают прослеживаться только со среднего этапа среднеднепровской культуры. Племена фатьяновской культуры продолжили движение на север и восток поздних трипольских племен. Время существования фатьяновской культуры датируется с рубежа III—II тыс. до н.э. до середины II тыс. до н.э. При своем продвижении фатьяновцы заняли территорию волосовской культуры. В работе (122, с. 50) отмечается «удивительное совпадение ареалов фатьяновской и волосовской культур». На рисунке 2.2 показаны ориентировочные ареалы, составленные по картам работ Д.А. Крайнова по волосовской и фатьяновской культурам (121, с. 12; 123, с. 63). Участок верховий Днепра и Оки на территории фатьяновской культуры воспринимается как связующий элемент с образовавшей ее среднеднепровской культурой, как корень, из которого она выросла. Как замечает Д.А. Крайнов, в пограничной зоне памятники среднеднепровской и фатьяновской культур трудноотличимы (123, ссылка к с. 63).

Доказано одновременное существование на одной территории фатьяновцев и поздних волосовцев. Поскольку в археологических материалах не находится признаков вытеснения значительных человеческих коллективов (35, с. 254), то очевидно, что поселение пришлых фатьяновцев произошло по мирному соглашению с волосовскими племенами. Такое соглашение и мирное проживание дают большое основание предполагать родство племен этих археологических куль-

тур. Антропологические исследования подтверждают это мнение о родстве или тесных контактах фатьяновцев и волосовцев (121, с. 24).

Ранее было проведено сопоставление племен волосовской культуры со славянами россами — племенами Мосоха, заселившими вместе с другими славянскими племенами Восточно-Европейскую равнину. С учетом отмеченного родства с волосовцами, а также то, что фатьяновцы — это последующий этап развития позднетрипольских племен, считающихся, по мнению многих исследователей, языковыми предками славян, на которых сказалось влияние древнеямных племен (тоже славянскифов), можно сделать вывод о славянстве и фатьяновцев. Причем, учитывая тесные родовые связи, когда, как правило, «подселение» могло быть возможно только в близкородовую среду, фатьяновцев так же, как и волосовцев, следует считать славянами россами. Тогда становится понятным мирное заселение территории, ранее занятой волосовскими племенами, близость антропологического типа и постоянство живущего на этой территории населения до наших дней.

Можно привести любопытную параллель. Культура Димини, возникшая около 2500 г. до н.э. в Фессалии и распространившаяся на юг вплоть до Крита, сосуществовавшая с раннеэлладской, была родственна культурам придунайских племен и, в частности, трипольской

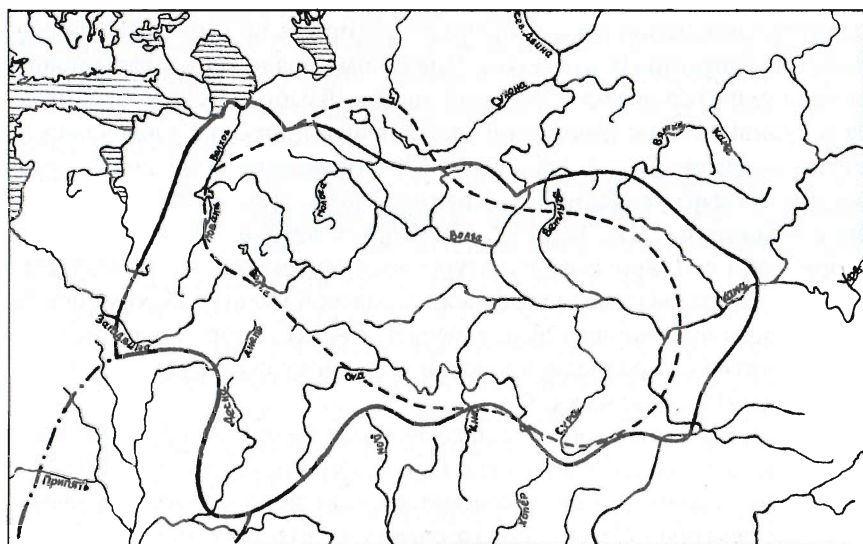

Рис. 2.2. Предполагаемые области распространения волосовской (пунктирная линия) и фатьяновской (сплошная линия) культур. Участок среднеднепровской культуры указан штрих-пунктирной линией

культуре (46, т. 1). Самоназванием пеласгов, населявших Грецию; в том числе Крит, было рысичи (как показала расшифровка Фестского диска Г.С. Гриневичем), то есть россы. Фатьяновцы, у которых предками были племена трипольской культуры, с другой стороны, имели близкое родство с волосовцами — славянами россами племен Мосоха и сами также были россами. Таким образом из разных исторических материалов подтверждается принадлежность к славянскому племени россов как пеласгов, так и фатьяновцев.

Многие исследователи считают фатьяновцев протобалтами, однако волосовцы расселились значительно раньше племен культур шнуровой керамики и боевых топоров, а значит, и фатьяновцы, родственно близкие волосовцам, не увязываются с балтийским происхождением. Кроме того, при «балтийской» гипотезе пришлось бы предположить исчезновение неведомо куда огромных генетически родственных масс населения и появления на этих же территориях других, тоже неведомо откуда взявшихся племен. То есть то же самое заблуждение, как и с «ираноязычностью» скифов.

Относительно топонимики уже говорилось, что огромное количество названий рек и озер (несколько тысяч) на Восточно-Европейской равнине не могут быть объяснены с помощью угро-финских языков. Балтские же гидронимы, которые находят некоторые исследователи, оставлены в более позднее, чем фатьяновская культура, время. Топонимика лесной полосы оставлена славянскими племенами волосовской, фатьяновской и дяковско-городецкой культур, хотя все это были последовательно сменяющиеся поколения славян россов. В более поздние времена территория лесной полосы была занята также россами, причем упоминание о них и соответственно этнонима «рос» имеется уже в письменных источниках.

Рассмотрим обряд захоронения фатьяновцев. Как известно, могильники располагаются на вершинах больших холмов вблизи небольших речек. Умершие погребены в скорченном положении на боку. В работе (122, с. 14) отмечается, что группировка погребений указывает на возможно родственные связи умерших. Вероятно, это были кладбища большого рода, разделенного на патриархальные семьи. Обратим внимание, погребения делались на больших холмах. Очевидным было желание создать с учетом космологических представлений восприятие горы как связующего элемента между небом и землей, то есть создать такой же эффект, что и от насыпки кургана. Может быть, волосовцы и фатьяновцы и насыпали бы курганы, да необходимо было учитывать природные условия. Представим себе, в какой немислимый

труд превратилась бы насыпка огромных объемов земли из проросшей корнями деревьев почвы. Да и земли свободной было немного, земли, отвоєванной у леса тяжелым трудом, — не снимать же с нее весь плодородный слой. Так что на такое изменение погребального обряда пошли бы и древнеямные племена, окажись их место обитания среди лесов.

А сами места погребения на холмах, у небольших речек — как все это похоже на наши среднерусские кладбища. В Ярославской области, например, все сельские кладбища расположены таким образом. И семейное расположение погребений — такое же, как и сегодня. На рисунке 2.3 приведена реконструкция по черепу женщины фатьяновской культуры (балановская группа), выполненная М.М. Герасимовым (54, рис. 206). Вот какое описание он дает: «По данным краниометрии, эта молодая женщина обладала небольшим, относительно широким лицом, красивым, широким, высоким лбом, несильно выступающим, но высоким носом с тонко очерченными, резко вырезанными ноздрями. Глаза большие, слегка выпуклые. Верхняя губа короткая, несколько вздернутая, рот большой, прохейличный, красивого рисунка. Подбо-

Рис. 2.3. Реконструированный портрет женщины фатьяновской культуры (балановская группа)

родок округлый, мягких очертаний». От себя хочется добавить — не правда ли, красива для всех времен?!

Фатьяновцы не селились на больших реках, их поселения — у малых речек, где были старицы и небольшие озера и луговые пространства для скотоводства. И сейчас русские села и деревни расположены на точно таких же местах. У фатьяновцев было комплексное ведение хозяйства — скотоводство, земледелие, охота, рыболовство и собирательство. Ведущая роль принадлежала скотоводству, при сопутствующем ему земледелии. Такой хозяйственный тандем позволял вести оседлый образ жизни, поскольку не происходило истощение почвы, да и корма скоту всегда хватало. Вначале основную массу в стаде занимала свинья, в меньшей степени — овца, а в более позднее время — корова и овца, как отмечается в работе (122, с. 43). Собственно, соотношение такое же, как и в настоящее время в сельской местности этой же территории. Да и принцип взаимодействия скотоводства и земледелия соблюдался в этих местах многие, многие сотни лет, почти до последнего времени.

Священным животным у фатьяновцев был медведь (кстати, как и у волосовцев), который считался покровителем скота. Как полагают многие исследователи, славянам этот культ передан через мерян, которые ранее жили на этой территории. Это неверная предпосылка! Славяне — автохтоны в данной местности, об этом уже говорилось ранее. Угро-финское проникновение началось значительно позднее, и в какой-то момент оно настолько усилилось, что Ростов оказался под властью мерян, о чем будет сказано позднее в соответствии с хронологией изложения событий. Этот момент — владения мерянами ростовской землей, и зафиксирован в Повести временных лет. На самом деле медвежий культ передавался от поколения к поколению славян россов: от россов волосовской культуры к россам фатьяновской культуры и т.д. до россов Ростовской земли и современных жителей Ярославской области без всяких надуманных лишних звеньев.

На деревянной резьбе наличников в Ярославской области до сих пор встречается изображение солнца, культ которого был у фатьяновцев и был связан с земледелием, а изображение медведя на гербе губернии сохраняется и поныне, не говоря уж о русских сказках, где медведь — один из главных персонажей.

Необходимо сказать о большой близости культур фатьяновской с висло-неманской и прибалтийской культурой боевых топоров. Р.Я. Денисова доказала несомненное сходство и родство их антропологического типа. Европеоидный долихокранный тип населения этих культур говорит об их генетическом родстве (123, с. 75). Некоторые

исследователи увязывают образование фатьяновской культуры с участием степных культур, например древнеямной и катакомбной. Это вполне возможно. Под влиянием древнеямных племен, как уже говорилось, произошло сложение поздних трипольцев, от которых в свою очередь образовались среднеднепровская и фатьяновская культуры. При этом, по данным (Р), о чем говорилось ранее, в период времени (2408–2308 гг. до н.э.) вообще произошло объединение россов, скифов и сарматов в один союз племен посредством династического брака. По выдвинутому в настоящей работе предположению катакомбные племена были переселившимися славянами «протоиндийцами» и также из племени россов.

Оценивая ареал распространения волосовской и фатьяновской культур с позиции сообщений в (Р), его, видимо, следует увеличить до Урала, поскольку, по данным (Р), князь Киддак со своим родом и родом своего брата Гектана еще в 2408–2308 гг. до н.э. переселился на Уральские горы к одноплеменным урало-россам, то есть россам, принявшим по месту жительства двойное название и уже жившим там до Киддака. Это были, видимо, славянские племена россов из рода Мосоха, которые начали заселять Восточно-Европейскую равнину на рубеже IV–III тыс. до н.э. Освоение Урала происходило, видимо, по реке Каме. О родственности племен, живших на лесных пространствах до Урала, говорит очевидность камских аналогий керамике энеолитических стоянок в районах Ростовского (Неро) и Переславского озер, отмеченная в работе (68, с. 16). В другой работе, для более позднего времени (конец II — начало I тыс. до н.э.), Е.И. Горюнова пишет, что население нынешних Костромской и Ярославской областей, а также низовьев Оки было родственно населению Нижней Камы и Западного Приуралья (67).

Какая же была дальнейшая судьба у племен фатьяновской культуры? Население — славяне россы, на этой территории осталось неизменно до наших дней. Связующая нить поколений никогда не прерывалась. Естественное изменение во времени материальной культуры не дает основания объявлять об исчезновении населения на тысячекилометровых пространствах. Если оценивать археологически, то фатьяновскую культуру сменили культуры абашевская, поздняяковская и срубная.

Абашевская культура была по преимуществу скотоводческой с подчиненным значением земледелия. Это был оптимальный, отработанный веками способ жизнедеятельности в данной местности. Археологи определяют время существования абашевской культуры как вторая-

третья четверть II тыс. до н.э. (197, с. 125). В этой же работе (с. 130) говорится, что «можно усматривать древнейшее родство абашевских, срубных и алакульских [андроновских] групп населения, далекие предки которых в той или иной степени были связаны с древнейшими племенами». Данный вывод подтверждает генетическую связь всех этих племен и единство населения, живущего на этих территориях, которое можно обозначить как славянское. Поэтому и сложно определять этногенез, например, абашевцев, поскольку они имеют общие элементы и с древнейшей, и среднеднепровской, и фатьяновской культурами, а в сущности все это были славянские племена разных родов и разного времени появления на местах своего проживания.

В работах (196; 197, с. 131) делается вывод, что основной линией развития в лесостепи было постепенное возобладание срубных и алакульских [андроновских] традиций над абашевскими племенами, завершившееся фактическим поглощением массивов абашевского населения. С таким подходом трудно согласиться. Изменение материальной культуры нельзя трактовать как поглощение одних племен другими. Если в каком-то селении жители восприняли возможно более совершенную систему производства, а также изменили на протяжении длительного промежутка времени какие-то обычаи, это еще не значит, что они как этническая единица перестали существовать. При таких выводах и происходит исчезновение неведомо куда археологических культур. Если наша материальная культура не такая, как у наших прадедов, то это не означает, что мы перестали быть их прямыми потомками. Правда, А.Д. Пряхин все же пишет, что слияние культур происходило органически с одной и другой стороны (196).

Памятники поздняяковской культуры, тоже считающейся археологически продолжателем фатьяновской культуры, сосредоточены в основном в бассейне Верхней и Средней Оки, но встречаются и на Волге (22). Время ее существования — с середины II тыс. до н.э. по конец II — начало I тыс. до н.э. И естественно, что отмечены связи племен поздняяковской культуры (славян россов) с населением, входившим в ареал распространения племени россов, обозначенный еще со времени существования волосовцев и фатьяновцев (тоже славян россов).

Основываясь на позиции территориальной устойчивости населения, подкрепленной данными археологии, антропологии, топонимики и этнографии, можно сделать вывод о неизменности славянского населения (а именно россов) в лесной полосе со времени волосовской культуры.

Славяне в Греции и Италии

Расшифровка критских надписей, выполненная Г.С. Гриневичем (71), показала очевидность известного предположения, что пеласги — первые жители Греции, были славянами. Прочтение Г.С. Гриневичем Фестского диска выявило, что самоназванием пеласгов на Крите было — рысичи (71, с. 111–117).

Геродот писал, что пеласги говорили на варварском языке (известна традиция называть негреческие народы, особенно славянские, варварами). Он также отмечал, что до своего объединения с пеласгами эллины были немногочисленны (55, кн. I, гл. 57, 58) и что Эллада называлась Пеласгией. Страбон аналогично пишет, что «пеласги были древнейшими из всех племен, которые властвовали в Греции» и приводит слова Гомера: «Зевс пеласгийский, додонский, далеко живущий владыка» (231, кн. VII, гл. 7, 10). И еще: «Что касается пеласгов, то почти все согласны, что какое-то древнее племя этого имени распространилось по всей Греции... Фессалия называется пеласгическим Аргосом, потому, что некогда пеласги владели этой страной... Лесбос называли Пеласгией, Гомер называет соседей киликийцев в Троаде пеласгами... По сообщению Эфора, Пелопоннес назывался Пеласгией» (231, V, II, 4). Пеласги были поселенцами и на Крите, о чем пишет Гомер в «Одиссее».

Очень важно сведение Страбона, что пеласги «было кочевое племя, которое подобно птицам перелетало куда попало, то жители Аттики называли их пеларгами [аистами]» (231, V, II, 4). При этом следует вспомнить, что славянские племена первой волны расселения были по преимуществу скотоводческими, то есть также кочевыми. Пеласги могут быть отнесены к славянам первой волны расселения (в страны северные, восточные, южные и западные), начавшим свое движение к западу из «индоевропейского массива».

Интересна фраза Г. Соллия: «...когда дева прельщенная красотой пелазгического вождя...» (229). Очевидно, что речь идет о Ясоне, а дева — это Медея. Значит, Ясон был пеласгом и предводителем пеласгов, и, следовательно, во время похода аргонавтов за Золотым Руном Греция была еще Пеласгией. Это доказывается еще и тем, что в походе аргонавтов участвовал Геракл, сообщение о котором приводилось ранее и относится по времени к раннеэлладскому периоду, когда на территории Греции жили пеласги. Поэтому самые знаменитые герои Эллады (например, Геракл, Тесей, Кастор и Полидевк, Мелеагр, Теламон, Орфей и другие аргонавты) были славянами. И героический

эпос Эллады тех лет — это героический эпос славян. Сделанный вывод только усиливается при сопоставлении очень высокого роста и физической мощи праславян с антропологическими материалами по Древней Греции (Пеласгии) тех лет. Кстати, и Страбон пишет, что многих героев называли именем пеласгов (231, V, II, 4).

Древними авторами наблюдались и переселения пеласгов на берега Черного моря. Руфий Фест Авиен пишет: «Зиги, которые некогда, покинув царства пеласгов заняли ближайшие местности Понта» (6). Из приведенной цитаты следует, что зиги, видимо, также были пеласгами.

По мнению многих историков, потомками пеласгов были этруски. Страбон пишет, что часть пеласгов во главе с Тирреном переправилась в Италию (231, V, II, 4). Этруски имели самоназвание — «расена», что совершенно очевидно одно и то же, что и наименование «рассеянные», от которого, как было показано ранее, произошло название «россы». При переводе Г.С. Гриневичем этрусских текстов выяснилось, что этруски называли себя росами. На бронзовом зеркале IV в. до н.э. написано: «Мои первые волнения росу отдаю...» (71, с. 197). Таким образом полная аналогия с «россами-рассеянными» лесной полосы. Это подтверждает и религиозный обычай, записанный Геродотом: «...гиперборейцы посылают скифам жертвенные дары, завернутые в пшеничную солому. От скифов дары принимают ближайшие соседи, и каждый народ всегда передает их все дальше и дальше вплоть до Адриатического моря на крайнем западе» (55, IV, 33). Этот факт показывает, что религиозно-культурные связи между родственными славянскими племенами (гиперборейцы — это одно из русских племен лесной полосы) сохранялись, несмотря на огромные расстояния.

Итак, делаем вывод: пеласги имели самоназвание — «рысичи», а этруски были потомками пеласгов и имели самоназвание «росы» или «расена» («рассеянные»), и оба эти племени относились к славянскому племени россов. Так что «россы» — это действительно рассеянные по всему свету.

Сейминско-турбинские племена — специализированные военные отряды?*

В археологии и по сей день остается неразрешенной загадкой — сейминско-турбинские племена. Археологи датируют начало памят-

* Сведения историко-археологического характера заимствованы из работы (270).

ников примерно XVII в. до н.э. (имеется только одна дата по C_{14} — 1610 ± 30 лет до н.э.), а время существования этих племен не более двух столетий. До сих пор не найдено сейминско-турбинских поселений, да и очертить территорию исключительного распространения памятников данного типа пока не смогли, так что нет и необходимых компонентов для признания их археологической культурой. Данные же материальной культуры этих племен феноменальны. Перечислим лишь некоторые из них.

Вещи сейминско-турбинских племен были найдены на исключительно большой территории — в 3 млн кв. км, причем племена эти, по мнению археологов, были немногочисленны. За короткий срок ими были пройдены колоссальные расстояния в тысячи километров, в том числе по заболоченной сибирской тайге. Пройдены через территории многочисленных племен разных археологических культур. Это были конные воины, намного превосходившие по военной организации и вооружению все современные военные структуры других народов. Их «этническим знаком» служило бронзовое оружие совершенных форм, которое не встречается у других племен. Это наконечники копий с вильчатым стержнем, кельты и кинжалы с металлическими рукоятками. В захоронениях сейминско-турбинцев никогда не находят чужого оружия, но и на передачу своего оружия кому-либо было наложено табу. Археологи считают, что такое табу можно было поддерживать только с помощью политических или военных санкций.

Через небольшой промежуток времени после сейминско-турбинских племен это, самое совершенное по тем понятиям, оружие будет отливаться по всей Евразии и станет основным для многочисленных археологических общностей и культур, распространяясь до Китая.

Так что же это были за удивительные племена, не оставившие даже своих поселений, но оказавшие такое сильное влияние на все последующие культуры? Прежде всего необходимо уяснить тот факт, что такие тысячекилометровые продвижения относительно малочисленных отрядов были бы невозможны без общего согласия племен, через которые пролегал путь. Иначе сейминско-турбинцам пришлось бы буквально «продираться» через могучие племенные союзы, где не помогло бы и самое совершенное оружие. А такое «разрешение» могло быть получено только при наличии на всем этом протяженнейшем пути (некоторые исследователи называют цифру в 4000 км и более) единого политического центра. Такой центр мог быть только при родстве племен или племенных союзов, в него входящих. И опять мы подходим к выводу о вероятности существования единого государства или

союза государств. Причем, учитывая исключительную силу родовых связей и отношений в те времена, такое государство должно было состоять из единоплеменников. Ранее были сделаны выводы о славянстве населения, проживающего на Восточно-Европейской равнине и в степях Западно-Сибирской равнины, поэтому условия, необходимые для продвижения немногочисленных сейминско-турбинских племен, вполне могли быть выполнены.

Отвечая на вопрос о сути сейминско-турбинских племен, выскажу свои предположения. Это были специализированные отряды, которые постоянно перемещались по кромке лесной полосы. Такие отряды могли быть или милицейскими отрядами по поддержанию порядка, или, что более вероятно, отрядами по сбору налогов или дани. О «полюдь» упоминается в самых ранних сообщениях русских летописей. Причем «полюдь» проводилось постоянно и не всегда было мирным — вспомним судьбу князя Игоря. Эти отряды, видимо, были царской или княжеской дружиной с самым лучшим на то время оружием, в которую входили представители правящего племени или отдельные отряды племен, входящих в союз. По данным археологов, в сейминско-турбинских отрядах пятую или четвертую часть составляли абашевцы.

Если принять предложенную гипотезу, то становится понятным, почему у них не было поселений, а вещи их находят на огромной площади в 3 млн кв. км. Впоследствии, когда надобность в таких военных отрядах отпала, перестали появляться в последующих временах и памятники сейминско-турбинского типа. Возможно произошло очередное (циклическое?) раздробление единого государства.

Последняя волна расселения славян. Все дальше к ночи

Закатилось солнце и покрылись
тьмью все пути, а судно наше
достигло пределов глубокого
океана...

Гомер. Одиссея

В этой главе описываются события, изложенные в (Р), протяженно-стью в тысячелетие, начиная с окончательного ухода славян из первоначального места жительства на новые для них места, но уже обжитые славянами родственных племен предыдущих переселений. Движение славян также происходило через Кавказ и, видимо, по родовому принципу: скифы — к скифам, россы — к россам... Этой последней волной

переселения заканчивается процесс так называемого индоевропейского расселения. События в главе изложены до образования славянского государства вандалов.

(Р). 3800–3900 (1708–1608 гг. до н.э.). (Царь Велиуд имел соправителем князя Аллана, сына царевича Росса-Вандала. [В примечании в (Р) сказано, что от племени Росса-Вандала I произошел царь Великого Новгорода — Славян, сыном которого был царь Вандал II.]

Царь Велиуд уклонился от дальнейших ссор с соседними царями, живущими в Палестине, и со всем имуществом и чтимыми ими богами [в примечании к (Р): эти грубые изваяния дошли до наших времен под названием «каменных баб», наибольшее количество которых находится в степях Украины] двинулся огромной народной массой мимо Финикии через Сирию в Армению на берега Эвксинского Понта на местожительство прародителя Ноя. Но, не найдя гостеприимства от живущих там народов, которые не хотели признать их однородство и вооружились против мосохов, россов и мослемов [видимо, племена Велиуда], Велиуд со своим племенем пошел дальше к северу.

Сын Велиуда царь Сихей привел свой народ в области Иверскую, Колхиду и Пафлагонию, места, где в городах жили их предки сродичи.)

* * *

Завершение «индоевропейского расселения» и распад «индоевропейского единства», зафиксированные археологами, антропологами и лингвистами, хронологически точно совпадают со временем окончательного ухода славян из первоначальных мест проживания, во главе с царем Велиудом. В Палестине, видимо, уже давало себя знать перенаселение, к тому же сказывался и ксеротермический период. В составе огромной народной массы племен названы мосохи, россы и мослемы. Однако, как станет ясно из дальнейших сообщений в (Р), имена часто давались по местностям и все племенные подразделения входили в основные союзы племен: скифов, россов и сарматов.

В Иверии, Колхиде и Пафлагонии уже жили славяне — видимо, потомки славян, оставшихся при движении племен Мосоха. Подтверждение приведенным в (Р) сведениям находим у В.Н. Татищева: «Ниже из Диодора Сицилийского и других древних довольно видимо, что славяне первее жили в Сирии и Финикии... Перешед оттуду, обитали при Черном море в Колхиде и Пофлагонии...» (232, с. 93).

Судя по хронологии событий, переселение шло относительно медленно, с постепенным обживанием новых мест и дальнейшими

небольшими передвижениями. Движение происходило, видимо, по «столбовому» пути славянских родственных племен — потомков раселявшихся в конце IV — начале III тыс. до н.э. племен Мосоха. В одном месте даже (в Армении, у берегов Черного моря, в месте первоначального жительствова Ноя) живущие там славянские племена, как сказано в (P), не захотели признать их родства, и им пришлось продолжить движение дальше.

В какой-то мере выясняется происхождение «каменных баб» в степной полосе Восточно-Европейской равнины. Однако датировка их с учетом сведений в (P) — XVII в. до н.э., явно расходится с принятой в исторической литературе. Например, в работе (180) указывается время изготовления каменных изваяний в степях от Северного Кавказа до Добруджи — начало VII в. до н.э. Определяющим признаком датирования в этой работе явилось оружие. Правда, неясно, об одних и тех же ли «каменных бабах» идет речь.

(P). 3900–4000 (1608–1508 гг. до н.э.). (Многочисленный народ во главе с царем Сихеем, сыном Велиуда, густо заселил Иверию, Колхиду и Пафлагонию. Были построены крепкие города, в каждом из которых был свой царь, но над всеми правил Сихей. Все народы жили мирно между собой.)

* * *

Происходило постепенное заселение свободных пространств на достаточно ограниченных территориях. На этот процесс уходило столетия. При появлении новых поколений и при необходимости увеличения для них жизненного пространства движение, видимо, возобновлялось. Единоначалие над всеми царями Сихея еще раз подтверждает наличие государственности у славянских народов.

(P). 4000–4100 (1508–1408 гг. до н.э.) (Царь Зорав [в «Родословной царей...» — Фирас], сын Сихея, продолжил переселение и при переходах своих селился все более и более к северу.

Царь Варис, сын Зорава, вынужден был вести войны не только с соседними народами, но и с однородцами, вышедшими когда-то с его предками из Палестины.)

(P). 4100–4200 (1408–1308 гг. до н.э.) (Севенон [в «Родословной царей...» — Севегон], как и его отец Варис, продолжил движение вглубь севера, имея при этом движении различные названия своему народу в зависимости от местностей. Где-то их называли мослемами, где-то

россами, где-то — мосоховитами, но Севенон эти названия отверг и принял для своего народа имя скифо-урало-россов и сарматов. Из-за этого названия поселенцы Иверии, Колхиды и Пафлагонии, хотя и были с ними одноплеменными, но не стали их признавать таковыми, отчего вначале были ссоры, а потом начались кровопролитные столкновения.

Царь Севенон строил крепкие города и прокладывал путь острием меча вглубь севера.)

* * *

Из приведенных сообщений видно, что племена могли легко изменять названия в зависимости от местности, поэтому большое количество наименований не означало пестроту этнической картины. Этот вывод будет справедлив и далее при рассмотрении племенных названий на Восточно-Европейской равнине в более поздние времена, например при описании племен Геродотом. Исключительно важным сообщением является то, что племена скифов, урало-россов и сарматов находились в составе одного народа. Далее, учитывая предыдущее сообщение (за период 2408—2308 гг. до н.э.) о переселении Киддака со всем своим родом к единоплеменникам урало-россам, жившим на Урале до него, становится очевидным, что переселялись и в первую (племена Мосоха), и в последнюю волну переселений племена одного славянского народа, причем даже с одинаковыми племенными названиями (урало-россы, например). В последней волне переселения все славянские племена находились в составе одного народа. Причем, как видно из принятого названия (скифо-урало-россы и сарматы), скифы и россы, видимо, вообще составляли единое племя. Подобный вывод можно сделать и из отдельных последующих сведений в (Р). В какой-то мере подтверждением этой объединенности скифов и россов может служить сообщение о скифах-рос (также объединенных в приведенном названии) в Схолиях к Аристотелю, к сочинению о небе (138, I, с. 385).

(Р). 4200—4300 (1308—1208 гг. до н.э.). (Дети Севенона Фела и Асавед, собрав бесчисленные полчища, ходили воевать в Палестину, взяли города Аскалон и Яффу и возвратились с богатой добычей.

Царь Амврий сын Севенона ходил воевать в Колхиду и привез великое сокровище золотое руно и царевну Прозорсану, дочь колхидского царя, ставшую его женой.)

* * *

Постепенное перемещение (заселение) на новые территории шло небыстрыми темпами, с построением укрепленных городов и основа-

тельным устройством там, о чем говорит организация относительно далеких походов из этих городов — в Палестину.

В рассказе о походе в Колхиду Амврия получает реальное содержание известная легенда о золотом руне, правда, с другими действующими лицами, но место действия совпадает.

(Р). 4300–4400 (1208–1108 гг. до н.э.). (При царе Месемврии [внуке царя Амврия] управляемый им народ доселился до гор гиперборейских (кавказских), которые племена Месемврия перешли двумя открытыми ими путями с большим трудом. Перейдя эти горы, они жили там долгое время при подошве этих гор и заняли пространства по берегам двух морей Каспийского и Эвксинского Понта и были широко известны в далеких странах своими военными подвигами и держали в страхе соседние народы своей многочисленностью и стремлением к прибиткам.)

* * *

Славяне последней волны расселения перешли Кавказские горы и начали продвижение на Восточно-Европейскую равнину. Диодор Сицилийский, сведения которого восходят к ранним ионийским источникам, писал, что скифы вначале жили у реки Аракс, а затем располагались в горах до Кавказа и в низменности между Каспийским и Азовским морями (83). Если учесть, что одно из самоназваний перешедших Кавказские горы славянских племен было скифы, то данные Диодора Сицилийского полностью подтверждают сведения в (Р). По мнению В.А. Городцова (94), появление бронзовых топоров фатьяновского типа в Трансильвании из Месопотамии нужно связывать с движением через Каспийские ворота и Южный Кавказ на восток, в Сибирь, и оттуда в Восточную Европу. То есть опять подтверждается движение племен через Кавказ.

Отмечу один существенный момент. Во время написания А.Я. Артыновым своей рукописи (16) — вторая половина XIX в., — среди ученых бытовало мнение о Кавказе как труднодоступном «захолустье». Об этом пишет В.И. Марковин, перечисляя ученых, придерживавшихся подобных взглядов (В.Ф. Миллер, И.И. Толстой, Н.П. Кондаков, Г. Вильке и др.) (149, с. 254). А.Я. Артынов излагает совершенно противоположные понятия и сведения. Он пишет о движении славянских родов и союзов племен через Кавказ и заселении ими Северного Кавказа. Активность «Кавказской дороги», о которой написано в (Р), будет обоснована по материалам археологии и других наук через сто с лишним лет, после написания А.Я. Артыновым своей рукописи. Это

ли не подтверждение «непридуманности» сведений в (Р) и компетентности источника, использованного А.Я. Артыновым?!

(Р). 4400–4500 (1108–1008 гг. до н.э.). (Царь Месемврий с братьями ходил в далекие военные походы по побережью Эвксинского Понта, при этом присматривая привольные места для жительства. Во время одного такого похода при устье реки Ахтубы Месемврий умер в глубокой старости.

Царь Форсис, сын Месемврия, живший на берегу Эвксинского Понта, переселился в степь, образовавшуюся на месте безбрежного моря, после бывшего когда-то сильнейшего землетрясения, которое разорвало это море на три моря: Аральское, Каспийское и Эвксинский Понт. Это огромное бывшее море имело с одной стороны Карпатские горы, а с другой — горы Общий Сырт.

Князь Идум с избранными мужами ушел в Иерусалим и там был на службе у царя Соломона, сына Давида, одним из первых воевод-полководцев. Князь Идум выручил из плена у Аполицкого короля царя Соломона, за что царь Соломон сделал князя Идума наместником Аполицкого царства.

После смерти царя Соломона знаменитый полководец и царь Идум оставил Аполицкое царство одному из своих сыновей, а сам со всем своим родом и другими родами своего племени поселился на берегах Дуная, на Балканских горах, занимая территорию до Босфора Фракийского.)

* * *

В сообщении говорится, каким образом происходило переселение славян. Военный отряд выходил вперед с разведкой и высматривал подходящие для жительства места. Одно из таких мест зафиксировано в сообщении — устье реки Ахтубы, то есть славяне завершающего этапа расселения к этому хронологическому отрезку достигли устья Волги.

По данным геологии, разделение Черного и Каспийского морей произошло около миллиона лет назад, хотя датировка методом C_{14} в последнее время вызывает все больше и больше вопросов. Со Средиземным морем Черное море последний раз соединилось 6–7 тыс. лет тому назад (32). Это произошло внезапно после землетрясения на глазах обитавших здесь людей. Возможно, это событие и нашло отражение в сообщении в (Р).

Сюжет об Идуме говорит о том, что какие-то связи с Палестиной, возможно, поддерживались, несмотря на окончательный уход славян-

ских родов за 600 лет до этого во главе с Велиудом. Очевидно, и признание полководческих способностей славянских вождей (князя Идума — брата царя славян Садука). Появляется возможность более точно определить время переселения славян на берега Дуная и Балканы (переселение произошло после смерти царя Соломона), хотя, возможно, там уже жили славянские племена от первой волны расселения.

Исключительное по своей важности сообщение в (Р) о переселении славян на Дунай, во-первых, имеет уже аналогии в русских летописях: «Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская» (185, с. 144), во-вторых, позволяет еще раз доказать, что народ, включавший племена скифов, урало-россов и сарматов, откуда был родом Идум, был славянским, и, в-третьих, появляется возможность сделать хронологическую привязку введения Повести временных лет. При этом сама фраза, приведенная из ПВЛ, говорит, что была еще какая-то, более ранняя информация, но утраченная. Я думаю, материалы в (Р) восполняют этот пробел.

(Р). 4500–4600 (1008–908 гг. до н.э.). (Цари Идум и Садук царствовали: Идум — на берегах Нижнего Дуная, а Садук — на реке Бористол. Они ходили воевать на реки Неман и Вислу и всегда возвращались с огромной добычей.

Царь Заза [правнук Садука] прославился военными способностями и далекими походами. С множеством воинской силы ходил он на берега Дуная и Бористола и основал там много крепких городов.)

(Р). 4600–4700 (908–808 гг. до н.э.). (Царь Заза с увеличившимся племенем занял пространство от рек Борисфена до Истра (Дуная). А некоторые бывшие с ним поколения удалились на берега реки Танаис и оттуда густо расселились до берегов реки Ра (Волги).

Дети царя Зазы Холкия, Адда [в «Родословной царей...» — Аяд] и Ахитав поселились на горах Алаунских (Валдайских).

Князь Иосевед [в «Родословной царей...» и далее в тексте — Иоседек] ушел и поселился на озере Ильмень, где обитали его предки [одноплеменники от прежних переселений]. Там он взял в жены дочь избороцкого царя Сикуса, ведущего свой род от Фовела сына Яфета, с детьми которого, князьями Паславом и Ферулом, ходил воевать в Скандинавию, за море Неву. Там взяли они многие крепкие города, где князья Паслав и Ферул остались царствовать. Князь Иоседек, после возвращения в Избор, взял в жены дочь рыболова, спасшую его, когда он тонул при переправе через реку Великую, и поселился с ней в городе Русе.)

* * *

Происходит интенсивное заселение свободных пространств. На рисунке 2.4 показаны примерные направления расселения славян последней волны переселения, начавшейся с уходом из Палестины в XVII в. до н.э. во главе с царем Велиудом огромных по численности славянских объединений и завершившейся в основном примерно в IX в. до н.э. Продвижение славян на Восточно-Европейскую равнину, как и в предыдущих переселениях, шло достаточно медленно, видимо, по мере увеличения численности населения на вновь заселенных территориях. В целом на Восточно-Европейской равнине уже проживали славяне от первых волн переселений, начиная со славянских племен Мосоха. Последняя волна славянского переселения также шла на свободные пространства — места хватало всем.

Следует отметить условность показанных на рисунке 2.4 направлений переселения славян, поскольку, как видно из рукописи А.Я. Артынова, движение шло также и в обратном направлении, с севера на юг, при этом также на свободные территории. На основании данных

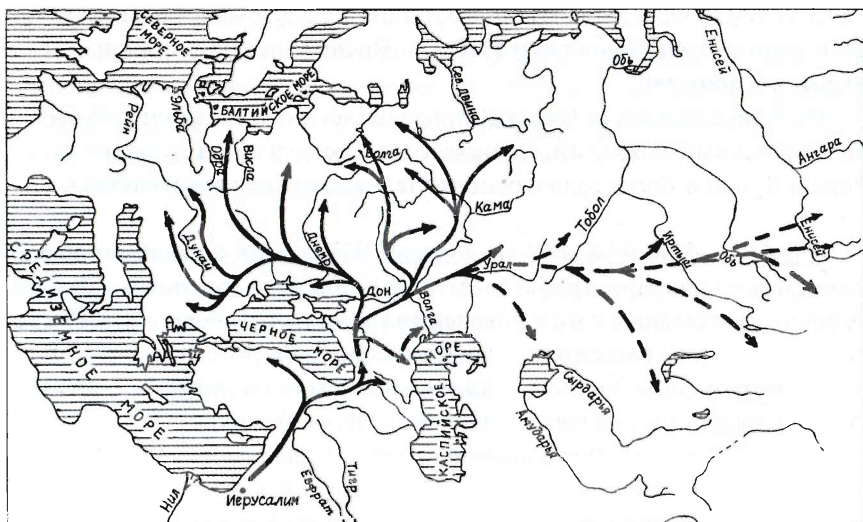

Рис. 2.4. Примерные направления и области расселения последней волны переселения славян (с XVII в. до н.э. по VIII в. до н.э.), составленные с использованием рукописи А.Я. Артынова, — сплошные линии.

Дополнительные направления и области расселения славян, установленные на базе археологических данных, — пунктирные линии

археологии определено, что андроновская культура занимала пространство до Енисея с шириной полосы от сибирской тайги до Тянь-Шаня. Большинство исследователей признают генетическое родство населения андроновской культуры и последующей за ней на этой же территории сарматской культуры. От себя добавлю, что самоназванием андроновцев и было сарматы. Как известно из главы «Ираноязычны ли были скифы?» данной книги, сарматы, как и скифы, были славянами. Поэтому на рис. 2.4 пунктирными линиями показано движение славян-сарматов, полученное на основании данных материальной культуры.

После процитированной уже фразы из ПВЛ о заселении славянами земли по Дунаю следующая фраза оттуда же подтверждает приведенные ранее из (Р) сообщения (908–808 гг. до н.э.) о повсеместном расселении славян: «От тех славян разошлись славяне по земле и прозвались именами своими от мест на которых сели» (185, с. 144).

Святой Димитрий Ростовский в своей Летописи, приводя объяснение наименованию «россы» — как получившие от рассеяния своего, — пишет: «Ибо на широкой части свѣта по многимъ различнымъ странамъ, иные надъ моремъ Чернымъ (Понтскимъ Евксиномъ); иные надъ Танаисъ или Дономъ и Волгою рѣками; иные надъ Дунайскими, Днѣстровыми, Днѣпровыми, Десновыми берегами широко и различно селеньми своими разсѣяшася» (81, ч. III, с. 6). Данная фраза снова подтверждает достоверность сведений в (Р). Также заметим, что изложенные в (Р) сведения о расселении славянских племен и родов соответствуют и событиям, изложенным в Повести временных лет: «Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие — древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами... Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем — славянами, и построили город, и назвали его Новгородом. А другие сели по Десне, и по Сейму, и по Суле, и назвались северянами. И так разошелся славянский народ...» (185, с. 144).

Таким образом, заселение Восточно-Европейской равнины славянами даже последней волны расселения произошло намного раньше принятого в исторической литературе времени. А ведь это было не первое, а последнее переселение славянских племен. Об этом говорит и тот факт, что когда Иоседек (или Иосевед) со своим племенем пришел и поселился на Ильмене, там уже жили его сродичи от предыдущих переселений. В приведенной из ПВЛ цитате (с. 144) говорится, что

славяне, севшие у Ильменя, построили Новгород. О значительно более древнем, чем принято считать, построении Новгорода будет сказано в специальной главе «Основание Новгорода».

Еще одним характерным моментом является соседство славян с угро-финами, уже обитавшими в районе Изборска. Говорится о царе изборском Сикусе, ведущем свой род от Фовела, от которого, как сообщалось ранее, произошли угро-финские племена. Анализ археологических материалов подтверждает примерную границу областей проживания славян и угро-финнов в районе Изборска. Можно отметить также факт существования таких городов, как Избор и Руса, уже в IX в. до н.э.

(Р. 4700—4800 (808—708 гг. до н.э.). (Князь Авихамс [в «Родословной царей...» — Авихам] ушел посмотреть иные земли и народы и дошел до земли скандинавской, где царствовал царь Ферул.

Цари Авихамс и Дорса со своими племенами соединились в один народ и стали обитать на горах Алаунских в верховьях реки Ра, густо заселив эти места.

Цари Россолом и Векра дети Вамы ходили воевать в полуденные страны и на берегу моря Меотис основали пять крепких и многолюдных городов и стали там царить.

На горы Алаунские к Россолому и Векре пришли князья Гефемон, Захаф и Елмадок дети Дорсы и поселились в их крепких городах. К ним же пришли с многочисленными народами князья Сервил [в «Родословной царей...» — Серриил] сын Вамы и Амон сын Дорсы и поселились на море Меотис. Посредством брачных союзов отдельные народы слились в один народ, который благодаря своей великой храбрости стал повсюду могуществен. Некоторые ушли и поселились на горах Балканских и Карпатских.)

* * *

Итак, последняя волна расселения славян распространилась на Восточно-Европейской равнине. Фактически отмечено единство народа, жившего от Ильменя и Валдайской возвышенности до Азовского моря и Дуная и от Волги до гор Балканских и Карпатских, и что этот народ — славяне («И так разошелся славянский народ» — ПВЛ). Шло интенсивное объединение различных славянских племен и родов, славян-автохтонов (начиная с племен Мосоха) и вновь переселившихся славян. Очевидно, что такое «перемешивание» и объединение к концу VIII в. до н.э. было в основном завершено и возник этнический славянский монолит, объединивший славян, потомков первого рас-

селения на Восточно-Европейской равнине, которое можно отнести к рубежу IV—III тыс. до н.э., и потомков славян последующих переселений, в том числе славян-протоиндийцев, славян-фатьянцев, славян последней волны переселения, а также других славянских племен и родов. Это объединение шло, видимо, исключительно мирно — не отмечено ни одного конфликтного сюжета в сообщениях. Вновь прибывавшие славянские племена и роды располагались на свободных пространствах. По сообщениям в (Р), за это и предыдущее столетие видно, что переселение шло из степи в лесную полосу и наоборот. Это говорит о том, что большой разницы между славянскими племенами не было (например, между скифами и россами), а был единый славянский народ.

Сведения материальной культуры

По времени описываемых в главе событий в степях, по данным археологии, в основном располагалась огромная срубно-андроновская общность, а в лесной полосе также значительную территорию занимали дьяковско-городецкие племена.

В период расцвета срубные племена занимали территорию от Урала и до низовий Днестра, от прикаспийских степей и побережья Черного моря до Камы и Средней Оки. Срубная культурно-историческая общность практически вобрала в себя всю территорию древнеямной общности, при этом являясь генетически родственной с ней. О генетическом родстве населения этих общностей и ямной подоснове срубной культуры писали многие исследователи (см. например, 124, с. 10—26; 160; 161, с. 83; и др.). Правда, есть мнение, что одной из главных основ сложения срубной культуры явилась катакомбная культура. Однако сделанные ранее выводы о славянстве древнеямных племен (первых переселенцев из племен Мосоха) и катакомбных племен (видимо, славяне протоиндийской цивилизации) делают разницу в этих двух мнениях не слишком значительной, только в археологическом плане.

Черепки из погребений срубной культуры исследовали многие антропологи. Г.Ф. Дебеч писал о близости черепов срубной и древнеямной культур в Нижнем Поволжье и что племена срубной культуры, по-видимому, являются потомками племен древнеямной культуры, сохраняя черты древнего долихокранного типа (77, с. 106). М.М. Герасимов отмечал большую морфологическую близость черепов срубной и древнеямной культур, однако срубные значительно меньше, тоньше,

грацильнее (54, с. 473). О долихокрании черепов срубной культуры писали также Т.С. Кондукторова (117, с. 169), С.И. Круц (125; 128, с. 533) и другие исследователи.

В целом многие антропологи делают вывод об очень большой устойчивости антропологических типов в пределах Восточно-Европейской равнины. Сделанные выше антропологические заключения хорошо согласуются с излагаемой в данной книге концепцией истории славянства. На Восточно-Европейской равнине постоянно проживало славянское население с пополнением и объединением с вновь переселяющимися родственными славянскими племенами и родами.

При достаточно убедительных данных о генетическом родстве населения древнеямной и срубной культурно-исторических общностей также очевидны факторы, указывающие на миграционный характер племен срубной общности. О перемещениях огромных масс народа говорят многочисленные археологические материалы. По мнению Н.Я. Мерперта, археологические памятники свидетельствуют о продвижении племен срубной культурно-исторической общности на север (159). Такое продвижение нашло отражение в ослаблении с середины II тыс. до н.э. кавказских центров по добыче металла в связи с задействованием уральского металла. О движении срубных племен на север — в Прикамье и на Среднюю Волгу — пишет И.Б. Васильев (41). Причем, как он отмечает в другой работе: «везде, где они появлялись, срубные племена быстро и активно взаимодействуют с местным населением» (40, с. 94).

В (Р) снова и снова говорится о продвижении славянских племен все дальше к северу («к ночи»). Причем, славяне последнего расселения также исключительно мирно и продуктивно взаимодействовали со славянами — автохтонами первых расселений. О колоссальном размахе миграционных и военно-политических событий, происходивших при движении срубных племен, пишет Г.Г. Пярых (198), и что, судя по археологическим данным, они сопоставимы с Великим переселением народов и сами являлись одним из таких переселений. При этом переселении срубных племен, как пишет С.В. Киселев, они сохраняли постоянную связь между отдельными племенами и осознавали свое тесное родство и единство (113, с. 35).

Итак, в качестве исходных данных имеем: единообразие материальной и духовной культуры населения на всей территории древнеямной культурно-исторической общности; аналогичное единство на всей территории срубной культурно-исторической общности; генетическое родство древнеямной и срубной общностей и в то же время

пришлый характер срубных племен. Каким образом увязать все эти условия? Эти исходные условия хорошо объясняются и вписываются в излагаемое в данной книге положение. А именно: древнейшие и срубные племена были славянами разных времен переселений из так называемого индоевропейского массива, но принадлежащих к одному и тому же славянскому союзу племен — скифов, этим объясняется генетическое родство археологических культурно-исторических общностей; отличия между ними также естественны — автономное развитие шло не менее полутора тысяч лет; сопоставление срубных племен и славян последней волны переселения, по данным (Р), дает хорошее согласование с исходными данными о прищлости срубных племен; единообразии материальной и духовной культуры на всей территории сначала древнейшей, а затем срубной общностей объясняется принадлежностью всего населения рассматриваемых территорий к союзу скифских славянских племен.

Комплексный анализ археологических памятников срубной культурно-исторической общности показал, что происходило значительное увеличение численности населения этой общности, которое стало возможным из-за повышения производства продуктов потребления при переходе к комплексному скотоводческо-земледельческому хозяйству. К слову следует сказать, что племена срубной культуры знали много способов заготовки продуктов. Например, производилось вяление, копчение, сушка и заморозка мяса, причем для заморозки использовались глубокие ямы-погребы со льдом (40, с. 90) — совсем как в сельской местности делается и сегодня. О чрезвычайно высоком уровне развития земледелия, скотоводства и различных ремесел у населения срубной культуры говорится в работе (26).

В.С. Горбунов сделал важные выводы о социально-экономических и организационных структурах срубной культурно-исторической общности. Он пишет, что феноменальный характер этой общности проявился не только в огромных размерах освоенной территории, но и в уникальном проявлении стандартизации и единообразия материальной культуры, что стало возможным благодаря высокому уровню организационных структур. Общество срубной культурно-исторической общности, видимо, характеризовалось наличием четких ценностных ориентаций и установок, которые отражали картину мира и место в ней человека. Важное место в системе организации власти занимали хозяйственно-культурные центры в виде крупных стационарных поселков со сложной инфраструктурой. Данные центры, далее пишет В.С. Горбунов, вероятно, можно рассматривать как

региональные столицы. Уникальная стандартизация в области материальной и духовной культуры позволяет говорить о наличии у срубного населения достаточно выраженной централизованной системы властных структур со строго контролируемым исполнением нормативных установок. Было создано мощное и разветвленное информационное и культурное пространство, в котором эффективно осуществлялись функции реальной власти, способствовавшие обеспечению потребностей населения в жизнедеятельности и личной безопасности. В заключение В.С. Горбунов справедливо делает вывод о наличии в срубной культурно-исторической общности признаков, присущих ранним государствам (62).

О сохранении поразительного единства срубных племен от Урала до Днепра, после их расселения, пишет и С.В. Киселев (113, с. 36). Интересен факт наличия на некоторых копьях, обнаруженных в погребениях срубной культурно-исторической общности, в нижней части втулки специального ушка, к которому, по мнению С.В. Киселева, видимо, привязывались боевые значки (113, с. 35). А ведь это означает возможную регулярность и профессиональность войска племен срубной общности, что также является аргументом в пользу государственности. Вывод о возможной государственности срубных племен подтверждает сделанный ранее вывод о возможной государственности древнейших племен.

По поводу хронологии срубной культурно-исторической общности есть разные суждения. О.А. Кривцова-Гракова подразделяет срубную культуру на два периода: I период — XV—XIII вв. до н.э. и II период — XII—VIII вв. до н.э. (124). Аналогичную классификацию дает Н.Я. Мерперт, но с разбивкой каждого периода на этапы. А.И. Тереножкин предлагает отдельную периодизацию для Поволжья и для Причерноморья. Если проводить параллель между последней волной расселения славян по данным (Р) и материалами археологии (например, классификации по О.А. Кривцовой-Граковой) с учетом славянства срубных племен, то очевидно, что начало срубной культурно-исторической общности (XV в. до н.э.) несколько не соответствует времени перехода, по данным (Р), основной массы славян через Кавказские горы (XII в. до н.э.).

Это несоответствие можно объяснить тем, что переселение и изменение (археологически) культуры началось в среде степных славянских племен до прихода огромных масс славянского населения из-за Кавказских гор (например, по причине нехватки кормов — ксеротермический период). Начало этого движения можно датировать

XVI—XV вв. до н.э. А затем, с XII в. до н.э., с приходом новых славянских племен, это движение обрело большую мощь в продвижении на свободные пространства.

Можно предположить и другие объяснения: отдельные славянские племена перешли через Кавказские горы раньше основной массы переселяющихся славянских племен последней волны переселения, например в XV в. до н.э., тем более что уход славян последнего переселения (из Палестины) под руководством царя Велиуда начался еще в XVII в. до н.э. и через два столетия (к началу I периода срубной культурно-исторической общности) эти передовые отряды могли уже располагаться в степях Северного Причерноморья; еще одной причиной некоторого хронологического несоответствия может быть возможная неточность датирования (а именно — удревнение) начала срубной культурно-исторической общности.

Думается, следует все же остановиться на первом предложенном варианте объяснения, а именно начало переселения возникло в среде местных славянских племен. Удивительно точно соответствует сведениям в (Р), например, вывод, сделанный О.А. Кривцовой-Граковой: «...население причерноморских степей принадлежало к одной этнической группе, появившейся в Нижнем Приднепровье в конце II тыс. до н.э., а в VII в. до н.э. называвшей себя скифами» (124, с. 155). По данным (Р), как раз в конце II тыс. до н.э. славянские племена, в том числе и скифы, заселили берега двух морей — Каспийского и Черного. Аналогия полная, за исключением того, что скифы уже и в то время были скифами, а не с VII в. до н.э.

С одной стороны, данные археологии и антропологии говорят о близком родстве срубных племен и скифов. Г.Ф. Дебец писал, что «череп черноморских скифов совсем не отличаются от черепов людей срубной культуры» (79). Т.С. Кондукторова, проработав значительно больший объем антропологического материала, сделала аналогичный вывод (118, с. 21). Д.А. Авдусин пишет, что между срубной и скифской культурами нет принципиальной грани (5, с. 109). Например, верховая езда, имевшая место в срубное время, стала потом считаться принадлежностью скифской культуры, причем псалии (элемент узды) срубных всадников с самого начала по форме приближаются к шашечным бляхам скифского конского убора (113, с. 37).

С другой стороны, общеизвестны данные исторических источников о прищлости скифов, то есть не местной основе их развития. В то же время, несмотря на миграционный характер появления в свое время срубных племен, безусловно, отмечены многими археологами местные

корни срубной культуры, то есть генетическая связь с предшествующими степными культурами.

Все факторы и данные сводятся в единое целое, если принять следующее понимание событий. Общность скифов со срубными племенами и в то же время их пришлость объясняются тем, что самоназванием срубных племен и было — скифы, и в исторических источниках отмечен именно приход срубных племен (скифов), причем на генетически родственную основу, к древнеямным племенам, тоже скифам. В работе (242, с. 49) приводится мнение М.И. Артамонова о том, что рассказ Геродота о переселении скифов является отголоском передвижения, которое произошло приблизительно за 500 лет до Геродота. То есть данное мнение хронологически точно соответствует сведениям в (Р). Рассказ Геродота шел о скифах, но времен срубной культуры.

Заключая тему о срубной культурно-исторической общности, можно с уверенностью сказать, что население этой общности — скифы, было славянским, поскольку славянство скифов было показано в первой части данной книги.

Отмечая большое сходство срубной и андроновской культур, некоторые исследователи объединяют их в срубно-андроновскую культурно-историческую общность. Г.Б. Зданович пишет о продвижении южного населения на север, что это была историческая традиция. И что проникновение шло в среду родственных племен. Он предлагает близкие археологические культуры от Поволжья до Алтая, от таежной зоны Западной Сибири до земледельческих оазисов Средней Азии объединить под понятием «андроновско-срубная культурная общность» (92, с. 297–300). И это при европеоидном типе людей, населявших эти территории в то время. Г.Ф. Дебец писал: «В III–II тысячелетиях до н.э. ареал европейского расового ствола простирался на восток до Енисея» (77, с. 108). Уже приводилось мнение В.Н. Чернецова, что в неолите и энеолите на этой территории существовала единая этнокультурная общность, а все разнообразие культур является лишь ее локальными вариантами.

Следует согласиться с этой позицией о единой этнокультурной общности, но уточнив, что эта общность была славянской. Ранее уже было сказано, что все это пространство было занято славянами разных союзов племен и родов, а некоторые археологические и антропологические отличия культур объясняются проживанием на этих территориях населения, принадлежащего к разным племенным союзам и разным временам прихода на эти земли. В эту этнокультурную общность должны быть включены и славянские племена лесной полосы,

а в целом эту огромную территорию занимали славяне крупнейших союзов племен: скифов, россос (или урало-россов) и сарматов.

О правомерности рассмотрения срубной и андроновской (алакульской) культур в рамках одной суперобщины говорится и в работе (91). По мнению Т.А. Трофимовой, в Хорезм (археологический памятник — могильник Кокча 3) «срубно-андроновские племена, вероятно, пришли уже смешанными между собой» (245). И далее отмечается, что смешение было недавним, видимо в то время, когда было захоронение в могильнике Кокча 3, то есть в XIII—XI вв. до н.э. Но ведь этот хронологический отрезок как раз соответствует, по данным (Р), времени распространения последней волны славянского расселения по берегам Каспийского моря. М.М. Герасимов также делает вывод об очевидности расселения андроновцев в Минусинской котловине на Алтае и в Казахстане из какого-то единого места, где они уже сложились как этническая общность (54, с. 548).

Время существования андроновской культурно-исторической общности такое же, как и у срубной, — с середины II тыс. до н.э. до VIII—VII вв. до н.э. Территория ее распространения была от Урала до Енисея и от сибирской тайги до Тянь-Шаня (5, с. 110). Огромная территория андроновской общности для некоторых археологов явилась даже аргументом, чтобы заявить о невозможности единства культуры этой общности, хотя археологические материалы не дают оснований сомневаться в этом. Андроновские племена занимались скотоводством, хотя был большой удельный вес земледелия, при этом они были и металлургами. Ими использовались месторождения Урала, Средней Азии, Казахстана и Горного Алтая (5, с. 111).

При желании андроновскую культурно-историческую общность можно было бы также назвать срубной, ведь в могильные ямы у них также вставлялись срубы. Отметим мнение С.В. Киселева, что «андроновские племена настолько близки по своей культуре к срубным, что есть все основания предполагать и их языковое родство» (113, с. 38). Общеизвестным фактом является происхождение сарматов от андроновских племен. От себя добавлю, что не происхождение, а андроновские племена и были сарматами. В первой части книги было показано, что сарматы наряду со скифами были славянами и имели общий славянский язык. И этот факт хорошо согласуется с приведенным выше мнением С.В. Киселева о возможности языкового родства срубного и андроновского населения.

О преемственности сарматской культуры от андроновской писали многие исследователи. Например, С.В. Киселев отмечает постепенное

переоформление позднеандроновских (замараевских) памятников в типичную савроматскую культуру и что все исследователи видят в андроновских племенах Казахстана и Южного Приуралья этническую основу, на которой сформировались савроматские, а возможно и сакские, племена. Преемственность культуры савроматов от андроновских племен так же бесспорна, как и генетическая связь савроматов и саков с андроновцами (113, с. 59).

Возвращаясь к сравнению элементов археологических культур — срубной и андроновской, — можно добавить, что их близость наблюдается в конструкциях жилищ, посуде, украшениях, видах оружия, да и оседлости.

Антропологическая оценка андроновских костяков говорит о близости с афанасьевской культурой, но с некоторыми специфическими особенностями (77, с. 70). Далее (с. 83) Г.Ф. Дебеч пишет о европеоидном типе, близком к кроманьонскому, населения андроновской культуры и что «появление андроновской культуры в Минусинском крае связано с переселением из более западных районов». По мнению Г.Б. Здановича (93), целесообразность перемещения человеческих коллективов определялась в первую очередь истощением почв на обрабатываемых земельных участках или изменением климатических условий.

Итак, материалы археологии и антропологии во многом подтверждают сведения в (Р) о переселении сарматов (самоназвание населения андроновской общности) из одной местности (по данным (Р) — из Палестины).

Одним из вариантов андроновской культуры считается тазабагьябская культура, племена которой занимали южные районы срубно-андроновской культурно-исторической общности. Время существования тазабагьябской культуры — вторая половина II тыс. до н.э. Археологические памятники свидетельствуют о большой близости населения этой культуры срубно-андроновским племенам. Вполне очевиден, при славянстве населения срубной (скифы) и андроновской (сарматы) культур, вывод о славянстве населения тазабагьябской культуры. Подтверждением тому может служить и единообразие родовых знаков (приведенных в первой части) Хорезма, Днепро-Окской области, Парфии, Боспорского царства, Рюриковичей и т.д. Эти знаки относятся к более позднему времени, но общность их не случайна и корнями уходит в давние времена. Да и антропологические материалы служат обоснованием этому.

По данным (Р), времени наиболее интенсивного заселения лесной полосы славянами последней волны расселения археологически

соответствует возникновение дьяковской и городецкой культур. По мнению К.А. Смирнова, продолжительность этих культур превышает полторы тысячи лет и охватывает время с VIII—VII вв. до н.э. по VII — нач. IX вв. н.э. Памятники дьяковской и городецкой культур расположены на Верхней Волге, в Волго-Окском междуречье, на Средней Оке (дьяковская), к югу и юго-востоку от Оки и в бассейне рек Цны и Суры, ограниченные с востока Волгой (городецкая) (222, с. 1—2).

Большой определенности в происхождении и установлении этнической принадлежности племен дьяковской и городецкой культур у археологов нет. Считается, что дьяковские племена относились к угро-финнам, а предками городецких племен были волосовцы и племена срубной культуры в окском варианте. Много данных говорит за то, что корни дьяковской и городецкой культур уходят в более ранние культуры. Например, в работе (216) говорится: «генетическая связь городецкой культуры с более ранними культурами края почти не подлежит сомнению». И далее отмечается, что городецкая культура вобрала разные элементы, в том числе фатьяновской, абашевской и срубной культур.

Дьяковская и городецкая культуры территориально во многом повторяют волосовскую, а затем и фатьяновскую культуры. Заметно лишь некоторое отступление от района Ладожского озера из-за экспансии угро-финских племен. Большинство исследователей считают племена дьяковской культуры предками мери и веси, а городецкой культуры — предками мешеры, муромы и мордвы. Приведенные ранее в книге материалы заставляют придерживаться иного мнения и считать население дьяковской и городецкой культур — славянским. Странно то, что несколько тысяч гидронимов от Москвы до Урала, не объяснимые с помощью угро-финских языков, не мешают большинству исследователей считать племена, проживавшие на этой территории, угро-финскими. На самом деле топонимика принадлежала к славянским племенам (волосовской, фатьяновской и дьяковско-городецкой культур), в языке которых было еще много индоевропейских слов.

О славянстве дьяковско-городецких племен говорит неизменность населения, проживающего на этих территориях. Эта неизменность населения, включая летописных славян, может быть корректно доказана экстраполяцией достаточно многочисленных факторов и элементов, присущих волосовской и фатьяновской культурам, до аналогичных факторов и элементов последующих славянских поселений летописного времени через дьяковскую и городецкую культуры. Этим самым

не только еще раз подтверждается сделанный ранее вывод о славянстве населения волосовской и фатьяновской культур, но и устанавливается славянство населения промежуточных дьяковской и городецкой культур. Кроме того, по данным (Р), в хронологических рамках дьяковской и городецкой культур на этой территории проживало именно славянское население Новгородской и Ростовской земель, в окружении угро-финских племен.

К.А. Смирнов пишет, что нет фактов контакта финно-угорского населения со славянами, но косвенные данные говорят о длительном совместном их проживании. К ним относятся антропологические данные, фольклор, гидронимика, сведения в письменных источниках (222, с. 42–43). Так оно и было, поскольку из (Р) видно, что славяне, жившие в Ростовской земле, многие и многие столетия сдерживали натиск угро-финских племен, который постоянно возрастал. Поэтому не приходится удивляться археологическим данным, на основании которых К.А. Смирнов отметил, что уже в период VII–VI вв. до н.э. население городищ Волго-Окского междуречья затрачивало огромные усилия на постройку укреплений, при этом не останавливаясь даже перед изменением рельефа местности (220). Таким образом, эти укрепления возводились для защиты автохтонного славянского населения от наступления угро-финских племен.

Имеется много археологических данных, на основании которых можно сделать вывод о тесных контактах племен дьяковской и городецкой культур с населением степи и лесостепи в VII–VI вв. до н.э. (221; 222, с. 23). От себя добавлю, что можно говорить не о тесных контактах, а о родстве и единстве славянского населения леса, лесостепи и степи. По сведениям в (Р), территория эта была в рассматриваемое время густо заселена именно славянами разных племенных союзов и родов.

Краткие выводы по главе с учетом данных материальной культуры: сведения в (Р), а также изложенные в главе положения не противоречат археологическим материалам и в основном подтверждаются многочисленными данными; население рассматриваемых территорий лесной, лесостепной и степной полос Восточно-Европейской равнины и степей Западно-Сибирской равнины до Енисея было славянским (за исключением части территории лесной полосы, занятой угро-финскими племенами), при этом самоназванием населения срубной культурно-исторической общности было — скифы (славяне), андроновской — сарматы (славяне) и дьяковской и городецкой культур — россы (славяне).

О халибах, Ахилле и славянском побратимстве

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

В. Жуковский

Способ получения железа из руд был открыт во II тыс. до н.э. Есть сведения о получении железа в Малой Азии в еще более раннее время — в конце III тыс. до н.э. (40, с. 104). В трагедии Эсхила Прометей, обращаясь к Ио, говорит: «...иди по невспаханым степям, ты придешь к кочевникам скифам... К ним ты не приближайся, но удались из этой страны идя вдоль шумного и утесистого морского берега. По левую руку живут обрабатывающие железо халибы» (286). Очевидно, что речь идет о керченском месторождении железа, которое разрабатывается с незапамятных времен. Здесь около 3200 лет назад жил знаменитый герой своего времени Ахилл. Лев Диакон приводит сведения, которые сообщает Арриан в своем «Описании морского берега», что сын Пелея Ахилл был скифом и происходил из городка под названием Мирмикон, лежащего у Меотийского озера... Явным доказательством скифского происхождения Ахилла служили покроей его накидки, скрепленной застежкой, привычка сражаться пешим, белокурые волосы, светло-синие глаза (139, с. 78).

Если учесть, что в 1200-х гг. до н.э. в районе Керчи проживали племена срубной культуры, то эти сведения служат еще одним доказательством, что самоназванием племен срубной культуры было — скифы. Сама версия, что Ахилл был скифского происхождения, не нова, об этом говорили еще в эллинское время. Читая Гомера, особенно описание внешности Ахилла, о его высоком росте, мощи, грозных взглядах («быстрые очи, страшно как пламень светились») и русых волосах («Став при костре, у себя он обрезал русые кудри»), вспоминаются строки из Марцеллина, что аланы высоки ростом; красивы, с умеренно белокурыми волосами и что они страшны сдержанно-грозным взглядом своих очей. Очень ведь похоже! Описание Ахилла у Гомера к тому же подтверждает характеристику его внешнего вида, приведенную у Льва Диакона. Ранее говорилось, что аланы — это славяне, проживающие в основном в лесной полосе, Ахилл — скиф, то есть тоже славянин, поэтому описания внешности у Гомера и Марцеллина практически одинаковы.

Итак, Ахилл был скифом славянином, по времени относящийся, с позиции археологии, к срубной культурно-исторической общно-

сти. В.Г. Васильевский идет даже дальше, называя Ахилла русским: «Ахиллес был скиф и даже тавроскиф, то есть русский» (42). Вывод о славянстве Ахилла усиливается приведенным в «Илиаде» довольно подробным обрядом погребения Патрокла, чисто скифо-славянским: сжигание на костре, насыпание кургана, соревнования в память об умершем. Однако погребальный костер и затем насыпка кургана над Гектором — главным защитником и героем Трои, говорит о том, что этот скифо-славянский обряд был и у троянцев, тем самым подтверждая мнение многих историков о славянстве троянцев. С учетом того, что Ахилл, по сути, является главным героем «Илиады» и что Трои, по сюжету «Илиады», без него не взяли бы, то троянская война была войной с двумя славянскими главными противоборствующими героями Ахиллом и Гектором.

Обратим внимание на одну деталь, которая, быть может, до сих пор ускользала от внимания историков. Страдания Ахилла по случаю гибели Патрокла кажутся все же как-то явно преувеличенными, с учетом той малой цены жизни на войне, при постоянно гибнущих вокруг Ахилла людях, и в не малом количестве от его рук, и такой же постоянной его готовности умереть, да и просто уверенности, что у стен Трои его и самого ждет гибель. Опытный, закаленный воин, привыкший к смертям (с «железным сердцем» — как скажет о нем перед смертью Гектор), убивается несколько дней, и никто и ничем не может его успокоить. В сущности, так до конца своей жизни он и не успокоился. Он говорит (песнь XIX, ст. 321–322):

*Нет, не могло бы меня поразить жесточайшее горе,
Если б печальную весть и о смерти отца я услышал.*

И далее (Песнь XIX, ст. 326–327) то же самое о сыне:

*Даже когда б я услышал о смерти и сына в Скиросе
Милого...*

И затем (Песнь XXIII, ст. 46–47) — о смерти Патрокла:

*...Другая подобная горесть
Сердца уже не пройдет мне, пока средь живых я скитаюсь.*

Итак, друг Патрокл был самым дорогим для Ахилла человеком на земле, дороже отца, сына, семьи. Сопоставляя вышесказанное со

скифо-славянскими обычаями, можно определенно сказать, что Патрокл был для Ахилла — побратимом. Что такое побратим для скифов, мы узнаем из сочинения Лукиана Самосатского «Токсарид или дружба», где автор передает рассказ скифа Токсариды, живущего в Элладе: «Итак знай, что скифы не знают ничего выше дружбы, что скиф ничем так не гордится, как участием в трудах и опасностях друга, а равно и нет у нас большего позора, как показаться изменником в дружбе... заключается договор с великою клятвою в том, что они [побратимы] и жить будут вместе и в случае надобности умрут один за другого. И мы, действительно, так и поступаем, с того времени, как мы нарезав пальцы накапаем крови в чашу и омочив в ней концы мечей, отведаем этой крови, взявшись вместе за чашу, ничто уже не может разлучить нас» (143). Братающихся скифов мы видим на ювелирном изделии из кургана Куль-Оба.

Если Ахилл и Патрокл были побратимами, то, значит по скифским обычаям у них никого ближе друг друга и не могло быть. Тогда и такая реакция Ахилла на гибель Патрокла становится понятной. Побратимство Ахилла и Патрокла еще раз убедительно подтверждает скифо-славянскую принадлежность самого могучего героя Троянской войны. Обряд побратимства сохранялся у славян до самого последнего времени.

Относительно древности добычи железа в Керчи и наличия его у славян скифов говорит также и описание призов к играм в память о Патрокле: «Тут Ахиллес предложил им круг самородный железа» (Песнь XXIII, ст. 826), а также (Песнь XXIII, ст. 850, 851):

*Сын же Пелеев для лучников темное вынес железо.
Десять секир двуострых и десять простых им наградой.*

Видимо, можно согласиться с версией А.К. Югова (287) о неуязвимости Ахилла из-за стальных доспехов, которые бронзовое оружие пробить не могло. Однако качество стали, думается, все же было еще невелико, поскольку знаменитое копьё (наконечник) Ахилла и его меч были из бронзы. А бронзу, как известно, можно и закалывать.

Долгие споры идут о национальности самого Гомера. В Древних сохориях к Гомеровой «Илиаде» (SC. 1, 2, с. 301–302) говорится, например, что Гомер описывает в поэме натягивание лука скифским способом — тетиву к груди: «Жилу привлек до сосца... (Песнь IV, ст. 123), а также «Лук наляцавшего крепкий, по раму...» (Песнь VIII, ст. 325). Может быть, и Гомер был скифом, а следовательно, и славянином?

Часть III. Общеславянское государство

Сплочение славян — государство вандалов

...Здесь некогда, задолго до нашей истории, проходила другая история, о которой нет письменных известий и есть только известия, извлекаемые от имен земли и воды.

И.Е. Забелин

(Р). 4800–4900 (708–608 гг. до н.э.) (Царь Сора [в «Родословной царей...» — Сор] с многочисленным племенем соединился с различными своими поколениями в один народ, который заселил огромные пространства в Европе и Азии, распространившись в одну сторону до гор Алаунских [Валдайских], а в другую сторону до стран гиперборейских [Кавказ] и Пириербитских [Урал]. И было принято ими общее имя — вандалов. [В примечании к (Р) говорится, что от этого народа вандалов произошли знаменитые полководцы Буривой Вайдевут, в более поздние времена — Аларик Радегаст, победитель Рима, от которого произошел Буривой II, царь Новгородский, сыном которого был знаменитый старейшина новгородский Гостомысл]. В некоторых местах этот народ называл себя аланами. Ими было построено множество городов, в каждом из которых был свой царь, дававший своему царству или городу свое или какое-либо другое имя, из-за чего у народов в этих царствах или городах были различные имена.

Царь Фаон, прозванный Мадия [внук Сора], был знаменитый полководец. Он пошел походом с отборными воинами за реку Истр, у истоков которой успешно воевал и с огромными богатствами возвратился домой.)

* * *

Продолжающееся объединение славянских племен и родов привело к образованию огромного славянского государства, в котором славяне, прежде, видимо, имевшие наименования по союзам племен — скифов, урало-россов и сарматов, стали называться вандалами. Таким образом наименование вандалы равнозначно наименованию славяне. На рисунке 3.1 показана схема ориентировочной территории славянского государства вандалов (сплошной линией), определенная по материалам (Р). Для построения схемы этой территории послужили

следующие географические области и координаты, приведенные в (Р) за период с 1208 по 608 гг. до н.э., как места проживания славянских племен, вошедших в объединенное славянское государство. Это: озеро Ильмень; пространство от Валдайской возвышенности и верховьев Волги до Уральских гор; территория от Карпатских гор (включительно) до Общего Сырта; степи от Аральского до Черного морей; территория от Каспийского до Черного морей, включая предгория Кавказа; берега Дона и Волги и пространство между ними; берега Азовского моря и Северное Причерноморье; территория от Днепра до Дуная; оба берега Дуная и Балканские горы.

Участок от Дуная до Балтийского моря приведен на схеме с учетом сообщений античных авторов и данных материальной культуры, которым не противоречат сведения в (Р). Данные топонимики подтверждают древность проживания там славянского населения. В работе (116,

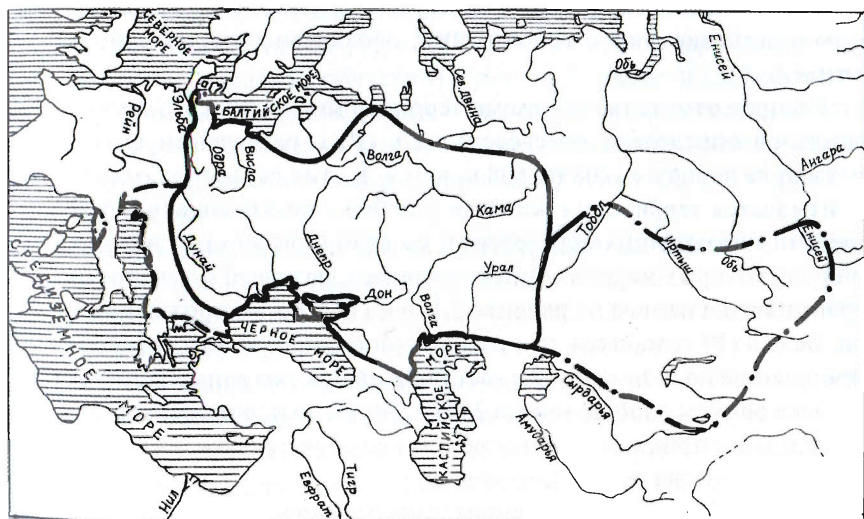

Рис. 3.1. Схема примерного распространения славянских племен на VII в. до н.э.

Условные обозначения: сплошной линией показана территория славянского государства вандалов, определенная по материалам рукописи А.Я. Артынова; штрих-пунктирной линией — в дополнение к территории, указанной сплошной линией, дана область расселения славян, составленная по данным археологии, исторических источников и лингвистики; пунктирной линией показана предполагаемая территория проживания славян, дополнительно к первым двум территориям

с. 57), например, говорится, что «территория верхней части бассейнов Вислы, Одера и отчасти Эльбы и Днепра... полна гидронимических повторов, что с несомненностью свидетельствует о языковой однородности создавшего ее населения». Аналогично пишет и П.Н. Третьяков, что основной этнический массив на Висле, Одере и по верхнему течению Дуная издавна составляли славяне (242, с. 108).

В действительности суммарная территория расселения славян была еще больше, чем территория государства вандалов, установленная на основании данных рукописи А.Я. Артынова. В нее также входила область проживания населения андроновской культурно-исторической общности. Самоназванием андроновцев было — сарматы, которые были одним из союзов славянских племен. Кроме того, этруски, относясь к славянским племенам россов (их самоназванием было — росы), также должны быть включены в суммарную область расселения славян. На рисунке 3.1 эти дополнительные области славянского расселения, определенные по материалам археологии, исторических источников, лингвистики и топонимики, обозначены штрих-пунктирной линией.

Следует отметить, что схема территории славянского государства вандалов определена по сведениям в (Р) о расселении славянских племен за период с 1208 по 608 г. до н.э. В этих сведениях отдельно не учитывается территория, которая уже была занята славянскими племенами предыдущих переселений со времен Мосоха. А эта территория в некоторых направлениях (например, на север) могла превышать границы, указанные на рисунке 3.1, и на ней также проживали славяне. Ведь в (Р) говорится, что славяне [последней волны переселения], пришедшие на Ильмень, уже застали живших там единоплеменников. В более раннем сообщении (за 2408—2308 гг. до н.э.) также говорилось, что Киддак, придя на Уральские горы со своим родом, уже застал там единоплеменных себе урало-россов.

Таким образом общая территория расселения славян к моменту образования единого славянского государства вандалов была много больше, чем определенная по материалам (Р). Однако и территория государства вандалов, указанная на рисунке 3.1 сплошной линией, колоссальна по размерам, превосходила все государства и империи, когда-либо существовавшие до этого, и составляла более 5,5 млн кв. км.

Рассмотрим сведения исторических источников и исследования относительно вандалов-венедов и территории их распространения. В.В. Мавродин пишет, что в письменных источниках славяне высту-

пают под названием венеды, и приводит первые сообщения об этом. Гесиод (VII в. до н.э.) писал об энетах, добывающих янтарь. Геродот (V в. до н.э.) сообщал, что янтарь привозят с реки Эридана от энетов (венетов). Об индах [вендах], земля которых лежит у берегов Северного океана и из земли которых привозят янтарь, добываемый в реке, писал Софокл (V в. до н.э.). Об энетах пишет и Скилак (IV в. до н.э.) (145, с. 31). Таким образом, первое упоминание о венетах у Гесиода, в VII в. до н.э., удивительно точно совпадает по времени с образованием государства вандалов (славян) по (P) — также в VII в. до н.э.

То, что вандалы — это славяне, пишет Гельмольд: «Там, где кончается Полония, мы приходим к обширнейшей стране тех славян, которые в древности вандалами, теперь же винитами или винулами называются» (53, 1, 2). Страбон пишет, что после взятия Трои энеты переправились во Фракию и во время своих скитаний пришли в современную Энетику (231, кн. XII, гл. III, 8). По мнению Страбона, энеты считались самым значительным пафлагонским племенем. Если учесть, что, по сведениям в (P), в XVII—XVI вв. до н.э. царь Сихей привел свой народ (славян) в области Иверскую, Колхиду и Пафлагонию, где уже жили их одноплеменники — потомки ранее переселившихся сюда славян, то славянство энетов — венедов подтверждается и с этой стороны и аналогично подтверждается славянство народа, царем которого был Сихей.

О венетах дважды упоминается в Певтингеровых таблицах, составленных в начале нашей эры (276). У Плиния Старшего в «Естественной истории» написано, что «...эти местности вплоть до реки Вистулы [Вислы] заселены сарматами, венетами...». У Прокопия Кесарийского сказано, что «вандилы населяли прежде страну около Меотидского озера» (194, с. 23). Иордан писал, что, начиная от Вислы, на безмерных пространствах расположилось многолюдное племя венетов, наименование которых теперь меняется соответственно различным родам и местностям, но преимущественно называются склавенами и антами (107, с. 71). Этими сведениями фактически подтверждаются данные (P), что в государство вандалов (венедов) входили все славянские племена.

У современных историков принадлежность венедов к славянам не вызывает сомнений, а значит, и славянство вандалов также очевидно. Об этом, например, пишет С.П. Толстов: «Вандалский союз должен рассматриваться в своей основе как военное объединение именно славян-венетов» (240, с. 29). В.В. Седов отмечает: «Очевидно, не случайно прибалтийско-финские народы до сих пор называют своих соседей славян (т.е. русских) венетами...» (212, с. 58).

Итак, вандалы (венеды) — это славяне. А значит, обратной экстраполяцией подтверждается установленное ранее славянство скифов, россов и сарматов, составлявших государство вандалов, хотя славянские племена по местам могли носить и другие наименования. Дальнейшая экстраполяция во времени также подтверждает еще раз славянство более древнего населения этой же территории — археологических культур: волосовской, древнеямной, майкопской, афанасьевской, фатьяновской, срубной, андроновской и др.

Рассмотрим, как территориально согласуется государство вандалов, обозначенное на рисунке 3.1, со сведениями в сочинениях древних авторов. Диодор Сицилийский пишет: «Они [скифы] распространили господство скифов с одной стороны до Восточного океана, с другой до Каспийского моря и Меотийского озера». И далее: «Это племя широко разрослось и имело замечательных царей, по имени которых одни были названы саками, другие массагетами, некоторые аримаспами и подобно им многие другие» (83). Территория скифов, указанная Диодором Сицилийским, в собирательное имя которых входили и другие родственные племена, хорошо соответствует территории государства вандалов по данным (Р), в которое входил и скифский союз племен. Так же как и в материалах (Р), Диодор Сицилийский указывает, что многие названия племена получили от имен своих царей, и это лишний раз доказывает, что при пестроте названий народов на географической карте они оставались близкородственными славянскими племенами, составляя единый славянский народ,

Помпей Трог писал: «Скифия расстилаясь по восточному направлению, с одной стороны ограничивается Понтом, с другой — Рифейскими горами, с тылу — Азией и рекой Фасидом» (244, с. 55). Причем далее он указывает, что между отдельными народами нет никаких границ (с. 55). Это, несомненно, говорит о единстве населения. То, что древние авторы считали население единым, говорит и фраза И. Флавия: «...те из скифов, которые зовутся сарматами...» (255, с. 483).

Из письменных источников, где рассмотрено население, входившее в обозначенное на рис. 3.1 государство славян, наиболее полным, хотя и позднее по времени, следует считать сочинение Клавдия Птолемея, поскольку описание территории и народов в «Истории» Геродота во многом туманно и неопределенно. Конечно, между образованием государства вандалов, по данным (Р), и написанием «Географического руководства» К. Птолемеем значительный отрезок времени, за который поменялись названия отдельных народов, да и общее наименование всей страны по Птолемею — это Сарматия, но

внешние контуры государства славян — вандалов практически сохранились. Поэтому сопоставим по возможности географические данные К. Птолемея и сведения в (Р).

По К. Птолемею, вся страна, которую населяли восточные племена, называлась Сарматией и делилась на Европейскую и Азиатскую. С запада Сарматия ограничивалась рекой Вистулой [Вислой], частью Германии и Сарматскими горами. Меотийское озеро и река Танаис служили границей между Европейской и Азиатской Сарматиями. С юга граничила Дакия, Эвксинский Понт, пограничная линия Колхиды, Иверии и Албании и далее Каспийское море. На востоке, у Птолемея говорится, что Сарматия пересекалась Рифейскими [Уральскими] горами (191). Маркиан дает аналогичное описание (147). Если сравнить территорию, которую ограничил К. Птолемей (с севера у него, как и у других авторов, ясности не было), с картой на рисунке 3.1 государства славян — вандалов, по данным (Р), то аналогия их очевидна.

По карте к «Германии» К. Тацита территория венедов также начинается от Вислы (233), а сарматов он помещает на пространстве от Балтийского моря до Волги. В.В. Мавродин отмечает огромную территорию расселения венедов: от Балтийского моря (Венедский залив) и земли саамов до Карпат, от земли даков и сарматской лесостепи и степи до Вислы (145, с. 38).

По материалам (Р) государство вандалов образовалось объединением всех славянских племен, которые, как говорилось в (Р) ранее, состояли из основных союзов: скифов, россов и сарматов. Страбон в своей «Географии» дает аналогичное деление: скифы, роксоланы и савроматы (231, кн. II, гл. V, 7) [Роксолан отождествляли с росским союзом племен]. Аммиан Марцеллин фактически также подтверждает классификацию племен, данную в (Р). Он пишет: «...живут скифы, смежные с азиатскими сарматами и соприкасающиеся с крайними пределами земли аланов» (151, с. 331). То есть с учетом того, что аланы также входили в росский союз племен, у Марцеллина такое же, как в (Р) и у Страбона, деление племен: скифы, аланы [россы] и сарматы.

В целом письменные источники подтверждают обозначенную, по материалам (Р), на карте рисунка 3.1 территорию государства вандалов (славян). Ко времени образования общеславянского государства вандалов относится и расцвет звериного стиля в искусстве на территории Евразии, отмеченный многими исследователями (28; 105 и др.). Причем отмечается, что «появление предметов, украшенных в зверином стиле, на обширной территории Евразии представляется внезапным, не подготовленным предшествующим развитием» (158). Я думаю,

такое внезапное появление звериного стиля и его единообразие на огромных пространствах может быть очень точно объяснено с помощью сведений из (Р) и тем самым подтвердить эти сведения. А именно расселение в Евразии вновь пришедших славян (последней волны расселения), которые принесли с собой звериный стиль, и объединение вновь пришедших славянских племен и родов между собой и славянами прежних переселений в единое славянское государство — отсюда единообразие звериного стиля на огромной территории.

В работе Б.Н. Гракова говорится, что скифские лук и стрелы распространились «на всю Фракию и по Дунаю до страны нориков, современной нам Австрии: основные образцы стрел в известном тамошнем Гальштаттском могильнике VI–V вв. до н.э. — скифские» (70, с. 59). И это подтверждает вхождение и этих территорий в обозначенное на рисунке 3.1 государство вандалов — славян.

Уже говорилось о большой устойчивости антропологических типов на огромных территориях Евразии. Причем эта устойчивость наблюдается как по горизонтали (по территории), так и по вертикали (во времени). В работе (117, с. 170) приводится мнение Г.Ф. Дебеца, что «...в эту [бронзовую] эпоху население степной полосы СССР от Днепра до Енисея характеризовалось, в общем, единым физическим типом, получившим наименование протоевропейского». Исследования Т.С. Кондукторовой этот вывод подтвердили (117, с. 170). Устойчивость эта наблюдается и для лесостепной и лесной полос. О родстве сменяемых друг друга культур (то есть по вертикали) на территории вновь образованного государства вандалов отмечалось ранее. В главе «Последняя волна расселения славян. Все дальше к ночи» также было сказано о большом сходстве и родстве срубной и андроновской культурно-исторических общностей, позволяющем объединить их в одну суперобщность, и то, что между срубной и скифской культурами нет принципиальной разницы, а также очевидная преемственность и генетическая связь савроматов и саков с андроновским населением.

На территории от Одера до Днепра, также входившей в государство вандалов, еще в период средней бронзы жили племена, которые ряд исследователей определяет как праславянские. Археологически это было население тшинецкой и комаровской культур. И.К. Свешников пишет, что за общим происхождением, близкой материальной культурой, одинаковым уровнем развития хозяйства этих культур скрывается определенная более или менее четко выраженная этническая и языковая общность (211). К единой культурной и, вероятно, этнической общности относит эти культуры и С.С. Березанская (25).

В дальнейшем тшинская культура слилась с предлужицкой культурой и образовалась одна лужицкая культура, которую принято считать праславянской. М.И. Артамонов писал, что «опираясь на археологические данные, мы можем считать лугиев такими же предками славян, как и венедов» (12, с. 5). От себя уточню: венеды не предки, а славяне и есть.

Таким образом, очевидно, что на территории, где, по данным (Р), образовалось огромное государство вандалов (славян), с древнейших времен (на значительной территории уже с рубежа IV–III тыс. до н.э.) и до рассматриваемого времени (VII в. до н.э.) неизменно проживало одно и то же славянское население с постепенным видоизменением духовной и материальной культуры во времени, которое происходило также за счет переселения новых родственных славянских народов и объединения их с уже живущими здесь славянами. Основу государства вандалов в VII в. до н.э., видимо, составили славяне четырех основных глобальных переселений: славянские племена Мосоха из Месопотамии; славяне протоиндийской цивилизации; славяне — трипольцы с образованием среднеднепровской, а затем фатьяновской культур; славяне последней волны переселения из Палестины. Также происходили переселения отдельных родов к своим единоплеменникам. Переселение племен Мосоха и последней волны переселения славян из Палестины отмечены в сообщениях в (Р), причем переселение племен Мосоха указано и другими летописными источниками, а переселение славян — протоиндийцев и славян — трипольцев выдвинуто в данной книге как положение, установленное по материалам археологии, антропологии, топонимики и других исследований.

Картина единства и неизменности проживающего населения на территории образованного государства вандалов наблюдается и для более поздних времен. А.И. Соболевский приводит выводы А.П. Богданова, сделанные еще в XIX веке. Краниологические исследования показали, что в курганах Московской, Ярославской, Тверской, Смоленской, Минской, Черниговской, Полтавской, Киевской губерний преобладает долихокефальный антропологический тип, который относится к одному и тому же племени. Причем выявленная территория долихокефалии во времена А.И. Соболевского еще увеличилась и стала заходить на восток от Волги в Самарскую губернию и далее. А.И. Соболевский пишет, что это длинноголовое племя, по мнению антропологов, было скифами (226, с. 279). А значит, добавлю от себя — славянами.

Итогом исследований А.П. Богданова явилось доказательство однородности древнего населения России и единства русского народа, издавна населявшего Восточно-Европейскую равнину (77, с. 10–11).

Итак, связующая нить славянских поколений идет с глубокой древности (рубежа IV—III тыс. до н.э.) до образования государства вандалов и далее до славян летописного времени. Некоторые антропологические отличия славян-скифов от славян-сарматов, при большой близости культур и общности языка (это возможное языковое родство исследователи отмечают еще у срубного и андроновского населения (113, с. 38)), лишь подтверждают принадлежность тех и других к славянам, но разных союзов племен.

Выводы о единстве и родстве проживающего с рубежа IV—III тыс. до н.э. на Восточно-Европейской равнине населения, приведенные по данным топонимики в главе «Единство родов и начало его распада», верны и для рассматриваемого периода времени — VII в. до н.э.

Письменные источники, археологические, антропологические материалы и данные топонимики достаточно убедительно подтверждают сведения в (Р) об образовании государства вандалов, объединившего все славянские племена. В.В. Мавродин отмечает, что «славяне с самого начала сознавали свое единство, что подтверждается и письменными источниками» (145, с. 89). Более раннюю, чем принято считать, государственность славян предполагал и Д.И. Иловайский, который писал, что цветущее состояние русской гражданственности в XI и XII веках не могло начаться только со второй половины IX века, но этому состоянию предшествовал, бесспорно, долгий период постепенного развития (102, с. 43).

Возвращаясь к сведениям в (Р) за 708—608 гг. до н.э., отмечу важные факты, данные в примечании к основному тексту: во-первых, то, что Аларик (победитель Рима) — славянин, и во-вторых, то, что знаменитый старейшина Новгородский Гостомысл был связан родством (и происходил из царского рода вандалов) с Алариком и Буривоем Вайдевутом, которые указаны и в «Родословной царей...» (см. Приложение).

Далее, в (Р) говорится, что вандалы по местам называли себя аланами. Значительно раньше, в период 3208—3108 гг. до н.э., в (Р) сообщалось, что часть русского народа звалась россами, а часть аланами, а потом стали называться роксоланами. В главе «Единство родов и начало его распада» было показано, что отличие славян россов, аланов и роксоланов только в наименовании.

Итак, аланы — это славяне из союза племен россов. И сразу вполне соответствующим славянам выглядит описание алан, данное Марцелином, что они высоки ростом, красивы, с умеренно белокурыми [русскими] волосами. Прокопий Кесарийский пишет, что «с именем

вандилов слились имена аланов и других варварских народов...» (194, с. 53). И.Е. Забелин говорит, что из Птолемеевой «Географии» очевидно, что северную часть нашей страны населяло племя, носившее имя алан, большой и многолюдный народ, занимавший самое нутро страны у своих Аланских [или Алаунских] гор. Причем Алаунская возвышенность была местом, где с древнейших времен господствовало наше северное славянство (89, с. 29–30, 345). Приведенные соображения вполне согласуются с изложенным в (Р) материалом.

Далее в (Р), в сообщении за 708—608 гг. до н.э., говорится, что славянами (вандалами) было построено множество городов, в каждом из которых был свой царь, дававший своему народу свое или любое другое имя. Итак, в государстве вандалов (славян) уже в VII в. до н.э. было построено много городов, что говорит о соответствующем уровне развития населения. Подобного факта не отмечено у других европейских народов. Подтверждением приведенному факту служат скандинавские источники, где Русь названа — Гардарики, что можно перевести как страна городов-царств. То есть полное смысловое соответствие с данными (Р). К месту будет вспомнить и русские сказки с их «тридевятым царством, тридесатым государством». Действительно, относительно дальняя поездка превращалась в пересечение большого количества разных царств. Видимо, и возникновение таких сказок следует отнести к этому (VII в. до н.э.) времени.

Три территории россов

...Отъ разсъянiя по многимъ странамъ племени своего разсъяны, а потомъ россы прозвашася.

Св. Димитрий Ростовский. Летопись

Анализ письменных источников, данных лингвистики, топонимики и материальной культуры позволил установить территории проживания именно славянского племени россов. Такое самоназвание имели славяне протоиндийской цивилизации Мохенджо-Даро, видимо, пеласги — первые жители Древней Греции, этруски, а также население трех территорий, входивших прежде в огромное славянское государство. Об этих трех территориях и его населении и пойдет речь в этой главе. Рассмотрим эти территории, вводя следующие названия: северные россы — лесная полоса от Чудского озера до Уральских гор; дунайские россы — область к северу от Дуная до отрогов Карпат, придунайские берега, а также Балканские горы с возможным распространением

на юго-западе до Адриатического моря; поморские россы — междуречье Эльбы и Вислы, Вислы и Одры и далее к северу до Немана.

Северные россы. По данным (Р), первые поселения россов на этой территории появились с приходом племен Мосоха, в составе которых были россы, примерно с рубежа IV—III тыс. до н.э. или с начала III тыс. до н.э. Археологически это первое славянское население в этой местности можно отождествлять с волосовскими племенами. Когда, по сообщению в (Р) за 2408—2308 гг. до н.э., князь Киддак со своим родом переселился на Урал, то он нашел уже живших там одноплеменных ему урало-россов. Дальнейшая хронология расселения славян по сведениям в (Р), а также учет археологических материалов дали предположительную территорию распространения северных россов. Эта территория станет в дальнейшем основой, на которой возникнут Новгородская и Ростовская земли и затем, с их объединением, Русское государство — Русь.

Страбон писал: «За Борисфеном же обитают роксоланы... и области за страной роксоланов необитаемы вследствие холода. Южнее роксоланов живут савроматы (за Меотийским озером), а также скифы...» (231, кн. II, гл. V, 7). «За Борисфеном» — то есть севернее, по Страбону, живут роксоланы. Но ведь выше (севернее) Днепра идет Валдайская возвышенность, а также область, входившая в Ростовскую землю. Причем севернее роксоланов, как пишет Страбон, земли необитаемы. Если учесть, как было показано ранее, что роксоланы отождествлялись с росским союзом племен, то в описании Страбона дано указание, точно соответствующее представленной территории распространения северных россов. Далее у Страбона, усиливающее это соответствие, сказано, что южнее роксоланов живут савроматы и скифы. Значит, протяженность территории россов по лесной полосе доходит как минимум до Уральских гор, поскольку у Страбона ясно сказано, что роксоланы [росские племена] находятся выше (севернее) скифов и савроматов, то есть по всей их протяженности на востоке.

Относительно этих сведений Страбона И.Е. Забелин писал: «Как сближается это указание с населением Руси X и XI веков. Трудно понять, почему при таких ясных, точных, неоспоримых свидетельствах древней географии отнюдь не допускается почитать этих роксолан предками нашей Киевской Руси?» (89, с. 329). Согласившись с этим высказыванием, хочется только добавить, что между Киевской Русью и роксоланами (по времени) было еще Русское государство, образованное объединением Новгородской и Ростовской земель.

Святой Димитрий Ростовский в Летописи пишет, что «Ини же россы страну, естествомъ же едины, въ полунощныхъ странахъ надъ езеромъ Ильменомъ широко населишася, а прочіи надъ Волховомъ рѣкою, идѣже создаша Новѣградъ Великій...» (81, ч. 3, с. 14). Таким образом, он относит новгородских словен к россам, и соответственно вся Новгородская земля — это тоже территория северных россов.

В Схолиях к Аристотелю, К сочинению «о небе», говорится, что скифы-рос и другие гиперборейские народы живут ближе к арктическому поясу, близкому к северному полюсу (138, т. I, вып. 2, с. 385). Эти сведения также подтверждают существование племени россов в обозначенной выше территории северных россов, а также хорошо согласуются с данными Страбона и тем самым еще раз устанавливают равенство между россами и роксоланами.

Рассмотренные свидетельства и данные топонимики с корнем «рос» подтверждают существование территории северных россов. Подтверждают это и исторические традиции Северной Руси и образование на этой территории Русского государства, то есть государства россов.

Дунайские россы. О наличии такой территории свидетельствуют письменные источники, данные топонимики, лингвистики и других наук. В (Р) говорится в сообщении за 1108–1008 гг. до н.э., что князь Идум со всем своим родом и другими родами своего племени поселился на берегах Дуная, на Балканских горах (возможно, это переселение произошло к родичам, уже проживавшим там) и занял территорию до Босфора Фракийского. Эти сведения (о переселении славян) имеют подтверждение в русских летописях, где говорится, что славяне сели по Дунаю, где теперь Венгерская и Болгарская земля (185, с. 144).

В Никоновской летописи (с. 5) говорится: «Словеньскому же языку, якоже рѣкохомъ, живуци на Дунаи, придоша отъ скиюъ...» В более поздних сообщениях в (Р) идет постоянная информация о заселении дунайских берегов, а также гор Балканских и Карпатских.

П.Н. Третьяков пишет, что «несомненный интерес представляет группа наименований, происходящих от наименования рос-русь и локализующихся в Северо-Восточной Болгарии и Южной Добрудже. Это — селение Рассава и город Русе на правом берегу Дуная и река Росица...» И далее, говоря, что эти данные свидетельствуют о восточнославянском происхождении дунайцев, П.Н. Третьяков приводит место из Воскресенской летописи, где города на Дунае называются русскими городами (242, с. 200).

Б.А. Рыбаков пишет, что в качестве варианта приглашения [вместо Рюрика] были и «дунайцы», «загадочное, но чрезвычайно интересное понятие, географически связанное с низовьями и гирлами Дуная, вплоть до конца XIV века числившимися (в исторических припоминаниях) русскими» (207, с. 59).

В (Р) говорится, что царь Афей [родом из Ростова Великого, где жили цари всех славян, о чем будет сказано позднее] царствовал после своего отца Сара на берегах Верхнего и Нижнего Дуная. Кроме того, в более позднем сообщении в (Р) за 92—192 гг. н.э. говорится, что на общем Совете в Новгороде было решено идти в поход на Дунай для защиты одноплеменников и сродичей славянорусов.

Анализируя приведенные материалы, можно сказать, что, несомненно, на берегах Дуная и Балканских горах проживали не просто братья славяне по отношению к северным россам, а, так сказать, «братья-близнецы» из того же рода-племени россов. И не случайно, что дунайцы были одним из вариантов, откуда могли пригласить князя при объединении северных россов и образовании Русского государства. Также не случайно, что даже до XIV века они продолжали считаться русскими, то есть россами. О ближайшем родстве дунайцев с северными россами говорится и в приведенном сообщении в (Р), что они были одноплеменниками и сродичами. В сообщении в (Р) за 408—308 гг. до н.э. сказано, что царь Сар, царивший в Ростове, владел вместе с братьями Векрой и Дуброном обоими берегами Дуная на великое пространство, где ими было построено много укрепленных городов. Итак, дунайские территории входили в общее государство славян и были организационно неотделимы от северных россов.

С учетом предполагаемой границы расселения славянских племен, указанной пунктирной линией на рис. 3.1, область под названием «Норик» по карте к «Германии» Тацита (233) также входила в местожительство славян. Поэтому перевод слова «нарци» во фразе из ПВЛ (185, с. 8): «...от племени Афетова, нарци, еже суть словъне» как «норики», приведенный в (185, с. 144), соответствует общему смыслу. Правда есть мнение, что «нарци» или «норци», как пишется в (51, с. 83), — это сокращенное «новгородцы». Однако, учитывая, что новгородцы — это россы северные, а норики — это россы дунайские, оба варианта перевода дают в общем-то однозначный ответ, что «нарци» — это славяне россы.

Отдельно рассмотрим область расселения даков, которая также входила во вторую территорию (дунайских россов). Первоначально

территория дунайских россов была просто южной окраиной огромного государства славян. Однако, видимо в связи с ухудшением климатических условий в Скифии и оттока ее населения в лесную полосу к россам, происходит постепенная изоляция второй (дунайской) территории. И это автономное существование завершилось, возможно, с завоеванием Дакии римлянами и присоединением ее к Римской империи. Из письменных источников, а также из материалов (Р) видно, что на территории Дакии исконно проживало славянское население (например, уже в XI в. до н.э. славянский князь Идум занимал со своим племенем территорию до Босфора Фракийского; о древнейшем расселении славян на Дунае говорят и русские летописи), а сами даки были, видимо, из племени россов. Затем, после включения Дакии в Римскую империю, она подверглась сильной романизации и утратила ярко выраженные северославянские черты.

Поморские россы. Исключительная близость поморских славян (поморских россов) с новгородскими словенами давно доказана. Однако то, что поморские славяне являются такими же россам, как и славяне Новгородской и Ростовской земель, факт в исторической науке далеко не установленный, хотя в летописях есть прямое указание на это. В ПВЛ, за 862 г., говорится: «И идоша за море къ варягомъ, к руси. Сице бо ся зваху тьи варязи русь... Ръша русь, чудь, словъни, и кривичи и вси...» То есть прямо сказано, что к варягам руси [россам] пришли северные племена, среди которых также были россы. Отмечу неточность перевода этой фразы в работе (185). Переведено: «И пошли за море к варягам, к руси... Сказали руси чудь, словене, кривичи и весь». То есть в данном переводе говорится, что к варяжской руси обращались только чудь, словене, кривичи и весь. А на самом деле к варяжской руси обращалась также и русь, пришедшая с чудью, словенами, кривичами и весью. Поэтому правильным переводом будет: «И пошли за море к варягам, к руси... Сказала русь, чудь, словене, кривичи и весь». И это исправление в корне меняет дело! По предложенному в работе (185, с. 149) переводу русь помещается только у варягов, к которым пришла делегация северных племен. И это позволяет объяснять происхождение наименования «Русь» от варягов — руси. А в исправленном переводе к варяжской руси пришла вместе с другими племенами также и русь, живущая в лесной полосе. Тем самым подтверждается местное — от новгородских и ростовских россов — происхождение наименования Русь и Русского государства. И это является исключительно важным выводом.

То, что наименования Русь и Русская земля появились до призвания Рюрика, также выясняется из летописи. За 852 год (за 10 лет до призвания Рюрика) идет сообщение: «В год 6360... стала прозываться Русская земля» (185, с. 148). И далее, за тот же год: «...приходила Русь на Царьград...»

Также и в Степенной книге (гл. 8, с. 83) говорится: «Иже и преже Рюрикова пришествія въ Славенскую землю, не худа бяше держава Словенскаго языка...»

Из приведенного летописного текста о делегации северных племен к варягам руси, с учетом исправленного перевода, кроме того, документально доказывается принятое нами положение о северных росох (славянах Новгородской и Ростовской земель) и поморских росох (поморских славян). Н.М. Карамзин приводит свидетельство географа Равенского, жившего в VII веке: «близ моря, где впадает в него река Висла есть отечество роксолан» (110, гл. II, с. 30), то есть земля племени россов. Снова подтверждение русского происхождения поморских славян. В качестве еще одного аргумента приведем гидронимы и топонимы с корнем рос/рус: озеро Рось — в Северо-Восточной Польше; город и река Русса — приток Немана; Русна — восточный рукав Немана и окружающие ее населенные пункты — Руси, Руснейтен, Варусс, Россентен, Россиене (116, с. 110).

То, что поморские славяне были росоами, доказывает и перевод надписей с Микоржинских камней, найденных в Познанской области, выполненный Г.С. Гриневичем (71, с. 67–71). На Микоржинских камнях № 1 и № 2 прямо указывается название «Росия», которое следует однозначно понимать, как наименование территории проживавших там поморских славян, то есть россов.

В заключение следует сказать, что территория поморских россов когда-то входила в состав огромной славянской страны, была ее западным форпостом. Если рассматривать хронологию расселения россов («рассеяния по многим странам»), то вначале это была лесная полоса (территория северных россов), затем, как сказано в летописи, сели славяне по Дунаю (территория дунайских россов), и потом, как опять говорится в летописи, когда волахи напали на славян дунайских, то славяне эти пришли и сели на Висле (территория поморских россов). Хотя переселение на территории дунайских и поморских россов шло, видимо, к уже проживавшим там единоплеменникам.

Рассмотрим подробнее сведения материальной и духовной культуры, свидетельствующие об этнической общности населения рассматриваемых трех территорий, которая замечается даже из летописных

данных. Многие исследователи отмечают близость и взаимные связи славянского населения, обозначенного в главе как северные и дунайские россы. П.Н. Третьяков писал, что исторические данные, топонимика, материалы языка и фольклор свидетельствуют о существовании связей между населением восточной части полуострова, вошедшим в состав болгарского народа, и восточным славянством (242, с. 195–196).

В.А. Городцов, исследуя религиозные элементы в русском народном творчестве, сделал ряд очень важных выводов о совпадении иконографии даков с иконографией северно-русского шитья. На территории Дакии было найдено свыше ста языческих образков с религиозными сценами, центральное место в которых занимает женщина — великая богиня, а по обе стороны от нее расположены два бога, сидящих верхом на конях. В.А. Городцов отмечает, что иконографическая трактовка этой троицы часто даже в мельчайших деталях соответствует иконографии аналогичной троицы в северно-русском шитье. Далее он пишет, что символические животные, сопровождающие дакийскую троицу, почти точно совпадают с символами иконографии шитья (66, с. 28–30). Проведя глубокий и точный анализ, В.А. Городцов, на мой взгляд, делает неверный вывод о вторичности иконографии северно-русского шитья по отношению к дакийской. Не было никакого восприятия элементов дакийской религиозной иконографии русским народным творчеством по той причине, что возникновение этих элементов было одновременным (или первичным на севере России, поскольку, как было показано выше, первоначальное расселение славян-россов было именно там), так как эти территории — и северная лесная полоса, и дакийская входили в состав огромного славянского государства. Однако, используя очень важные соответствия и аналогии, выявленные В.А. Городцовым, можно сделать вывод о большой близости населения древней Дакии (дунайские россы) и населения лесной полосы (северные россы). Фактически становится ясным и давний вопрос о генезисе даков. Это славянское племя россов, близкородственное северным россам.

М.И. Артамонов отмечает, что, видимо, часть дакийских племен находится в таком же отношении к славянам, как и лугии (12, с. 5). Тем самым он подтверждает близость населения трех территорий россов, поскольку общеизвестно, что лугии — прямые предки поморских славян или, как было показано выше, поморских россов. О том, что геты [племена, близкородственные дакам] — это древнейшее наименование славян, утверждал византийский историк VII в. Феофилакт Симокатта. Гетами называли славян и ранние византийские писатели.

Большое количество материалов свидетельствует об особой близости северных и поморских россов. Приведем ряд из них из книги В.В. Седова «Восточные славяне в VI—XIII вв.». Ближайшие аналогии черепам раннесредневековых славян Новгородской и Псковской земель обнаруживаются в землях балтийских славян. Так, например, черепа ободритов, как и черепа Новгородских словен, суббрахицефальны (черепной указатель ободритов — 76,6; у новгородских словен — 77,2) и узколицы (скуловой диаметр ободритов — 132,2 мм; у новгородских словен — 132,1 мм). Отмечается близость и по другим показателям. Таким образом, делается вывод, что Новгородские словене и балтийские славяне восходят к единому краниологическому типу узколицих мезо-суббрахицефалов. К рассматриваемому антропологическому типу принадлежат и черепа из курганов Ярославского и Костромского Поволжья (212, с. 8, 66).

Итак, из антропологических материалов следует особая близость населения Новгородской и Ростовской (Ярославское и Костромское Поволжье) земель с поморскими славянами, то есть северных и поморских россов.

Анализируя керамику Новгородских сопок, В.В. Седов пишет, что сосуды биконических и ребристых форм составляли характерную особенность культуры балтийских славян междуречья Нижней Вислы и Эльбы и что керамика ильменских славян и глиняная посуда балтийских славян, предположительно, имели одну основу. Далее он делает вывод о возможности выхода этих отдаленных группировок из одного древнего региона славянства (с. 64).

Затем В.В. Седов приводит мнение исследователей о близости религиозных воззрений, преданий, некоторых обычаев, а также географической номенклатуры новгородских словен и поморских славян. Установлено сходство в домостроительстве Новгородского и Польско-Поморского регионов, а также в оборонном строительстве (Новгородский вал XI в. и вал Новгородского детинца по конструкции имеют параллели среди военно-защитных сооружений полабских славян) (с. 66).

Рассмотрим топонимические параллели, которые свидетельствуют о языковом родстве северных и поморских россов. В работе (116) приводятся топонимы с корнем -нер-: Нерич (литовское название реки Велии); Нер, Ниерзига — река и коса в устье Вислы; Нера, Невринга — река и населенный пункт в Карпатских горах (с. 29). Для сравнения добавлю: Неро — озеро, Нерль — река в Ярославской области; Нерехта — река и город в Костромской области и т.д.

В.П. Кобычев отмечает глубокую древность топонимов с сочетанием нескольких согласных, таких, как Брда, Вда, Гвда, Вкра и т.д. (с. 60).

Также приведу для сравнения параллели: Гда — река близ Ростова Ярославского и Гданьск — город в дельте Вислы.

Приведенных выше материалов достаточно, чтобы утверждать о близком генетическом родстве северных и поморских россов.

Рассмотрим лингвистический аспект положения о трех территориях россов с позиции распространения изоглосс взрывного и невзрывного [g]. С.Б. Бернштейн пишет, что «праславянский язык во всех своих диалектах знал только взрывной [g], который и в настоящее время характеризует многие славянские языки», и далее: «В говорах украинского языка представлен [h]» (27). В работе (2) дается карта распространения изоглосс [g] и [h, ɣ], составленная С.Б. Бернштейном (рис. 3.2). Для нашего исследования представляют интерес области, которые занимает взрывное [g]. Из рисунка 3.2 видно, что территория распространения взрывного [g], которое, по мнению С.Б. Бернштейна, свойственно только праславянскому языку, соответствует трем территориям распространения россов, во многом повторяет их и тем самым с лингвистической точки зрения точнее образом подтверждает выдвинутое положение о северных, дунайских и поморских россах. Незаштрихованная часть карты севернее Дуная приходится на территорию даков, которые, как известно, подверглись сильной романизации и, естественно, утратили языковую общность с россами, что и нашло отражение на карте распространения взрывного [g].

Оценивая изложенные материалы, можно сказать, что они подтверждают корректность выдвинутого положения о трех территориях россов, а также свидетельствуют о близком генетическом родстве населения этих территорий (для северных и дунайских россов по крайней мере до римских завоеваний, а для северных и поморских россов — по меньшей мере до IX века), характеризуя их не просто как братьев славян, а братьев — «близнецов» славян. Переселение россов на Дунай и Балканы, а также в междуречье Эльбы, Вислы и Одры, отмеченное и в летописях, вполне возможно шло по проторенным путям, поскольку замечена близость и более ранних археологических культур, например фатьяновской и висло-неманской.

Установленное близкое родство трех русских территорий позволяет по-новому взглянуть на некоторые факты истории. Например, вторжение роксоланов в Мезию можно рассматривать как попытку восстановить утраченные, исконно русские территории. Или переселение славян на Балканский полуостров уже в более позднее время, о чем писал Константин Багрянородный, что вся провинция ославянилась и сделалась варварской. Эти «вторжения» также можно понимать по-

другому, а именно как переселение на родину предков, когда-то утраченную, как память об огромном славянском государстве, в которое входили все эти территории. Недаром Святослав называл дунайские земли серединой своей земли.

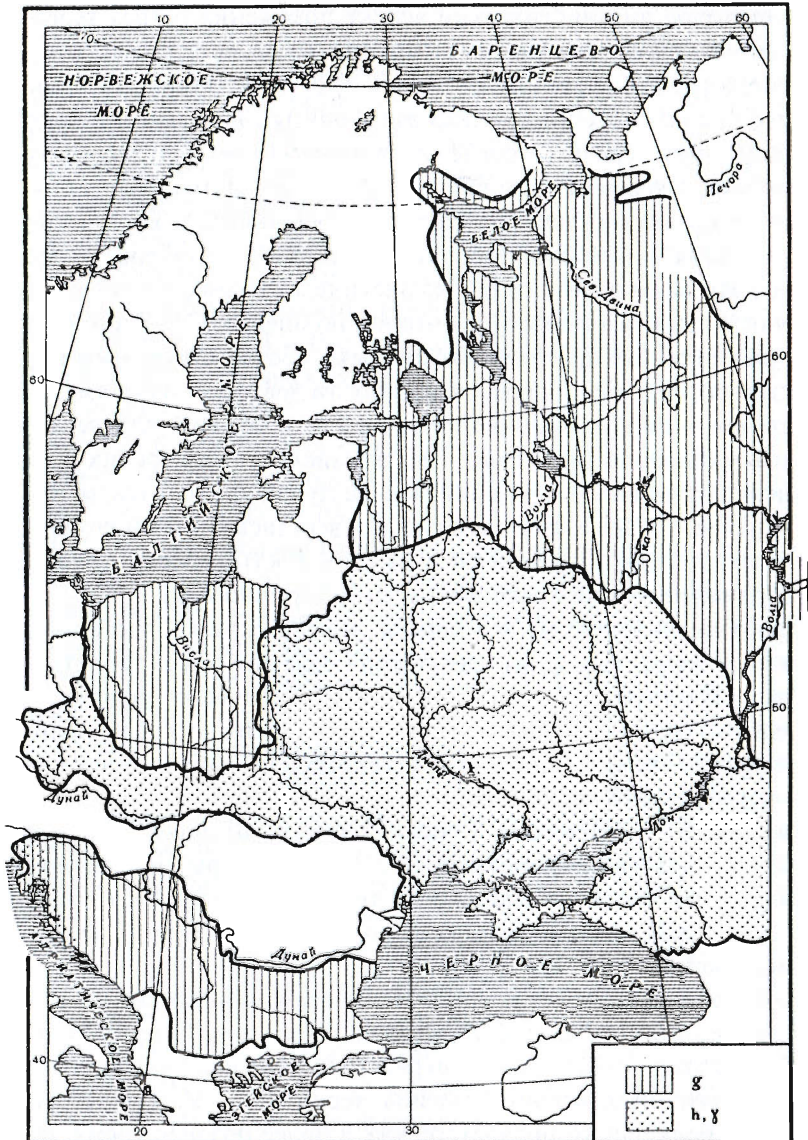

Рис. 3.2. Изоглосса взрывного и невзрывного g (По С.Б. Бернштейну)

Скифы

Край ты мой, родимый край,
Конский бег на воле,
В небе крик орлиных стай,
Волчий голос в поле!

А. К. Толстой

Трудно найти в истории другой такой народ, как скифы, который бы окружало столько загадок. Откуда они пришли и куда исчезли, на каком языке говорили? — споры идут до сих пор. В первой части этой книги достаточно убедительно и корректно было доказано, что скифы — это славяне, причем не отдельные племена, а все скифы, и говорили они на общеславянском языке. Следующим вопросом является их происхождение и дальнейшая судьба.

На сегодняшний день сформулировано три основных гипотезы происхождения скифов и скифской культуры (171, с. 106–107): 1) автохтонная — прямые предки скифов — это племена срубной культуры, пришедшие в Причерноморье из Поволжья (проникновение началось с середины II тыс. до н.э.). Упомянутое Геродотом переселение скифов из Азии, одна из волн, скорее всего последняя. Мигранты, встретившись с более ранними переселенцами, слились с ними, образуя этнически однородное население. Эта гипотеза подробно обоснована Б.Н. Граковым; 2) переднеазиатская (разработана М.И. Артамоновым) — во многом близка к «автохтонной», но отличие в том, что формирование «скифской триады», во многом характеризующей культуру скифов, протекало не на местной основе, а в период пребывания скифов в Передней Азии; 3) центральноазиатская (разработана А.И. Тереножкиным) — нет ни этнической, ни культурной преемственности между населением Северного Причерноморья доскифского и скифского времени. Скифы пришли «из глубин Азии» в VII в. до н.э. с уже сформированной в основном культурой. Следует сказать, что центральноазиатская теория противоречит данным антропологии.

С позиции сведений в (Р) центральноазиатскую гипотезу также можно признать неудовлетворительной. Фактическое положение дел, судя по материалам (Р), близко к автохтонной и переднеазиатской гипотезам, хотя эти теории не учитывают, что скифским было уже куда более раннее население, археологически соответствующее древнейшей культурно-исторической общности. Последняя волна славянского переселения (из Палестины), в составе и скифских племен, наложилась на родственное славянское население, от предыдущих переселений.

Из материалов (Р) следует, что сам этноним «скиф» уходит в самую глубокую древность — царь-пастырь Форгам еще в XXX столетии до н.э. основал город, назвав его скифским. Эту древность подтверждает и следующая фраза из Епифания: «Скифство, от дней Ноя и последующих до построения башни и Вавилона и в следующее за построением башни время...» (88). Помпей Трог также писал, что скифское племя всегда считалось самым древним (244, с. 53).

Ранее говорилось, что на основании письменных источников, данных материальной культуры и сведений из (Р) был сделан вывод, что самоназванием племен древнейшей культурно-исторической общности было — скифы. Цепочка генетически родственных археологических культур: древнейшая — срубная — скифы фактически отражает изменение в материальной и духовной жизни славянских племен скифов во времени при неизменном скифском (славянском) их наполнении. При таком подходе решаются многие спорные вопросы и не нужно создавать такие гипотезы, как, например, об «ираноязычности» скифов, при которых огромные массы населения неизвестно куда исчезают и также неизвестно откуда появляется другое население.

Первым письменным источником, упоминающим скифов является «Илиада». К одним из древнейших записей о киммерийцах и скифах относят книги Бытия, пророка Исайи, пророка Иеремии, пророка Иезекииля, Вавилонскую хронику, Ассирийские ОМІNA, составленные для Асархаддона (97–101; 115). Таким образом, первое упоминание о скифах в (Р) более чем на две тысячи лет древнее известных источников. Упоминают о скифах Гесиод (VIII–VII вв. до н.э.) (56), Гелланик (V в. до н.э.) (52), Аристофан (V–IV вв. до н.э.) (10) и другие древние авторы.

Первым фундаментом историческим трудом, где скифам посвящено достаточно много места, является «История» Геродота. К этому труду не у всех последующих древних авторов было однозначное отношение, вызванное тем, что Геродот зачастую использовал не свои наблюдения, а чьи-то рассказы, причем иногда заведомо фантастического характера. Так, Страбон писал: «Легче, пожалуй, поверить Гесиоду и Гомеру с их сказаниями о героях или трагическим поэтам, чем Ктесию, Геродоту, Гелланику и другим подобным писателям» (231, кн. XI, гл. VI, 3). Поскольку, по его мнению, эти писатели рассказывали под видом истории то, что сами никогда не видели.

Геродот, однако, по праву считается одним из основных древних писателей, донесших до нас первые сведения о жизни, быте, культуре и местоположении скифских племен. И все же эти сведения переданы не скифским историком, а иностранцем, не знавшим скифского

(общеславянского) языка и побывавшим в ограниченной части Скифии ограниченное время. Гомер называл скифов справедливейшими людьми, во времена Страбона скифов считали самыми прямодушными и меньше всего способными на коварство людьми. Таким образом, за почти тысячелетний промежуток времени (девять столетий) исключительно высокая оценка скифов оставалась неизменной.

Более раннее скифское (славянское) население было охарактеризовано в предыдущих главах, при рассмотрении древнеямной и срубной культурно-исторических общностей. В данной главе оценим, по данным письменных источников и сведениям материальной культуры, скифов более позднего времени, начиная с VII в. до н.э.

Все население огромного славянского государства говорило на одном общеславянском языке, в том числе и скифские племена. Причем если в славянах скифах и славянах сарматах определенные антропологические отличия имелись, то между скифами и россами заметной разницы не было. Они, как уже отмечалось при анализе сообщений в (Р) для более ранних времен, имели даже объединенное название: скифо-урало-россы, то есть составляли в сущности единое племя или союз племен. Отсутствие различия доказывается материалами антропологии и данными исторических источников. Древние авторы включали в Скифию и северные народы, живущие выше Днепра (например, Страбон скифами называл роксоланов). По сведениям из (Р) за 908—708 гг. до н.э. видно, что шли постоянные переселения из Скифии к северным россам и обратно, с объединением переселившихся племен с местными племенами. Кроме того, в сообщении за более поздний промежуток времени (92—192 гг. н.э.) о походе войска от всех славян на Дунай для защиты одноплеменников и сродичей славяноруссов [дунайских россов] северные славянские племена прямо объединены со скифами — «северная рать славяно-скифов и сарматов».

Антропологически облик скифов также видится отчетливо, благодаря значительному количеству исследований по краниологии древнеямной, срубной и скифской культур. Генетическая связь поколений славян-скифов через тысячелетия несомненна, а также очевидна неизменность облика славянина скифа при переходе от скифской культуры непосредственно в славянскую, летописных уже времен. Вот мнение Г.Ф. Дебеца об облике скифов: «Скифы были людьми довольно высокорослыми и довольно хорошо сложенными. Кости ног и рук у них немного длиннее и немного толще, чем у людей начала XX в. ...» (79).

Сохранение своей первоначальной территории (начиная с древнеямной культурно-исторической общности) многие и многие века, а

также с тенденцией к ее увеличению (за счет расселения на пустующие места и объединения родственных племен) характеризует военную организацию славян (и скифов в том числе) как самую совершенную на те времена с постоянной динамикой улучшения. Подтверждением тому служат данные археологических исследований, из которых видно, что в жизни скифов военное дело играло выдающуюся роль.

В работе (103) говорится: «...его [скифа] полная вооруженность не уступает боевой оснащённости средневекового рыцаря и, безусловно, превосходит все, что известно для других народов Восточной и Средней Европы» (с. 86). Набор оружия позволял вести эффективный бой на дальней дистанции (лук, стрелы, праща) на средней дистанции (метательные копья и дротики) и в ближнем бою (меч, копье, боевой топор, кинжал). Был большой набор защитного вооружения — щиты, панцири, шлемы, ножные доспехи, боевые пояса. Скифские стрелы имели высокие баллистические качества. В Ольвии на плите зафиксирован результат удивительной дальности полета стрелы, выпущенной из скифского лука, — свыше 521 м. Большинство мечей изготовлено из высоколегированных сталей (103, с. 134–138). Попутно выскажу соображение, что, возможно, в бою скифы использовали собак, поскольку, например, использование собак киммерийцами, также, видимо, славянским племенем, в битве запечатлено на изображении киммерийцев на ионийском саркофаге из Клазомен (VI в. до н.э.), где в сцене боя рядом с двумя всадниками бегут две собаки (рис. 3.3) (217).

Арриан в своей работе «Тактика» приводит подробный рассказ о скифских военных значках, в котором узнается русская смекалка. «Скифские военные значки представляют собою драконов, развевающихся на шестах соразмерной длины. Они шиваются из цветных лоскутьев, причем головы и все тело вплоть до хвостов делаются на-

Рис. 3.3. Изображение киммерийцев на ионийском саркофаге

подобие змеиных, как только можно представить страшнее. Выдумка состоит в следующем. Когда кони стоят смиренно, видишь только разноцветные лоскутья, свешивающиеся вниз, но при движении они от ветра надуваются так, что делаются очень похожими на названных животных и при быстром движении даже издают свист от сильного дуновения проходящего сквозь них. Эти значки не только своим видом причиняют удовольствие или ужас; но полезны и для различения атаки и для того, чтобы разные отряды не нападали один на другой.» (11, с. 521).

И, как результат высокой военной организации скифов, также можно привести слова Арриана из другой уже работы, «Поход Александра Великого». «Кира образумили скифы, люди бедные и самостоятельные, а Дария — другие скифы» (11, с. 515). Это наши предки — славяне!

Скифы славились исключительно высоким качеством обработки кож, что подтверждается находками изделий из кож, близких к современной юфти, подошвенной и шорной. Применялись сырец и замша. Ткани у скифов были полотняные и шерстяные, красились в красный, синий, желтый, зеленый, сиреневый и другие цвета (103, с. 133). Используя материалы работы (104, с. 152), представим себе скифа в одном из вариантов одежды. Короткий, удобный кафтан с косо срезанным откидным воротом, на поясе туго затягивался ремнем. Штаны узкие, кожаные, плотно облегающие ноги. На ногах — мягкие полусапожки без каблуков. Голова, с длинными волосами, зачесанными назад, повязана лентой. Не правда ли, неплохо и для нашего времени.

Для обработки дерева применялись топоры, тесла, долота, стамески, ножи, пилы, сверла и буравы. Скифы умели вязать бревна в срубках в обло, использовались пазы и вязка досок в фальц (103, с. 133). Приведена лишь часть достижений скифской культуры, но и этого достаточно, чтобы понять, что высокий уровень этих достижений не вяжется с встречающимся зачастую в литературе образом дикого, одетого в шкуры, ираноязычного скифа-степняка. Суммируя эти достижения, становится очевидным, что в целом духовно-материальный уровень жизни скифов-славян был одним из самых высоких для того времени. И этот вывод позволяет по-новому взглянуть на многие археологические памятники скифского времени. И странной начинает выглядеть позиция некоторых археологов, при которой обнаруженные в скифских курганах скифские вещи с изображением скифов и скифских сюжетов вдруг объявляются сделанными греческими мастерами. То есть заведомо необъективная позиция, что «дикие» скифы такое сделать просто не могли.

Разумеется, предметы из скифских курганов, например, такие, как пектораль из кургана Толстая Могила, золотая накладка на горите, серебряная ваза из кургана Чертомлык, золотой гребень из кургана Солоха, электровый сосуд из кургана Куль-Оба и многие другие находки были сделаны скифами славянами. Да и трудно представить, чтобы греческий мастер, выполняя изделие, стал бы помещать на нем скифские сюжеты. И сцены из жизни Ахилла на золотой накладке на горите из кургана Чертомлык лишний раз подтверждают, что Ахилл был скифом (скифом славянином времени срубной культурно-исторической общности), так же как и сама накладка была скифского изготовления.

В завершение главы приведу небольшое наблюдение. По данным В.И. Цалкина, в Скифии была распространена крупноголовая порода относительно низкорослых, но быстрых и выносливых степных лошадей (267). Не Конек ли горбунок из русских сказок?

Основание Новгорода

Преданье ль темное тайник взволнует груди,
Иль точно в звуках тех таится звук иной,
Но, мнится, колокол я слышу вешевой...

А. Григорьев

(Р). 4900–5000 (608–508 гг. до н.э.). (Царь Фаон Мадия с непобедимой своей дружиной ходил в далекие страны и везде — с победой.

Преемником царя Россолома [сына Фаона Мадия] был его старший сын, князь Славян, прославившийся построением крепкого города на берегу реки Мутной, который он назвал Кунигардией.

Его несметные дружины, в походе, в жажду осушали целые реки. Он завоевал скандинавскую землю, захватив столичный город Сигстун, из которого в знак победы взял медные городские ворота и принес в Кунигардию.

После царя Славяна стал править в Кунигардии его сын Вандал. К нему присоединились многие соседние народы, для которых он на другом берегу реки Мутной, напротив Кунигардии, построил крепкий город, назвав его Новым городом. А Кунигардию в память о своем отце назвал Словенском.) [В примечании к (Р) говорится, что развалины древнего Славянска видны и доселе в Новгороде на Софийской стороне...]

(Р). 5000–5100 (508–408 гг. до н.э.). (Построенный Новый город, под мудрым правлением царя Вандала, до такой степени возвысился, что его стали называть Великим Новым городом.

У царя Вандала было трое сыновей: Избор, Столпосвет и Владимир. После Вандала стал править всем его царством Избор.)

* * *

Итак, Новгород был основан в VI в. до н.э., вначале — Кунигардия (будущий Славянск), а затем напротив нее, на реке Мутной (в будущем — Волхов) — Новгород. С основанием Новгорода там стала находиться общеславянская столица, в которой жил царь всего славянского народа Славян, а затем Вандал и Избор. Судя по дальнейшим событиям, при внуке Славяна Владимире столица, видимо, перешла в Ростов Великий, где правил Владимир.

Приведенные в Радзивилловской летописи миниатюры, расположенные в строго хронологическом порядке, дают обоснованное подтверждение древности построения Новгорода, в соответствии с изложением этого события в (Р). На первой миниатюре изображено строительство Новгорода. «Словене же седоша около озера Ильменя, и прозвашася своим именем, и соделаша город, и нарекоша Новгород». На второй миниатюре показан приход св. Андрея Первозванного с учениками к месту основания Киева, благословение св. Андреем Первозванным этого места и воздвижение креста на высоком берегу Днепра. На третьей миниатюре показано основание Киева тремя братьями: Кием, Щеком и Хоривом, занявшими три горы, и сестрой Лебедью.

Киев был основан в V в. н.э., а если быть точнее, то, по сведениям св. Димитрия Ростовского, которые он приводит в Летописи (81, ч. III, с. 13), — в 430 году. К этому времени и относятся события, изображенные на третьей миниатюре. Время прихода св. Андрея Первозванного к месту будущего основания Киева следует отнести к первой половине I в. н.э. Очевидно, что события, изображенные на первой миниатюре, являются более древними. Тем более что св. Андрей Первозванный, придя к новгородским славянам, увидел уже живших там людей, в то время как в описании к первой миниатюре говорится только об их поселении около озера Ильмень.

Итак, удревняется почти на полторы тысячи лет по сравнению с принятым ныне время основания Новгорода. Естественно, что известие в летописях о построении Новгорода Рюриком нельзя воспринимать как дату основания города, поскольку Славянск [а значит, и Новгород] в своей истории дважды приходил в полное запустение, как пишет М.В. Ломоносов: первое запустение Славянска было от ве-

ликого мора [морская язва], от которого почти все жители погибли, а второе — от нашествия гуннов (142, с. 194). М.В. Ломоносов также пишет, что Новгород, о котором Нестор упоминает раньше всех городов, построен был дважды — вначале и в 862 году (142, с. 177). Да и само приглашение новгородцами и ростовцами Рюрика говорит о том, что Новгород существовал и до его прихода.

Некоторыми исследователями, вопреки существующим историческим фактам, поддерживается теория, отрицающая старшинство Новгорода по отношению к Киеву, который выводится на первый план. Это преподносится как борьба с норманнизмом, который якобы начал свой путь от Новгорода. При этом, высказывается мнение, что около Новгорода была тайга, а у Киева земли распахиваются уже не одну тысячу лет.

На это можно ответить — наши предки хорошо умели оценивать каждую конкретную местность и полностью использовали ее природный ресурс. Зачем пахать землю в лесу, когда он приносит пропитание строевым лесом, пушниной, медом, охотой, рыболовством и многим другим. Да и по положению своему городу совсем необязательно заниматься пахотными делами. Это организующий, торговый и ремесленный центр. Не говоря уж о том, что при едином славянском государстве, в которое входили и тундра и степи, наверняка было продумано разумное распределение хозяйственных функций между отдельными областями. Естественно, и у норманнизма, при старшинстве Новгорода, сколько-нибудь серьезных научных основ нет, поскольку приглашенные варяги во главе с Рюриком были поморскими славянами (исключительно близкими родичами новгородцев и ростовцев — то есть поморскими россами, как было установлено в гл. «Три территории россов»), не имеющими никакого отношения к норманнам.

Следует сказать также, что выдвижение Киева на первое место противоречит известным историческим сведениям, а также укорачивает новгородскую историю на полторы тысячи лет. Самое древнее время основания Новгорода указывается в Мазуринском летописце (л. 2), где говорится, что великий князь Словен в 3113 г. (2395 г. до н.э.) поставил город Словенск, который ныне зовется Великим Новгородом. Как видим, имеется значительное удревление по сравнению с (Р), хотя то, что уже в это время на Ильмене жили славяне, сказано и в рукописи А.Я. Артынова. Также отметим аналогию названий — города и его основателя в обоих источниках (Славянск — Словенск; Славян — Словен).

В Иоакимовской летописи говорится, что князь Славен [в других источниках: Словен; Славян] основал город Славенск и что после него был князь Вандал, правивший всеми славянами (232, с. 108). Иордан, говоря о Новиетуне, начиная от которого и до Днестра, по его словам, живут склалены [словене], определенно имел в виду Новгород (107, с. 72). Возможно, что под Мурсианским озером у него подразумевался Ильмень. Е.А. Рыздзевская приводит обозначение территории Великого Новгорода на латинском языке в немецких и шведских памятниках как — *Nogardia* (208). Очень близко с первоначальным названием, которое дал Славян — Кунитардия.

Анализ древнескандинавских географических сочинений позволил Е.А. Мельниковой утверждать, что «столицей Древнерусского государства в письменных источниках всегда называется Новгород» (155). Там же (с. 37) говорится, что тремя «старшими» городами Северо-Восточной Руси названы Муром, Ростов и Суздаль. В письменных памятниках Скандинавии доминирует представление о Новгороде как столице Руси, отмечается в работе (154).

О старшинстве Новгорода писал и Гедеонов: «...уже из Нестерова предания о словенском происхождении шести русских племен, следует заключить о племенном старшинстве Новгорода в русской земле... Еще при Всеволоде Георгиевиче (несмотря на изменившиеся отношения племен, после перенесения великокняжеского стола на юг), Великий Новгород считается старшим городом на Руси: “А Новъгородъ Великий старъйшинство имать княженью во всей Руськой земли” (Лавр. 177); историческое явление далеко восходящее за эпоху призвания варягов» (51, с. 109–110).

Более древнее основание Новгорода по сравнению с Киевом очевидно и из миниатюр Радзивилловской летописи, описание которых было дано ранее. Используя сведения в (Р), можно провести ориентировочное хронологическое распределение событий во Введении Повести временных лет. В приводимой ниже таблице рассматриваются только те события, которые упоминаются также и в (Р), а остальные хронологически привязываются с учетом узловых сообщений.

Следует сказать, что расселение славян на Восточно-Европейской равнине, указанное в Повести временных лет (в табл. — п. 2), относится к последней волне расселения славян. Первое же расселение славян в эти места происходило, как говорилось ранее, начиная с рубежа IV–III тыс. до н.э. (племена Мосоха).

Хронология Введения Повести временных лет

№ п/п	События в Повести временных лет	Хронология в соответствии с (Р)
1.	Спустя много времени сели славяне по Дунаю, где теперь земля Венгерская и Болгарская	1108–1008 гг. до н.э.
2.	Так же и эти славяне пришли и сели по Днепру и назвались полянами, а другие – древлянами, потому что сели в лесах, а другие сели между Припятью и Двиною и назвались дреговичами, иные сели по Двине и назвались полочанами... Те же славяне, которые сели около озера Ильменя, назывались своим именем – славянами [Расселение славян на Днепре, Волге, Доне, Валдае, Ильмене и т.д.]	908–708 гг. до н.э.
3.	... и построили город, и назвали его Новгородом.	608–508 гг. до н.э.
4.	Когда Андрей учил в Синопе и прибыл в Корсунь... и проплыл в устье днепровское, и оттуда отправился вверх по Днепру...	Первая половина I в. н.э. [сведения в (Р) отсутствуют]
5.	И были три брата: один по имени Кий, другой – Щек и третий – Хорив, а сестра их – Лыбедь. Сидел Кий на горе, где ныне подъем Боричев...	392–492 гг. [430 г. – основание Киева по Летописи св. Димитрия Ростовского]

Возвращаясь к сообщениям в (Р) за период (608–508 гг. до н.э.), отметим, что дано, возможно, первое упоминание Стокгольма (Сигстун), который в VI в. до н.э. был взят славянскими войсками и который уже в то время был столицей. Хотя ростовские предания говорят о том, что основал Сигетун [в (Р) — Сигстун] (Стокгольм) третий сын скифского царя Риссона, Сидр-Сигг (237, с. 7, 8), который жил в одно время с царевичем Россом-Вандалом, а значит, по данным (Р), в XVIII в. до н.э. В «Родословной царей...» в (Р) действительно подтверждается, что Садр-Сигг [несколько измененная первая половина имени по сравнению с данными А.А. Титова в (237)] был третьим сыном царя Риссона (родоначальника славянорусского народа по данным (Р)), следовательно, и Садр-Сигг тоже был славянином.

О Столпосвете и реке Мутной

(Р). 5000–5100 (508–408 гг. до н.э.) (Средний сын Вандала Столпосвет не пошел дорогой своего отца и старшего брата, а пошел своей лю-

бимой дорогой и стал разбойничать. Этим промыслом он занимался по всей реке Мутной и на море Неве. Для этого он построил специальное судно с круглой крытой палубой и длинным остроконечным носом и разрисовал его под крокодила. На этом судне он появлялся там, где его не ждали. По этому судну он везде был известен под именем волхва, от него и река Мутная получила название Волхова.)

* * *

Приведенный сюжет интересен тем, что в известной исторической литературе он фигурирует в искаженном виде. Например, Н.М. Карамзин (Примечание 70 к т. I) приводит его как одну из множества сочинявшихся по большей части в XVII веке сказок, где говорится, что сын Словена превращался в крокодила, скрывался в реке, топил и пожирал людей. У М.В. Ломоносова уже более реально комментируется этот сюжет. Он пишет, что этот князь, разбойничая и свирепствуя на Волхове и Ладожском озере, от подобия был прозван крокодилем (142, с. 189).

В (Р) данная «сказочная» (по Н.М. Карамзину) история неожиданно приобретает вполне реальные черты. Столпосветом было построено судно с крытой круглой палубой и с длинным остроконечным носом и раскрашено под крокодила. Сделано это было, видимо, для того, чтобы, внезапно выплывая из камышей или травы навстречу купеческому судну, выиграть время, необходимое для абордажного сцепления, за счет необычности вида судна и испуга. Острый нос судна мог быть использован в качестве тарана. Как видим, последующие пересказы разбойничьих нападений Столпосвета в более поздних источниках постепенно утратили реальную основу. Приведенный в такой реалистичной форме в (Р) рассказ до сих пор нигде еще не встречался, что говорит о подлинности источника, использованного А.Я. Артыновым, а также о достоверности самой рукописи А.Я. Артынова.

Отмечу еще один небольшой момент: во всех известных источниках Столпосвет (по (Р)) называется Столпосвятом, что, очевидно, более позднее наименование. Столпосвет — имя дохристианского времени, и это еще раз говорит о более давнем, первоначальном пересказе события в (Р), от чего без последующих искажений оно и выглядит столь реалистично. И еще в (Р) приведено старое название Волхова — река Мутная и время переименования — V в. до н.э.

Царство «Ростовская земля»

«...а Владимир приат власть на всей земли...»

Иоакимовская летопись

(Р). 5000–5100 (508–408 гг. до н.э.) (Младший сын Вандала Владимир по предсказанию жрецов и волхвов оставил родительское наследство своим братьям и пошел отыскивать предсказанное волхвами царство. Он пошел на восток от Новгорода искать то место, где стоял Россов стан. Не скоро и с большим трудом найдя это место, стал там мудро царить. [А.Я. Артынов в другой рукописи, «О древностях Ростова Великого» (л. 1), пишет, что основание Ростову положила дружина царевича Росса-Вандала, а место, где стоял военный стан царевича, был ими назван Россов-стан. Далее (л. 1) говорится: «...за четыре с половиной столетия до Рождества Христова, Владимир пришел на сие место и стоящий тут городок назвал Ростовом, в нем он нашел себе невесту, на которой и женился, он распространил Ростов и заселил его пришедшими с ним новгородцами. Начал в нем царствовать и царство свое назвал Ростовскою землею»].)

* * *

Итак, Ростов основан значительно раньше, чем идет первое упоминание о нем в летописях. Владимир, придя к озеру Неро примерно в 450 г. до н.э., уже застал здесь городок, который и назвал Ростовом. Но этот городок располагался на месте военного стана дружины Росса-Вандала (Россов-стан), а царевич Росс-Вандал, как показывают хронологические сведения в (Р), жил в XVIII в. до н.э. К этому времени и можно отнести документально подтвержденное основание Ростова (Россов-стана), поскольку Владимир в V в. до н.э. только «распространил» Ростов, как говорится в рукописи. Следовательно, Ростов (Россов-стан) основан по крайней мере на тысячу лет раньше Рима и является одним из самых древних городов мира. При этом, возможно, город был основан и в более ранние, чем XVIII в. до н.э., времена. Ростовские предания говорят о том, что и до прихода дружины Росса-Вандала на этом месте уже стоял город Горицы, в котором правил царь Брутовщина (237, с. 7, 8). Обратим внимание на славянский характер наименований города и царя. И этот город Горицы мог быть основан значительно раньше, еще первыми поселенцами: славянскими росскими племенами Мосоха, пришедшими сюда на рубеже IV–III тыс. до н.э. или в начале III тыс. до н.э.

Важным является и то, что указанное время основания Ростова (Россов-стана) — XVIII в. до н.э., хронологически полностью соответствует материалам Рождественской стоянки на Городском острове на озере Неро и соответственно — поздневолосовскому периоду. А.Л. Никитин пишет, что стратиграфия отложений на Городском острове на озере Неро свидетельствует о заселении его в период резкого обмеления озера. Изучение керамики Рождественской стоянки показало наличие наиболее близких аналогий в памятниках волосовской культуры, причем наибольшее количество соответствий падает на памятники поздневолосовского этапа (173). Ксеротермический период, приходящийся на 2200—1400 гг. до н.э. (266, с. 163), полностью увязывается с предполагаемым временем основания Ростова — XVIII в. до н.э. Ранее уже говорилось о принадлежности населения волосовской, а затем и фатьяновской культур к племени россов, поэтому появление в этих местах дружины Росса-Вандала, видимо, было не случайным — пришли к уже жившим здесь единоплеменникам.

Ксеротермический период вызвал обмеление озер и рек, поэтому, возможно, самые ранние датировки древних славянских городов могут быть установлены археологами именно на территориях, занятых ныне водой (например, в Новгороде и Ростове). Исследования показывают, что во время основания дружиной Росса-Вандала Ростова (Россов-стана) (XVIII в. до н.э.) береговая линия уходила далеко в озеро Неро в современных его очертаниях. С учетом данных (Р) можно дать направление поиска археологам по определению древнейшей части Ростова — места военной стоянки дружины Росса-Вандала. На этом же месте Владимир, сын Вандала, возобновил Ростов. В сообщении в (Р) за период (8 г. до н.э. — 92 г. н.э.) говорится, что город, основанный Владимиром Вандалом (а значит, и стоянка дружины Росса-Вандала), располагался на берегу реки Ишни и развалины которого еще сохранялись на тот период. Таким образом, искать самую древнюю часть Ростова нужно на впадении реки Ишни в Неро, но с учетом далеко продвинутой в озеро древней береговой линии. В эпоху пониженной увлажненности (ксеротермическая фаза суббореального периода), как пишет А.В. Шнитников, стоянки человека были «в поймах рек и непосредственно на низких побережьях озер, ныне или покрытых водой, или постепенно освобождающихся в равнинной части Европы» (281). Поэтому не исключено, что самая древняя часть Ростова находится под водой.

Расширение Ростова и превращение его в большой город (Ростов Великий), начиная с V в. до н.э., археологически подтверждается на-

ходкой в Ростове золотой монеты Филиппа Македонского. Данный факт В.А. Городцов рассматривал как свидетельство деловых взаимоотношений (65). Учитывая, что место, где возник Ростов, называлось Россов стан, становится очевидным и происхождение наименования города. Россов стан или став при произношении легко перешел в искомое название: Россов став — Ростав — Ростов. Кстати, в (Р) иногда встречается именно вариант произношения с буквой «а» в последнем слог.

Время бурного развития города начинается с приходом Владимира Вандаля, особенно когда после смерти двух его старших братьев Избора и Столпосвета он стал царем всех славянских земель и, видимо, продолжал жить в Ростове, который при нем стал столицей славян и, вероятно, с этого времени начал называться Ростовом Великим. Этому способствовало и исключительно выгодное географическое положение города, когда по естественным водным магистралям связь могла осуществляться с отдаленнейшими территориями огромного славянского государства.

Как показал анализ сведений в (Р) и «Родословной царей...», после перемещения столицы в Ростов он продолжал ею оставаться (по крайней мере одной из столиц) очень долгое время. Об этом говорят следующие факты: 1) после разделения царской династии на старшую и младшую ветви (после Печегда: от Мудролета — старшая ветвь; от Прототия — младшая ветвь) и после отъезда Мудролета в Рим младшая ветвь не прерывалась до прихода Рюрика (прямого потомка Мудролета) и оставалась все время в Ростове; 2) во время приглашения Рюрика при объединении Новгородской и Ростовской земель и образовании на основе их Русского государства (о чем речь пойдет позднее, в соответствии с хронологией изложения событий в (Р)), в Ростове правил князь (старейшина) небослав, от младшей ветви — ростовской, а в Новгороде — князь (старейшина) Гостомысл, который также был от младшей ветви — ростовской. То, что Гостомысл был от младшей ветви, мы узнаем из следующих данных: в примечании к излагаемому периоду (708–608 гг. до н.э.) в (Р) говорится, что Гостомысл был сыном Буривая II, царя Новгородского, и потомком Аларика — победителя Рима. А Аларик, как видно из «Родословной царей...», входил в прямую линию младшей ветви — ростовской, правящей славянской династии. В летописи Иоакима также говорится, что Гостомысл был сыном Буривая (232, с. 108). В Новгороде также правили представители младшей ветви — ростовской; 3) если учесть, что прямые наследники правящей династии младшей ветви находились в Ростове и при отсутствии (от

Мудролета до прихода Рюрика) наследников по старшей ветви являлись правящей династией общеславянского государства, то с большим основанием можно предположить нахождение столицы славянского государства именно в Ростове.

Следует, однако, оговориться, что после основания Саром города Экс в устье Дуная (о чем речь пойдет в следующей главе) этот город также стал столицей (южной) славян. Царь Афей и позже его сын Печегд даже переселились туда, однако семьи их продолжали оставаться в Ростове. То же самое, видимо, наблюдалось и у последующих царей и князей. Действуя на опасных для славянского государства южных рубежах, основную базу и семьи они оставляли в глубине территории, в спокойной и далекой от войн северной столице Ростове Великом. Например, дети Аларика — победителя Рима, видимо, выросли и продолжали жить в Ростове, поскольку являлись, как и Аларик, родоначальниками ростовских князей. Перед приглашением Рюрика и, вероятно задолго до него, ситуация, видимо, стала несколько иной. Из-за обособления отдельных территорий и раздробления когда-то огромного славянского государства отдельно управляемыми государствами стали и Новгородская и Ростовская земли. Поэтому сколь долго Ростов был одной из столиц общеславянского государства и как долго это государство сохранялось, сказать трудно. В качестве предположения выскажу следующее: со времени царствования Владимира, сына Вандала (V в. до н.э.), до превращения города Экс на Дунае в южную столицу славян Афеем (внуком Владимира) в IV в. до н.э. Ростов был единственной столицей славян; затем вместе с Ростовом стал столицей и город Экс на Дунае, видимо, до ухудшения климатических условий в Скифии и ухода населения в лесную полосу к россам; после этого Ростов был, видимо, одним из столичных городов славян совместно с Новгородом до образования отдельных Новгородской и Ростовской земель.

Подтверждение нахождению общеславянской столицы именно в Ростове, кроме данных (Р), можно видеть на карте Европейской Сарматии Птолемея, представленной в работе (251) (рис. 3.4). Сарматы царские, как видно на карте, находились в расположении Ростовской земли, и тем самым доказывается нахождение царя славян именно в Ростове. Естественно, что название «царские скифы», а позднее «царские сарматы» пошло от того, что из этого племени был общий славянский царь с основной резиденцией в этой области. Общее же название славянской территории — Сарматии зарубежными авторами во времена Птолемея отразило, во-первых, выход к пограничным рубежам

именно сарматских славянских племен и, во-вторых, дальнейшую интеграцию славянских племенных союзов.

Сопоставим племена северных россов (см. гл. «Три территории россов») с племенами, упоминаемыми Геродотом и другими древними писателями на той же территории. Прежде всего отметим тот факт, что о северных племенах, как становится ясно из рассказа Геродота, ему никто ничего определенного рассказать не мог. Он пишет: «И я не видел ни одного человека, который сказал бы, что земли эти он знает как очевидец» (55, IV, 16). Анализ работ более поздних авторов показал, что им также ничего не было известно о племенах, занимающих лесную полосу. Из крайне скудных данных с весьма неопределенной координатной привязкой можно сделать вывод, что с достаточной определенностью в лесной полосе проживали гиперборей и невры. Геродот пишет, что севернее невров идет уже безлюдная пустыня. Плиний упоминает о счастливом народе гипербореев, которые живут за Рифейскими горами, в стране, где постоянно падает снег (183).

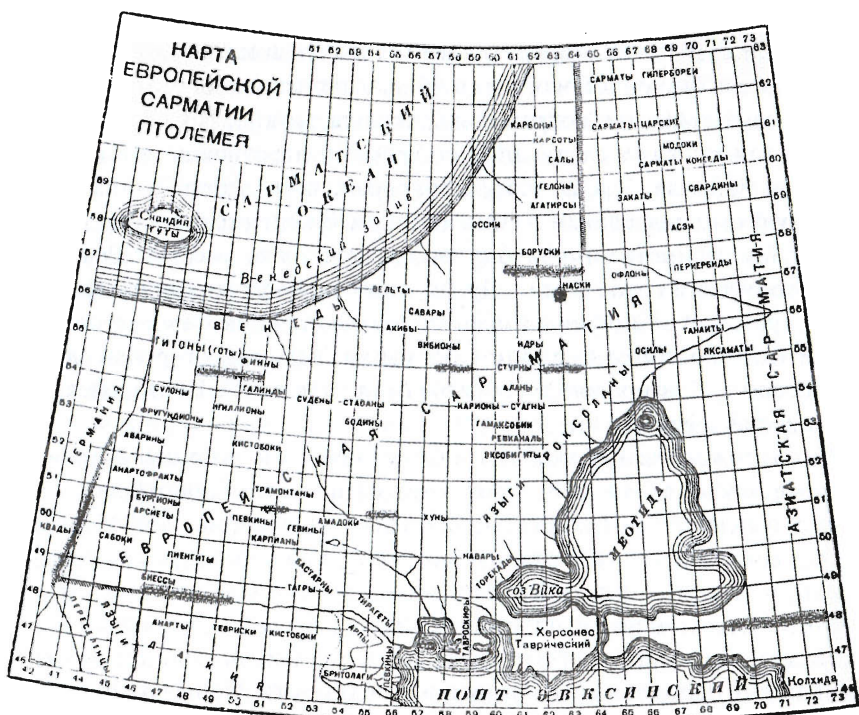

Рис. 3.4. Карта Европейской Сарматии Птолема (по Кулаковскому)

Помпоний Мела также помещает гипербореев на далеком севере, за Рифейскими горами (153; с. 124). Рифейские (Уральские) горы прочно вошли у древних авторов в территорию гипербореев. Если учесть, что, по данным (Р), князь Киддак со своим родом пришел на Рифейские горы (2408–2308 гг. до н.э.) и уже застал живущих там соплеменников урало-россов, то гипербореев вполне можно соотнести с россами. Тем более что в Схолиях к Аристотелю, К сочинению о небе, прямо сказано, что скифы-рос являются гиперборейским народом. Религиозный обычай передачи жертвенных даров от гипербореев к родственным племенам Адриатики, записанный Геродотом, также подтверждает, что гиперборейи были русским племенем, учитывая, что на Адриатике тоже жили россы (см. гл. «Славяне в Греции и Италии»).

По мнению многих исследователей, область распространения племени невров локализуется у истоков Днестра. С этим никак нельзя согласиться. У Геродота ясно написано, что выше скифов-пахарей живут невры, а страна, лежащая к северу от невров, не заселена людьми (55, IV, 17). По этим сведениям (выше скифов-пахарей), невров можно поместить на территории, начиная от истоков Днепра и выше к северу, поскольку, по мнению Геродота, дальше невров к северу уже никто не живет. Псевдо-Скимн передает слова Эфора, что «первыми по Истру живут карпиды, потом пахари, далее невры вплоть до необитаемой вследствие холода страны...» (190). Плиний пишет еще конкретнее: «Невры, от которых вытекает Борисфен...» (183). И.Е. Забелин, анализируя сведения Марцеллина, пишет: «К числу соседей алан принадлежат по его [Марцеллина] словам, невры, живущие в глубине страны... Марцеллин в другом месте прибавляет, что из страны невров течет Днепр» (89, с. 346).

Таким образом, из сообщений древних авторов земля невров началась от истоков Днепра и далее к северу распространялась до необитаемых уже районов. Но ведь это — территория Новгородской и Ростовской земель. Следовательно, геродотовских невров также можно соотнести с племенем россов. Значительное количество гидронимов с корнем «нер» в Ярославской, Костромской и других северных областях подтверждает этот вывод. Ранее говорилось, что пеласги в Древней Греции были также русскими племенами. Как еще один аргумент в пользу этого приведем параллели: Нерехта, Неро, Нерль, Нередица и др. — в лесной полосе России и, например, Нерей, nereиды — морские божества в Древней Греции.

Относительно геродотовских аримаспов выскажу мнение: известно, что древние греки часто давали племенам греческий перевод-кальку,

поэтому «одноглазые» аримаспы точнейшим образом могут быть соотнесены с кривичами, то есть тоже — «одноглазыми».

При описании нашествия Дария у Геродота сказано, что цари ге-лонов, будинов и савроматов обещали помочь скифам, а цари других племен, в том числе и невров, отказались. Возможно, в (Р) нет упоминания о нашествии Дария как раз по причине неучастия россов в совместных боевых действиях. Хотя помощь, очевидно, оказывалась и была оговорена заранее, поскольку у Геродота говорится, что кибитки с женщинами и детьми, а также весь остальной скот, кроме необходимого для пропитания войскам скифов, были отправлены на север. Туда, где жили северные россы, и, приняв основную часть племени скифов (кроме воинов) на свою территорию, россы развязали руки скифским войскам и тем самым оказали значительную поддержку. Возможно, было участие и отдельных отрядов добровольцев. Скифские войска, имея численное меньшинство, избрали тактику лавирования и избегания массированных контактов. Ту же тактику избрали и русские войска при нашествии войск Наполеона. И в обоих случаях эта тактика принесла несомненный успех.

Рассмотрим один спорный вопрос, касающийся непосредственно Ростова и Ростовской земли. У мусульманских писателей Аль-Истахри и Ибн-Хаукаля говорится о том, что русы состоят из трех племен: одно в городе Куяба, другое называется Славия и третье — Артания с городом Арт (50, с. 193, 220). Относительно города Куяба все исследователи сходятся на мысли, что это Киев. По поводу второго племени с названием Славия тоже, мне думается, не должно быть сомнений: находится выше Киева — там жили словене, следовательно, это Новгородская земля. Относительно же третьего племени споры не утихают до сих пор, причем какие только города и княжества ни назывались. Однако со всей очевидностью можно согласиться с И.Е. Забелиным, который считал, что Артсания [или Артания] с городом Артс [или Арт] есть не что иное, как Ростовская область с Ростовом. «Нам кажется, — писал он, — исследователи вовсе забывают о Ростове, который, судя по названию Великий, то есть старший, древний, несомненно, был старшим городом в своей стране с незапамятного времени...» (89, с. 518).

Теперь, когда известны материалы из (Р), можно с уверенностью подтвердить эти выводы. Русское государство возникло посредством объединения двух огромных государств — земель Новгородской и Ростовской. При Аль-Истахри и Ибн-Хаукале — X в., столица была уже перенесена в Киев, но Новгородская и Ростовская земли сохраняли свои размеры, к объединенной мощи которых добавился Киев. По-

этому на третье племенное объединение славян другого претендента, кроме Ростовской земли, не может быть.

Завершая тему Ростовской земли, отмечу, что территория ее была действительно огромна. Даже для более позднего времени (уже как Ростовского княжества) она занимала несколько губерний на географической карте XIX века. Вот как описывает эту территорию известный исследователь Ростовского княжества Д.А. Корсаков, перенося ее на современную ему (XIX в.) карту России. Ростовское княжество занимало: всю Ярославскую губернию; три западных уезда Тверской губернии (Кашинский, Бежецкий и Весьегонский); восточную часть Новгородской губернии (уезды Устюженский, Череповецкий и треть Белоозерского); уезды Вологодский и Грязовецкий Вологодской губернии; западную половину Костромской губернии (уезды Солигаличский, Чухломский, три четверти уезда Кологривского, две трети Макарьевского уезда, уезды Кинешемский, Нерехотский, Костромской, Буйский и Галичский) (120). И сам Ростов в период своего расцвета занимал обширнейшую территорию. Как пишет Б.Н. Эдинг: «по косвенным указаниям одной легенды город был в несколько раз больше современного; его “средний ров” окружал огромные пространства, в настоящее время совершенно пустынные...» (284, с. 16). И еще там же (с. 12): «А в этом городе... когда-то умели жить и создавать так, что нам в памятниках прошлого ясна печать нетленной красоты...»

Загадка города Экс

«...хочю жити в Переяславци на Дунаи,
яко то есть середя земли моей...»

*Слова вел. кн. Святослава
(Повесть временных лет)*

(Р). 5100—5200 (408—308 гг. до н.э.) (После Владимира стал царить в Ростове его сын Сар. Вместе со своими братьями Векрой [в «Родословной царей...» — Векл] и Дуброном владел он обоими берегами Дуная на большое пространство, где было ими построено много крепких городов. Там же Сар построил для себя особый город и назвал его Экс. Потом построил подобный город вблизи Ростова на берегу реки, которую назвал своим именем «Сара». Городок этот с трех сторон огибает река.

У царя Сара было три сына: Чендар, Сохат и Афей.

После царя Сара остался царить на берегах Верхнего и Нижнего Дуная его сын Афей, который завоевал много земель по обоим берегам

рек Танаиса и Борисфена и одновременно на берегу Дуная укрепил и расширил город Экс и сделал его столицей всех придунайских своих владений.

Этот знаменитый царь скифов славяноруссов Афей часто и кровопролитно воевал с царем македонским Филиппом, а вместе с ним еще и против древних греческих и римских кесарей и всегда побеждал. Он способствовал в завоевании державы Александру Македонскому и его отцу Филиппу. За славные дела и труды воинские дал царь Александр славянам привилегии или грамоту. Вследствие этого скифский царь Афей был в большой чести и славе у царей Филиппа и Александра. Этому много способствовал Александр, сердце которого покорила воинской храбростью, благоразумием и беспримерной красотой супруга царя Афей Артаксея, которая, впоследствии уже будучи вдовой, стала супругой Александра).

* * *

Из приведенных сведений в какой-то мере подтверждается единство — этническое и государственное — на территории от Ростова до придунайских территорий. Царь славян Сар, проживая в Ростове (царской резиденции), владел землями по обоим берегам Дуная на большие расстояния. Имена славянских царей и членов их семей, приводимые в (Р), встречаются в топонимике указанных мест их проживания (Ростовский р-н Ярославской обл.): река Сара, впадающая в озеро Неро, Сохатское болото, река Печегда, впадающая у п. Петровска в Сару — по имени внука Сара Печегда; и др.

Попробуем определить местоположение столицы придунайских владений славянских царей — город Экс. Из рукописи известно, что город Экс был подобен городу, построенному на реке Саре, причем этот город на р. Саре с трех сторон огибала река. На реке Саре есть такое место, в полутора десятках километров от Ростова, где река действительно делает петлю (рис. 3.5а), создавая стратегически очень выгодное положение города. Археологам это место хорошо известно — здесь находится Сарское городище, названное так по реке, при этом неожиданным образом запечатлев действительное имя основателя города.

В (Р) есть ценное указание, что город на реке Саре был подобен городу Экс. Чем же они могли быть подобны? Город, ставший вскоре южной славянской столицей, и небольшой городок за полторы тысячи километров от него. Подобие может быть только из-за особого местоположения. И действительно, около устья Дуная находим место, где река делает изгиб, огибая сушу с трех сторон (рис. 3.5б). Даже при современной береговой линии, которая дана на рисунке 3.5, аналогия из-

гибов двух рек — очевидна. Именно в этой речной петле Дуная и могла находиться южная славянская столица — город Экс. И видимо не случайно на этой территории, огибаемой рекой с трех сторон, впоследствии располагался исторически уже известный город Переяславец.

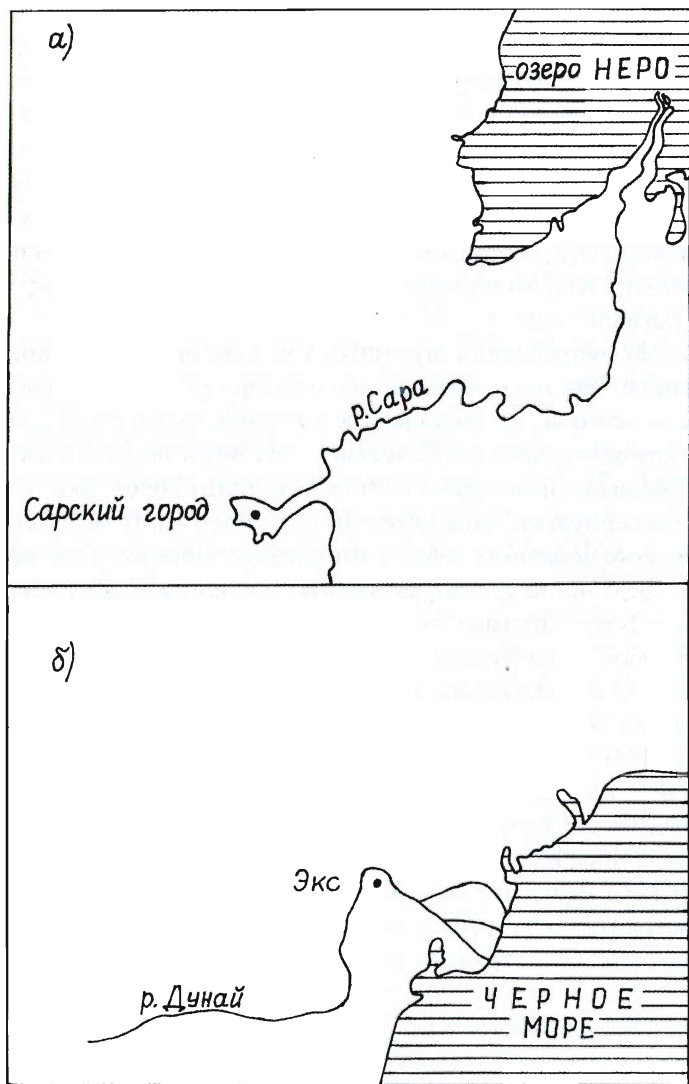

Рис. 3.5. Схемы устьев рек Сары (масштаб 1:100000) (а) и Дуная (масштаб 1:5000000) (б)

Царь Афей, сын Сара, упоминаемый в (Р), известен и по другим историческим источникам. Берега Верхнего и Нижнего Дуная, по данным (Р), входили в его владения, и этим фактом подтверждается граница славянского государства с южной стороны, показанная на рисунке 3.1. Афей, как говорится в (Р), завоевал много земель по берегам Дона и Днепра. Если вспомнить по прежним сообщениям в (Р), то при едином общеславянском царе в каждом городе сидел свой царь (страна городов-царств — по скандинавским источникам). Поэтому неудивительно, что с течением времени могла наблюдаться некоторая дифференциация и автономность отдельных областей. И общеславянскому царю, как в данном случае Афею, приходилось восстанавливать единство славянского государства. Эта тенденция наблюдалась не однажды и впоследствии. Например, после смерти Рюрика сделали попытку отделения от Русского государства его бояре — Аскольд и Дир в Киеве и Свенельд в Ростове.

Сложность управления огромным государством из далекой северной столицы (Ростова) вызвала необходимость создания еще одной столицы — южной. И поскольку в северной части славянской земли было относительное спокойствие, царь Афей переселился в более опасные «контактные» области, где находился город Экс, сохраняя при этом северную столицу (или столицы: Ростов и Новгород).

О взаимоотношениях Афея с Филиппом Македонским написано немало. Афею принадлежат различные послания и афористические изречения. Вот, например, его ответы Филиппу: «Скифы ценятся не по богатствам, а по душевной доблести и телесной выносливости» (244; с. 60); «Ты властвуешь над македонянами, обученными воевать с людьми, а я — над скифами, которые могут бороться и с голодом и с жаждой» (184). Битва между войсками Филиппа и Афея произошла в 339 г. до н.э., в которой, как сообщают источники, Афей погиб в возрасте более 90 лет. Возраст как воина — впечатляет!

По сведениям в (Р), ситуация взаимоотношений Афея и Филиппа Македонского складывалась не столь однозначно, как одно только противостояние, о котором говорится в большинстве дошедших до нас исторических материалов. В (Р), например, в противоположность этим материалам, наряду с частыми и кровопролитными битвами, отмечаются также и совместные действия против греческих и римских императоров, и помощь Афея Филиппу Македонскому в создании государства, за что Афей был в большой чести у Филиппа и его сына Александра. Такое взаимодействие подтверждается сведениями из Летописи св. Димитрия Ростовского, где написано: «Славяне въ хробр-

сти и мужеством своимъ день отъ дне крѣпко подвизающесе; воеваша еще и противу древнихъ греческихъ и римскихъ кесаревъ, и всегда славную воспріемлюще побѣду, во всякой свободѣ живяху. Пособствоваху же и великому царю Александру Македонскому и отцу его Филиппу, покоряти подъ власть свѣта сего державу. Тѣм же славныхъ ради дѣлъ и трудовъ воинскихъ даде Александръ царь славянамъ привилегіи или грамоту...» (81, ч. III, с. 2). Практически дословное совпадение текстов в Летописи св. Димитрия Ростовского и в (Р) свидетельствует о достоверности сведений в (Р) и о едином, более древнем источнике. Незначительное отличие говорит о независимом от Летописи св. Димитрия Ростовского написании А.Я. Артыновым своей рукописи. В Летописи, вместо Афея, указанного в тексте (Р), дано собирательное наименование — славяне, чем еще раз подтверждается и славянство скифов.

Учитывая, что Иордан ставит знак равенства между скифами и готами, то следующей фразой (с. 78): «Филипп же, отец Александра Великого, связав себя дружбой с готами...», он фактически также говорит о дружеских отношениях Филиппа с Афеем и тем самым подтверждает сведения в (Р).

При Афее централизация власти, видимо, действительно усилилась, став заметной и для зарубежных писателей. Из «Географии» Страбона видно, что в IV в. до н.э. царь Афей объединил под единоличной властью большинство племен Скифии (231, кн. VII, гл. 3, 18). И эти сведения Страбона, как видим, совпадают с данными (Р). Из рассказа Полиэна (186) о битве скифов с трибаллами, когда трибаллы вообразили, что «верхние скифы» идут на помощь войскам Афея, очевидно, что и внутренние славянские племена также входили в объединенное славянское государство. О распространении власти Афея на внутренние скифские племена пишет и Б.Н. Граков (69). Из рассказа Полиэна можно сделать также вывод о вообще традиционной объединенности всех славянских племен. Причем, учитывая географическое расположение скифов, к «верхним скифам» с полным основанием можно отнести россос.

Возвращаясь к городу Экс, следует отметить, что не случайно при последующем распаде Большой Скифии, из двух малых, образовавшихся Скифий одна из них занимала Добруджу. Видимо, это была территория вокруг придунайской столицы Экс. О существовании скифского царства в Добрудже в III–II вв. до н.э. засвидетельствовано чеканкой скифских династов (279). В работе (157) говорится, что стоит открытым вопрос о том, был ли Агар наследником Афея во всем царстве или только царем крымских скифов. На этот вопрос можно от-

ветить, что наследником Афея Агар не был, поскольку в «Родословной царей...» такого имени среди наследников Афея не значится.

От зноя травы сухи и мертвы

Степь — без границ, но даль синее слабо
Вот остов лошадиной головы
Вот снова — каменная Баба.

И. Бунин

(Р). 5200—5300 (308—208 гг. до н.э.) (Князь Печегд царствовал в области своего предка царя Владимира, сына Вандала. Он был миролюбив, не долго правил Ростовом и Ростовской областью и, оставив свое семейство, удалился на берега Дуная, откуда более не возвратился.

У Печегда было четыре сына: Мудролет, Став, Сот и Прототий. От Мудролета пошла старшая ветвь, от которой по прямой линии был первый русский великий князь Рюрик. От Прототия пошла младшая ветвь, от которой произошли великие ростовские князья, о которых в договоре с греками упоминает великий князь Олег.

В ростовскую область переселились с берегов Дуная родственники царя Афея, знаменитые князья Деполь и Рославль, братья царицы Артаксеи. Деполь поселился близ городка, укрепленного и распространного Саром на обширном, расположенном тут поле, а Рославль, также недалеко от Ростова, основал крепкий городок.

Сюда же переселился князь Курьслав, сын Чендара, который построил городок за сохатским болотом в верховьях реки Сахты.

Удобство жизни расположило князя Остриюка, сына Курьслава, построить городок на берегу реки Бучи [в примечании к (Р) говорится, что признаки этого городка видны и в настоящее время близ села Павловского Карашской волости, между Вепревым и Чашницким озерами].

После ухода Печегда его сын Мудролет со своей супругой Фелицатой переселился в Рим, где и остался жить.

Князь Прототий ходил с северными народами воевать в Палестину и Египет. Царь Египта Псамметих, потомок царя Птолемея Лага, полководца Александра Македонского, вышел к нему с дарами и испросил мир.

Князь Мадия, сын Прототия, вскоре после этого ходил по стопам своего отца и на обратном пути из Палестины чинил в тех странах многие разорения. В городе Аскалоне разграбил знаменитый храм Венеры

и золотой идол этой богини унес с собой на Русь. Потом ходил воевать хвалисскую землю и другие земли, лежащие по берегам Хвалисского моря и Волги и возвратился домой с огромным богатством.)

* * *

На основании некоторых античных источников сложилась традиционная точка зрения, что Скифия была завоевана сарматами. Так, Диодор Сицилийский пишет: «Эти последние [сарматы] много лет спустя, сделавшись сильнее, опустошили значительную часть Скифии и, поголовно истребляя побежденных, превратили большую часть страны в пустыню» (83). Многие историки обращали внимание на немыслимость поголовного уничтожения скифов, и с этим мнением нельзя не согласиться. Во-первых, точка зрения о поголовном уничтожении скифов сарматами строится на единичных мнениях авторов, не очевидцев происходившего. Чтобы сделать такие категорические выводы, необходимо было бы объездить всю Скифию или опросить большое количество очевидцев, и это в те времена, когда о многих скифских племенах продолжали существовать полумифические сведения. Несколько ранее Геродот не мог найти даже одного человека, который бы знал, например, о северных племенах как очевидец. Поэтому сообщение Диодора Сицилийского явно недостоверно статистически. Во-вторых, Скифия была одним из самых могущественных государств того времени с многочисленным населением, что также отрицает подобные выводы. В-третьих, если предположить такую ожесточенную войну (на «поголовное» уничтожение), то она не могла бы растянуться на такое длительное время (не менее сотни лет).

Принято увязывать начало упадка Скифии с разгромом скифских войск и гибелью Афея в 339 г. до н.э. в битве с войсками Филиппа Македонского. Однако, как справедливо указывают авторы работы (282), «закат ее могущества растянулся почти на столетие. Только с середины — второй половины III в. до н.э. можно говорить о выделении Малой Скифии». Разумеется, поражение в битве в 339 г. до н.э. было локальным и не явилось поражением Скифии в войне. Об этом дают понять и сведения в (Р), где ничего не говорится не только о проигрыше войны скифами, но и вообще о подобных военных действиях.

В последнее время С.В. Полиным предложена новая концепция, которая, с моей точки зрения, достаточно убедительно объясняет упадок и обезлюдение Скифии. Вот ее основные положения. Скифия, переживавшая в IV в. до н.э. значительный подъем, с III в. до н.э. из-за ухудшения климатических условий приходит в упадок. С.В. Полин пишет о низкой продуктивности скифского зернового земледелия, ко-

торая подтверждается сообщением Полибия о характере импорта II в. до н.э. Происходит резкое сокращение численности населения, остатки которого концентрируются в наиболее благоприятных районах. Сарматские же племена переселяются в Днепро-Донское междуречье лишь в конце II—I вв. до н.э., когда началось новое улучшение климатических условий, сделавшее пригодными для жизни причерноморские степи. Сарматы не вытеснили скифов, а заполнили пустовавшие степные пространства (187).

Мирное переселение сарматов подтверждается и данными археологии, где не обнаружено фактов враждебных отношений в пограничных районах Скифии и Сарматии. Само же переселение сарматов на Украину с востока доказано и антропологическими данными — близостью сарматов Украины и Нижнего Поволжья (117, с. 173). Куда же произошел отток населения Скифии при изменении климатических условий? Да туда же, куда отправили в минуту опасности женщин, детей и стариков их предки скифы при нашествии войск Дария, — в северные районы общего славянского государства, к россам. Такое переселение, отмеченное в (P), хорошо подтверждает «миролюбивую» концепцию заполнения сарматами пустующих степных пространств. В (P), например, говорится о переселении в Ростовскую область князей Деполя и Рослава, Курьслава и его сына Острока. Переселение, естественно, происходило со всем родом. Очевидно, что аналогичные переселения происходили и в другие места лесной полосы славянского государства. Подводя итог сказанному, будем надеяться, что кровожадная теория о поголовном уничтожении одного из самых многочисленных народов — скифов закончит свое существование.

Возвращаясь к сообщениям в (P), отмечу важную информацию о разделении правящей славянской династии на две ветви: старшую, от которой произошел Рюрик, и младшую, положившую начало ростовским князьям. Переселение Мудролета (предка Рюрика) в Рим делает реальным давнишнее и почти всеми считающееся выдумкой утверждение о родстве Рюрика с императором Августом. «Родословная царей...» подтверждает это со всей определенностью. Кроме того, видимо, с момента отъезда Мудролета в Рим и началось в общеславянском государстве правление младшей ветви славянской династии царей.

У Геродота (55, I, 103–105), так же как и в (P), есть сообщение о походе Мадия, сына Протогия. Таким образом, очевидно хронологическое несоответствие двух источников, если, конечно, речь идет об одной и той же исторической личности. При описании похода Мадия в (P) интересно упоминание о Руси уже в III в. до н.э.

В сообщении о переселении князя Деполя на место близ городка, основанного Саром (ныне Сарское городище), дает достаточно точное направление поиска будущим археологическим исследованиям с возможностью обнаружить неподалеку от Сарского новое городище. Аналогичная информация для проведения раскопок дана и в сообщении о построении городка князем Остриюком на берегу реки Бучи.

Перелом в общеславянском языке. Об именах

В рукописи А.Я. Артынова (16) за период 4408—4308 гг. до н.э. приводятся сведения, что сын Адама Сиф написал двадцать девять книг. Подтверждением этих сведений, а также возможности существования письменности уже в V тыс. до н.э. может служить надпись на тэртрийской таблице: «Дети примут грехи ваши — держитесь детей своих», выполненная, по данным Г.С. Гриневича, на праславянском языке в V тыс. до н.э. (71, с. 250—252).

Разделение индоевропейской языковой общности, как полагают исследователи, произошло на рубеже IV—III тыс. до н.э. По данным (Р), это время соответствует началу расселения славянских племен Мосоха. К этому же времени, по мнению ряда исследователей, относится начало существования протославянского языка, а племена, носители его, наряду с племенами других протоязыков являются первыми расселившимися индоевропейцами. Если соотнести этот вывод с материалами данной книги, то к первым так называемым индоевропейцам относятся славянские племена древнеямной, майкопской, волосовской, афанасьевской и других археологических культур соответствующего времени.

Протославянский язык, по мнению исследователей, имел много общего с другими индоевропейскими диалектами. Ф.П. Филин пишет, что в течение III—II тыс. до н.э. развивался протославянский язык (253, с. 128). Общеславянский (праславянский) язык, по мнению Ф.П. Филина (с. 99), унаследовал древнюю индоевропейскую основу с рядом ее диалектных черт и при этом развил в себе немало новых особенностей. Ф.П. Филин выдвигает свою гипотезу по поводу истории общеславянского языка, которая в основных чертах подтверждается материалами «Родословной царей...», данной в Приложении. Он предложил три этапа: ранний этап — от времени образования общеславянского языка примерно до конца I тыс. до н.э. (т.е. первое тысячелетие до н.э.); сред-

ний этап — с конца I тыс. до н.э. до III–V вв. н.э.; поздний этап — с V по VII в. н.э. Причем, как отмечает Ф.П. Филин, при среднем этапе происходят дальнейшие серьезные преобразования славянской языковой системы (253, с. 101). Поздний этап, как покажет дальнейшее изложение просуществовал, возможно, до X–XII вв.

На раннем этапе, видимо, общеславянский язык не очень существенно отличался от протославянского языка. В работе (253, с. 100–101) приводится мнение голландского лингвиста Н. Ван-Вейка о том, что первый период (он делит историю общеславянского языка на два периода), длившийся около двух тысяч лет, был периодом «консервативным», когда изменения в языке происходили очень медленно и были незначительны. Второй период, по Н. Ван-Вейку, продолжался два-три столетия бурных и глубоких изменений, приведших около VI в. н.э. к распаду общеславянского языка. Следовательно, начало первого этапа, по Н. Ван-Вейку, относится примерно к концу первой половины II тыс. до н.э. Таким образом, высказанное мнение о близости раннего этапа общеславянского языка протославянскому языку выглядит достаточно основательным.

В соответствии с изложенным считаю, что основная топонимика на территории, занимаемой славянами, была дана во время существования протославянского и раннего этапа (по Ф.П. Филину) общеславянского языков. Поэтому многие названия несут в себе индоевропейские элементы. Некоторые названия близ Ростова, по данным (Р), привязаны даже хронологически. Например, река Сара носит имя царя Сара, жившего в V–IV вв. до н.э.; река Печегда, впадающая в реку Сару, — соответственно имя царя Печегда (IV в. до н.э.), внука Сара; Сохатское болото названо по имени Сохата (IV в. до н.э.), сына Сара. Приведенные наименования даны в V–IV вв. до н.э., что по времени соответствует периоду относительной устойчивости общеславянского языка, когда в нем было много элементов других индоевропейских диалектов, что и подтверждается приведенными выше славянскими именами ранней формы.

Интересно мнение исследователей о позднем этапе общеславянского языка. Ф.П. Филин в указанной ранее работе излагает мнение ряда авторов о том, что верхняя граница общеславянского языка относится к X–XII вв. н.э. По мнению Р.И. Аванесова и П.С. Кузнецова, все славянские языки на X–XI вв. «отличались друг от друга меньше, чем, например, современные русские говоры, то есть это были по существу диалекты единого языка» (253, с. 163). Г.А. Хабургаев пишет, что «по мнению Нестора (рубеж XI–XII вв.), государство под названием Русь в его время было заселено различными [этнографическими] группа-

ми единого словенского народа, пользовавшегося в обиходе одной и той же словенской речью, а в письменности — словенской грамотой» (264). Если принять верхнюю границу существования общеславянского языка X—XII вв., то лишний раз не приходится удивляться, что славянина Рюрика (от поморских славян) пригласили возглавить в IX в. объединение Новгородской и Ростовской земель (что будет изложено позднее в соответствии с хронологией событий) при существовавшем на то время общем языке.

По ходу изложения выскажу следующее соображение. Еще Пушкин писал, что в «Слове о полку Игореве» были использованы польские, сербские, иллирийские, болгарские, богемские, молдавские и другие славянские наречия. Поэтому приходит мысль, что «Слово о полку Игореве» написано было на еще существовавшем на конец XII в. общеславянском языке. Иначе трудно себе представить автора, столь углубленно знавшего эти языки (фактически — как родные), что мог бы создать с использованием их этот гениальный литературный памятник.

В «Родословной царей...» (см. Приложение) даны имена славянских царей и князей при непрерывающейся их родственной связи на протяжении четырех тысяч лет. Эти имена и их изменение во времени в течение четырех тысяч лет представляют исключительный интерес по многим факторам, в том числе с позиции сопоставления с этапами развития славянского языка. На протяжении около трех тысячелетий структура имен сохраняет относительную устойчивость, являясь отражением ранней формы славянского языка (протославянского и раннего этапа общеславянского) и близости индоевропейских диалектов. Однако в конце I тыс. до н.э., что соответствует началу среднего этапа общеславянского языка по классификации Ф.П. Филина, действительно происходит коренной перелом в именах и, очевидно, соответственно в славянском языке. Начиная с V в. до н.э. как эпизод (имена Избор, Столповет, Владимир) и со II в. до н.э. как система начинают появляться славянские имена поздней формы (Цветодух, Горыня, Светозар, Доброслав и т.п.). Причем, что исключительно важно отметить, переход на новую форму имен происходит при неизменности родовой линии. То есть, например, отец Локтис дает своим сыновьям уже имена Горыня, Светозар. А сам переход осуществляется постепенно, у Мадия сыновья носят имена старой (Ваграм, Локтис) и новой (Цветодух) форм.

В качестве возможной причины, вызвавшей коренной перелом в общеславянском языке, выскажу следующее: начавшаяся засуха в

скифских степях вызвала мощный отток многочисленного населения Скифии в лесные районы к россам; после окончания засушливого периода сарматские племена начали занимать долгое время пустовавшие скифские кочевья; происходило интенсивное перемешивание различных славянских племен, что, естественно, отразилось и на языке.

Материалы самой рукописи (16) несут большой запас колоритных славянских имен, нигде более не сохранившихся. Вот пример их, собранный за несколько столетий: 5500–5600 (8 г. до н.э. — 92 г. н.э.) — Мирослав Ратобор, Звенислав Зуб, Ряска Темный, Бульба Красный, Горесвет Лужа, Буриной Вайдевут, Ясень Звон, Бурелом Ратоборец, Ветрогон Хворостина, Нагиба Зоря; 5600–5700 (92–192 гг. н.э.) — Мечелюб Хвост, Охляба Тур, Звенислав Омет, Шур Зарод, Силовол Любомир, Туросвет Лопата, Гремислав Почекал; 5700–5800 (192–292 гг. н.э.) — Добрыня Дубрава, Мечелюб Болото, Тугарин Закедье; 5800–5900 (292–392 гг. н.э.) — Трислав Сар, Запруд Амгий; 5900–6000 (392–492 гг. н.э.) — Кутня Лань.

Трудно представить себе, что все эти имена (их в «Родословной царей...» — 454), а также структурное изменение имен, хорошо соответствующие современным исследованиям и открытиям в общеславянском языке, мог придумать обычный крестьянин второй половины XIX века. Все это еще раз говорит о подлинности сведений в рукописи А.Я. Артынова.

Рассмотрим еще один вопрос, касающийся имен. Иордан дал ценнейшие сведения об обычае принимать имена других народов: «ведь все знают и обращали внимание, насколько в обычае у племен перенимать по большей части имена: у римлян — македонские; у греков — римские; у сарматов — германские. Готы же преимущественно заимствуют имена гуннские» (107, с. 77).

Важность сведений об этом обычае, описанном Иорданом, отмечали некоторые исследователи, однако, думается, из этих сведений должны последовать еще более важные выводы. Во-первых, при повсеместности этого обычая, по сохранившимся именам в исторических источниках нельзя делать выводы о национальной принадлежности их носителей. Аналогично высказывался в свое время и И.Е. Забелин (89, с. 198). Поэтому, зная, что сарматы — это славяне, а у сарматов, как пишет Иордан, в обычае было принимать германские имена, нужно сто раз подумать, прежде чем какого-то предводителя с германским именем причислить к германцам, потому что скорее всего он окажется славянином. Во-вторых, необходимо признать неправомерным использование отдельных имен для определения языка народа или племени.

Некоторые известные по историческим материалам личности с якобы германскими именами фигурируют в (Р) как славяне. Например, Аларих I, король вестготов, захвативший в 410 году Рим, по «Родословной царей...» в (Р) являлся прямым наследником и продолжателем династии ростовских князей, которые в то время были, видимо, и правящей династией общеславянского государства. И написание имени его было славянским — Аларик.

Гейзерих (Geiseric) — король вандалов. В (Р) за период 5900—6000 (392—492 гг. н.э.) он фигурирует под двойным именем — Простен по прозвищу Гандезерик. Из сопоставления событий очевидно, что Гейзерих и Простен Гандезерик — это одно и то же лицо. Причем в (Р) прямо сказано, что Гандезерик — это прозвище князя Простена и этим исключительно важным указанием подтверждаются сведения Иордана. Как известно, у Гейзериха был титул «rex Vandalorum et Alanorum», а учитывая ранее сделанные выводы, что вандалы и аланы были славянскими народами, то королевство вандалов в Африке было славянским королевством, во главе с королем славянином Простеном (ростовским князем), причем, как следует из «Родословной царей...», Простен был внуком Аларика.

Возвращаясь к цитате из Иордана (с. 77), попробуем разобраться в столь странном обычае народов тех времен. Обратим внимание на приведенные у Иордана пары по перениманию имен: римляне брали имена македонские; греки — римские; сарматы — германские; готы — гуннские. Что общего в этих парах? Да то, что брались имена врагов или потенциальных соперников. Делалось это, я думаю, для того, чтобы отвлечь от себя удары потусторонних темных сил и перевести их на своих врагов или соперников и тем самым оставить в безопасности имя, данное при рождении. Такой обычай практиковался у многих народов. Известны исторические лица и в значительно более позднее время, например в Ростове, когда любящий отец — ростовский князь именно с подобной целью дал своему сыну имя — Нелюб.

Ростовские события и походы

Все пространство перед ними непроходимо и покрыто дремучими лесами...

Маврикий Стратег

(Р). 5300—5400 (208—108 гг. до н.э.) (Князь Локтис ходил с походом в Мидию, где потомок царя Ксатора напоил его вождей, многих убил,

а Локтиса с остатками войска прогнал в землю киммерийцев, откуда тот возвратился с немногими дружинами. [Далее дается в (Р) выписка из рукописи Е.В. Трехлетова, которая будет приведена ниже в комментариях к тексту (Р)].

Брат его Вахрам [в «Родословной царей...» — Ваграм], в его отсутствие унаследовавший престол своего отца Мадия, не захотел возвратить его Локтису, и тот не стал начинать междоусобную войну, а основал недалеко, на том же берегу Ростовского озера, новый город [в примечании к (Р) говорится, что на этом месте стоит ныне Ростовский кремль, обнесенный земляным валом]. Через некоторое время князь Локтис оградил свой город крепкими стенами, высокими башнями с бойницами и тайниками.

В Риме знаменитый своей мудростью Катон, живший в Тускулуме, в месте своего рождения, женился на княжне Брахиле, дочери скифославянского князя Локтиса, у которого Катон был пленником в Дунайской Скифии.

Князь Траян, сын Катона, будучи цензором, первым стал мостить камнем улицы и народные водоемы.

Младший сын Локтиса Светозар, прозванный Гунчаком, славился своими воинскими делами, описанием которых заполнены ростовские рукописи.

Старший сын князя Локтиса Саблук основал крепкий город в устье реки Мологи, при впадении ее в Волгу.)

* * *

В сообщении о походе Локтиса в Мидию очевидна аналогия с рассказом Геродота (Киаксар пригласил скифов на пир, где, напоив, убил их). Однако различие в том, что в (Р) говорится о потомке Киаксара, пригласившего вождей Локтиса на пир, а также и различие в возникших при возвращении домой проблемах. Так что речь идет о разных сюжетах, причем потомок Киаксара, видимо, воспользовался «опытом» своего предка.

Из приведенного сообщения в (Р) видно, что современный Ростовский кремль находится на месте основанного Локтисом нового города. Таким образом, современный Ростов и кремль — это не древнейшая часть города. Древнейшая же часть находилась на месте города Владимира Вандала, который стоял, как говорилось ранее, в месте впадения реки Ишни в Неро. На этом же месте, с учетом естественно изменившейся береговой линии озера, стоял город, где остался править брат Локтиса Вахрам. Следовательно, перемещение местоположения Ростова произошло во II в. до н.э.

Приведем выдержку из несохранившейся рукописи Е.В. Трехлетьева, данную в тексте (Р). Древний и колоритный язык этой выдержки, схожий с языком «Слова о полку Игореве», говорит о древности и достоверности материалов, использованных при написании своей рукописи А.Я. Артыновым. Именно таким был язык в подлинных древних ростовских рукописях, который по неопытности, еще в молодом возрасте, и переделал при неоднократных переписках А.Я. Артынов.

Вот эта выдержка, без каких-либо правок: «На пути биша ланей комолыхъ и буйволовъ рогатыхъ, стреляя огневокъ лисицъ и черныхъ кунъ, А свои держажу слѣдъ (въ) день по солнцу и вътромъ, А ночью по Стожару, И тогда станы задны начальне на пираше, то народъ преднїи идаху на просторы оставляху за собою весь знаему съ дружиной, и досамаго дотече озера А заднїа тамо посѣде гдѣ повстреча красны брези рѣкъ и на отвѣданныхъ земель, не копанныхъ, лузеи не травленыхъ поля не раленыхъ тамо распуска стады своя по густымъ пушамъ» (16, ссылка 127, с. 183).

Следующее сообщение о Катоне дает ряд важных фактов. Во-первых, известная историческая личность Катон по «Родословной царей...» являлся продолжателем старшей ветви правящей славянской династии, которая после Печегда разделилась, и был внуком уехавшего в Рим Мудролета, с которого и началась отделившаяся старшая династическая ветвь. Во-вторых, связи между представителями старшей и младшей ветвей не прекращались — дочь Локтиса вышла замуж за Катона, который был троюродным братом Локтиса. В-третьих, подтверждена принадлежность Дунайской Скифии к северной столице — Ростову и единство народа, жившего на огромной территории — от Ростова до Дуная.

Сведения в (Р) о Светозаре Гунчаке косвенным образом подтверждают существование когда-то, причем в большом количестве, древних ростовских рукописей. С достаточной вероятностью можно сделать вывод, что эти рукописи, где описаны воинские подвиги Светозара Гунчака, были современны описываемым событиям — II в. до н.э., а значит, этими сведениями еще раз доказывается древность письменности у славян.

Основанный Саблуком город в устье Мологи являлся, по-видимому, городом Мологой — это место находится под Рыбинским водохранилищем.

(Р). 5400–5500 (108–8 гг. до н.э.) (Князь Маркел был знаменитым римским гражданином. Он выступал против гордых римских полководцев, из-за которых были кровопролитные междоусобицы. Главным

его недругом был Марий. Маркел защищал слабых и неимущих, вдов и сирот.

Юлий, сын Маркела, победив консула Помпея, стал римским кесарем. Римская сивилла Тибуртыня показала Юлию Цезарю в небе Знамение о Рождестве Христовом.

Октавий [Октавиан], сын Кельсия, стал первым императором Рима, получив от сената имя Августа. Он поставил своих братьев царствовать: Патрикия — в Египте, Августалия — в Александрии, Кариния — в Сирии, а Прусу дал во владение берега Вислы, города Мадборук и Гданьск и реку Неман.

Знаменитый ростовский князь Мечеслав был известен Августу, запретившему воевать с ним — предводителем северного народа.)

* * *

Общепринято мнение, что происхождение Рюрика от Августа — это плод фантазий и результат вымышленных генеалогий авторов XVII века и что Прус — мифическое лицо. Из (Р) и приведенной в Приложении «Родословной царей...» совершенно очевидно, что и Юлий Цезарь, и Август (Октавий) — прямые потомки переселившегося в Рим Мудролета (прямого наследника старшей ветви славянской правящей династии), что Прус — реально существовавший брат императора Августа и соответственно также потомок Мудролета. При этом очевидно и происхождение Рюрика от императора Августа.

В подтверждение сказанному приведем отрывок из «Сказания о князьях Владимирских», кстати, литературного памятника конца XV — первой половины XVI в. (т.е. более ранний, чем указанное выше время различных фальсификаций), в котором говорится, что «Август... Пруса, родича своего, послал на берега Вислы-реки в города Мальборк, и Торунь, и Хвоини, и преславный Гданьск...». Далее говорится о приглашении Рюрика: «Они пошли в Прусскую землю и нашли там некоего князя по имени Рюрик, который был из римского рода Августа-царя» (215).

В Степенной книге также сказано (с. 7): «...иже начася отъ Рюрика, его же выше рекохомъ, иже прииде изъ Варягъ въ Великій Новъ Градъ со двѣмя братама своима и съ роды своими, иже бѣ отъ племени Прусова, по его же имени Пруская земля именуется; Прусь же братъ бысть единоначальствующаго на земли Римскаго Кесара Августа»

Ростовский князь Мечеслав указан как предводитель северного могущественного народа, с которым опасно было ссориться даже Римской империи. В какой-то мере это сообщение подтверждает, что столица и царствующий славянский дом находились в Ростове. Опять

практически дословно повторяются тексты в Летописи св. Димитрия Ростовского и в (Р). В Летописи говорится, что Август Кесарь «не держаше съ свободными и сильными славяны брани свести. Нъции бо совѣтоваху ему воевали съ ними, но онъ на совѣтъ ихъ тако отвѣщаваше: “не подобаеъ мнѣ златою удицею рыбы ловити” аки бы рекль: не хощу я большее изгубити, нежели обрѣсти» (81, ч. III, с. 3). Сравним — изречение Августа дословно повторяется в тексте (Р) (см. в Приложении — 16, с. 106). И снова подтверждается автономность написания рукописи А.Я. Артыновым по отношению к Летописи св. Димитрия Ростовского. В (Р), в отличие от Летописи, конкретизирован предводитель славян — князь Мечеслав. То есть опять видно, что А.Я. Артынов использовал другой источник, а не Летопись св. Димитрия Ростовского, однако этот другой источник (рукопись А.Б. Мусина-Пушкина) и Летопись св. Димитрия Ростовского написаны на базе одной (или нескольких) более древней ростовский рукописи.

Далее в Летописи св. Димитрия Ростовского говорится: «И писаше Август Кесарь къ единому отъ гетмановъ своихъ Лентулюю, заповѣдую, да отнюдь славяновъ раздражати войною не дерзають» (с. 3). И этими сведениями из Летописи, независимо от (Р), устанавливается факт существования мощного объединения, именно славян, уже в начале нашей эры.

(Р). 5500–5600 (8 г. до н.э. — 92 г. н.э.) (Чудесные события и знаменания происходили в это время на небе и на земле. Невиданная прежде звезда появилась на небе и шла на посолунь. Все чего-то ждали, рукотворные боги падали на землю. Пифии изрекали, что Бог пришел во вселенную. Снова из моря появился остров Цейлон.

Сын кесаря Октавия [Октавиана] Энний скрывался от преследований своего отца и его пасынка Тиберия у Пруса на реках — Немане и Висле и по городам Мадборук, Турук и Хвойницы. У него была жена — княжна Люба, дочь славянорусского князя Вышеслава.

Князь Энний, сын Октавия [Октавиана], переселился со всем своим домом в построенный им за Волгой город Гелон.

Среди дня было полное солнечное затмение, в течение трех часов.

Князь Гелона Александр [внук Энния] ходил походом за реку <Абис> [река Альбис по карте Тацита], к народам, называемым «ковки» [хавки по карте Тацита] и лангобардам.

Местожительством князя Перея Тучи [Новгородского князя] в Ростовской земле были древние развалины городка, основанного Владимиром Вандалом на берегу реки Ишни.)

* * *

Очень хорошо передана атмосфера того времени, полного чудесных событий и явлений времени Рождества Христова.

Указанное полное солнечное затмение соотносится с временем распятия Иисуса Христа. Это солнечное затмение было отмечено многими писателями и астрономами того времени.

Снова отмечаются связи между старшей и младшей ветвями славянской правящей династии. Ранее Катон был женат на дочери славянорусского (ростовского) князя Локтиса. И теперь Энний (потомок Катона) получил в жены Любу — дочь ростовского князя Вышеслава. При этом фразой «славянорусский князь Вышеслав» снова ставится знак равенства между жителями Ростовской земли и россами.

О городе Гелоне более подробно будет рассказано в следующей главе. Достаточно определенно указано место древнейшего расположения Ростова. Причем из приведенного сообщения следует, что и во времена Владимира Вандала, видимо, были каменные строения.

(Р). 5600–5700 (92–192 гг.) (Первым шагом князя Гремислава была война с народами муромой и весью, которые мстили ростовцам за Волочья, но князья Туросвет и Варгун нанесли им жестокое поражение у реки Томарки. Опасаясь повторения, мурома пытались тайно убить князей победителей и особенно Гремислава, но этого сделать не удалось. Но при этом спалили его терем, и во время пожара сгорело все Заравье с городской стеной и воротами. Поэтому князь Гремислав и другие князья с большой ратной силой пошли на весь и мурома и победили их, а затем пошли на их союзников мордву и черемису и построили крепкий город на реке Мере.

Через некоторое время после этой войны, после усмирения всех внешних врагов, с согласия всех ростовских князей, Гремислав ходил на общий совет в Великий Новгород, где было решено с новгородским князем и его союзниками идти на Дунай против римлян, притесняющих одноплеменников и сродичей славяноруссов. Вскоре огромная северная рать славяноскифов и сарматов наводнила придунайские берега, при этом были неоднократные сражения с римским кесарем Марком Аврелием, который однажды напав на них на льду Дуная, нанес им жестокое поражение, взяв многих в плен.)

* * *

Давление угро-финских племен усиливалось. Фактически идут оборонительные войны славян с угро-финскими племенами по-

средством упреждающих ударов. О более раннем поселении славян в лесной полосе, чем угро-финские племена, уже говорилось ранее. В результате угро-финской экспансии естественно уменьшалась постепенно и первоначальная территория коренного населения славян лесной полосы — россов.

Дано очень важное сообщение о походе славян на берега Дуная. Во-первых, точнейшим образом подтверждается положение о территориях россов, изложенное в главе «Три территории россов», а именно что на Дунае также жили россы (дунайские), поскольку они названы в (Р) одноплеменниками и сродичами россов («славянороссов») лесной полосы (Новгородской и Ростовской земель); во-вторых, поход объединенной новгородско-ростовской северной рати на берега Дуная был не с целью грабежа, как пытались представить такие походы римские писатели, а для защиты одноплеменников, наказания агрессоров и возможного освобождения взятых в рабство славян. Ведь за счет захваченного славянского населения в значительной степени и пополнялась рабами Римская империя; в-третьих, новгородско-ростовское войско с союзниками названо ратью славяноскифов и сарматов, чем еще раз подтверждается славянство скифов и сарматов, а также факт объединенности союзов племен скифов и россов. Словене (новгородские и ростовские россы) именовались славянами, поэтому приведенный термин «славяноскифы» подтверждает это объединение союзов племен, о котором говорилось и ранее. То есть на время приведенного сообщения скифы и россы — это фактически единое славянское племя, а сарматы, видимо, другой славянский род. Этот вывод подтверждается и антропологически, так как между скифами и славянами последующих времен различия не наблюдаются, тогда как между скифами и сарматами отличия есть.

Этот поход северных племен хорошо вписывается в Маркоманскую войну 166–180 гг. н.э., которую вел Марк Аврелий. Хронология событий соответствует полностью. Юлий Капитолин писал об этой войне: «Все народы от границы Иллирика до Галлии составили заговор, именно маркоманны, варисты, гермундуры и квады, свевы, сарматы, лакринги и буры, вандалы с виктуалами, озы, бессы, коботы, роксоланы, бастарны, аланы, певкины и костобоки» (109, с. 294).

Сколько племен! Со всех границ Римской империи. Видно, невмогуту уже стало терпеть постоянное порабощение своих родных и близких. Но римские писатели, видимо, считали, что все неримляне рождены быть у римлян рабами, и это стихийное возмущение всех народов их удивляло. Борьба же славянских, да и не славянских народов с рабов-

ладельческой империей все усиливалась. По данным Зосимы, скифы и союзные им племена сильно теснили Римскую империю (95).

(Р). 5700–5800 (192–292 гг.) (Князь Гремисвет сделал новые городские ворота, замысловатой конструкции, в особенности чудские и молочные со многими тайниками и забралами.

Тишина и спокойствие у ростовцев были нарушены войной с северянами, древлянами и полянами.

В войне с поливонскими финномерянами ростовцы были разбиты наголову. Ростов был разорен и густо заселен мерянами, и земля ростовская стала их достоянием. Наместник Ростовской области скандинавский князь Фрелаф управлял всей Ростовской землей и называл ее мерянской землей.)

* * *

Названия двух ворот Ростова III в. дошли до нас благодаря сведениям в (Р): чудские и молочные.

Впервые в (Р) упоминаются, известные по летописям, названия отдельных славянских племен: северяне, древляне и поляне.

Все усиливающаяся экспансия угро-финских племен закончилась разгромом ростовской рати и захватом Ростова, который стал мерянским городом, с массовым заселением города мерянами. Видимо, к этому времени связи между отдельными славянскими племенами стали значительно слабее, если стал возможен захват угро-финнами всей Ростовской земли. Об этом говорит приведенный факт военных действий с северянами, древлянами и полянами. Сказано в рукописи (16, с. 130) и о ссоре ростовцев с новгородцами на момент начала войны с угро-финнами. Возможно, против ростовцев выступили не одни меряне, а союз племен во главе с варягами скандинавами, поскольку, как говорится в рукописи, скандинавский князь Фрелаф, ставший наместником Ростовской области, был предводителем поливонских финно-мерян в решающем сражении.

Вот с этого времени (III в.) и пошло это понятие, которое затем было отмечено в русских летописях, что Ростов — это мерянская земля. Поэтому не будем забывать, что коренным населением Ростова и Ростовской земли были славяне россы.

(Р). 5800–5900 (292–392 гг.) (Блистательные дела славяно-русской республики [в примечании к (Р) говорится, что некоторые писатели утверждают, что славяно-русская республика состояла из народов: русь, славяне, мера, весь, кривичи и мордва] побудили к завоеванию

ее заморским королем <Елоусом>, который захватил Ростовскую землю, пройдя сквозь нее с мечом и огнем. Он приказал разорвать конями знаменитую героиню и красавицу царь-девицу, жену Ательского царя, за что ее братья Трислав Сар и Запруд Аммий закололи <Елоуса> кинжалами.

Князя Трислав и Запруд не стали восстанавливать своих теремов, а, опасаясь подобного погрома, основали их в дремучих лесах.

Князь Запруд с другими князьями, собравшись в многочисленные дружины, ходили Днепром и Черным морем воевать в богатую Грецию. Поход был неудачен, князь Запруд был убит в первой же битве с греками в устье Дуная, а многие князья получили тяжкие раны.)

* * *

Выражение «блистательные дела славяно-русской республики», казалось бы, не вяжутся с сообщением за предыдущее столетие о захвате Ростова мерянами. Тут могут быть два варианта событий: первый — меряне снова были отеснены на прежние рубежи (все-таки прошло столетие) и второй — произошедшее слияние мерян с ростовскими славянами при главенстве ростовцев и миролюбивых отношениях усилило мощь Ростовской земли. Отсутствие в рукописи описания конфликтных событий и продолжение княжения в Ростове прежней (до завоевания Ростова мерянами) наследственной ростовской династии говорят за второй вариант. Видимо, не столь длительной оказалась мерянская победа, и постепенно, при славянском преобладающем типе населения в Ростовской земле и более высоком хозяйственно-культурном потенциале, ростовское славянство восстановило свои позиции. О подчиненности россам угро-финских племен, например в более позднее время, говорит описание пятой миниатюры Радзивилловской летописи: «И се суть инии языцы, иже дань дают Руси: чудь, весь, меря, мурома, черемиса, ям, мордва, печера, литва, зимегола, корсь, нерома, ливь... иже живут на странах полунощных». Общая же территория Ростовской земли, возможно, значительно возросла, если добавились территории угро-финских племен. Такое объединение с некоторыми угро-финскими племенами вполне возможно и произошло, поскольку из примечания следует, что в славяно-русскую республику входили несколько племен, где первой поставлена русь, то есть племя россов.

Есть вероятность и того, что в эту республику входила и Новгородская земля, поскольку из примечания следует, что в это объединение входили и славяне, которыми традиционно назывались новгородцы. Если это так, то эту республику можно рассматривать как прообраз

будущего Русского государства, которое, как станет ясно из дальнейших сообщений в (Р), как раз и образовалось объединением Новгородской и Ростовской земель.

Не совсем понятна остается личность «заморского короля <Елоуса>», которого по сюжетному подобию, особенно с братьями Триславом Саром и Запрудом Аммием, можно соотнести с Германарихом. Учитывая принятый в то время обычай брать вторые имена — клички, то можно предположить двойное имя и у Германариха.

У Иордана, при описании покоренных Германарихом племен, имеется и племя мерян («меренс»). Принимая во внимание, что во время нашествия войск Германариха Ростовская земля могла обозначаться как мерянская земля, то «покорение» мерян Германарихом, по Иордану, можно отождествлять с сообщением в (Р) о захвате Ростовской земли <Елоусом>.

Описание события в (Р), когда король <Елоус> приказал разорвать конями царь-девицу супругу Ательского короля, а ее братья Трислав Сар и Запруд Аммий закололи <Елоуса> кинжалами, имеет практически точный аналог у Иордана (107, с. 91–92), при этом указано племя, к которому принадлежала женщина, — это росомоны. Исключительно важным является и то, что в (Р) даются двойные имена братьев царь-девицы: Трислав Сар и Запруд Аммий. Первая половина имен, бесспорно, славянская, а вторая — полностью совпадает с именами в сюжете у Иордана. Если учесть, что большинство исследователей совершенно справедливо в росомонах Иордана видят славян, а само слово «росомоны» переводится как «росские мужи», а с другой стороны, по материалам (Р) известно, что Трислав и Запруд — это славяне, относящиеся по территории проживания к племени россов, то можно сделать бесспорный вывод, что росомоны Иордана — это славянское племя россов, населявшее Ростовскую землю.

Вторая часть имен, возможно, является отражением ранней формы славянского языка, о чем было сказано в главе «Перелом в общеславянском языке. Об именах». Тем более имя Сар встречалось в (Р) и значительно раньше (V–IV вв. до н.э.). Совпадение сюжета, вторых частей имен с данными Иордана, а также дополнительно наличие первых частей имен, которых нет у Иордана, с одной стороны, подтверждает достоверность сведений в (Р), а с другой стороны, говорит об оригинальности источника, то есть рукописи А.Я. Артынова (16). В других исторических документах подобных сведений нет.

Совпадение сюжетов в (Р) и у Иордана дает возможность впервые посмотреть на событие не только с внешней стороны (со сторо-

ны завоевателя), но и изнутри. И с позиции внутреннего источника видна жестокость завоевателей, которые с огнем и мечом прошли Ростовскую землю, причем оставалась возможность нового нашествия. Поэтому-то Трислав и Запруд и не стали восстанавливать свои терема, а построили новые в дремучих лесах.

Сообщение о походе славянских дружин с участием князя Запруды по Днепру и Черным морем в Грецию говорит о том, что гораздо более поздние походы киевских великих князей шли по давно проторенному маршруту. Сам же поход с участием ростовского князя Запруды, а вместе с ним и русских дружин имеет хронологическое подтверждение в Степенной книге (гл. 8, с. 83), где говорится: «...еще же древле и Царь Феодосій Великій имѣяше брань съ Рускими вои, егоже молитвою укрьпи великій старецъ Египтянинъ, именемъ Иванъ пустыникъ...» Время этих военных действий при Феодосии Великом (379–395 гг.) соответствует времени похода славянских дружин с участием князя Запруды в Грецию по данным (Р). И это является важным фактом, подтверждающим подлинность сообщений в (Р). Причем данные сведения, изложенные в Степенной книге, в других исторических документах, нигде более не упоминаются. Поход, в котором участвовал Запруд, имел, возможно, целью упреждающий удар как защита от рабовладельческой экспансии. Такое предположение можно сделать на основании предыдущих сообщений (см., например, сообщение в (Р) за 92–192 гг. о походе славян на Дунай в защиту одноплеменников и сродичей славяно-русов).

Где был город Гелон?

Терем высок, и заря замерла.
Красная тайна у входа легла.

А. Блок

Гелон, один из самых загадочных городов на Земле. О нем упоминал еще Геродот, как об огромном городе тогда, когда большинства современных городов еще не было. Археологи, проводя исследования наиболее крупных городищ, довольно убедительно, по их мнению, указывают его местоположение, но он по-прежнему так же эфемерен для всех, как и прежде.

Геродот писал: «В их [будинов] земле находится деревянный город под названием Гелон. Каждая сторона городской стены длиной в 30 стадий. Городская стена высокая и вся деревянная. Из дерева построе-

ны также дома и святилища» (55, IV, 108). Далее Геродот пишет, что гелоны по происхождению эллины, которые, уехав из торговых городов, поселились в земле будинов и говорят они то по-скифски, то по-эллински.

М. Валерий Проб делает вывод, что «гелоны — те же, что геты, соединенные с Грецией» (193). Если вспомнить высказывание Феофилакта Симокатты, что геты — это древнейшее наименование славян, то, по сведениям Проба, получается, что гелоны — это население, получившееся от слияния местных славян с приехавшими эллинами. О деревянном городе Гелонии упоминает и Помпоний Мела (153, с. 118).

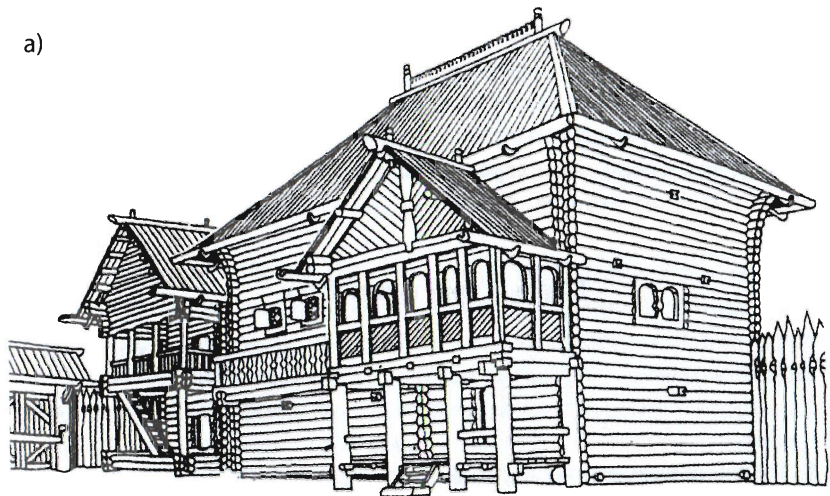
Размеры города Гелона, по описанию Геродота, впечатляют. Каждая из четырех сторон имела чуть меньше 6 км, причем весь город был обнесен высокой деревянной стеной и все дома и терема в городе были деревянными. Фактически, находясь в земле будинов, город Гелон с такими огромными размерами и, естественно, многочисленным населением был государством в государстве. О возможности построения таких городов славянами говорят давние традиции деревянного зодчества. И как эхо, долетевшее до нас из глубины веков о таких деревянных постройках, воспринимается описание Приска Понтийского посещения «двора» Аттилы. «Внутри ограды было множество построек, из коих одни были из красиво прилаженных досок, покрытых резьбой, а другие — из тесанных и выскобленных до прямизны бревен, вставленных в деревянные круги; эти круги, начинаясь от земли, поднимались до умеренной высоты...» (192). Совершенно очевидно, что такие постройки были изготовлены славянами-умельцами. Давние традиции работы с деревом и неразрывная связь с мастерами более древних времен чувствуется в реконструированных постройках новгородских славян. На рисунке 3.6 показаны хоромы XII в., представленные в работе (33).

Считается дискуссионным вопрос о местоположении города Гелона. Многие исследователи отождествляют с Гелоном Бельское городище. Б.Н. Граков, показав на реке Ворскле его местоположение, пишет: «Бельское городище — Гелон» (70, с. 14). Именно через тире, как непреложный факт. Однако, если будины жили на север от савроматов, которые в свою очередь жили за Доном, то Бельское городище, расположенное к западу от Дона, явно не удовлетворяет условиям задачи. Некоторые исследователи, составляя различные схемы и используя сведения Геродота, что будины и гелоны говорили на разных языках, помещают на этих схемах народ гелонов хоть и рядом с будинами, но все же отдельно, при этом забывая, что Геродот совершенно конкретно

писал, что город Гелон находится в земле будинов и что это город, а не земля гелонов. Учитывая указания Геродота, землю будинов можно предположить находящейся между Волгой и Доном, приблизительно в их среднем течении или даже чуть дальше к северу.

В рукописи А.Я. Артынова «О древностях Ростова Великого» (л. 2) сказано, что Александр Македонский построил на берегу реки Камы

а)

б)

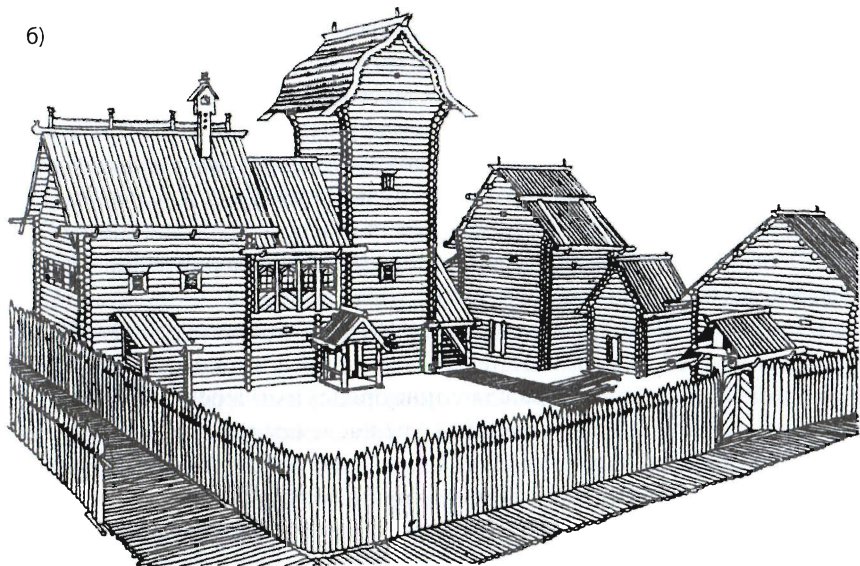

Рис. 3.6. Реконструкция новгородских: дома (а) и хором (б) XII в.

город и назвал его — Гелон или Эллады-бог. На Руси название «Эллады-бог» превратилось в Елабугу. В сведениях (Р) (за период 5500–5600 гг.) говорится, что князь Энний, сын императора Августа, поселился со всем своим домом за Волгой в построенном им городе, который назвал Гелоном.

Итак, из материалов рукописей А.Я. Артынова следует, что местоположение древнего города Гелона — это нынешний город на реке Каме — Елабуга. Это место вполне соответствует описанию Геродота о расположении земли будинов, где находился город Гелон. Видимо, к моменту переселения Энния за Волгу старый город Гелон уже не функционировал, все-таки с момента рассказа Геродота о нем прошло полтысячи лет, а город был деревянным. Поэтому Энний построил новый город, назвав его также Гелоном.

Первые христиане Руси

И что ж? Храм Божий отворен;
Там слышится моление.

В. Жуковский. Баллада «Вадим»

Из Повести временных лет известно, что св. Андрей Первозванный в начале нашей эры был на Днепре, поставил крест на месте будущего Киева и далее пришел к славянам в Новгород. Если св. Андрей Первозванный учил в Синопе, то, конечно, он учил и в Новгородской земле, в которой, в отличие от безлюдных мест будущего Киева, жили славяне. Очевидно, что в славянской земле у него были ученики, имена которых известные исторические документы не сохранили. Существует предание, что новгородский князь Перей Туча (о котором речь пойдет ниже) принял христианство от св. Андрея Первозванного (237, с. 1). Особую ценность имеют сведения в (Р), где приводятся некоторые имена первых славянских христиан.

В рукописи А.Я. Артынова (16, с. 115–116), за период 5500–5600 гг. (8 г. до н.э. — 92 г. н.э.), говорится, что у новгородского князя Перея Тучи возникла большая вражда с новгородскими жрецами Перуна за принятие им новой христианской веры после воскресения из мертвых его сына. Перей Туча вынужден был уехать на жительство в Ростовскую землю с женой Разумой и сыном Яромиром к своему другу, ростовскому князю Землесилу. Но слава военных подвигов и то, что он и в Ростове стал знаменитым полководцем, не помешали, как написано в рукописи, и здесь ненавидеть его уже жрецам Велеса. По материа-

лам (Р) за разные годы видно, что в Новгороде поклонялись Перуну, а в Ростове — Велесу. Учитывая это, можно высказать предположение, что Боян, названный в «Слове о полку Игореве» внуком Велеса, был из Ростова или Ростовской земли.

В (Р) за то же столетие говорится о ростовском князе Буривое Вайдевуте, который был в большой чести у ростовцев, кроме жрецов, ненавидевших его так же, как и его друга князя Яромира, сына Перея Тучи, за христианскую веру. Но беспримерная храбрость князя Буривова и его воинские доблести, как отмечается в рукописи, притупляли их злобу (с. 117). Далее (за это же столетие) говорится о мученической смерти старейшины Твердислава Мудрого, который был другом новгородского князя. Вскоре новгородская рать наводнила окрестности Ростова, для наказания виновных — их, как сказано в рукописи, не защитил и чтимый ими Велес.

За период 5600—5700 гг. (92—192 гг.) в (Р) (с. 120) сказано о церкви Благовещения, построенной царевной Рапсилией, женой ростовского князя Звенислава. Затем, за то же столетие, сообщается о молодом ростовском витязе Светозвезде, двух учителей которого — Славолюба и Ясеня, ростовцы предали мучительной смерти за христианскую веру (с. 122).

Христианская вера продолжала распространяться, несмотря на противодействие жрецов. Так, за период 5700—5800 гг. (192—292 гг.) (16, с. 128—129) говорится, что родной дядя княгини Ненилии, по имени Ветрило Шугор, пришел в Ростовскую землю и поселился в дремучем лесу на тихих озерах реки Нерли. К нему туда приходили «многие потаенные христиане», которые называли себя кто буривоевцами, кто <крепкомысловцами>, кто славолюбцами — по именам своих учителей, живших в различных местах в окрестностях Ростова. За этот же период времени приведен эпизод о Римне, дочери новгородского князя Язвига Долбы, которую, как сказано в рукописи, погубил за христианскую веру ее муж, ростовский наместник князь Фрелаф.

В сообщении за период времени 5900—6000 гг. (392—492 гг.) (с. 142) излагается следующая история. Некто из потомков князя Сельника, Силовол Рыжко, принял гонимую в ростовской области христианскую веру от старца Всеведа Славодума, который назывался еще Тарасием. Вот что о нем говорится: Славодум посредством молитвы воскресил утонувшего и уже мертвого сына Сиволола Рыжко; далее велел медведице, унесшей этого же мальчика, принести его обратно; предотвратил отравление — когда Силовол Рыжко достал для дорогого гостя заветное питье, Славодум велел разбить сосуд, на дне которого оказалась змея; затем, оставшись однажды ночевать у Сиволола, Славодум велел

оставить на ночь в огороде орудия для возделывания земли, и когда пришла шайка разбойников, вместо ограбления дома они, взяв оставленные орудия, всю ночь работали в огороде.

Приведенные сведения о первых христианах Руси являются уникальными, поскольку не только не отражены ни в одном историческом документе, но и отодвигают начало христианства на Руси к началу нашей эры.

Сарматия — союз славянских племен

Смотрите, в грозной красоте,
Воздушными полками,
Их тени мчатся в высоте
Над нашими шатрами...

В. Жуковский

Изучение древних авторов и сопоставление сведений, изложенных в их сочинениях, с материалами археологических и антропологических исследований подтверждают вывод, что понятие «Сарматия» как страна заключало в себе союз всех славянских племен, то есть скифов, россос и сарматов. При этом наименование «Сарматия» было чисто внешним, от античных писателей. Жители лесной полосы, как следует из материалов (Р), по-прежнему назывались славянами, славяноруссами или славянороссами. Фактически название Сарматия, для внешних источников, заменило название, тоже внешних авторов, Скифия и еще более раннее наименование (уже внутреннее, славянское) — «государство вандалов».

Причиной появления нового названия явилось перемещение славянских племен вследствие изменения климатических условий. Скифские племена из-за сильной засухи переместились в лесную полосу к россам и, видимо, окончательно слились с ними. Еще до климатических изменений общеславянский царь, по данным (Р), имея столицу в Ростове, имел также столицу и на Дунае (город Экс) и мог называться то славяноруссом (или славянороссом), то скифом. Улучшение климатических условий снова сделало пригодным для жизни территорию бывшей Скифии, на которую совершенно мирно, на пустующие пространства стали переселяться сарматские славянские племена. Выйдя на пограничные рубежи, они создали для античных писателей и историков образ нового государственного образования — Сарматия, в которую этими античными авторами автоматически были включены и далекие племена лесной полосы. И всякое вторжение в Римскую им-

перию со стороны Сарматии делало любые племена сарматскими, как, например, роксоланов.

О том, что в Сарматию включались и другие племена, говорит описание племен, данное Птолемеем: «Заселяют Сарматию очень многочисленные племена: венеды — по всему Венедскому заливу; выше Дакии — певкины и бастерны; по всему берегу Меотиды язиги и роксоланы; далее за ними внутрь страны — амаксонии и скифы-аланы» (191). После слияния скифов и россов (вероятность этого слияния очень высока, вследствие перемещения скифских племен в северные лесные районы из-за длительной засухи в Скифии) мощь лесных северных племен значительно возросла. Исторические материалы показывают, что это усиление наблюдается уже во II в. до н.э. М.И. Вязьмитина пишет, что роксоланы следом за язигами во II в. до н.э. проникли в левобережные степи, организовав новое крупное племенное объединение. Об участии роксолан в количестве 50 000 человек под предводительством Тасия на стороне скифского царя Палака против Диофанта, полководца Митридата, сообщает Страбон (231, VII, 17).

Далее, пишет М.И. Вязьмитина, продвинувшись в междуречье Днепра-Дуная, роксоланы начинают вторгаться в римскую провинцию Мезию. Для защиты от нарастающей угрозы Рим стал возводить цепь укреплений вдоль берегов Дуная (48, с. 188). Оценивая сообщения о военных действиях роксоланов с позиции внутреннего источника (Р), нельзя еще раз не отметить тенденциозность римских авторов. Учитывая единство славянского народа — материально-духовной культуры и языка и даже то, что правящая славянская династия объединяла династические права россов, сарматов и скифов (вспомним сообщение в (Р) за период 2408–2308 гг. до н.э. о династическом браке Асатира и Хеттуры), вполне естественным было ожидать содействие славян лесной полосы славянам тех территорий, которые когда-то входили в огромное славянское государство вандалов (память о котором, очевидно, еще сохранялась). И нет ничего удивительного в том, что роксоланы, с которыми наверняка были и переселившиеся в лесную полосу скифы, выступили на помощь скифам в Крыму. Так, например, и «римская провинция Мезия» ранее была территорией славянской и не просто славянской, а русской (см. гл. «Три территории россов»). Поэтому при возросшей мощи русских племен, почему было не попытаться вернуть русским племенам (роксоланам) тоже когда-то русскую же территорию. Таково, видимо, было положение дел, и агрессорами следовало бы считать именно римские войска, захватившие в свое время чисто славянские земли.

Тенденциозность освещения событий римскими авторами остроумно подметил в свое время И.Е. Забелин: «История таким образом свидетельствует, что роксоланы уже во второй раз были побиты. К сожалению, она ничего не рассказывает о том, каким образом те же побитые роксоланы стали брать с Рима дань» (89, с. 360).

М.Г. Мошкова пишет о возрастании роли аланских племен. Анализ сведений письменных источников и археологического материала (удивительное единообразие позднесарматской культуры) позволил ей сделать вывод, что, вероятно, в конце I — начале II в. н.э. аланы создали крупное объединение, в которое постепенно вошло большинство сарматских племен. Впервые этноним «аланы» был использован в произведениях Сенеки и Лукиана (50—60 гг. н.э.) (165).

Исходя из того, что россы, аланы и их объединенное название — роксоланы входили в союз племен россов, возрастание их роли нужно рассматривать как консолидацию всех славянских племен вокруг организующего ядра — северных россов. По мнению М.И. Вязьмитиной, кочевья союза племен, образованного аланами, доходили на востоке до Аральского моря (48, с. 188). Постоянная потребность Римской империи в новой рабочей силе обуславливала ее разбойничьи нападения на соседние народы и, с другой стороны, необходимость их объединения для отпора общему врагу. Возросшая мощь славян позволила от защитных предупредительных ударов перейти к главной цели: уничтожению центра мировой рабовладельческой системы — Римской империи.

В I в. до н.э. произошла реорганизация славянского войска. М.И. Вязьмитина пишет (естественно, речь идет о сарматском войске), что изменение вооружения и тактики ведения боя было вызвано невозможностью противостояния легковооруженной конницы римскому легиону. Образуется тяжеловооруженная конница катафрактариев, при которой и лошадь покрывалась катафрактой. Применялся тяжелый чешуйчатый, пластинчатый или комбинированный доспех. Длина пики достигала 4,5 м. Атака осуществлялась сомкнутым строем и отдельными отрядами со своими отличительными знаками (48, с. 218). К. Тацит писал, что вряд ли существует войско, которое может устоять перед конными сарматскими отрядами. Значительно возросла и мощь луков. По данным М.Г. Мошковой, длина луков увеличилась до 120—160 см, с применением на концах негнущихся костяных накладок. Это увеличило дальность полета и пробивную способность стрелы (167). Подобная модернизация славянского войска позволила ставить и успешно решать задачи защиты своих рубежей. Естественно, что опи-

сание сарматского вооружения и тактики боя, относящиеся к таким племенам, как роксоланы и аланы, мы с полным основанием можем относить именно к племенам россов, племенам Северной Руси, а если учитывать генетическую неизменность проживающего на этих территориях населения, то все сказанное относится к нашим предкам.

В главе «Скифы» была описана примерная одежда мужчины-скифа. Трудно удержаться, чтобы не дать описание одеяния женщины-сарматки, тоже, с учетом уже сказанного, такой же русской женщины, как и ее потомки на Руси. Вот это описание, сделанное по материалам работы (48, с. 217). Платье пурпурного шелка, с длинными узкими рукавами, расшитыми от локтя до запястья цветными и золотыми полыми бусами с инкрустацией из бирюзы. Подол платья украшен золотой вышивкой, выполненной широкой каймой. Ворот скрепляется серебряной пряжкой. Поверх платья наброшена накидка с короткими широкими рукавами, скрепленная на груди золотой фибулой. Накидка расшита золотыми узорчатыми бляшками. На ногах — кожаные башмачки, украшенные фигурными бляшками. Головной убор состоит из низки сердоликов и халцедонов с боковыми спиральными подвесками, обвитыми золотой проволокой. Были также золотые серьги, браслеты, перстни со вставкой из гранатов, гемм и других камней в золотой оправе и три ожерелья: два — из золотых цепочек с подвесками из полудрагоценных камней и одно — из разноцветных каменных бус. Правда, все же это было богатое женское одеяние. Такой женский наряд производит сильное впечатление и является столь же сильным аргументом и против образа дикой степнячки-сарматки, созданной ираноязычной теорией.

В союз славянских племен Сарматии, кроме россов и скифов, естественно, входили и сарматские племена. Учитывая свободные перемещения роксоланов и аланов по степной Сарматии, очевидно, что сарматские племена имели полное взаимодействие с племенами лесной полосы или скорее всего входили с ними в общий союз славянских племен, составляя единое государство. Различаются четыре этапа развития непосредственно сарматской культуры: савроматский (VI—IV вв. до н.э.), раннесарматский (IV—II вв. до н.э.); среднесарматский (II в. до н.э.) и позднесарматский (II в. до н.э. — IV в. н.э.), которые соответствуют археологическим культурам: савроматской, прохоровской, суловской и аланской (48, с. 189).

Первое упоминание о савроматах дается в «Истории» Геродота, где указывается их местоположение: «За рекой Танаисом — уже не скифские края, но первые земельные владения там принадлежат саврома-

там. Савроматы занимают полосу земли к северу, начиная от впадины Меотийского озера, на пятнадцать дней пути...» (55, IV, 21). Геродот отмечает давность пребывания их на этой территории. М.И. Вязьмитина пишет, что впервые этноним «Сарматия» и название «сарматы» появляются у Гераклида Понтийского в IV в. до н.э., и, по мнению Плиния и Мела, сарматы составляли одно племя, но разделенное на несколько народов с различными наименованиями (48, с. 184–185). Разумеется, первое упоминание названия «сарматы» у Гераклида Понтийского в IV в. до н.э. не говорит о действительном времени его возникновения. Как уже говорилось ранее, по сведениям в (Р), этот этноним возник в период 3008–2908 гг. до н.э., то есть по крайней мере за две с половиной тысячи лет до Гераклида Понтийского.

С позиции антропологов сарматы разных районов (Нижнего Поволжья, Южного Приуралья, Подонья и Поднепровья) относятся к большой европеоидной расе, в основном к мезо-брахикранным европеоидным типам (166). Аналогичный вывод о краниологическом типе сарматов сделан и в работе (47). Т.С. Кондукторова пишет, что сарматы

Рис. 3.7. Сармат
(Реконструкция Г.В. Лебединской)

Украины отличаются от скифов более широким лицом и мозговой коробкой (118, с. 34). Европеоидный мезо-брахикранный тип относится естественно к сарматскому населению степной полосы. Роксоланы относились к племенному союзу россов, поэтому имели более длинный и узкий тип черепа, что сближает их со скифами, хотя все племенные союзы — скифов, россов и сарматов — являлись славянами и составляли один народ с единым языком.

В работе (118, рис. 14) приведен портрет сармата реконструкции Г.В. Лебединской. Внешне трудно отличить его от славянина северной полосы России наших дней (рис. 3.7). И на осетина явно не похож, как и на любого другого представителя ираноязычных народов.

О дальнейшей судьбе сарматских племен можно предположить следующее. Когда гунны прокатились все сметающей волной по славянским степям, часть сарматских племен была разгромлена, а оставшаяся часть, как когда-то скифы, ушла в леса к россам и слилась с ними. И из союзов славянских племен по наименованию остался только один, который полностью сохранил свои государственные структуры — союз племен россов. За счет слияния славянских племен лесные племена россов усилились, приняв общее для всех северных славян наименование — россы; откуда и стала называться наша страна Русью, Россией. А названия «скиф» и «сармат» остались только в языке.

Часть IV. От Аларика до Рюрика

Готские войны — это славянские войны с Римом

Итак, готы Тацита значит Русь.

Ю.И. Венелин

Анализируя материалы, посвященные готам, все время ощущается странное несоответствие. Многие древние авторы совершенно однозначно сообщают, что готы — это скифы или раньше скифами назывались. Применяя теорию экспертной оценки, можно даже сказать, что количество этих авторов таково, что математически достоверно можно поставить между скифами и готами знак равенства. И при таком положении дел современные исследователи такого равенства не признают, объясняя, что готы — это собирательное имя, причем большинство считает их германскими племенами. Ведь если признать тождество скифов и готов, то, учитывая принятую большинством исследователей ираноязычность скифов, придется и готов считать ираноязычными. А этого сделать никак нельзя, ведь о готах сохранилось достаточно много сведений, в том числе и описаний внешности.

В первой части данной книги уже говорилось, что от того, на каком языке говорили скифы, зависят многие вопросы, связанные с разными народами и временами. Там же было доказано, что все скифы (а не только скифы-пахари) были славянами и говорили на общеславянском языке. Поэтому описание внешности готов, совершенно не вяжущееся с ираноязычностью, зато хорошо согласуется с внешним обликом славян. Установленное положение, что скифы и сарматы — это славяне, дает возможность не игнорировать многочисленные свидетельства исторических документов и принять мнение древних писателей («экспертную оценку») о тождестве скифов и готов.

Приведем ряд примеров, подтверждающих это тождество. П.Н. Третьяков пишет: «в III–V вв. под этим названием [скифы] обычно подразумевались готы. Автор IV в. Евсевий Кесарийский в своих многочисленных сочинениях скифами называет готов... Евнапий пишет о готах как о “скифском народе”. То же самое встречается у Зосимы, Иордана и многих других авторов» (242, с. 212–213). У Юлия Капитолина говорится: «готы или скифы» (109, с. 298), в Летописи Дексиппа — «скифы, называемые готами...» (80). Иордан говорит не только о том, что готы

это скифское племя, но и упоминает об их древних скифских поселениях. Прокопий Кесарийский пишет: «По ту сторону Меотийского болота и его впадения в Эвксинский Понт, как раз на этом берегу и живут с древних времен так называемые готы-тетракситы... значительно в стороне от них осели готы-визиготы, вандалы и все остальные племена готов. В прежние времена они назывались также скифами» (195, с. 385–386). И далее говорит, что все племена этой местности назывались скифами; некоторые из них савроматами, меланхленами или другим именем. По Прокопию Кесарийскому следует, что готы — это новое название племени скифов.

Стефан Византийский писал, что «готы — народ живший прежде в области Меотиды» (230, с. 258). И далее говорится, что они переселились во внешнюю Фракию. Это свидетельство подтверждает, что к германским племенам готы никакого отношения не имеют, а относятся к народам, жившим в области Меотиды, то есть — к скифам и сарматам. Иордан называл готов гетами, считая готов потомками гетов, из чего также следует их скифо-сарматское и, значит, славянское происхождение. Некоторые исследователи, комментируя то, что Иордан назвал Томиру царицей гетов, при описании похода Кира, считают, что таким образом он хотел показать древность гетско-готской истории. Однако, как уже говорилось, будем рассматривать сообщение Иордана, как и других древних авторов, с тем смыслом, какой был вложен самими авторами. А именно как факт, что царица Томира — гетская царица (Геродот называет ее царицей массагетов), и это вполне увязывается с данными Стефана Византийского о первоначальном обитании готов в области Меотиды. Некоторые древние авторы называли Томиру царицей скифов, что неудивительно, поскольку во времена Великой Скифии все племена на этой территории назывались скифскими.

Как пишет П.Н. Третьяков: «Археологическая наука, изучая развитие культуры в Северном Причерноморье, не может уловить никаких ощутимых признаков появления готов. В течение первых веков нашей эры преемственность культурной жизни в Причерноморье ничем не нарушалась, и так продолжалось вплоть до вторжения гуннов» (242, с. 145). Однако если, как уже говорилось, принять, что готы это скифы, то все противоречия исчезают. Археологические материалы, таким образом, свидетельствуют, что готы к германским племенам никакого отношения не имеют, а являются скифскими (с позиции внешних источников) или славянскими племенами, с древнейших времен жившими в Причерноморье. Таково, думается, решение одного из наиболее сложных вопросов истории Восточной Европы.

Если посмотреть на карту К. Тацита (233) (рис. 4.1), то видно, что готы (готовны) занимали территорию, где располагались до них праславянские культуры, а после готов жили поморские славяне. Археологически установлено, что смены культур не происходило на всем протяжении от праславянских культур (в том числе и лужицкой) до современных славян. Следовательно, экстраполируя, можно сделать вывод, что культура готов, входившая в этот временной промежуток, также являлась славянской. Таким образом, славянство готов можно подтвердить и археологически.

Рис. 4.1. Расположение готов (готовнов)
по карте к «Германии» Тацита

Естественно, что сравнительно небольшое племя, указанное на карте К. Тацита, не могло в одиночку угрожать Римской империи. Но на этой территории собирались дружины многих славянских племен (в том числе и россы из лесной полосы) и образовывалось могучее славянское войско, которое, поскольку оно вторгалось с готской территории, римлянами называлось готским. И войны со славянами стали называться готскими войнами по имени пограничных с Римской империей славянских племен. Эти войны были продолжением многовековой борьбы всего славянства с рабовладельческой экспансией Римской империи. Причем об участии всего славянского мира в этой борьбе говорит тот факт, что, например, Аларик — победитель Рима, по данным (Р), являлся прямым наследником и продолжателем правящей династии ростовских князей, которая к тому же, предположительно, возглавляла и все общеславянские племена. Следовательно, территория готов (по карте К. Тацита) была лишь передовым форпостом огромного славянского мира в его борьбе с Римом.

Интересное мнение о происхождении наименования «готы» высказал в свое время Ю.И. Венелин: «Известно, что старые прусские латыши своих соседей русских называли гуддами, а Русь Гудду-Земе. Это имя, разнесенное по Западной Германии, дошло до ушей римлян в Галлии, или на Дунае, все равно. Да и как не дойти туда с прусским янтарем? Тацит просто отметил и — вот наши готы впервые. Очень естественно. Итак, готы у Тацита значит Русь. Следовательно, готы эти были не готы, ибо Русь не готы. Слово это здесь появляется на Руси как частное, и принадлежало Сармации» (45, с. 8).

Возвращаясь к теме об именах (см. гл. «Перелом в общеславянском языке. Об именах»), можно сказать, что обычай сарматов (славян) брать в качестве прозвищ германские имена только доказывает славянство тех вождей готов и вандалов, которые эти прозвища имели. Кроме того, некоторые имена славянских вождей дошли до нас в германизированной форме. Об Аларике (Аларих I) и Простене-Гандезерике (Гейзерих) уже говорилось. Славянином был и другой герой войн с Римом — Одоакр, которого Иордан называет ругом. Святой Димитрий Ростовский в Летописи пишет: «И князь нъкій славеноросскій Одоацеръ войною доставъ Рима, держаше его подъ властію своею тринадесять лѣтъ» (81, ч. III, с. 3).

Е.Ч. Скржинская, в комментариях к Иордану, приводит некоторые имена склавенев и антов, имеющих одинаковые окончания: Ардагаст, Пирагаст, Келагаст и др. (107, с. 212). В (Р) Аларик, например, дается с двойным именем — Аларик Радегаст. В тех же комментариях

Е.Ч. Скржинская пишет, что у Пруденция сказано, что Аларих родился на Нижнем Дунае (107, с. 286). Но на Нижнем Дунае жили славяне, а именно — россы (дунайские россы — вторая территория россов — см. гл. «Три территории россов»). И эти дунайские территории, по материалам (Р), для более раннего периода времени подчинялись и были в ведении князей Ростовской земли. Там в свое время находилась южная столица славянского государства — город Экс, где правили представители династии ростовских князей, откуда родом и Аларик. Видимо, такая подчиненность сохранялась и при Аларике, славянское происхождение которого очевидно.

Завершая тему о готских именах, обратим внимание на имена остроготского короля Валамира и его братьев Тиудимира и Видемира (107, с. 120) — они славянского происхождения. Отцом этих братьев был Вандаларий, имя которого, если вспомнить выводы о славянстве вандалов, также, конечно, не случайно.

Показательно будет сравнить отношение к населению захваченных территорий: римлян к готам, при нахождении на территории готов, и готов к римлянам — при военных действиях на территории Римской империи. Уже говорилось ранее о постоянных захватах римскими войсками славянского населения и обращения его в рабство. Приведем примеры и более позднего времени. Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану приводит мнение ряда авторов того времени о преступной деятельности представителей империи по отношению к варварам. Римские военачальники, воспользовавшиеся голодом готов, торговали дохлятиной и меняли на ценную утварь и даже на детей голодающих. Наконец, римский полководец Лукициан сделал попытку убить вождя везеготов. В результате вспыхнуло восстание, и везеготы наголову разбили римлян (107, с. 283).

Прокопий Кесарийский пишет, что «римляне, неоднократно переходя под начальством Хильбудия в земли по ту сторону реки, избивали и забирали в рабство живших там варваров» (195, VII, с. 295). Феофан в Летописи отмечает, что «Приск, напустив на себя смелость, проник во внутренние страны славян... захватив множество пленных». И далее опять: «В этом году Приск опять овладел Истром и брал добычу с славянских народностей и послал царю много пленных» (252).

Отношение готских военачальников было иным. Иордан пишет, что по приказу Алариха не допускались поджоги в Риме и какие-либо надругательства над святыми местами (107, с. 96). Вот, например, характеристика личности Аларика, данная в (16) за период

(5800—5900 гг.): «Князь Аларик сын князя Трислава был сколько храбр и предприимчив, столько добр и благоразумен». Причем сам Рим славянам в общем-то был и не нужен. Например, Аларик после взятия Рима в 410 году двинулся по направлению к Сицилии, чтобы оттуда переправиться на африканское побережье. И лишь смерть Аларика расстроила эти планы.

Вот мнение Прокопия Кесарийского о другом короле готов, Тотиле: «Земледельцам по всей Италии он не сделал ничего неприятного, он разрешил им навсегда без страха возделывать землю, где они привыкли» (195, VII, с. 292). Судя по речи Тотилы, приведенной Прокопием, сам Тотила в своих решениях и суде над единоплеменниками руководствовался нормами, выдерживающими самую строгую нравственную оценку.

Естественно, Римская империя по системе своего хозяйства не могла существовать без рабского труда, без рабов, которых черпала во множестве из соседних славянских земель. А значит, никакой договоренности или прочного мира между славянами и Римом быть не могло. И положить конец имперской агрессии могло только уничтожение самой империи. Именно эта цель, а не обогащение было основным мотивом всех славянских войн с Римом. Можно только представить себе, какая ненависть против насильников накопилась за сотни лет у пограничных с империей народов. Поэтому, естественно, и рабы тут же переходили на сторону освобождающих их славянских войск, становясь их неотъемлемой частью. Вот что, например, заявил Тотила римскому послу: «...Я предупреждаю, чтобы ты не ходатайствовал... ни о рабах перешедших на нашу сторону... Для готов невозможно... позволить, чтобы рабы, которые воевали в наших рядах, стали снова рабами своих прежних господ» (195, VII, с. 301).

Неясным остается причина отделения везеготов от остроготов. Иордан пишет: «От них [остроготов] везеготы, следуя какому-то своему намерению уже отделились» (107, с. 92). Приведу факты, подтверждающие, что такие причины могли быть. В (Р) показано, что Аларик был сыном Трислава Сара, того, который вместе с братом Запрудой Аммием, мстя за смерть сестры, заколол короля остроготов Германариха. Если учесть, что Германарих с огнем и мечом прошел Ростовскую землю, то у Аларика — короля везеготов (и князя ростовской династии) и соответственно у везеготов — причины для разъединения были.

Поход ростовского князя Простена (Гейзериха) в Африку

Там, за далью непогоды,
Есть блаженная страна:
Не темнеют неба своды,
Не проходит тишина.

Н. Языков

Славянам более свойственна поэзия,
нежели всем прочим народам...

Е. Классен

(Р). 5900–6000 (392–492 гг.) (Славяне снова предприняли исключительно далекий поход по стопам своих предков, теперь уже не в римскую и царьградскую земли, а в краесветную Африку. Соединившись с окрестными народами, волей-неволей, но увлекли их с собой под предводительством своего знаменитого князя и старейшины Простена, прозванного Гандезериком, и его сына Светида. Они прошли и взяли много приморских городов по берегу Средиземного моря.

Римский кесарь Максентий — Геркул предлагал князю Простену великие дары за то, чтобы он помог ему против восточного царя Константина, но Простен такое предложение отверг. От берега Средиземного моря дружины Простена пошли к горе Арике, где от зноя и жары, нестерпимых для северных народов, в дружинах, с которыми князь Простен прошел большие пространства, были огромные потери.

При громкой славе и завоеваниях своего отца князь Светид отпросился у него, чтобы по своей любознательности провести три испытания: первое — узнать, далеко ли конец земли; второе — измерить высоту поднебесную; третье — измерить глубину морскую. Для этого он отправился в путь в одиночку и после долгих странствий с многими удивительными приключениями возвратился в свое отечество с большими богатствами.)

* * *

Содержание сообщения о походе князя Простена с многочисленными дружинами в Африку, время похода и, наконец, прозвище Простена — Гандезерик, не оставляет сомнений в том, что речь в (Р) идет об известном походе в Африку Гейзериха, предводительствовавшего отрядами вандалов и аланов. Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану пишет о распространении аланов на крайний запад Европы и продвижении их вместе с вандалами в Испанию в 409 году (107, с. 277) и тем самым подтверждает, что позднейший поход Простена (Гейзериха) действительно шел, как написано в (Р), «по стопам предков своих».

Благодаря сведениям в (Р) мы можем теперь узнать истинное имя короля вандалов и аланов — это ростовский князь Простен, который по обычаю того времени взял себе германское прозвище, с которым и вошел в историю. Открытие настоящего имени предводителя вандалов и аланов, славянская принадлежность князя Простена и его дружины само по себе неожиданно и при этом в корне меняет историческую оценку этого похода. При переправе в Африку, по известным историческим материалам, войско Гейзериха состояло из 50 тыс. воинов. О славянстве вандалов и аланов уже говорилось ранее. И в том, что все племена, входившие в войско, приняли общее наименование «вандалы», можно усматривать параллель с теми временами (VII в. до н.э. — по (Р)), когда все союзы славянских племен, объединившись, приняли для себя единое название — вандалов, для огромного славянского государства.

Переправа в Африку славянских дружин под предводительством ростовского князя Простена (Гейзериха) шло по замыслу, который имел давние традиции. Е.Ч. Скржинская пишет о «неоднократно отмечавшегося источниками стремления варварских племен переселиться в Африку в поисках мирной и сытной жизни» (107, с. 299). До Простена это хотел сделать другой славянин — Аларик, в 410 году. Кстати, из «Родословной царей...» (см. Приложение) следует, что Простен был внуком Аларика.

Нападение Гейзериха на Рим и его взятие в 455 году нужно увязывать с общей борьбой славян по уничтожению империи — агрессора, врага на протяжении многих сотен лет. По мнению исследователей, этот удар вандалов был одним из решающих военных ударов по Западной империи. И это действие нужно оценивать не с точки зрения рабовладельцев (Как же так! Народы, которые должны быть рабами Рима, вдруг с этим стали не согласны и даже нападают и разрушают Рим — вандализм!), а с позиции обиженных и притесняемых (Да! Разрушить этот мировой центр рабства, из которого сотни лет исходило зло. Да! Освободить всех рабов и забрать все награбленное Римом или созданные руками рабов богатства).

И думается, пора положить конец этому выражению — «вандализм», ставшему крылатым. Ведь его придумали насильники и угнетатели, приклеив его как ярлык к тем, кто освобождал народы от рабства, кто разрушал не «памятники античной культуры», а ненавистный центр работорговли. Еще Аларик, при переговорах с римлянами, поставил условие передачи всех рабов варварского происхождения и находившиеся в Риме сокровища, справедливо полагая, что они рабовладель-

цам принадлежать не должны. И рабы, в количестве 40 тыс. человек, присоединились к войску Аларика (107, с. 288). Причем при последнем походе Аларика ворота в Риме открыли рабы. И, видимо, не следует слишком уж доверять тенденциозному описанию вандалов Прокопием Кесарийским, все повествование которого проникнуто враждебностью к вандалам, ведь это мнение писателя из стана по другую сторону фронта.

Читая сообщение в (Р) о сыне Простена Светиде и его трех испытаниях, вспоминаются русские былины и опера «Садко»: «...высота, высота поднебесная, глубина, глубина океан-море...» Да, славянин, русский человек, всегда был особенно склонен к мечтаниям, к поэзии.

От славян — до славян

Государство вандалов, образовавшееся в VII в. до н.э., объединило все славянские племена на Восточно-Европейской равнине. Продолжительность существования этого государства в первоначальных границах (см. карту в гл. «Сплочение славян — государство вандалов») неясна. Однако под разными наименованиями — венедов, венетов, вандалов, это славянское объединение продолжало существовать и, судя по сообщениям античных авторов, занимало огромные пространства. При этом отдельные племена или племенные союзы могли иметь значительную автономию. Первые существенные территориальные изменения, видимо, начали происходить с ухудшением климатических условий в Скифии, которая практически обезлюдела, а большая часть населения переселилась к россам в лесные районы. Если не считать Малых Скифий (в Крыму и Добрудже), то практически произошло, видимо, слияние скифов с россам. После улучшения климата бывшие скифские территории заняли сарматы, мирно расселившись на пустующих пространствах, на которые скифские племена, обжившись на благополучных новых лесных местах, очевидно, уже не претендовали. Да и при единстве славянского народа вряд ли существовали какие-либо границы между отдельными племенами и союзами племен.

Дальнейшее глобальное изменение территории и состава населения произошло после нашествия гуннов. Часть сарматских славянских племен, видимо, была уничтожена, часть осталась под гуннским владычеством, а часть, по примеру предыдущего «климатического»

переселения скифов, ушла в леса, к россам. Причем племена россов гуннский удар, очевидно, успешно отразили, поскольку в (Р) нет упоминаний о гуннах. Лесную полосу как область владычества гуннов не упоминают античные и западноевропейские писатели.

О значительном оттоке сарматского населения в северные лесные районы говорят и данные археологии. П.Н. Третьяков пишет: «Очень многие поля погребений и поселения действительно уже не функционировали после IV — начала V столетия, причем в ряде мест, пограничных со степью, в частности на Левобережье Днепра, эти факты устанавливаются, по-видимому как явление массового порядка». И далее: «Значительный отлив населения из области Среднего Поднепровья, связанный, несомненно, с гуннской экспансией, не подлежит никакому сомнению» (242, с. 152). Оценивая по археологическим материалам предполагаемое направление этого переселения, П.Н. Третьяков там же (с. 152) пишет: «Из области Среднего Поднепровья, а вероятно, и из Приднестровья значительное количество населения, несомненно, передвинулось в это время на север».

Думается, общая территория славянских племен на время владычества гуннов (до распада гуннского союза племен, последовавшего после смерти Аттилы в 453 году) сократилась. Хотя славянские племена с ограниченной независимостью продолжали существовать и на гуннской теперь уже территории. Об этом пишет Иордан, что любое скифское племя смогло вырваться из-под владычества гуннов только с приходом желанной для всех племен смерти Аттилы (107, с. 116).

Возможно, с гуннским нашествием следует связывать изменения в исторических документах в названиях славянских племен. Однако эти новые наименования отражены только во внешних источниках. По материалам (Р), внутри славянского мира новых названий не появилось, но все большую роль начинают играть россы лесной полосы (северные россы), территория которых со всеми организационными структурами осталась неизменной, а население за счет притока скифских и сарматских славянских родов увеличилось. Естественно, что жители лесной полосы вместе с переселившимся населением имели общее название россов. Дремучие леса россов во все времена служили запасной территорией, неприкосновенным запасом сил для всего славянства. И при гуннском нашествии северные россы стали связующей нитью от славян древних времен до славян времени образования Русского государства.

О том, что прежнее название венетов заменяется на другие имена и преимущественно на склавинов и антов, писал Иордан. Е.Ч. Скржинская в комментариях к Иордану пишет, что в санскрите «anta» зна-

чит «конец», «граница». И на этом основании, она приводит мнение Г.В. Вернадского, антов можно было бы рассматривать как «внешние» или пограничные племена аланов (107, с. 321). Если учитывать, что аланы — это славянские племена, то анты и являлись пограничными славянскими племенами, что соответствует действительности.

Вот что писал Прокопий об образе жизни и управлении славянских племен: «Эти племена, славяне и анты не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим. И во всем остальном у обоих этих варварских племен вся жизнь и законы одинаковы» (195, с. 297). Далее он отмечает, что у антов и славян один и тот же язык и по внешнему виду они не отличаются друг от друга. Они очень высокого роста и огромной силы, цвет кожи и волос у них очень белый или золотистый. Прокопий далее пишет, что некогда у славян и антов было одно и то же имя и в итоге рассматривает их как единый народ. Маврикий Стратег пишет, что племена славян и антов ведут одинаковый образ жизни и у них одни нравы и между ними нет резкой границы (144, с. 180, 182).

Таким образом, единое славянское государство могло сохраниться при, видимо, большой автономии отдельных племен или союзов племен. Описание народоправства у славян и антов очень хорошо согласуется с данными рукописи А.Я. Артынова «Ростовский летописец» (17), из которых следует, что Новгородская и Ростовская земли накануне их объединения в Русское государство были республиками, управляемыми князьями-старейшинами. В Новгороде вечевая форма правления сохранялась еще долгое время.

Маврикий Стратег пишет, что славяне и анты любят свободу, не склонны ни к рабству, ни к повиновению. Исключительно гостеприимны по отношению к чужестранцам. Фактически он определил отсутствие у славян и антов рабства, поскольку даже взятые в плен у них находятся в неволе только определенный срок, а потом, заплативши выкуп, возвращаются на родину или остаются свободными у них. Замечу то, что автор (Маврикий Стратег) детально и со знанием дела описывает в своем сочинении, как надо грабить и разорять территорию славян и антов. Прочитав такое наставление (стратегию грабежа) по отношению к доброму и гостеприимному, по его же словам, народу, не удивляешься осуществленным затем ответным славянским ударам по империи.

О неразрывной связи славян до и после гуннского нашествия говорит тот факт, что во время первых вторжений склавинов и антов в

Византийскую империю в 495 и 517 гг. склавины и анты были названы в империи гетами — древнейшим наименованием славян, по мнению Симокатты. Из сказанного Квинтом Горацием Флакком: «суровые геты, которым немеренные поля приносят свободные плоды и хлеба...» (257) и Гелением Акроном: «...холодные геты: сильные, суровые вследствие холодной страны» (7), также можно сделать вывод, что речь идет о славянах.

После распада гуннского союза племен славяне вновь начали усиливаться. П.Н. Третьяков пишет, что «с начала же VI в. славяне предстали перед империей [Византийской] как самодовлеющая военнополитическая сила, определяющая ход событий» (242, с. 141). Далее он пишет, что анты и склавины говорили на славянском языке, обычаи, уклад жизни и элементы культуры во многом были свойственны впоследствии культуре Древней Руси. П.Н. Третьяков отмечает, что имена их вождей — Божа, Идара, Межимира, Лавриты и других, звучат по-славянски (242, с. 153). И эти имена аналогичны по звучанию именам «Родословной царей...» в (Р).

Если соотносить склавинов и антов со славянскими племенами, упоминаемыми в (Р), то вполне определенно склавинов или славян можно соотнести с россами лесной полосы (северными россами). А антские племена — очень предположительно с сарматскими племенами, к которым могли присоединиться отдельные скифские, а может, и русские племена. «Связь антов с культурами скифо-сарматского круга, — писал Б.А. Рыбаков, — намечается также и по линии археологической, так как подстилающим слоем антских городищ иногда оказывался сарматский» (204, с. 334). Однако далее он отмечает, что вопрос об этногенезе антов без детальных исследований не может быть решен.

Ряд исследователей подтверждают, что антские племена нельзя соотносить с россами. С.П. Толстов писал, что у Иордана мы встречаемся с народом росомонов [ранее в гл. «Ростовские события и походы» было показано, что россоны Иордана — это россы лесной полосы], у него же при рассказе тех же событий мы встречаемся с явно параллельным именем антов (239, с. 54). Аналогичный вывод делает и П.Н. Третьяков, говоря, что поставить знак равенства между антами и россами нельзя (242, с. 212). Анты (внешнее, неславянское наименование славянских пограничных племен) и россы были разными славянскими союзами племен, однако имели общую территорию (границ не было), единый общеславянский язык и одинаковую в общем культуру. Поэтому, несмотря на изменение названий отдельных славянских племен во

внешних источниках, население, проживающее с рубежа IV–III тыс. до н.э. в исторических границах славянских поселений, оставалось неизменным, с некоторым уменьшением, возможно, территории из-за нашествия гуннов и сложения после распада гуннского союза племен новых этносов.

В жизни, быте и обычаях славянских племен, именуемых по внешним источникам славянами (или склавинами) и антами, прослеживается много общего с будущими уже летописными славянскими племенами. Б.А. Рыбаков пишет: «Застигнутые в походе они [славянские и антские дружины в VI в.] устраивали укрепление из телег, как это делали русские дружины XI–XIII вв. в половецкой степи» (204, с. 329). И добавлю от себя — как это делали намного раньше их предки, скифские, славянские воины. В этой же работе Б.А. Рыбаков пишет, что в северо-восточной части антской культуры много общих и роднящих черт с позднедьяковскими городищами первых веков нашей эры (204, с. 334). Если учесть, что дьяковская культура отражала материальную культуру проживавших на этой территории русских славянских племен, то еще раз подтверждается высказанное древними писателями мнение, что славяне и анты в общем-то составляли единый народ.

Наименование «анты» в последний раз было использовано автором начала VII в. Феофилактом Симокатой в 602 году. При этом начало получать распространение другое название восточно-славянских племен — рос, русь. Это наблюдается не только в материалах Византии, но и в арабских странах. Например, у Табари-Балами упоминаются руссы на Северном Кавказе, в непосредственном соседстве с хазарами, при описании арабо-хазарских столкновений VII в. (239, с. 54). Интересно описание внешности славян в дошедших до нас арабских источниках. Ибн-Фадлан: «...я видел русов... и я не видал более совершенных (более великих) членами, чем они... они рыжи...» (50, с. 93). Абу-Мансур: «...славяне — племя красного цвета, имеющее русые волосы... Человека красного цвета называют славянином, по причине подобия его цвету славян» (50, с. 279). Обратим внимание, приведенные описания внешности славян имеют явные аналогии с описанием внешности сарматов, готов и славян других племен. Причем, как отмечает А.Я. Гаркави, не ошибется и тот, кто примет, при описании внешности славян Аль-Ахталем («...толпу славян красных или рыжих, русых»), последнее значение, а именно — русых (50, с. 6).

Если возвратиться к теме о знаках киевских князей (см. часть I), то следует согласиться с мнением П.Н. Третьякова, что их «можно и должно связывать с росами — Русью» (242, с. 216). Эта связь основана

прежде всего на том, что, судя по материалам (Р), именно на территории россов (в Новгороде или Ростове) и находилась правящая славянская династия, единая для всех славянских племен. И знаки Рюриковичей, которыми киевские князья метили все свое имущество и которые, как пишет Б.А. Рыбаков, восходят к антским прототипам VII в. (204, с. 335), говорят не о том, что предки киевских князей Рюриковичей были антами, а то, что эти знаки были знаками правящей славянской династии задолго до Рюрика, который являлся прямым наследником старшей ветви этой династии, потому его наследники и имели подобные знаки. (Подробнее о знаках Рюриковичей см. ч. I.)

Археологические материалы свидетельствуют о неизменности населения, проживающего на славянских территориях с древнейших времен, что доказывает также и неизменность антропологического типа. Антропологические данные о более поздних, уже летописных временах подтверждают этот вывод. Например, Т.И. Алексеева, проанализировав серию из 497 мужских и 246 женских черепов, указывает, что вятичи, северяне, радимичи, дреговичи, древляне относятся к долихоцефальным антропологическим типам; поляне черниговские и переяславские — к мезоцефальному типу; суббрахикефалия — только у населения городов Киева, Чернигова, Любеча и Старой Рязани (9).

В гл. «Единство родов и начало его распада» приводилось мнение А.И. Соболевского о том, что названия рек и озер в пределах древних поселений славян в Северной, Центральной и Южной России вошли в говоры общеславянского языка (227, с. 26–27). Данный факт также свидетельствует о неразрывной связи славянских поколений с древнейших времен.

Гуннское нашествие значительно изменило этническую карту территорий, где ранее жили славянские племена скифов и сарматов. Изменилась этническая картина и на севере, где исследователями отмечено продвижение угро-финских племен и постепенное увеличение территории, занимаемой ими. Об экспансии прафинно-угров из ареала уральской прародины на новые места, где вследствие этого образовались новые финно-угорские народности: мордва, меря, мурома и др. — писал Б.А. Серебрянников (213, с. 30). О постоянной борьбе славянского Ростова с экспансией угро-финских племен указывают и сведения в (Р). В результате произошедших изменений территория, занимаемая славянами, значительно сократилась и стала составлять пространство, занимаемое восточнославянскими племенами летописных времен. Время возникновения наименований отдельных славянских племен, указанных в русских летописях, достаточно неопреде-

ленно. Некоторые названия, возможно, сложились очень давно, такие как, например, кривичи, которых с достаточным основанием можно отождествлять с геродотовскими аримаспами («одноглазые»).

Снова дела ростовские

О князех русских старобытных Нестор
монах не добре сведом бе.

*В.Н. Татищев. О истории Иоакима
епископа Новгородского*

(Р). 5900–6000 (392–492 гг.) (В одно время бывший перевозчик через Днепр, князь Кий приехал со своим братом князем Щеком в Ростов к своему зятю князю Громосилу звать его в поход в богатую Грецию. В это же время князь Щек увез с собой в Киев княжну Вексу, дочь князя Лесогона Одноуса, на которой там женился.)

* * *

Очень важным является сообщение, подтверждающее реальность Кия и его брата Щека. В Повести временных лет говорится, что если бы Кий был перевозчиком, то не ходил бы к Царьграду. Как видно из рукописи (Р), одно другого не опровергает. Видимо, когда Кий поселился на месте будущего города, то был перевозчиком через Днепр, а затем, когда родственники и другие пришлые люди из племени полян образовали на этом месте город, Кий стал князем.

Важным моментом является то, что в пределах столетия конкретизируется время основания Киева (392–492 гг.). Причем, если учесть, что сообщение о Кие в (Р) идет после похода Простена в Африку, а завоевание Северной Африки произошло примерно в 429–439 гг., то и время прихода Кия в Ростов и первое упоминание о Киеве следует относить к этому периоду. Кий и Щек были еще достаточно молоды — Щек увез княжну Вексу в Киев и женился на ней, поэтому основание Киева могло быть, по данным (Р), не ранее конца первой трети V в. Святой Димитрий Ростовский в Летописи пишет: «Единъ точю лѣтописецъ описа основаніе града Кіева, лѣта отъ Рождества Христова четыреста тридесятого» (81, ч. III, с. 13). Таким образом, приведенная дата основания Киева (430 г.) соответствует данным (Р) — конец первой трети V в. Можно отметить и хорошие связи Ростова и Киева, что доказывается взаимными браками между княжескими родами. Причем, учитывая достаточно молодой возраст приехавших в Ростов Кия и Щека, то сведение о том, что ростовский князь Громосил был зятем

Кия, можно истолковать как то, что известная из Повести временных лет сестра Кия, Щека и Хорива — Лебедь, была женой Громосила.

Рассмотрим подробнее вопрос о территории, занимаемой полянами, и времени возникновения их первых поселений, от которого зависит историческое значение и роль полян в объединении славянских племен. Долгое время, как пишет В.В. Седов, в исторических работах главенствовало мнение, по которому полянам отводили небольшой правобережный участок от Киева до р. Рось и только около Киева территория полян захватывала узкой полосой левый берег от устья Десны до р. Кордня (212, с. 106). Это мнение было основано на существующих летописных данных, по которым полянам принадлежало Киевское Поднепровье. Затем ряд исследователей стали считать, что маленький участок, который при этом отводился полянам, не соответствует, по их мнению, важному историческому значению полян. И этот вывод послужил поводом для пересмотра письменных источников. В начале этой книги уже говорилось, что всякие пересмотры и «новые» прочтения письменных источников, по сути дела, лишают сделанные затем выводы необходимой документальной достоверности. Думается, что если сведения, изложенные в историческом документе, не «вписываются» в какую-либо теорию, то нужно еще раз критически оценить предлагаемую теорию, а не источник.

Итак, бытовавшее ранее мнение о небольшой величине территории полян основано на летописных сведениях. Поэтому принимаем это за условие решаемой задачи. Следовательно, необходимо уточнить роль полян в общеславянском процессе объединения и создания Русского государства. По мнению В.В. Седова, «курганные захоронения VI–VIII вв. в ареале полян полностью отсутствуют» (212, с. 108). И далее там же, делается вывод, что, видимо, славянское население Киевского правобережья хоронило умерших в бескурганных могильниках, которые, однако, до настоящего времени здесь не найдены. При этом В.В. Седов отмечает исключительную трудность обнаружения грунтовых погребений. То есть при отсутствии грунтовых погребений рассуждения строятся на гипотетической возможности их наличия. Мы же снова будем опираться только на факты: если курганных захоронений VI–VIII вв. в ареале полян нет, а также нет и грунтовых погребений, то нет и факта проживания полян в этом ареале ранее IX в., поскольку наиболее ранние курганы у полян обнаружены относящимися лишь к IX в.

В Повести временных лет сказано: «И отправились [Аскольд и Дир со своим родом] по Днепру, и когда плыли мимо, то увидели на горе

небольшой город. И спросили: “Чей это городок?”» Из приведенной цитаты ясно, что Киев был городком, причем таким небольшим, что, отправляясь из Новгорода — столицы образовавшегося Русского государства, Аскольд и Дир не знали о его существовании. О малочисленности Киева и незначительности на тот момент (IX в.) Полянского княжества говорит и тот факт, что Аскольд и Дир с относительно небольшим количеством воинов (только свой род) без особых трудностей, без войны захватили Киев и стали владеть землей полян.

Таким образом, письменные источники и археологические материалы свидетельствуют, что до начала IX века территория, на которой впоследствии жили поляне, не была заселена или заселена очень незначительно, а с IX века славянские полянские племена занимали небольшую территорию около Киева, причем Киев был небольшим городом («городок»), о котором в Новгороде бояре Рюрика Аскольд и Дир, а возможно, и другие жители даже не знали. Очевидно, что роль полян и Киева, который, походя с дружиной, смогли захватить Аскольд и Дир, в общеславянском масштабе во второй половине IX века была незначительна. Это подтверждается еще и тем, что в делегации к поморским славянам — россам (варягам) среди других племен о полянах упоминания нет. Следовательно, нет и факта первоначального вхождения полян в образовавшееся Русское государство. И лишь спустя значительное время, после перенесения Олегом общеславянской столицы в Киев, начался его расцвет, который отмечен арабскими писателями, упомянувшими наряду с двумя другими княжествами (Новгородским и Ростовским) также и княжество во главе с Киевом (Куяба).

(Р). 6000—6100 (492—592 гг.) (Прошло два столетия с тех пор, когда король <Елоус> опустошил мечом и огнем ростовскую землю. Теперь это бедствие отразилось с большей силой на его отечестве, в котором царили его потомки. Это королевство, бич Италии, было стерто с лица земли. Этому способствовала храбрость знаменитого греческого полководца Нарцисса и славянорусского князя Вихреслава. Этот юный князь был правой рукой Нарцисса.

В пятое лето правления малолетнего князя Горюша был в Ростове великий пожар, в котором со многими княжескими теремами сгорел почти весь Великий Ростов, в том числе и храм бога Велеса. Этому пожару предшествовали дивные знамения, и прежде всего появилась в ночи звезда с хвостом, стоящая над храмом Велеса и хвостом своим едва не задевая верх его, который был чуть не до облаков. В это же время были и другие знамения.)

* * *

Ранее говорилось, что по сходству событий, времени и действующих лиц, короля Елоуса в (Р) можно отождествлять с королем остроготов Германарихом. Этот союз племен в 375 году был разгромлен гуннами. Далее в 488 году под предводительством Теодориха остроготы вторглись в Италию, где в 493 году основали королевство. Это королевство в середине VI в. было завоевано Византией. Так что можно отметить полное хронологическое и смысловое соответствие сведений в (Р) известным историческим событиям.

В таких всеобщих городских пожарах, об одном из которых говорится в (Р), вполне могли быть уничтожены летописные доски с записями, выполненными при помощи черт и резов. Судя по сравнениям, храм Велеса был, видимо, огромен. Звезда с хвостом — это комета, однако неясно, какой она была — периодической или непериодической. В работе (131, с. 100, 101) установлено, что пять-шесть раз в столетие появляются кометы, которые своей яркостью и длиной хвоста привлекают всеобщее внимание. Из 566 комет с вычисленными орбитами 54 кометы с периодом обращения вокруг Солнца от 3 до 164 лет наблюдались вблизи Солнца более одного раза. Около 40 комет с периодами эллиптических орбит до 200 лет наблюдались лишь однажды. Отдельные кометы имеют период свыше 800 лет. Каталог Ф. Бальде содержит данные по 1606 кометам, зарегистрированным с 2315 г. до н.э. по 1963 г. Некоторые кометы, как отмечает П.Г. Куликовский, достигали грандиозных размеров. Так, например, голова кометы 1811 I была больше Солнца, а хвост кометы 1882 II был длиной 900 млн км.

Итак, точно установить комету, наблюдавшуюся над Ростовом в 492–592 гг., для уточнения времени излагаемого события, не представляется возможным. Если бы и было установлено прохождение какой-либо исключительной по яркости и размерам хвоста периодической кометы, это еще ничего не доказывало бы, поскольку всегда можно было бы предположить появление однократной, непериодической кометы. Однако вполне достоверное предположение все же можно сделать. Самая известная из периодических комет — комета Галлея зарегистрирована по летописям многих народов с 466 г. до н.э., имеет период прохождения перигелия 76,029 года (131, табл. 28). В другой работе (20) дано более укрупненное значение — 76,1 года. Выполнив, с учетом периода в 76,029 года, ориентировочный расчет, получим, что комету Галлея могли наблюдать в Ростове примерно в 542 году, что укладывается в хронологию приведенного сообщения в (Р).

(Р). 6100–6200 (592–692 гг.) (Ростовский старейшина Многосил ходил со своими дружинами воевать с народом муромой за его хищные набеги и увод у воды девиц. За что нанес жестокое поражение муроме и в день прихода в Ростов видел страшный пожар в Ростове, произошедший от молнии. Сгорело много домов и теремов и две трети устретенской городской стены. На месте старой построили новую стену с тремя огромными башнями с забралами и тайниками, а также исправили обветшавшие Чудские ворота, поставив на них чудную четырехугольную башню по образцу царьградских башен с забралами, бойницами и тайниками.)

* * *

Борьба с агрессией угро-финских племен продолжалась. Славянские девушки были хороши собой, если окружавшие Ростовскую землю племена использовали любые доступные им методы добывания невест.

Из описания еще одного страшного пожара в Ростове можно извлечь данные для возможного воссоздания облика Ростова VII века. Городские стены были деревянными, одна из которых называлась устретенской, с поставленными на ней тремя башнями. Были Чудские ворота, на которых стояла башня по подобию царьградских башен того времени. В самом городе среди обычных домов возвышались терема.

(Р). 6300–6400 (792–892 гг.). (Последний поход князя Светогора [в «Родословной царей...» — Светозар] был на мурому и чудь.

Малолетство князя Небослава было временем для Ростовской области самым трудным. Ростов был захвачен варягами, которым платили тяжкую дань по белке с дыма.

Одним из первых советников князя Небослава был житель Великого Ростова Русин Михей, который имел большой торг с Тавридой и Грецией. Его корабли плавали по греческим морям.)

* * *

Опять отмечены враждебные отношения Ростова с племенами муромы и чуди. Длительность и постоянство этого противостояния с угро-финнами явилось одной из причин последующего объединения Новгородской и Ростовской земель в Русское государство.

Сообщение о захвате Ростова варягами имеется в нескольких рукописях А.Я. Артынова, однако время этого захвата остается неясным. В рукописи «Ростовский летописец» (17) говорится о 801 годе, однако в рукописи «Летопись бытия временных лет Ростова Великого» (18) упоминание об этом событии идет за 854 год. В Повести временных лет за

859 год сказано о взимании дани варягами как о свершившемся факте: «Варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей». Обратим внимание на летописное уточнение места жительства этих варягов — «из заморья», то есть скандинавов. В то же время были и варяги — русь (россы) из Поморья.

Ростовские купцы вели торговлю с дальними странами. Само имя ростовского купца — Михея Русина, ближайшего советника ростовского князя, говорит о его принадлежности к племени россов.

Государство россов — Русь

Россия, Русь! Храни себя, храни!

Н. Рубцов

(Р). 6300—6400 (792—892 гг.) (Князь Катулус Мудрый благодаря своей храбрости смог добиться брака со знаменитой героиней того времени Софарисой. Впоследствии, в битве в Карпатских горах с королем франков Карлом Великим, он ее лишился. За целомудрие и верность мужу по приказу папы римского Льва III Софариса была сожжена на костре.

У князя Катулуса было три сына по имени Рю-рейх — Рюрик, Синеус и Трувор.

Предводитель мирных варягов князь Рюрик, мстя за смерть матери королю франков Карлу Великому, разгромил его столицу Лютетию (Париж) и над воротами ее повесил свой победоносный щит. Все это он сделал по завету своего отца Катулуса, умершего от печали по своей жене.

В это время новгородские и ростовские славяне собрались на всеобщий Совет о выборе себе князя, который защищал бы их от внешних врагов и внутренних неурядиц. В это время прошла молва, что три брата, варяжские князья, захватили столицу Карла Великого.)

* * *

В сообщении в (Р) за предыдущее столетие (692—792 гг.) говорится, что князь Аппоний имел трех сыновей: Катулуса, Ладона и Олега. Следовательно, Олег был дядей Рюрика. И если разница в возрасте между старшим сыном Аппония Катулусом и младшим — Олегом была большой, то не исключено, что дядя (Вещий Олег) был моложе своего племянника (Рюрика).

Софариса, видимо, была женщиной-воительницей («героиня своего времени»), которая продолжила традиции славянских женщин-

богатырш. Она была взята в плен, видимо, участвуя в битве с войсками Карла Великого. Кстати, место сражения — Карпаты, снова доказывает, что скандинавские варяги здесь ни при чем. Интересен второй вариант написания и произношения имени Рюрик — Рю-рейх, что подтверждает его балтийско-поморское происхождение.

Дано исключительно важное определение по отношению к варягам, которыми предводительствовал Рюрик, — мирные варяги, чем подчеркивается их отличие от варягов немирных, скандинавских, бравших дань.

Из сообщения о разгроме Лютеции (Парижа) следует исключительно важный факт, что славяне россы (поморские славяне) еще в IX веке взяли штурмом Париж. Попутно отмечу, что и в более раннее время исторические факты не свидетельствуют об особых успехах Карла Великого в войнах со славянами. В.К. Ронин пишет, что современная научная критика источников оставляет мало оснований для традиционного тезиса о Карле Великом как завоевателе славян (202). Уже существовал обычай вешать щит на воротах побежденного города. Таким образом, Вещий Олег, повесив щит на воротах Царьграда, повторил то, что сделал ранее Рюрик в побежденном Париже.

Подробнее остановимся на событии, которое оказало огромное влияние на последующую судьбу восточных славян. Это Совет новгородских и ростовских славян о выборе единого князя и объединении двух славянских — русских территорий в единое Русское государство. В рукописи А.Я. Артынова «Ростовский летописец» (17), аналогично, как и в (Р), но более подробно излагается это событие о совместном Совете представителей Новгородской и Ростовской земель. В этой рукописи за 860 год [видимо, все-таки изложение событий идет за период 860—862 гг.] говорится, что знаменитые старейшины или князя Гостомысл в Новгороде и Бегислав в Ростове выгнали из своих пределов варягов, которым платили дань. Время изгнания варягов по сравнению с данными Повести временных лет совпадает с точностью до года (862 г.). Причем в другой рукописи А.Я. Артынова (18) по поводу варягов дается ценное добавление, что «прогнаша немирных варягъ за море». Учитывая, что Рюрик был предводителем мирных варягов, то очевидно, что в то время очень четко подразделяли варягов на мирных и немирных. Мирные варяги — это поморские славяне, россы, а немирные варяги из заморья — это скандинавы, норманны. И.Е. Забелин пишет: «Именем варягов в собственном смысле древнейшие летописи обозначают особое от скандинавов племя, с которым Русь жила, как с своим братом». И далее: «Одно это обстоятельство, что варяги приходили в Новгород сухим путем, служит ясным доказательством их славянства»

(89, с. 135). Аналогично можно заметить, что в Повести временных лет говорится, что от Новгорода св. Андрей Первозванный отправился в страну варягов и пришел в Рим. Очевидно, что св. Андрей Первозванный отправился в Рим не через Скандинавию, а через государство поморских славян, от которого до Рима было недалеко. И это также говорит, что варягами в летописях обозначали славян Поморья.

В гл. «Три территории россов» было показано, что поморские славяне были россами, то есть славяно-россами (мирными варягами, варягами-русь). В «Ростовском летописце» (17) за 860 г. [860—862] говорится, что новгородцы и ростовцы не имели хорошего суда и расправы, жили в постоянных раздорах с племенами чуди, веси и муромы и захотели иметь единоедержавие обеих республик, для чего после общего Совета решили идти за море к поморским славянам к известному им варяжскому князю Рурику [именно такое дано в рукописи написание имени, которое имеет параллель с написанием: Ру-рейх]. И далее, за 863 год подтверждается, что он только что возвратился в отечество после победы над франками и взятия их столицы Лютеции. В Летописи св. Димитрий Ростовский писал, что приглашенные «на княжение Росское» три варяжских брата «Рурикъ, Синаушь или Сенеушь и Труворъ или Триворъ» говорили на славянском языке (81, ч. III, с. 15).

Долгие, долгие годы оставался загадкой этот невысказанный парадокс: только что изгнали варягов, которым платили тяжкую дань, и тут же отправились приглашать их княжить и владеть славянами. Это сообщение способствовало созданию пресловутой норманнской теории, с приверженцами которой шла борьба со времен М.В. Ломоносова. О странности такого приглашения бывших врагов писал еще в XIX веке С.А. Геденон: «Может ли народ или общество, желающие князя миротворца и судию, обратиться к князьям чужого, враждебного племени, не знающим ни языка, на котором должны выслушать притязания родов, ни права по которому судить своих подданных?» (51, с. 92). И далее (с. 132) делает вывод, что «если бы не история и народное предание, историческая логика указала бы на поморских князей».

И вот этот парадокс разрешается наконец простым уточнением, что были варяги мирные и немирные. И с этим уточнением о так называемой норманнской теории можно навсегда забыть. Мнение ученых разных поколений и направлений, доказавших, что норманнизму нет места в нашей истории, теперь хорошо согласуется с летописными сведениями о приглашении варягов мирных (!), то есть поморских славян россов.

Представим себе ситуацию того времени. Славяне Новгородской и Ростовской земель понимали, что разделены они искусственно. Они хорошо знали, что поморские славяне такие же россы, как и они. Кроме того, в то время все славяне говорили еще на едином общеславянском языке. Как быть при желании объединиться? Необходимо выбрать такого князя, который бы всех устроил. Ясно, что какими бы мудрыми и хорошими ни были Гостомysl (новгородский) и Бегислав (ростовский), для избежания спорных моментов их выбирать нельзя. И тут узнают («прошла молва»), что не просто славянский, а славяно-росский князь Рюрик разгромил столицу могущественной империи франков. Конечно, такой вариант всех устроил. Тем более, как мы знаем из «Родословной царей...» (16), Рюрик был представителем и прямым наследником старшей ветви славянской правящей династии. В Новгороде и Ростове правили представители младшей ветви — ростовской. Поэтому, приглашая Рюрика, был сделан блестящий политический ход — найден претендент на титул князя князей, который имел на это право по династической линии, который доказал своими действиями исключительные способности как военачальник и руководитель и который был того же рода-племени, что и будущие его подданные, говорящие на одном с ним языке. При такой авторитетной для всех личности, споры и разногласия утихли сами собой.

Нельзя не отметить высокий нравственный уровень поступка князей Новгорода и Ростова — Гостомысла и Бегислава. Для процветания отечества они добровольно отказались от единоличной власти в своих огромных землях-государствах и выступили инициаторами объединения. Гостомysl предложил послать приглашение Рюрику возглавить вновь образующееся славянское государство, а Бегислав возглавил делегацию северных племен. Следует вспомнить, что приглашение Рюрика вообще вписывается в отношения взаимопомощи, которые, возможно, имели место. Например, в более ранних сообщениях в (Р) за период 6200—6300 гг. (692—792 гг.) отмечено, что восстановить на княжеском престоле [поморских россов] Эмму помогла новгородская рать во главе с сыном Эммы Гераклитом, женой которого стала дочь новгородского князя (16, с. 155—156). Рюрик, как следует из «Родословной царей...», был праправнуком Эммы.

Отмечу еще один важнейший момент: Русское государство образовалось от объединения северных территорий — Новгородской и Ростовской земель. Именно они, а не земли полян и северян стали той основой, вокруг которой в IX веке снова стали объединяться славянские племена. Именно они, объединившись, стали первым в IX веке

русским государственным образованием, а не Киевская Русь, которая возникла позднее, после перенесения Олегом в Киев столицы из Новгорода.

В некоторых исследованиях подвергаются сомнению отдельные фразы из Повести временных лет и других летописей. При этом отмечается, например, что там «идет путаница из фрагментов разной направленности» (207, с. 47). В результате предлагается «новое» прочтение и осмысление летописных материалов. При таких «новых» прочтениях, в качестве основы выдвигаемой концепции, предполагается когда-то произведенная переделка текста летописей. Причем это очень ответственное предположение основывается лишь на гипотетических исторических исследованиях. Например, в работе (207, с. 53) отмечается, что «игумен этого [Выдубицкого] монастыря Сильвестр кое-что изменил в полученной книге [летописи Нестора]... Новая переделка была поручена “Ладожанину”». Далее в той же работе говорится, «поправки к рукописи Нестора (1113 года), сделанные “Ладожанином”, носят явно проваряжский характер» (207, с. 53). И затем отмечается, что чувствуется постоянное стремление поставить Новгород на первое место, оттеснив Киев.

Ранее, в главе «Основание Новгорода», было приведено достаточное количество фактов и сведений из разных источников, которые свидетельствуют о безусловном первенстве и главенстве Новгорода. Так что если следовать букве существующих ныне письменных источников, то оттеснить Киев “Ладожанину” не было никакой необходимости, поскольку Киев никогда не был не только на первом месте, но и на втором (вспомним сведения о Ростове Великом). А по данным (Р), например, Новгород вообще был основан и стал столицей общеславянского государства за тысячу лет до основания Киева. Утверждения “Ладожанина”, что был варяжский народ «русь», также полностью соответствуют исторической истине. Как уже говорилось ранее, поморские славяне (мирные варяги) и были русским племенем или, как написано в летописях, — варягами «русь». Поэтому в отождествлении русов с варягами для людей того времени не было никакой неожиданности, а воспринималось как заурядная истина. В нашей же книге сведения русских летописей хорошо согласуются с излагаемой концепцией, и при этом варягам норманнам фактически вообще не остается места в отечественной истории.

Рассмотрим еще один момент, связанный с приходом Рюрика с братьями на Русь. Можно предположить, что вместе с Рюриком и его братьями переселилось довольно много мирных варягов — поморских

россов. «И избрашася 3 братья с роды своими, пояша по собѣ всю русь...» То есть переселились все поморские россы, как следует из приведенной летописной цитаты. Такое переселение ни археологически, ни лингвистически уловить, конечно, невозможно при одинаковой культуре, языке и антропологическом типе. Однако, если учесть, что, как пишет И.Е. Забелин (89, с. 132), летописец страну славянских вагров, оботритов, рюгенцов, велетов-лютичей называл одним именем Русь, то переселение могло быть значительным. Это переселение со своими родами и со всей русью, конечно, укрепило вновь образованное Русское государство со столицей в Новгороде, но, возможно, ослабило позиции поморских славян.

И еще немного после Рюрика

В стране, где славной старины
Не все следы истреблены;
Где сердцу русскому донныне
Красноречиво говорят:
То стен полуразбитых ряд
И вал на каменной вершине
То одинокий древний храм
Среди беспажитой поляны,
То благородные курганы
По зеленеющим брегам.

Н. Языков

Об Олеге. Есть в истории личности, к которым по недостатку сведений, из-за каких-то косвенных сообщений или просто по недостоверности данных пристала слава людей, в малой степени соответствующей их истинному облику. Таков Вещий Олег. Скупые сообщения летописей о суровых событиях тех лет дают некоторую свободу их толкований. Вот, например, как характеризуется в одной из работ, при анализе миниатюр Киевского свода 997 г., известный эпизод о свержении и убийстве Аскольда и Дира в Киеве пришедшим туда с дружиной Олегом: «Грудной младенец [Игорь] еще раз фигурирует на рисунке (л. 11н), изображающем разбойничье нападение Олега на Киев в 882 г. Художника не смутила полная несообразность привоза киевлянам князя-младенца в сочетании с саблей, занесенной над княжившим уже двадцать лет в Киеве Аскольдом. Здравый смысл был принесен в жертву интересам искусственной генеалогии» (206, с. 198). То есть в этой цитате налицо предположение об ошибке художника и, как следствие, «новое» прочтение и осмысление сюжета.

Нет! На самом деле древний художник очень четко изложил на миниатюре основную сюжетную схему произошедшего. По отдельным сохранившимся сведениям из древних Ростовских летописных материалов, действительная история тех событий стала известна автору данной книги. Изложение этой истории с более широким временным диапазоном (862—882 гг.), с использованием рукописей А.Я. Артынова «Ростовский летописец» и «Летопись бытия временных лет Ростова Великого», а также древних преданий (использованных не для исторического подтверждения, а лишь для характеристики личности Олега), где Вещий Олег рисуется совсем в ином свете, и приводится ниже.

Рюрик, приглашенный возглавить Русское государство, счел сложновыполнимым в одиночку управлять всей русской землей. К тому же была потенциальная угроза от своевольных новгородцев. Поэтому он поселился не в Новгороде, а в построенном им на левом берегу реки Волхова городке. В Новгороде же был его наместник. Далее, он вызвал к себе своих братьев Синеуса и Трувора в соправители себе, но не как князей, а как старейшин, которых посадил: Синеуса на Белое озеро, а Трувора в Изборск. Кроме того, Рюрик вызвал бояр, своих сродичей из рода князей Куявы и Одара — Аскольда, Дири и Свенельда. Как видим, Аскольд и Дир — вовсе не потомки древнеславянских полянских князей, а поморские бояре, рангом ниже, чем Рюрик. То, что Аскольд и Дир были боярами Рюрика, совершенно однозначно говорится и в Повести временных лет. Следовательно, утверждение А.А. Шахматова, приведенное в (207, с. 59), что Аскольд и Дир потомки Кия — неверно. И цитата из произведения польского историка Яна Длугоша, жившего в XV веке, приводимая в той же работе, также только подтверждает ошибку А.А. Шахматова: «После смерти Кия, Щека и Хорива, наследуя по прямой линии, их сыновья и племянники много лет господствовали у русских, пока наследование не перешло к двум родным братьям Асколду и Диру» (207, с. 59). Очевидно, что слово «пока» ставит предел правлению в Киеве наследников Кия. А Аскольд и Дир не имеют к генеалогическому древу Кия никакого отношения. Свенельда Рюрик посадил в Ростов.

В рукописи «Летопись бытия временных лет Ростова Великого» говорится о заговоре против Рюрика в Новгороде под предводительством Вадима Храброго, зятя Гостомысла, который считал свои права на престол более значимыми. Подавить этот мятеж Рюрику удалось только с помощью своего брата Синеуса, поспешившего с дружинами народа веси и ростовскими дружинами. Увидев мощь объединенных дружин, сообщники Вадима выдали его Рюрику.

Аскольд и Дир, бояре Рюрика, как говорится в ПВЛ, отпросились идти к Царьграду. На пути они остановились у Киева, тогда небольшого городка — столицы полян и, захватив его, стали там править под единой державой Рюрика. В рукописи «Ростовский летописец» (17) отмечается, что Аскольд и Дир, пригласив на помощь своего родича Свенельда, побили многих потомков полянских князей Кия, Щека и Хорива за то, что те стали им перечить, а оставшихся сделали великокняжескими данниками. Как видим, еще раз очевидность ошибки А.А. Шахматова. Итак, Аскольд и Дир, бояре Рюрика, пока был жив Рюрик, власть его, естественно, признавали.

Из рукописи (17) следует, что после победоносного похода на Царьград вначале Аскольд и Дир, а затем по их примеру и Свенельд в Ростове отложились от великого князя, чему способствовала смерть Рюрика и малолетство его сына Игоря. Отмечу, что имеется отличие в дате смерти Рюрика: по ПВЛ — это 879 год, а по рукописи «Ростовский летописец» (17) события по отделению Аскольда, Дири и Свенельда, а также смерть великого князя Рюрика идет под 877 годом. Попутно ориентировочно определим возраст Рюрика. По данным (Р), мать Рюрика Софариса была сожжена на костре, попав в плен к Карлу Великому. Таким образом, дети Катулуса, в том числе и Рюрик, родились еще при жизни Карла Великого, до попадания в плен Софарисы. Если учесть, что Карл Великий умер в 814 году, то Рюрик, старший из братьев, имел к 879 году (году смерти по ПВЛ) больше 65 лет.

Свенельд назвал себя великим князем Ростовской области и стал для древних ростовских князей, как говорится в рукописи, самовластным деспотом, что было для них невыносимо. Олег был дядей Рюрику (хотя, возможно, и моложе его) и соответственно Игорю — двоюродным дедом. Теперь представим положение дел, сложившееся в то время. Прошло менее двадцати лет как образовалось Русское государство, и вот по вине бояр Рюрика — Аскольда, Дири и Свенельда — оно снова распалось. Эти бояре, за счет раздробления государства решили стать великими князьями. Что было делать Олегу, которому Рюрик передал свое княжение, сделав его опекуном и соправителем малолетнего Игоря? Начинать длительную междоусобную войну за восстановление Русского государства в прежних границах? Но при этом прольется много крови своих же русских людей.

И Олег, решая начать с Ростова, принимает единственно верное, но требующее исключительного личного мужества решение. Он, простым латником, в одиночку, едет в Ростов. В предместье Ростова встречается с опальными ростовскими князьями, не поддержав-

шими Свенельда, выясняет ситуацию и затем приходит в Ростов, где Свенельд со своими сторонниками пирует. Там в критический момент, когда Свенельд отдает приказ бросить дерзкого латника в темницу, открывает забрало, и все узнают в простом латнике великого князя Олега. Олег восстанавливает великокняжескую власть и ставит во главе Ростовской земли своего сторонника — потомственно-го князя из ростовской правящей династии. Так, без единой капли крови, была вновь присоединена к Русскому государству огромная Ростовская земля. В Повести временных лет сообщений об этом событии нет. Действительно, относительно событий в Северной Руси «Нестор монах не добре сведом бе». Н.М. Карамзин также отмечает, что Нестор не говорит ни слова о свойствах новгородцев. «Видно, что их древние обычаи и предания были ему мало известны» (110, Примечание 144 к гл. III).

Следующим этапом было восстановление в составе Русского государства Киева и полянского княжества. Здесь положение дел, видимо, было еще сложнее. Аскольд и Дир были зачинщиками крамолы и о событиях, произошедших в Ростове, могли уже знать. И опять Олег обошелся с минимальными потерями. Он не двинул рать на Киев, а хитростью выманил мятежных бояр на берег Днепра и сказал им: «Не князя вы и не княжеского рода, но я княжеского рода». И глубоко символичным было то, что он, показав им Игоря, сына и законного наследника великого князя Рюрика, сказал: «Вот он сын Рюрика».

Так, уничтожив только двух злостных зачинщиков развала Русского государства, Олег с минимальными потерями восстановил государственное единство Руси. Так что изображенная древним художником миниатюра с привозом киевлянам князя-младенца в сочетании с саблей, занесенной над Аскольдом, полна глубокого смысла и отражает истинное положение дел того времени. И нет никакой необходимости в ее (миниатюре) «новом прочтении». А Олег проявил необычную по тем временам гуманность. Он простил повинившегося Свенельда, который затем сумел даже стать древлянским наместником.

Приведу еще одно, исключительно важное сообщение из рукописи «Летопись бытия временных лет Ростова Великого» (18): «На пути изъ Ростова къ Киеву приеде же Олегъ на рѣку глаголемую Москву въ нея — же ту прилежать двѣ рѣць единой имя Неглинной а другои Яуза и построи ту градъ малъ и прозва его Москва и посади ту на княженіе Ростовскаго князя Поливода». Это сообщение идет под 880 годом. Таким образом, мы теперь наконец-то знаем, что **Москва основана в 880 году великим князем Олегом**. То есть за 267 лет до ее первого упоминания в

летописях. И первым князем в Москве был ростовский князь Поливод. В работе (199) говорится о находке в 1838 году близ устья Неглинной клада диргемов, причем там были две монеты 862 и 866 годов. Эта находка может служить подтверждением основания Москвы в IX веке.

Возвращаясь к личности Олега, обратим внимание на такой аспект. Некоторые историки называют Олега узурпатором, забывая то, что, будучи соправителем князя-младенца и сам являясь представителем правящей династии, у него были все возможности для полного захвата власти с отстранением Игоря (сколько таких примеров мы знаем из истории Западной Европы!). Но Олег снова оказался на высоте, вырастив и, в сущности, посадив на великокняжеский престол Игоря, со значительно большей территорией Русского государства по сравнению с той, которую он принял от Рюрика. Великий князь Олег был исключительной личностью в русской истории. Его можно назвать собирателем русской земли. Он снова объединил славян: новгородских и ростовских россов, полян, древлян, северян и кривичей. Пора воздать должное этому великому русскому князю, кстати, и основателю Москвы. Когда он умер, то, как говорится в Повести временных лет, оплакивали его все люди плачем великим.

В рукописи «Ростовский летописец» (17) за 906 год упоминается о знаменитом походе Олега под стены Царьградские, в котором участвовали и ростовские дружины. В знак победы Олег повесил свой щит над воротами Мамонта, причем отмечается, что сделал он это по аналогии с Рюриком (ранее говорилось о том, что Рюрик повесил свой щит над воротами побежденной Лютении — Парижа). Этот успешный поход возвысил Ростов до столицы Русского Севера.

Об Ольге. Одной из загадок истории остается хронология событий в жизни великой княгини Ольги. Еще М.В. Ломоносов подвергал сомнению тот факт, что Ольга после замужества с Игорем через 52 года могла прельстить царя Константина при поездке в Греческую землю. Разберем факты. В 903 году Игорю привели жену из Пскова, которую звали Ольгой. По данным Архангелогородской летописи, ей было десять лет. Следовательно, Ольга родилась примерно в 893 году. По ростовским материалам (18), Велесана, будущая жена князя Игоря, родилась раньше на 8 лет, в 885 году. Если учесть, что Святослав родился в 942 году, то Ольге было 49 лет по Архангелогородской версии и 57 лет (Велесане) по Ростовской версии, что ставит под сомнение рождение Святослава от Ольги (или Велесаны). И совсем маловероятным выглядит предложение Константина Ольге стать его женой, с учетом того, что шел 955 год и Ольге было или 62 или 70 лет в зависимости от версий рож-

дения. Правда, нельзя исключать возможности династического брака, учитывая огромное влияние и территорию Русского государства.

Выскажу свое, естественно, предположительное объяснение приведенным выше несоответствиям. У князя Игоря была не одна жена. По ростовским материалам, первой женой Игоря была Велесана, внучка знаменитого старейшины Гостомысла, которой великий князь Олег дал новое имя — свое. Вторая жена (а может быть, были и еще жены), тоже Ольга, и была матерью Святослава. Если в момент рождения сына ей было 16—18 лет, то и в 955 году ей было не более 31 года. О ней и сказано было в летописи — царь увидел, что она очень красива лицом. А накладка в хронологии произошла от того, что обе жены Игоря носили одно и то же имя. То, что у Игоря была не одна жена, сказано у Татищева: «Егда Игорь возмужа, жени его Олег, поят за него жену от Изборска, рода Гостомыслова, иже Прекраса нарицашесе, а Олег преименова ю и нарече во свое имя Ольга. Име же Игорь потом ины жены, но Ольгу мудрости ея ради паче иных чтяше» (232, с. 111). В целом предложенная версия удовлетворяет известным историческим фактам, при этом сохраняя в неприкосновенности сведения письменных источников, хотя еще раз отмечу ее предположительный характер.

О неразрывности славянской линии. Достаточно широкое развитие получила версия о более поздних (по сравнению с Нестором) изменениях, внесенных в летописные материалы. По мнению сторонников этой версии, события в летописи после этих изменений стали носить проваряжский характер. Из такого предположения, видимо, некоторыми исследователями делается вывод, что Рюрик искусственно связан с Игорем, который и был исконным русским князем, а правление варягов закончилось на Олеге. Вот что, например, по этому поводу пишет М.Н. Тихомиров: «Рождение же Святослава по Ипатьевской летописи относится к 942 году, т.е. произошло после сорокалетней брачной жизни Игоря и Ольги. Ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены друг с другом: недаром же старый Игорь проявляет необыкновенную прыть в походах против древлян» (238).

Начнем с того, что из приведенного соображения далеко не ясно, что Рюрик и Игорь искусственно соединены. По самому же факту позднего рождения у Ольги Святослава возможны разные версии, одна из которых была приведена мною ранее. Изложенное в работе (238) соображение следует, видимо, воспринимать как борьбу с норманнизмом, для чего и сделана эта попытка отсечь якобы норманнов Рюрика и Олега от дальнейшей славянской линии, начинающейся, по мнению сторонников этой версии, с Игоря. Вся наша книга и посвящена тому, чтобы

показать и доказать исключительную древность славянских корней и славянской государственности, начинающейся не с князя Игоря, а за тысячи лет до нашей эры и об этом было сказано в предыдущих главах книги. Ранее также было доказано, что поморские славяне, к которым принадлежали и Рюрик и Олег, были такими же славяно-россами, как и новгородцы с ростовцами и потому никакого отношения к скандинавам — норманнам не имели. Они относились к древней правящей славянской династии. Поэтому совершенно незачем отсекающую славянскую линию от славянских же корней. Игорь, будучи сыном Рюрика, эту древнюю правящую славянскую династию продолжил. Пришедшие же с Рюриком поморские россы, при едином общеславянском языке, духовно-материальной культуре, а также едином антропологическом типе с северными россами (новгородцами и ростовцами) ничем, даже внешностью, от них не отличались. И поселившись среди своих братьев славян, даже можно сказать среди братьев-близнецов славян (россов), они тут же растворились среди них, не внося никаких особых изменений в материальную культуру.

О «необыкновенной прыти» Игоря — по выражению М.Н. Тихомирова, можно сказать, что происходило ежегодное, ничем не отличающееся от прежних лет полюдье, в котором, как всегда, участвовал и великий князь. И в тот злополучный поход к древлянам, в 945 году, окончившийся гибелью Игоря, ему было не более 68 лет — не так уж и много.

О Святославе. Еще не зная ростовских материалов и читая отдельные высказывания Святослава, все время ощущалось, что у него были такие знания об истории своей земли, какие в летописях до нас не дошли. Теперь, когда на основании древних ростовских материалов написана эта книга, из которой становится известной древнейшая история славянства, можно определенно сказать, что такие знания у Святослава были. Например, в Повести временных лет, за 969 год, Святослав говорит своей матери и боярам: «Не любо ми есть в Киевъ быти, хочю жити в Переяславци на Дунаи, яко то есть середя земли моей...» Если посмотреть на карту Киевской Руси того времени, то очевидно, что Переяславец находился как раз на южной границе, отчего сказанная фраза звучит странно. Однако, если вспомнить территорию общеславянского государства вандалов, приведенную на карте в гл. «Сплочение славян — государство вандалов», то сказанная Святославом фраза вполне соответствует территории этого государства VII века до н.э. И еще, если вспомнить расположение города Экс — столицы придунайских владений славян при царе Афее (см. гл. «Загадка города Экс»),

то Переяславец и находился, предположительно, в том же месте, что и город Экс. Так, не имеющая смысла, для территориальных границ того времени, фраза, сказанная Святославом, приобретала глубинный смысл при хорошем знании истории своей страны и границ славянской территории за полторы тысячи лет до этого. Причем эта фраза была понятна и Ольге и всем боярам, что может говорить и о древних письменных традициях славян и в какой-то мере о постановке всеобщего образования. Г.С. Гриневиц писал, что «умение писать и читать было доступно представителям самых различных социальных слоев общества. Среди авторов надписей княжеский сановник и священнослужитель, торговый человек и охотник, гончар и деревенская пряха» (71, с. 73). И далее отмечает, что «такое состояние грамотности славян в IV–IX веках, по всей видимости, было бы невозможным без хорошо поставленного книжного дела» (с. 73).

Святослав наверняка знал, что на Дунае живут не просто славяне, а славянороссы. Подтверждение этой мысли находим у П.Н. Третьякова, который писал, что в ряду данных, говорящих о восточно-славянском происхождении дунайцев, в особом свете предстают и походы Святослава (242, с. 200). В «Истории» Льва Диакона приводится несколько характерных фраз Святослава. Святослав ответил византийским послам, что если они не захотят дать денежный выкуп за захваченные в ходе войны города и пленных, то «я требую пусть тотчас же покинут Европу на которую они не имеют права и убираются в Азию...» (139, с. 56). Эту фразу Святослава можно расценивать как память о когда-то огромном славянском государстве и о его влиянии в Европе. Об этом же писал Ксенофонт: «...в Европе скифы господствуют» (129).

В другом месте, перед решающим сражением, в критической ситуации Святослав, обращаясь к своим воинам говорит, что если они сейчас отступят, то погибнет «слава, которая шествовала вслед за войском росов, легко побеждавшим соседние народы и без кровопролития порабощавшим целые страны». И далее: «Итак проникнемся мужеством [которое завещали] нам предки, вспомним о том, что мощь росов до сих пор была несокрушимой...» (139, с. 79). Так и чувствуется, что Святослав имел в виду огромное славянское государство, которое античные и западноевропейские авторы в разные времена называли как государство вандалов, скифов, сарматов. Видится параллель между словами Святослава и Фукидида, который в свое время писал, что со Скифским царством не могут сравниться не только европейские царства, но и в Азии нет народа, который мог бы один на один противостоять скифам (262).

Часть V. Подводя итоги

Рукопись Артынова — исторический источник

Значительная часть этой книги посвящена анализу сообщений и фактов, изложенных в рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа...», сопоставлению их с данными исторических источников, материалами и исследованиями по истории, археологии, антропологии, лингвистике, топонимике, этнографии и других наук и доказательству подлинности рукописных сведений. Поэтому большая часть этих доказательств и выводов приведена в самой книге. В этой же главе, в «Таблице соответствия», рассмотрены только наиболее характерные из проанализированных сведений, позволяющие сделать результирующий вывод о рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа...» как о достоверном историческом материале и считать ее полноценным историческим источником.

Следует сказать, что в «Таблице соответствия», приводимой ниже, не показаны многие факты, имеющие косвенное подтверждение и поэтому не столь наглядные для таблицы, но не менее убедительно свидетельствующие о достоверности изложенного в рукописи материала. Дополнительным аргументом (к таблице) является отсутствие аналогов по многим сообщениям в рукописи, придумать которые, при их научной обоснованности, Артынов не мог по своему образованию или из-за уровня науки того времени. Приведу несколько таких «косвенных» доказательных примеров.

А.Я. Артынов, рассказывая о последней волне переселения всех славян (скифов, россов и сарматов) на Восточно-Европейскую равнину пишет, что передвижение происходило через Кавказ, с длительным проживанием там между двух морей. Однако известно, что во времена А.Я. Артынова бытовало совсем другое мнение о Кавказе, а именно как о труднодоступном «захолустье», находившемся вдали от культурных центров. Такого мнения придерживались В.Ф. Миллер, И.И. Толстой, Н.П. Кондаков, Г. Вильке и др. (149, с. 254). Очевидно, что трудно предполагать от простого крестьянина А.Я. Артынова научных предвидений, опережающих свой век, которые подтвердятся лишь в следующем, XX веке достижениями археологии и других наук. Этот факт переселения через Кавказ славянских племен и проживания их там

длительное время А.Я. Артынов мог переписать только из другого, более древнего источника.

Общеизвестна история о Столпосвете, который, как, например, пишет Н.М. Карамзин (110, Примечание 70), «принимал на себя образ крокодила, скрывался в реке, топил и пожирал людей...». А.Я. Артынов рассказывает этот сюжет на совсем иной, реальной, основе. А именно что Столпосвет построил специальное судно с круглой, крытой палубой и длинным остроконечным носом и разрисовал его под крокодила. Естественно, что внезапное появление из камышей или травы такого судна перед купеческим кораблем давало время для абордажного сцепления из-за испуга от необычности судна и неожиданности. Такой рассказ о Столпосвете совершенно не воспринимается выдумкой и сказкой. И такое реалистичное изложение дано только в рукописи Артынова.

В «Таблице соответствия» рассматривается сюжет с ростовскими князьями Триславом Саром и Запрудом Аммием по рукописи Артынова. Этот сюжет сопоставляется с аналогичным сюжетом у Иордана, а также доказывается соответствие короля <Елоуса> у Артынова королю Германариху у Иордана. К этому добавим, что первые части имен (Трислав и Запруд), а также имя <Елоус> нигде больше, как в рукописи Артынова, не встречаются, что говорит об оригинальности источника, которым пользовался Артынов. При этом изложение сюжета выполнено в соответствии с фактами и хронологией данных Иордана, подтверждая тем самым правдивость изложения по не сохранившемуся отечественному источнику.

Рассказ о приезде в Ростов князей Кия и Щека, в рукописи, с подробностями, которые нигде больше не встречаются, а именно что ростовский князь Громосил был зятем Кия (а значит, возможно, и сестра киевских князей Лебедь была женой Громосила?), а женой Щека стала ростовская княжна Векса. Разве это не свидетельство оригинальности источника, использованного А.Я. Артыновым? Можно привести и другие примеры. А.Я. Артынов, фактически описывая движение славянских племен на свободные пространства, дает изложение миграционной теории (сравнение времени этапов расселения с материалами археологии дано в «Таблице соответствия»), тогда как обоснование этой теории появилось значительно позднее — в двадцатом веке, благодаря В.А. Городцову, на базе материалов проведенных раскопок в Изюмском уезде Харьковской губернии. Или, например, приведенное изменение имен в «Родословной царей...» (см. Приложение) в рукописи А.Я. Артынова точно соответствует коренному перелому в общесла-

вянском языке, теоретически обоснованному только в середине двадцатого века (в «Таблице соответствия» дана хронологическая оценка этому факту). Этих и других аналогичных положений, которых немало в рукописи А.Я. Артынова и которые предвосхищают время, ожидать от простого крестьянина девятнадцатого века было бы немислимо — придумать их он просто не мог.

Завершу подобные примеры ссылкой на цитату из не сохранившейся рукописи Е.В. Трехлетова (см. гл. «Ростовские события и походы»), приведенную в рукописи А.Я. Артынова. Древний и поэтический язык этой цитаты, очень схожий с языком «Слова о полку Игореве» производит сильное впечатление, говорит о ее подлинности и, следовательно, подтверждает подлинность сведений и самой рукописи А.Я. Артынова, показывая, каким языком были изложены древние рукописи, которые переписывал А.Я. Артынов.

Приведенные примеры уже сами по себе свидетельствуют об отсутствии «придумывания и фантазий» в рукописи Артынова и, следовательно, о правдивости его изложения. Рассмотрим, однако, более конкретно доказательную сторону проведенного в книге анализа, посредством сопоставления отдельных сведений из рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа...» с источниками и материалами, подтверждающими или отрицающими приведенные сведения. Результаты этого анализа даны в «Таблице соответствия».

Таблица соответствия

№ п/п	Сведения из рукописи Артынова «Родословная славяно-русского народа...» (В скобках даны хронологические рамки сведений по рукописи)*	Источники или материалы, подтверждающие (да) или отрицающие (нет) достоверность сведений из рукописи Артынова	Результат анализа
1	2	3	4
1.	Славяне прозвались от славных дел своих	Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 2, 6)	Да
2.	Славяне от рассеяния по многим странам стали называться «рассеянами», а затем россами	Прокопий Кесарийский (195, с. 297) — славяне и анты назывались спорами («рассеянными») Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 5–6)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
3.	Наименования: россы, аланы, роксоланы относятся к одному славянскому, а именно к росскому народу	Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 7)	Да
4.	Первым царем Египта стал Менес (3008–2908 гг. до н.э.)	Из сочинений жреца Манефона — первым царем всего Египта стал царь Мина	Да
5.	Начало движения племени Мосоха из Вавилона в северные страны (3135 г. до н.э.)	Мазуринский летописец (146, л. 2). Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 8–9)	Да
6.	Завершение заселения племенами Мосоха основных мест проживания на Восточно-Европейской равнине (2808–2708 гг. до н.э.)	Мазуринский летописец (146; л. 2) (Фактически дословное повторение сообщения без привязки по времени). Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 8–9). (Фактически дословное повторение сообщения без привязки по времени). Материалы по археологии, антропологии и топонимике (см. комментарии к событиям периода 3100–3200 гг. в ч. II данной книги)	Да
7.	Расселение славян в страны северные, восточные, южные и западные: началось в период (2808–2708 гг. до н.э.) и стало всеобщим — в период (2608–2508 гг. до н.э.)	Исследования лингвистов и историков, подтверждающих расселение племен примерно в это же время. См. например (4, с. 36); (63, с. 13–49); (253, с. 97–98) и др. Ниже указаны славянские цивилизации — как факт произошедшего расселения славян: а) славяне на Восточно-Европейской равнине (см. п. 6 настоящей таблицы); б) древнейшее население Греции — пеласги — славяне (71, с. 90–162); (материалы в гл. «Славяне в Греции и Италии» в ч. II данной книги); в) протоиндийская цивилизация — славяне (71, с. 216–242); (материалы в гл. «Загадка протоиндийской цивилизации» ч. II данной книги)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
8.	Идолопоклонство началось с вавилонского царя Нина (2608—2508 гг. до н.э.)	Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 2, с. 19—20)	Да
9.	Стали приниматься царские титулы (2508—2408 гг. до н.э.)	Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 2, с. 23—24 — со ссылкой на Георгия Кедрина)	Да
10.	Сообщение о бактрианском обычае с погребательными псами (2508—2408 гг. до н.э.)	Страбон (138. SC. I, 1, с. 153) — подтверждается факт без привязки по времени Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 2, с. 23—24)	Да
11.	Начало огнепоклонства на берегах Черного моря (2408—2308 гг. до н.э.)	Появление следов огня в археологических памятниках, начиная с третьей четверти III тыс. до н.э. См. напр. (21); (283, с. 335)	Да
12.	Рождение вавилонской царицы Семирамиды (2308—2208 гг. до н.э.)	По известным историческим сведениям, хронология не соответствует	Нет
		Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 2, с. 33—36)	Да
13.	Основание (2308—2208 гг. до н.э.) и существование Амазонского царства	Геродот (IV, 110—117); Диодор Сицилийский (83, с. 460), Помпоний Мела (153, с. 117), Павел Оросий (175, с. 397). Квинт Курций Руф (203, с. 128). Помпей Трог (244, с. 57—58). Флавий Вописк Сиракузский (256, с. 305) (У вышеприведенных авторов подтверждается факт без привязки по времени) Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 2, с. 37—39)	Да
14.	Время царствования Набопаласара и Навуходоносора (1808—1708 гг. до н.э.)	По известным историческим сведениям хронология не соответствует	Нет
15.	Уход славянских племен из Палестины (1708—1608 гг. до н.э.)	Установленная по данным археологии, антропологии и лингвистики волна переселения (окончание распада так называемого индоевропейского единства)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
16.	В Иверии, Колхиде и Пафлагонии жили славяне (1708–1608 гг. до н.э.)	Подтверждение факта без хронологической привязки: В.Н. Татищев (232, с. 93) со ссылкой на Диодора Сицилийского; Страбон — энеы [славяне] были самым значительным пафлагонским племенем (231, кн. XII, гл. III, 8)	Да
17.	Перейдя через Кавказские горы, славяне (скифы, россы и сарматы) долгое время жили между Каспийским и Черным морями	Диодор Сицилийский (83) — о скифах	Да
18.	Миграционный характер расселения на Восточно-Европейской равнине славянских племен — на свободные пространства. Указано по крайней мере два этапа: первый — рубеж IV–III тыс. до н.э. — начало III тыс. до н.э. и второй — вторая половина II тыс. до н.э.	Миграционная теория не была широко известна во времена А.Я. Артынова. В.А. Городцов только в 1901 г. открыл ямную, катакомбную и срубную культуры и их миграционный характер. Две из них: ямная и срубная соответствуют двум этапам расселения славян по данным рукописи А.Я. Артынова (64)	Да
19.	Скифы жили на Восточно-Европейской равнине задолго до VII в. до н.э.	Геродот (II, 110) — рассказ о войне Сесостриса III со скифами. Геродот (IV, 7) — рассказ о Таргитае. Материалы по археологии, антропологии и топонимике (см. комментарии к событиям периода 3100–3200 гг. и 4300–4400 гг. в ч. II данной книги).	Да
20.	Интенсивное заселение славянами Восточно-Европейской равнины (908–708 гг. до н.э.)	ПВЛ (185, с. 144) Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 6) (В обоих источниках предполагается аналогичное заселение на основе сопоставления последовательности событий)	Да
21.	Первое упоминание о вандалах [венедах] (708–608 гг. до н.э.)	Гесиод — VII в. до н.э. Древнегреческие источники — (750–520 гг. до н.э.) (277)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
22.	Вандалы [венеды] — это славяне	Иордан (107, с. 71) Гельмольд (53, 1, 2) Алкуин (164) Данные многочисленных современных исследований по истории, археологии и топонимике	Да
23.	Образование государства вандалов [венедов], объединившее всех славян (708–608 гг. до н.э.)	Подтверждение факта без строгой хронологической привязки: Гельмольд (53, 1, 2) Материалы современных исследований: а) данные топонимики о единообразии населения рассматриваемой территории (см., напр., 218, с. 17; 219, с. 31–32; 226, с. 259–275; 227, с. 26–32; 213, с. 19–30); б) «внезапное» появление и единообразии звериного стиля на рассматриваемой территории за этот же временной период (см., напр., 158, с. 100); в) близость антропологического типа населения на этой же территории (см., напр., 31, с. 14; 77, с. 10–11)	Да
24.	Славяне построили множество городов, в каждом из которых был свой царь (708–608 гг. до н.э.)	По древнескандинавским источникам Русь называлась: Gardariki — страна городов-царств.(см., напр., 155, с. 45). (Подтверждение факта без хронологической привязки). По материалам фольклора — тридевятое царство, тридесятое государство	Да
25.	Скифы и сарматы — это славяне	Ниже приводятся исторические источники и данные материальной культуры с разными формулировками, свидетельствующие о славянстве скифов и сарматов или, что, сарматы — это венеды, а значит, также славяне <u>Исторические источники</u> ПВЛ (185, с. 146, 152)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
		<p>Ипатьевская летопись (108, с. 9) Никоновская летопись (174, с. 5) Тверской сборник (234, с. 37) Мазуринский летописец (146, л. 2об) Иоакимовская летопись (232, с. 108) Лев Диакон (139, с. 71 и др. стр.) Певтингеровы таблицы (276, с. 29; 275, с. 436) Прокопий Кесарийский (194, с. 11) <u>Данные материальной культуры</u> А.П. Богданов (31, с. 14, 15) Д.Я. Самоквасов (В указ. соч. А.П. Богданова, с. 1) В.А. Городцов (66, с. 7–35) Г.Ф. Дебец (77, с. 10, 11, 260, 261) В.В. Седов (212, с. 8) П.Н. Третьяков (242, с. 62, 64, 83) Б.А. Рыбаков (205, с. 56–58) С.П. Толстов (239, с. 46–49) С. Забелло и др. (90, с. 26)</p>	
26.	Славяне состояли из основных союзов племен: скифов, россов и сарматов	<p>А. Марцеллин (151, с. 331) — вместо россов пишет об аланах, что, как выяснилось ранее (см. п. 3 настоящей таблицы), то же самое. Страбон (231, кн. II, гл. V, 7). Марцеллин и Страбон, естественно, не говорят о славянах, а перечисляют племена, занимающие ту же самую территорию, что и аналогичные славянские племена по данным рукописи А.Я. Артынова</p>	Да
27.	Скифы и сарматы — родственные племена с единым языком	<p>Геродот (IV, 117) Страбон (кн. XI, гл. II, 1) И. Флавий (255, с. 483) Курций Руф (203, с. 131) и др. авт.</p>	Да
28.	Построение Новгорода ранее рубежа н.э.	<p>Миниатюра Радзивилловской летописи № 1 ПВЛ (185, с. 144) — во введении, как и в миниатюрах Радзивилловской летописи, строительство Нов-</p>	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
		города поставлено ранее прихода к славянам св. Андрея Первозванного. Мазуринский летописец (146, л. 2об). Иоакимовская летопись (232, с. 108)	
29.	Первоначальное название Волхова — река Мутная	Мазуринский летописец (146, л. 2об)	Да
30.	С приходом князя Владимира, сына Вандала, небольшой город на озере Неро, начиная с периода (508—408 гг. до н.э.), превращается в столицу Ростовской земли — Ростов Великий	Находка золотой монеты Филиппа Македонского в Ростове подтверждает возможность существования Ростова уже в это время (о находке — 65, с. 384)	Да
31.	Можно предположить, что с воцарением Владимира, сына Вандала, на общеславянский престол столица переместилась из Новгорода в Ростов (508—408 гг. до н.э.) [Данный вывод можно сделать на основании анализа рукописи А.Я. Артынова (см. гл. «Царство Ростовская земля»)]	Расположение на карте Птолемея (см., напр., 251) территории Царских сарматов примерно в районе Ростова может служить подтверждением рассматриваемого положения (без строгой хронологической привязки)	Да
32.	Афей царил на берегах Верхнего и Нижнего Дуная, а также завоевал много земель по берегам Дона и Днепра (408—308 гг. до н.э.)	Афей объединил под единоличной властью все племена Скифии [от Дуная до Дона] (Страбон, VII, 3, 18)	Да
33.	Свидетельства о дружеском взаимодействии Афeya с Филиппом и Александром Македонским [По существующим данным, было только военное противостояние]	Иордан (107, с. 78) — пишет о дружбе Филиппа Македонского с готами, но ставит знак равенства между готами и скифами Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 2—3) — вместо имени Афeya дано собирательное — славяне	Да
34.	Отмечается интенсивное переселение славянских	Современная концепция (которую Артынов знать не мог) подтвержда-	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	родов из Скифии в Ростовскую землю (308—208 гг. до н.э.) [Наименования Скифии нет, но указана территория, входившая в это время в Скифию]	ет, что происходило именно переселение племен из Скифии, из-за ухудшения климатических условий, а не уничтожение их сарматами, как писал Диодор Сицилийский и как считалось во времена Артынова (см. концепцию в 187, с. 24—34) Археологические материалы подтверждают отсутствие враждебных отношений в пограничных районах Скифии и Сарматии	
35.	Поход Мадия в Палестину и разграбление на обратном пути, в Аскалоне, храма Венеры (308—208 гг. до н.э.)	Геродот (I, 105) — хронологическое несоответствие	Нет
36.	Из сведений за период (208—108 гг. до н.э.) следует, что князь Локтис правил как в Ростове, так и в Дунайской Скифии	Данные исторических источников, лингвистики, топонимики и этнографии свидетельствуют, что в Ростове и Дунайской Скифии проживало одно и то же славянское племя россов (см. обоснование в гл. «Три территории россов»)	Да
37.	Ростовский князь был предводителем северного народа, с которым император Август запретил вести боевые действия (108—8 гг. до н.э.)	Св. Димитрий Ростовский (81, Летопись, ч. 3, с. 3) — с дословным повторением произнесенной Августом фразы	Да
38.	В защиту одноплеменников, славяно-россов на Дунае, в период 92—192 гг. н.э. был предпринят поход объединенной славянской рати против римлян при Марке Аврелии	Данное сообщение вписывается в Маркоманскую войну (166—180 гг.) при Марке Аврелии	Да
39.	Отмечаются частые войны ростовцев с угро-финскими племенами меря, муромой, весью, мордвой, черемисой, чудью	По данным археологии, население городищ Волго-Окского междуречья уже в период VII—VI вв. до н.э. затрачивало огромные усилия на постройку укреплений, не останавливаясь даже перед изменением рельефа местности (220, с. 17)	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
40.	Захват Ростова мерянами (192—292 гг.) и затем, уже в период времени (292—392 гг.), возможное вхождение мерян вместе с мордвой и весью в состав славяно-русской республики	Материалы антропологии, фольклора, данные гидронимики, сведения в письменных источниках свидетельствуют о длительном совместном проживании славянского и угро-финского населения (222, с. 42—43). (Без строгой хронологической привязки)	Да
41.	Опустошительный набег короля <Елоуса> с захватом Ростовской земли (292—392 гг.)	По данным Иордана, Германарих покорил много северных племен, в том числе и племя «меренс», которое, очевидно, нужно сопоставлять с Ростовской землей, ранее захваченной мерянами. Повторение сюжета у Иордана и в рукописи Артынова позволяет отождествлять Германариха с <Елоусом> (см. 107, с. 89, 91—92; а также гл. «Ростовские события и походы»)	Да
42.	Ростовские князья Трислав Сар и Запруд Амий, за смерть своей сестры, закололи кинжалами короля <Елоуса>	Совпадение сюжета и второй части имен, а значит, и исторических личностей со сведениями, приведенными у Иордана. То есть можно отождествить Сара и Аммия у Иордана с ростовскими князьями Триславом Саром и Запрудом Аммием (107, с. 91—92) Данный сюжет позволяет отождествить росомонов Иордана с россами Ростовской земли	Да Да
43.	Князь Запруд с другими князьями, собравшись в многочисленные дружины, ходили Днепром и Черным морем воевать в богатую Грецию (292—392 гг.)	Данное сообщение хронологически подтверждается в Степенной книге (гл. 8, с. 83), где говорится, что еще царь Феодосий Великий (379—395 гг.) «имьяше брань» с русскими воинами	Да
44.	Аларик — победитель Рима, указан в «Родословной царей...» (см. Приложение) как ростовский князь, то есть славянин. [Значит, факти-	Аларих I — король вестготов, в 410 году захвативший Рим. Свидетельства многочисленных исторических источников показывают, что между готами и скифами [а значит, и сла-	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	<p>чески сказано, что готы — это славяне]</p>	<p>вянами] можно поставить знак равенства Юлий Капитолин (109, с. 298) Дексипп (80, с. 651) Прокопий Кесарийский (195, с. 385—386) Иордан (107, с. 78, 115, 116) Аналогично ставят знак равенства между готами и скифами и другие авторы: Евсевий Кесарийский, Еванпий, Зосима Учитывая, что, по сообщениям древних авторов (см. напр. 230, с. 258), готы жили прежде в области Меотиды, то доказанная археологическая преемственность культурной жизни в Причерноморье, с измененным скифским населением, также ставит знак равенства между скифами [славянами] и готами. Аналогично и для территории поморских славян, где по карте К. Тацита изображены готы (готы), археологически подтверждено постоянство населения от лужицкой культуры до современных славян, что также подтверждает славянство готов</p>	
45.	<p>В соответствии с «Родословной царей...» (см. Приложение) в конце I тыс. до н.э. происходит коренной перелом в именах, с появлением славянских имен поздней формы (напр., Цветодух, Горыня, Светозар, Доброслав и т.п.)</p>	<p>При среднем этапе (по классификации Ф.П. Филина) общеславянского языка — с конца I тыс. до н.э. до III—V вв. н.э. происходят серьезные преобразования славянской языковой системы (253, с. 101)</p>	Да
46.	<p>Предводителем славянских дружин в походе в Африку был ростовский князь Простен, имевший прозвище Гандезерик.</p>	<p>Гейзерих в походе в Африку предводительствовал вандалами и аланами (имел титул короля вандалов и аланов). Вандалы и аланы, как было показано выше (см. п.п. 3; 22</p>	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	Славяне в этом походе взяли много городов (392–492 гг.)	данной таблицы), — славяне. Иордан писал об обычае сарматов [славян] брать себе германские имена (см. 107, с. 77) Совпадение событий хронологически (429–439 гг. — завоевание Северной Африки) и по сюжетной линии, а также очевидное совпадение второй части имени (германского прозвища) позволяет отождествить ростовского князя Простена (Гандезерика) с королем вандалов и аланов Гейзерихом	
47.	Славяне [вандалы и аланы] предприняли этот поход в Африку по <u>стопам своих предков</u> . [То есть были предыдущие (до Простена-Гейзериха) походы славян, аланов и вандалов в этом направлении]	Западноевропейские источники подтверждают распространение аланов на крайний запад Европы и продвижение их с вандалами в Испанию в 409 г., т.е. до похода Гейзериха (см., напр., комм. Е.Ч. Скржинской к 107, с. 277)	Да
48.	Родословная царей, старейшин и князей в рукописи Артынова не прерывается до Рюрика	Родовые знаки (см. рис. 1.2 в гл. I «Ираноязычны ли были скифы?») подтверждают существование единого славянского государства на Восточно-Европейской равнине и в Азии с единой правящей династией. А аналогичность знаков дает основание утверждать, что предки Рюрика или близкие родовые ветви были правящей династией этого государства. Поэтому знаки Рюриковичей встречаются задолго до Рюрика (см. пояснение в тексте к указанному рис. 1.2)	Да
49.	Приезд в Ростов князя Кия с братом Щеком (392–492 гг.). [Анализ последовательности событий описанных в рукописи Артынова показывает, что время основания Киева	Подтверждение этих двух исторических личностей (Кия и Щека) в ПВЛ (185, с. 145) Практически совпадает время основания Киева, определенное по рукописи Артынова со временем указанным у св. Димитрия Ростов-	Да

Продолжение таблицы

1	2	3	4
	относится примерно к концу первой трети V в.]	ского — 430 год (81, Летопись, ч. 3, с. 13)	
50.	Славяне Новгородской и Ростовской земель и поморские славяне принадлежали к одному русскому племени. Поморские славяне по терминологии в рукописи Артынова были мирными варягами, в отличие от варягов немирных — скандинавов	Данные археологии, антропологии, топонимики, близость религиозных воззрений, преданий и обычаев говорят о генетическом родстве новгородско-ростовских и поморских славян (см. обоснование в гл. «Три территории россов») ПВЛ (185, с. 13): «И идоша за море къ варягомъ, к руси... Ръша русь, чудь, словѣни, и кривичи и вси...» Из данной цитаты следует, что поморские славяне назывались русью, как и славяне лесной полосы. Географ Равенский (110, с. 30) — поморских славян называет роксоланами [что то же самое, что и россы и русь] Св. Димитрий Ростовский писал, что варяги, из племени которых Рюрик, Синеус и Трувор, говорили на славянском языке (81, Летопись, ч. 3, с. 15)	Да
51.	Спустя два столетия после того, как король <Елоус> [Германарих] опустошил ростовскую землю, его королевство было уничтожено военными действиями под предводительством греческого полководца Нарцисса и славяно-русского князя Вихреслава (492–592 гг.)	Королевство остроготов в середине VI в. было завоевано Византией	Да
52.	Захват Ростова варягами [немирными, т.е. скандинавами] (позже 792 г.) [В другой рукописи Артынова «Летопись бытия временных лет Ростова Великого» указана дата захвата — 854 год]	В ПВЛ за 859 г. говорится, что «варяги из заморья взимали дань с чуди, и со словен, и с мери, и с кривичей» Летописное уточнение местожительства этих варягов — «из заморья» подчеркивает, что были варяги из Поморья, то есть поморские славяне (мирные варяги)	Да

Окончание таблицы

1	2	3	4
53.	На всеобщем Совете новгородских и ростовских славян было принято решение об образовании единого государства [русского] [Образование русского государства произошло от объединения северных русских территорий]	Наименование «Русская земля» появилось в летописи за 10 лет до призвания варягов (Сообщение в ПВЛ за 852 год), что говорит о наличии россос в лесной полосе. О призвании на «княжение Русское» трех братьев Рюрика, Синеуса и Трувора, говоривших на славянском языке, сказано в Летописи св. Димитрия Ростовского (81, ч. 3, с. 15)	Да

Примечание.

* Сравнение по хронологии проводится при ее наличии в контрольных материалах (столб. 3). Если хронология в контрольных материалах отсутствует, то сравнение и оценка выполняются только по факту соответствия самих сведений.

Как видно из «Таблицы соответствия», подавляющее количество приведенных исторических источников, а также материалов по археологии, антропологии, лингвистике, топонимике и этнографии подтверждают сведения, изложенные в рукописи А.Я. Артынова [16]. «Таблицу соответствия» можно рассматривать и как экспертную оценку (55 ответов) достоверности этих сведений. Пятьдесят два ответа из пятидесяти пяти дают очень высокий показатель согласованности экспертных мнений: $\rho = n_c/n_o = 52/55 \approx 0,945$ (n_c — количество согласованных, в данном случае положительных, ответов; n_o — общее количество ответов), фактически приближающийся к абсолютному ($\rho = 1$), то есть полному и однозначному подтверждению сообщений в рукописи Артынова. Данный результат является достаточным основанием для признания рукописи А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских» достоверным историческим источником.

Основные положения и выводы

1. Проведенные исследования позволяют рассматривать рукопись А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских» как достоверный исторический источник.

2. Разработана концепция истории славян с древнейших времен (с IV тыс. до н.э.) до Рюрика, с укрупненной (по столетиям) хронологией.

3. Установлено время распада единства родов (так называемого индоевропейского единства) и этапы расселения или миграционные волны славянских племен.

Первая раздвижка племен, но еще в рамках так называемого индоевропейского массива произошла в период от 3000 до 2900 гг. до н.э. Опорными точками новой ограниченной территории вокруг Средиземного моря явились: Двуречье, Палестина, Финикия, Египет (Каир), побережье Черного моря. Однако начало первого этапа расселения славян к северу (в «полуношные страны») следует отнести к периоду 3200–3100 гг. до н.э. В это же время началось движение славянских племен Мосоха на Восточно-Европейскую равнину (3135 г. до н.э.). Всеобщее расселение племен из так называемого индоевропейского массива началось в 2800–2700 гг. до н.э. Расселение славян в период 2600–2500 гг. до н.э. шло уже очень интенсивно по всем направлениям (в страны «полуножные, восточные, полуденные и западные»). Расселение славян в этот период времени относится к первому этапу расселения. Последний этап расселения и окончательный уход всех славянских племен из так называемого индоевропейского массива начался в период 1700–1600 гг. до н.э. Движение происходило медленно с небольшими короткими передвижками. При этом основная масса славянских племен последней волны переселения перешла через Кавказские горы двумя путями только в период 1208–1108 гг. до н.э.

Причиной всех расселений было в основном ухудшение климатических условий (ксеротермический период), нехватка кормов для «бесчисленных стад» и увеличение численности населения. Можно отметить значительную разницу в климате, например для Двуречья: до расселения — «места красивые и плодородные», на современном этапе — субтропические и тропические пустыни.

4. Установлено время заселения славянами Восточно-Европейской равнины, а также автохтонность славян на этой территории. Обосновано более раннее начало расселения славян на Восточно-Европейской равнине по сравнению с угро-финскими племенами (по крайней мере на 300–400 лет).

5. Установлена древняя государственность славян. Первые упоминания относятся к 2600–2500 гг. до н.э. Корневым словом наименования славян было «слава».

6. Славянские племена первого этапа расселения были первыми «индоевропейцами» на Восточно-Европейской равнине. Археологиче-

ски с ними соотносятся племена майкопской, древнеямной, возможно, среднестоговской, волосовской, афанасьевской и других аналогичных по времени и территории культур.

Устойчивость антропологических типов с III тыс. до н.э. в местах расселения славян, а также многофакторный анализ археологических памятников, данные лингвистики, исторических источников и этнографии позволяют сделать вывод, что, несмотря на разнообразие археологических культур, все эти народы, населявшие Восточно-Европейскую равнину с начала III тыс. до н.э. и до летописного времени, были славянами.

7. «Исчезновение» трипольской культуры следует рассматривать как постепенное перемещение племен на новые плодородные земли. При постоянстве населения трипольская культура «перешла» вначале в культуру среднеднепровскую, а затем — в фатьяновскую, племена которой расселились к родственным славянским племенам волосовской культуры. Население волосовской и фатьяновской культур может быть соотнесено со славянским племенем россов.

8. Установлено самоназвание славянских племен, с III тыс. до н.э. населявших лесную полосу — это россы, и обосновано самоназвание племен, с этого же времени населявших степную полосу, — это скифы. Установлено самоназвание славянских племен, окончательно расселившихся на Восточно-Европейской равнине, — это скифы, россы и сарматы. За период 1408—1308 гг. до н.э. имеются сведения о нахождении этих племен (или союзов племен) в составе единого славянского народа.

9. **О россах.** Выдвинуто и обосновано положение о трех основных территориях проживания россов: северные россы — лесная полоса от Чудского озера до Уральских гор; дунайские россы — область к северу от Дуная до отрогов Карпат, придунайские берега, а также Балканские горы с возможным распространением на юго-западе до Адриатического моря; поморские россы — междуречье Эльбы и Вислы, Вислы и Одры и далее к северу до Немана.

Данные лингвистики (области распространения взрывного «g») подтверждают наличие трех территорий с родственным населением. По исключительно важному свидетельству Прокопия Кесарийского, в древности у славян и антов было одно и то же имя — споры, то есть рассеянные. Из материалов рукописи А.Я. Артынова, подтвержденных в Летописи св. Димитрия Ростовского, известно, что название «россы» произошло от наименования «рассеянные». Итак, точнейшим образом подтверждается положение о происхождении этнонима «рос», от-

носящегося к древнейшим временам — не позднее первого этапа расселения славян — рубеж IV—III тыс. до н.э.

Первые поселения (осады) россов в лесной полосе (северные россы) появились примерно с рубежа IV—III тыс. до н.э. или с начала III тыс. до н.э. Северные россы явились той основой, на которой впоследствии образовалось Русское государство. Первое расселение россов в лесной полосе соотносится археологически с волосовской культурой. Расселение шло на незанятые, свободные территории.

Замена во времени археологических культур: волосовской → фатьяновской... → дьяковско-городецкой → славянской не являлось сменой населения, которое продолжало оставаться славянским (росским). Об этом говорят антропологические, археологические и этнографические данные, а также анализ топонимики. Этот вывод подтверждается сведениями из рукописи Артынова. Некоторые изменения происходили за счет притока нового славянского населения. Вначале, видимо, только из племени россов, а в более поздние времена — скифов, особенно при длительной засухе в Скифии, и сарматов — при гуннском нашествии.

О наличии территории дунайских россов свидетельствуют письменные источники, данные топонимики, лингвистики и других наук. О значительном, по количеству народа, переселении на эту территорию отмечается в рукописи Артынова за период 1108—1008 гг. до н.э. Из последующих сообщений в рукописи говорится также, что славяне, проживавшие на Дунае, были одноплеменниками и сродичами северных россов, а значит, также были россами.

Многочисленные исторические и археологические материалы свидетельствуют об исключительной близости северных и поморских россов. Поморские славяне названы россами и в русских летописях (варяги-русь). Анализ археологических памятников, антропологических материалов (например, новгородские словене и балтийские славяне восходят к единому исходному типу узколиких мезо-суббрахикефалов, к данному типу принадлежат и черепа курганов Ярославского и Костромского Поволжья), данных топонимики, религиозных воззрений, преданий, обычаев говорит о генетическом родстве россов северных и поморских.

По хронологии расселения трех территорий («рассеяния по многим странам») вначале была лесная полоса, затем, как сказано в летописи, славяне сели по Дунаю, и, когда волохи напали на славян дунайских, то эти славяне пришли и сели на Висле. Хотя нужно отметить, что переселение россов на Дунай и Балканы, а также в междуречье Эльбы и

Вислы, Вислы и Одры, видимо, происходило к родственным племенам, поскольку отмечена близость и более ранних археологических культур, например фатьяновской (северные россы) и висло-неманской.

Многочисленные наименования с корнем «рос-русь» также подтверждают близость населения трех обозначенных территорий россов. Этническая общность славян этих территорий следует даже из летописей. Изложенные в книге материалы подтверждают близкое генетическое родство населения трех территорий россов. Для северных и дунайских россов — по крайней мере до римских завоеваний и снова этническое сближение в более поздние времена, после переселения славян на Балканы, опять-таки, видимо, в основном из лесной полосы. А для северных и поморских россов — по меньшей мере до IX века. Эта близость характеризует население трех территорий россов не просто как братьев славян, а как братьев-«близнецов» славян.

Обосновано положение, что к россам следует отнести геродотовских невров и гипербореев, а также, видимо, аримаспов, которых можно соотнести с кривичами. Бесспорно установлено, что росомоны Иордана — это россы. К росским славянским племенам относятся аланы и роксоланы.

После гуннского нашествия, видимо, только росские племена сохранили в полной мере свою территорию и организационные структуры. Поэтому наименование «россы» стало покрывать и другие славянские племена. Таким образом, произошло возвращение к одному из исходных, первоначальных наименований славян — «рассеянные».

На Новгородской и Ростовской землях и в более поздние времена проживали северные россы. Обосновано происхождение наименования Русской земли и Русского государства от наименования россов, проживавших в Новгородской и Ростовской землях. Россы Новгородской земли именовались также словенами. Установлен факт, что у славян лесной полосы (северных россов) в IX в. было четкое подразделение варягов на мирных — к которым относились поморские славяне, и немирных — скандинавов. При таком уточнении (о мирных варягах) приглашение возглавить Русское государство Рюрику для современников означало приглашение брата славянина, даже брата-«близнеца» — росса. И этот факт не просто наносит удар по так называемой норманнской теории, а превращает ее в ничто.

Установлено, что к варягам — россам (поморским славянам) пришла делегация по преимуществу и главенству россов Новгородской и Ростовской земель с другими северными племенами с приглашением Рюрику возглавить вновь созданное славянское объединение — Рус-

ское государство. Приглашение Рюрика было исключительным по силе дипломатическим ходом, что видно из следующих фактов: при объединении двух огромных по размерам славяно-росских территорий — Новгородской и Ростовской земель, — поставить во главе одного из правящих князей Новгорода или Ростова не представлялось возможным; при этом стало известно, что Рюрик, князь поморских славян и варяг-росс, взял штурмом столицу франков — Лютецию (Париж); из материалов рукописи Артынова, в приведенной «Родословной царей...», следовало, что Рюрик относился к старшей ветви славянской правящей династии, в то время как в Новгороде и Ростове правили представители младшей ветви (общеславянские цари, после переселения наследника по старшей ветви Мудролета в Рим в 308—208 гг. до н.э. были из младшей, ростовской ветви). Поэтому, проявляя огромную государственную мудрость, оба правящих в Новгородской и Ростовской землях князя добровольно отказались от своих прав на верховную власть в своих землях и пригласили такого же росса, как и они, самого авторитетного на то время славянского монарха, для того чтобы объединить этнически однородное население. Естественно, что при таком решении споры стихли сами собой, земля общая стала еще более велика и обильна с образовавшимся общим «нарядом» (законом) на всей территории. Таким образом, установлено, что Русское государство было создано объединением Новгородской и Ростовской земель, то есть с севера, и лишь при Олеге столица переместилась в Киев.

10. О скифах. Обоснована и доказана на многочисленных материалах и исторических источниках «неираноязычность», а именно славянство скифов. Доказано, что наименования Скифия, а затем Сарматия покрывали славянские племена, близкие этнически, имевшие единый славянский язык и грамоту. Установлена генетическая связь населения древнеямной и срубной культур, а затем срубной и скифов. При доказанности славянства скифов и устойчивости антропологического типа от древнеямной культурно-исторической общности до скифов, обосновано славянство населения срубной и затем древнеямной культурно-исторических общностей. Самоназванием древнеямных и срубных племен было — скифы. Некоторые различия в материальной культуре древнеямных и срубных племен объясняется принадлежностью их к разным этапам (волнам) расселения славянских племен, но при одинаковом генетическом «скифском» родстве. Видимо, расселение шло не просто к славянам первой волны расселения, а к единоплеменным, то есть к скифам же, чем и объясняется мирный характер расселений на новые места.

Анализ материальной культуры скифов, начиная с древнейшей культурно-исторической общности, позволяет предположить исключительно высокий уровень развития скифов, а предметы искусства, с изображением скифских сюжетов и считавшиеся греческими изделиями, — отнести к скифской материальной культуре.

Установлено, что южной столицей огромного общеславянского государства стал город Экс на Дунае, построенный в 408—308 гг. до н.э. общеславянским царем Саром, отцом исторически известного Афея. Обосновано местонахождение города Экс. «Исчезновение» скифской культуры объясняется изменением климатических условий, а именно долголетней засухой с общим изменением климата, в результате чего территория Скифии постепенно обезлюдела. Основная масса населения (скифы) переселилась в лесные районы к родственным славянским племенам — россам. Сарматы же заняли свободные скифские кочевья много позднее. Поэтому следует отказаться от кровожадной теории поголовного уничтожения скифов сарматами. Тем более что и те и другие были славянскими племенами, входившими в единое государство. Учитывая данные антропологии, достаточно уверенно можно предположить исключительную близость скифов с россам.

11. Подтверждено длительное (не менее 2 тысяч лет) существование Амазонского царства, причем установлено, что амазонки были славянского рода-племени. Традиции их перешли к савроматам, археологические памятники которых убедительно подтверждают исключительную роль женщин в их обществе. От савроматов, которые были славянским племенем, традиции женщин-воительниц перешли к русским женщинам.

12. Протоиндийская цивилизация (Мохенджо-Даро) являлась славянской. Как показала расшифровка текстов Г.С. Гриневичем, славяне протоиндийской цивилизации относились к племени россов (действительно «рассеянные» по всему миру). Внезапное образование этой цивилизации соответствует времени сообщения в рукописи Артынова о расселении славянских племен, в том числе и в сторону Индии. Затухание и исчезновение этой цивилизации — синхронно с возникновением на территории нашей страны катакомбной культуры, племена которой, как свидетельствуют археологические материалы, пришли с Северного Кавказа. Выдвинутое положение о единстве населения протоиндийской цивилизации и племен катакомбной культуры позволяет объяснить многие накопленные факты археологических и лингвистических исследований. Это и археологические памятники, говорящие о родстве, это и индоарийский языковой пласт в Северном Причерно-

морье и, наконец, свидетельства многих исследователей о появлении извне племен катакомбной культуры.

Видимо, какие-то природные катаклизмы заставили славянское население протоиндийской цивилизации, на рубеже III–II тыс. до н.э. или в начале II тыс. до н.э., сняться с насиженных мест и, используя связи со славянами северокавказской культурно-исторической общности, через проторенные кавказские дороги устремиться на новые места, где возникла новая археологическая культура — катакомбная. Расселение было мирным — родовые связи были сильными, да и места хватало. Родство с древнеянскими племенами объясняется общностью прародин и славянскими корнями, а отличие тем, что с момента разделения прошло много сотен лет долгого и автономного развития.

13. Заселение Восточно-Европейской равнины и степей Западно-Сибирской равнины и образование единого славянского народа на этой территории произошло от следующих основных, глобальных переселений славян на свободные пространства: славянских племен Мосоха из Месопотамии; «протоиндийцев»-славян; славян-трипольцев с образованием среднеднепровской, а затем фатьяновской культур; славянских племен последней волны переселения — из Палестины; а также отдельных славянских родов, переселявшихся в разное время (например, переселение князя Киддака со своим родом на Уральские горы — 2408–2308 гг. до н.э.).

14. Анализ археологических материалов дает основание предполагать в сейминско-турбинских племенах специализированные военные отряды, возможно, по сбору налогов или дани. Территория их действия и маршруты продвижения могут говорить о наличии единого славянского государства.

15. Самоназванием племен андроновской культуры было — сарматы. Данный вывод хорошо согласуется с материалами по археологии и антропологии.

16. Обосновано предположение о славянстве древнего населения Греции — пеласгов, а также этрусков в Италии. С учетом существовавших связей по религиозным обычаям россов лесной полосы (северных россов) со славянами Адриатики можно сделать вывод, что этруски также были россами. Этот вывод подтверждают последние расшифровки Г.С. Гриневичем этрусских текстов, где говорится, что самоназванием этрусков было — «росы», которые также называли себя «расена», что совершенно очевидно одно и то же, что и «расеянные». От этого названия, как было сказано ранее, и произошло наименование — россы.

17. С учетом доказанного славянства скифов и на основании данных исторических источников сделан вывод о славянстве главного героя Троянской войны — Ахилла. Обосновано то, что Ахилл и Патрокл были побратимами — по обычаю скифов. Сделано предположение о славянстве троянцев.

18. Выдвинуто и доказано положение об образовании в VII в. до н.э. огромного славянского государства вандалов, в которое вошли все или большинство славянских племен. Таким образом, наименование «вандалы» покрыло собой союзы племен скифов, россов и сарматов, поэтому можно сказать, что это общее название было синонимом наименованию — славяне. По данным многочисленных исторических источников было установлено, что вандалы — это то же, что и вене-ды, а следовательно, подтвержден вывод о славянстве вандалов. Причем первое упоминание о венедах у Гесиода также датируется VII в. до н.э. При доказанном славянстве венедов (по мнению многочисленных древних авторов, и современных исследователей), а также учитывая, что в состав государства вандалов-венедов входили союзы племен скифов, россов и сарматов, обратной экстраполяцией можно подтвердить доказанное ранее славянство скифов, россов и сарматов.

Экстраполируя в более древние времена, можно также подтвердить уже сделанный ранее вывод о славянстве племен срубной, андроновской, фатьяновской, древнеямной, волосовской и других культур, с которыми очевидна генетическая связь скифов, россов и сарматов.

Определена ориентировочная территория государства вандалов — славян, занимавшая огромные пространства: от Эльбы на западе до истоков Урала и Аральского моря на востоке, от Балканских гор и предгорий Кавказа на юге до Ладожского озера и истоков Камы на севере, с общей площадью не менее 5,5 млн кв. км, превышая размерами все государства и империи, когда-либо существовавшие до этого. Причем общая территория расселения славян, видимо, была еще больше, распространяясь до Минусинской котловины.

Установлено, что впоследствии вандалы назывались также и аланами. На основании проведенных исследований очевидно, что должна измениться смысловая оценка наименования «вандалы», принятая по необъективной информации древнеримских авторов. Разрушение мирового рабовладельческого центра было желанием многих поколений славян и других, пограничных с империей народов и положило конец многовековой агрессии и захвату славянского населения.

19. Установлено, что время основания Новгорода относится к VI в. до н.э., то есть почти за полторы тысячи лет до указанной в летопи-

сях даты, которая, видимо, свидетельствует о втором его построении. С момента основания Новгорода, в нем находился общеславянский царь. Вначале в VI в. до н.э. это был Славян, затем его сын Вандал, а при внуке Славяна Владимире столица, видимо, перешла в Ростов.

Миниатюры Радзивилловской летописи, расположенные в строго хронологическом порядке, подтверждают более древнее, чем принято считать, основание Новгорода. Главенство Новгорода (да и Ростова) по отношению к Киеву очевидно: за тысячу лет до основания Киева в Новгороде уже правил общеславянский царь. Главенство Новгорода подтверждают и известные источники.

20. Сделана хронологическая привязка сообщений во Введении Повести временных лет, где данные о поселении славян на Дунае датированы 1108—1008 гг. до н.э.

21. **О Ростове.** Установлено, что Владимир сын Вандала, придя на озеро Неро, увидел городок, который назвал Ростовом. Это произошло в V в. до н.э. Городок, который стал называться Ростовом, находился на месте расположения дружины Росса-Вандала (Россов-стан). Первое упоминание о Россе-Вандале, по рукописи Артынова, относится к XVIII в. до н.э. К этому времени и следует относить документально подтвержденное основание Ростова (Россов-стана), возобновителем которого в V в. до н.э. стал Владимир. Таким образом, есть основания утверждать, что Ростов (Россов-стан) был основан, например, на тысячу лет раньше Рима. Очевидным становится и происхождение наименования города. Россов стан или став при произношении легко перешел в Ростов: Россов став — Ростав — Ростов.

После смерти старших братьев Избора и Столпосвета Владимир, став царем всех славян, видимо, продолжал жить в Ростове, поэтому, возможно, общеславянская столица была перенесена в Ростов, который стал называться Ростовом Великим. При анализе «Родословной царей...» и текста рукописи Артынова был сделан вывод, что Ростов был столицей или одной из столиц всех славян, возможно, длительное время. В качестве предположения можно сказать, что со времени царствования Владимира Вандала (V в. до н.э.) до превращения города Экс на Дунае внуком Владимира Афеем (IV в. до н.э.) в южную столицу Ростов был единственной столицей славян. Затем был столицей совместно с городом Экс, видимо, до ухудшения климатических условий в Скифии и мощного оттока населения в лесную полосу к россам; после этого Ростов был, видимо, одним из столичных городов славян, как и Новгород, до образования отдельных Новгородской и Ростовской земель. Сопоставление карты Европейской Сарматии Птолемея

с материалами по Ростовской земле позволило сделать вывод, что царские сарматы (по Птолемию) находились в расположении Ростова, тем самым подтверждая сделанный ранее вывод о нахождении царя славян в Ростове. Естественно, что наименование «царские скифы», а позднее «царские сарматы» произошло от того, что в этой области находилась основная резиденция общеславянского царя.

Высказано предположение, что древнейшая часть Ростова находится при впадении реки Ишни в Неро с учетом того, что береговая линия в ксеротермическую фазу суббореального периода уходила далеко в озеро. Поэтому не исключено, что самая древняя часть города находится под водой.

Установлено, что в начале I тыс. н.э. напор угро-финских племен на автохтонные славянские племена россов усилился, закончившись захватом (192–292 гг.) Ростова мерянами. С этого времени (с III в.) и появилось это понятие, что Ростов — это мерянская земля, которое было отмечено затем в русских летописях. Однако период владычества мерян, видимо, был не слишком долгов, поскольку за период времени 292–392 гг. в рукописи Артынова уже говорится о блистательных делах славяно-русской республики, что можно понимать как прообраз Русского государства, причем в объединение, видимо, входили россы, словене, кривичи, весь, меря и, возможно, другие племена. О том, что россы впоследствии снова заняли ведущее положение, говорит, например, пятая миниатюра Радзивилловской летописи, где угро-финские племена, среди которых названы и меря, дают дань россам.

22. Установлено и обосновано местоположение города Гелона, который располагался на месте современной Елабуги на реке Каме. Указанное место хорошо согласуется также со сведениями древних авторов.

23. Основная топонимика на территории, занимаемой славянами, была дана во время существования протославянского и раннего этапа, по классификации Ф.П. Филина (примерно до конца I тыс. до н.э.) общеславянского языков. Поэтому многие названия несут в себе элементы индоевропейского языка. В конце I тыс. до н.э., как показывает анализ имен в «Родословной царей...», происходит коренной перелом в именах и, видимо, соответственно в общеславянском языке. Начиная с V в. до н.э. эпизодически и с II в. до н.э. как система начинают появляться славянские имена поздней формы (Цветодух, Горыня, Светозар, Доброслав и т.п.). Причем, что очень важно, переход на новую форму происходит при неизменности родовой линии. Например, отец Локтис дает своим сыновьям уже имена Горыня, Светозар. А сам пере-

ход осуществляется постепенно, у одного и того же отца сыновья носят имена старой и новой форм. Коренной перелом в общеславянском языке, видимо, связан был с интенсивным перемешиванием различных славянских племен и родов (мощный отток населения Скифии в лесные районы к россам вследствие засухи, а также перемещение сарматских племен на скифскую территорию, после окончания засушливого периода).

Приведенная в рукописи Артынова (16) «Родословная царей...» отражает фактическую родовую связь и включает известные исторические личности (например, Афей, Аларик — победитель Рима, Простен, по прозвищу Гандезерик (Гейзерих) — первый король королевства вандалов в Африке, князя Трислав Сар и Запруд Аммию — упоминаемые у Иордана, и др.) и является ценнейшим источником изучения. Подтверждено, что у славян было в обычае принимать как прозвища германские имена, что ввело впоследствии в заблуждение многих исследователей.

24. Основной идеей походов славянских дружин была защита одноплеменников от посягательств Римской империи. Приведено сообщение о походе славянской рати (в том числе и ростовских дружин) на Дунай против римлян, притесняющих одноплеменных славяно-россов (сообщение за период 92—192 гг.).

25. Безусловно доказано, что готы — это славяне, и готские войны — это славянские войны с Римом. На готской территории собирались дружины со всей славянской территории, в том числе и из лесной полосы — россы. Собравшееся войско, поскольку оно вторгалось в Римскую империю с территории готов, римляне, естественно, звали готским.

26. Государство вандалов в Северной Африке образовано вследствие похода славян с другими вовлеченными в этот поход народами. Возглавлял объединенное войско ростовский князь и старейшина Простен, по прозвищу Гандезерик (Гейзерих).

27. Установлено, что первые христиане на Руси появились с приходом св. Андрея Первозванного. Приводятся конкретные имена.

28. Приведены материалы, из которых следует, что Аскольд и Дир были воеводами у Рюрика, а не потомками наследных киевских князей. Аскольд и Дир в Киеве, а Свенельд в Ростове после смерти Рюрика предприняли попытку раздробления Русского государства на удельные княжества, однако этот заговор с минимальными потерями был предотвращен великим князем Олегом. Ростовские материалы свидетельствуют о том, что Олег был выдающейся личностью, собирателем

русской земли. Он снова объединил славян: новгородских и ростовских россов, кривичей, полян, древлян и северян.

29. Установлена дата основания Москвы — 880 год. Москва основана великим князем Олегом на пути из Ростова к Киеву. Первым московским князем стал ростовский князь Поливод.

* * *

Выше приведены были основные выводы по изложенному в книге материалу. Многие другие выводы даны при рассмотрении отдельных разделов и тем.

Рукопись А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прауродителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских» является единственным известным внутренним (славянским) источником по истории славян с древнейших времен. Сведения, сообщаемые в этой рукописи, и их древность уникальны, и неизвестно ни одного исторического документа, ни в одной стране, содержащего что-либо подобное.

Изложенная в книге концепция истории славян должна во многих вопросах полностью изменить представление о славянах, отодвинув границы известной информации на четыре тысячи лет по сравнению с известными летописными сведениями.

Москва. 1993—2002 гг.

Приложение

А.Я. Артынов.
Родословная славяно-русского народа, его царей,
старейшин и князей от прародителя Ноя
до великого князя Рюрика и князей Ростовских*
(выдержки из рукописи)

Второи тысящи втораго ста лѣтъ дѣянїя

«водни своя Сиоѣ написа книгъ двадесять девять о различныхъ вещахъ горныхъ [горнихъ] и дельныхъ, и пророчества некая» (16, с. 16).

Третіеи тысящи третяго ста лѣтъ дѣянїя

«...въ шесть сотное же первое лѣто житїя Ноева Апреля месяца въ 27 день наиде потопъ на землю внезапно воднымъ источникомъ отъ земли воскипѣвшимъ и рѣками изліявшимся, и небеснымъ хлябїямъ отверзшимся и бывшу дождю 40 дней и 40 ноцей дондеже покры вода лицѣ всея земли и погуби вся: пять надесять бо лактеи бѣше вода надъ пре-высочайшими горами, бысть же потопъ въ лѣто 2163» (16, с. 25).

Третеи тысящи четвертаго ста лѣтъ дѣянїя

«Праведный Ное жилъ въ это время со всемъ домомъ своимъ на земле лежащей между большимъ и малымъ Араратомъ въ плодоносной и обширной долине» (16, с. 29).

* Скопировано с сокращениями с подлинника рукописи А.Я. Артынова с тем же названием. До окончательного обособления славянских племен (с четвертой тысячи девятого ста лет деяния», т.е. XVII в. до н.э.) материалы рукописи в Приложении приведены выборочно: сюжетно и хронологически, а именно те сведения и факты, которые были использованы в исследовании. После обособления славянских племен (начиная с XVII в. до н.э.) материалы рукописи хронологически даны без перерыва, при незначительном сокращении основных сюжетов. В обоих случаях приведенные материалы даны без изменений и даже без орфографических правок. Возможны некоторые орфографические неточности в приведенной в Приложении рукописи из-за сложности прочтения почерка А.Я. Артынова.

В угловых скобках <> приведены места с неясным написанием слов или фраз. В квадратных скобках [] дается текст от автора книги (Ю.Я.).

«Младшій сын его Іафеть о которомъ намъ вѣдати сіе довлѣтъ яко отъ Іафетова племени есть мы рускія же народы тыя же суть славяна единого бо естества отца своего Іафета и тогожде языка ибо яко славяна отъ славныхъ дѣлъ своихъ изъ начала славянское имя себѣ преобретоша, таки по времени отъ рассеянїя по многимъ странамъ племени своего рассеяны А потомъ россы прозвашася, от славянорускаго Осада [славянорусскихъ осад] той же народ рускіи изыде отъ негоже нецы россіи А инніи Аланы прозвашася, А потомъ роксоланы нарицахуся...» (16, с. 29).

Третеи тысящи пятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Москвѣ и прочіему рускому народу и всему славянскому языку отъ Мосоха произыти якоже и святыи пророкъ Іезекїиль Мосоха князя быти руска рече. Овыи бо отъ <Рифата> [В другихъ местахъ в тексте встречаются — Ривафъ и Ривадъ] сына Гамерова овыи же отъ Ёоргамъ брата Рифатова сихъ расплодишися сказуютъ яко отъ Іафетова племени русь ибо Мосохъ сынъ бѣ Іафетовъ, сицѣ Рифатъ и Ёоргамъ внуки Іафетовы бяху» (16, с. 30).

Третеи тысящи шестаго ста лѣтъ дѣянїя

«Въ это время прославился болѣе всѣхъ своею силою и храбростїю царь пастырь Ривафъ [ранее — Рифатъ] сынъ Гамеровъ, онъ далъ племени своему имя Сарматовъ и былъ родоначальникъ этого народа...»

В это же время Патріархъ Ное изъ долины лежащїя между горами Араратскими переселился на ровныя и плодородныя мѣста лежащїя близъ береговъ Кронїискаго моря и поселился тамъ со всемъ потомствомъ своимъ» (16, с. 31).

«Но многолюдство рода его [Ноя] не могло помѣстится тутъ это заставило его распредѣлить дѣтеи своихъ для удобства и привольнаго жительства какъ имъ такъ и многочисленныхъ стадь ихъ на другїя мѣста...»

Ное... призва сыны своя Сима, Іафета и Хама и раздѣли имъ землю, Симу повеле прияти Азію, Іафету Европу, Хамови же Африку...» (16, с. 32).

«Около этого времени царь пастырь Ёоргамъ ушелъ съ родомъ своимъ въ полуденныя страны и тамъ переходя съ мѣста на место и близъ Средиземнаго моря основалъ крѣпкїи городъ и наложилъ на него имя “Скиоской городъ” или искатели добра» (16, с. 32).

«Не менее знамениты были два брата цари пастыри Лудъ и Оса дѣти Риоафовы они посѣлились на берегу Средиземнаго моря и были изобретателями мореходства родоначальники Феникіанъ» (16, с. 33).

«Патріархъ Ное распредѣлилъ дѣтеи своихъ по пространнейшимъ мѣстамъ однихъ къ берегамъ Средиземнаго моря, А другихъ на поля Сенаарскія. А самъ возвратился обратно въ долину орошаемую рѣкою Араксомъ» (16, с. 33).

«Сынъ Хамовъ Менесъ или Месраинъ по преклонности лѣтъ отца своего, посѣлился со всемъ племенемъ его произошедшаго отъ сыновей хамовыхъ Ханаана, Хуса и Оуда жившихъ совокупно посѣлился на берегахъ рѣки Нила гдѣ заложилъ крѣпкіи городъ Каиръ. А страну гдѣ онъ основалъ его назвалъ Египтомъ и былъ тамъ первый царь или фараонъ» (16, с. 34).

Трети тысящи седьмаго ста лѣтъ дѣянія

«Арфаксаль, сынъ Симовъ живыи первѣ съ братією своею во Арменіи, в неже ковчегъ Ноев ста на горѣ Араратъ, восхотѣ преселитися въ землю халдеискую, на неже еще никтоже жившіе, собрався убо со всемъ домомъ своимъ, и братіи отлучися, преидя рѣку Тигръ. И первый онъ въ Халдеи начатъ жителствовати» (16, с. 35).

«По смерти праведнаго Ноя потомки его отъ племени Гатера некто по имени Мума [далее в тексте и в «Родословной царей...»* — Маема], знаменитыи изъ цареи пастыреи в мѣстѣ съ другими однородными себѣ племенами обиталъ въ Палестинѣ въ окрестности горы Моріи. Близъ этой горы Маема построилъ себѣ крѣпкіи городъ, который назвавъ Іерусалимъ отъ толь по смерти его потомки его ушли обитать въ Месопотамію Сирскую» (16, с. 36).

Трети тысящи осьмаго ста лѣтъ прѣданія [дѣянія]

«Сыновъ Ноевы и внуки и правнуки еще во онои Арменстѣи восточной странѣ пригорахъ Араратскихъ жиша довольное время тоже егда расплодишася въ толикое множество, яко уже тѣсно, имъ быти въ странѣ той воставше отъ востока, поидоша ищуще <пространнѣишїя> и плодороднѣишїя земли ко вселенію своему, яко да не утѣсняются множествомъ своимъ, и имуть земныхъ благъ изобиліе, шедше же къ той странѣ, въ нуже Арфаксаль съ племенемъ своимъ прежде ихъ отъ

* «Родословная царей...» приведена в конце Приложения. У А.Я. Артынова вместо названия, данного в Приложении, идет повторение названия всей рукописи.

идь, обретоша полъ, равное мѣсто и пространное въ земли Сенааръ тако прежде прозванной и вселишася тамо между рѣками Тигромъ и Ефратомъ, на мѣстехъ красныхъ и плодородныхъ (16, с. 37–38).

«...народы по притчинѣ различія языковъ разошлись съ того мѣста [из Вавилона — после разрушения Вавилонской башни] и сълились повсюду, занимая каждой землю которая ему попадалася, къ чему и самъ Богъ руководствовалъ, дабы всѣ какъ среди земныя такъ и приморскія мѣста наполнились жителями. Ины переправились кораблями на островахъ посѣлилися, потому некоторые народы и до нынѣ называются именами полученными отъ своихъ родоначальниковъ.

У Іафетовыхъ сыновеи ихъ Владеніе начиналося отъ горы Тавра и Амана и въ Ассіи до рѣки Танаи, въ Европѣ же до Гадиры. Простиралося, отъ Мосоха сына Іафетова произошли Мосхи нынѣ каппадокіане, находится у нихъ градъ называемой Мазака некогда весь народъ такъ назывался.

Мазака-Москва народъ отъ Мосоха праотца своего, сына Іафетова, тои бо Мосохъ по потопись лѣтъ 131 шедше отъ Вавилона съ племенемъ своимъ, <Абіе> во Асіи и Европѣ надъ берегами Понтскаго или Чернаго моря, народы мосховитовъ отъ своего имени осади; и отъ туду умножшуся народу, поступая день отъ дне въ полунощныя страны за Черное море, надъ Дономъ и Волгою рѣками, и надъ Езеромъ или отногою морскою Меотисъ и <дѣжа> Донъ впадаетъ, въ поляхъ широко селеньми своими распространишася. И тако отъ Мосоха праотца славянороссійскаго по наслѣдію его, не токмо Москва нарды [народ] Великіи, но и вся русь или Россія произыдѣ. Царствующіи градъ Москва, отъ имени праотца Мосоха изъ шедше.

Потомки Ѳовела сына Іафетова уклонилися отъ Вавилона въ западныя страны къ полуночи и рассѣлилися тамъ, <Ѳовелянь и Иверянь>, отъ нихъ произошли Поливоны, Ѳины, Халивиты и Меря» (16, с. 44–45).

Третеи тысящи девятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Цари пастыри Дадан и Еверъ составили Совѣтъ на которомъ положили удалитися съ береговъ рѣки Ефрата въ Палестину въ мѣсто жительства предковъ своихъ. Совѣту этому послѣдовали цари старейшины Асермооъ, и Овера дѣти Каиановы [в «Родословной царей...» — Майнанъ] и Еливанъ сынъ царя Ѳираса, въ мѣстѣ с нимъ прилепился и <Фаллуса> [в «Родословной царей...» — видимо Ѳомусъ] сынъ Амазидовъ, съ нимъ же туда пошелъ, и царь Пастырь Еверъ. Онъ унесъ собою идола Юпитера Енїалїя.

Одоарра [в «Родословной царей...» — Адоарръ] сынъ Амазидовъ имель у себя пять сыновъ поимени Заза, Елеса, Луда, Сувава и Ваана, изъ нихъ Лудъ былъ родоначальникъ славянорускаго народа.

Ула-россъ сынъ Дадановъ, имѣлъ у себя два сына по имени Евила и Унамла изъ нихъ Евилъ былъ родоначальникъ славянорускаго народа.

Царь Масмуоъ сынъ Каинановъ [в «Родословной царей...» — Май-нанъ] соединилъ бракомъ старшаго сына своего Анана съ дочерью царя Дадана, А царь Еверъ соединилъ бракомъ сына своего Фалека съ дочерью князя Ваана сына Одаррава.

Всѣ эти поименованныя цари пастыри со всеми племенами своими собралися и направили путь свой въ Палестину, и тамъ на развалинахъ древняго города Иерусалима построили новой того же имени, и не далеко отъ него на берегу рѣки Иордана построили другой городъ которыи и назвали <Салимъ>, и много другихъ городовъ и селеній они на строили, имена которыхъ сохранилися до селъ» (16, с. 46—47).

Третеи тысящи десятаго ста лѣтъ дьянїя

«Въ лѣта оныя умножающимся народомъ и многимъ въ поднебѣсной по различныхъ странахъ созидающимся градомъ и Царствамъ утверждающимся устовлахуся гражданскїя законы. Племя Іафетово разширяся на странахъ полунощныхъ, восточныхъ, полуденныхъ, и западныхъ <прочихъ> всѣхъ силою, мужествомъ и храбростію превзыдѣ страшень и славень всему свѣту бысть, отъ славныхъ дѣлъ своихъ воинскихъ славянами или славными зватися начаша...» (16, с. 48—49).

«Знаменитыи витязь Ассур сынъ Царя Евила мудростію своею получилъ себѣ въ супружество царевну Семирамиду дочь царя Вила сына Неврода Царя Вавилонскаго» (16, с. 49).

«Роды знаменитыхъ цареи пастыреи Дадана, Евера, <Асармофа> [в «Родословной царей...» — Асермооъ] <Ооера> и Оираса, умножались изъ года въ годъ густо засѣлили Палестину, Сирїю и Дамаскъ, <и много> заняли пространство на берегу Средиземнаго моря, и далеко въ глубь севера и востока» (16, с. 49—50).

«Умершу Вилу Царю Вавилонскому приять понем царство сынъ его Нинъ, которыи... жалѣя и тужа по отцѣ своемъ, сотвори образъ онаго истесанъ, им идоль, и же бѣ по всему подобенъ отцу его, и лицемъ и тѣла величествомъ, и постави среде града на столпѣ, въ память отца своего, еже и посмертии отъ народа почитаемому быти хотя, дадѣ законъ, аще кто отъ виноватыхъ и казни достойныхъ притечеть къ стол-

пу и идолу тому, и поклонится оному, тои отъ вины дапрошень, и отъ казни свободень будеть» (16, с. 50).

«Въ это время померла знаменитая красавица Царица Полимнїя [ранее (с. 48) — Полидамнїя] дочь Ниврода царя Вавилонскаго супруга царя Салеа сына Лудова царствовавшемъ в странѣ мирмидонской. Тамъ она по красотѣ своей стяжала себѣ славное имя богини Лады-Венусъ, потому болѣе что развратомъ сладострастїя своего превзошла до потопныхъ блудницъ». (16, с. 50).

Четвертой тысящи перваго ста лѣтъ дѣянїя

«В дни Рагавовы, челоуѣцы другъ на друга гордостїю возносящесе, и царскїя титла себѣ вземлюще, начаша оружїя творити и брани другъ на друга воздвизати Асырїиской монархїи распространитель Царь Нинъ сынъ Вилонъ, расшири и утверди свою монархїю, но еще не удоволивъ властолюбиваго желанїя своего, начать и на дальнїя страны воевати и бысть ему брань съ Зороастромъ царемъ бактрїанскимъ, егоже и побѣдилъ уби и царство его себѣ покорити» (16, с. 51).

«Знаменитыи витязь того времени Царь Ассонъ... царствовалъ въ Сириї Аравїиской надъ потомками Завѣда и Омара, сыновъ Ароаксадовыхъ съ которымъ завоевалъ онъ у царя Вавилонскаго Нина царство Бактрїанское избилъ псовъ которыя пожирали старыхъ людеи, которымъ дѣти приводили на съяденїе отцевъ и матери своихъ. Псовъ этихъ называли погребательными...» (16, с. 52).

Четвертой тысящи втораго ста лѣтъ дѣянїя

«Серухъ сынъ Рагавовъ пребыванїе имѣлъ въ землѣ халдеиской, во градѣ Урѣ нарицаемомъ, онъ первый иже идолы отъ поганъ изобретенныя приять и навиче дѣлати и продаяти, и бяше то рукодѣлїе его имѣ же питалиесе съ домомъ своимъ» (16, с. 53).

«Царь пастырь Авегїя сынъ Рагавовъ имѣлъ у себя детеи одну только дочь по имени Хеттуру, которую онъ отдалъ въ супружество Асаиру сыну Аслонову [в «Родословной царей...» — Авлонъ]. Посредствомъ этого брака два поколенїя Іафетова Гамера и Мосоха соединилося во едино и отъ одного Асаири пошелъ славянорускїи народъ» (16, с. 53).

«Знаменитыи витязь Асаири вель кровопролитныя воины на берегахъ рѣки Нила съ Египецкимъ фараономъ Тетмодисомъ или Амсисомъ, которыи выгналъ изъ земли египецкой многихъ цареи пастырей

Онъ царствовалъ в Нижнемъ Египтъ, отъ толь Асатиръ ходилъ въ землю халдейскую и съ побѣдоносными своими воинами дошелъ онъ тамъ до города Ула [видимо город Ур]. Тамъ дочь его прекрасная княжна Полимнѣя во время приступа къ этому городу оказала великія доблести и взяла въ единоборствѣ въ плѣнъ сына царя города Уль, по имени Салмака сына царя Авѣи внука Серухова съ которымъ она и вступила въ брачный союзъ и пересѣлилась съ нимъ и съ родителемъ своимъ изъ города Уль на берега Евксинскаго понта. Тамъ она первая учредила огнепоклонство и устроила не угасимыи огонь богочитанія чему послѣдовалъ какъ домъ отца ея Асатира тому же послѣдовалъ и царь Серухъ сын Рагавовъ...» (16, с. 54).

«Мудрыи и храбрыи князь Киддакъ сынъ Асатировъ имѣлъ супругу себѣ отъ племени Царя Серуха дочь царя Авѣи которыи со всѣмъ домомъ своимъ и домомъ брата своего Гектана ушелъ къ одноплеменнымъ себѣ Урало-россамъ и посѣлился тамъ на горахъ ривеискихъ или уральскихъ» (16, с. 55).

Четверто[й] тысящи третіяго ста лѣтъ дѣянїя

«Отъ скиѣскаго города Виосаны Царевичъ Моза сынъ Царя Даннава ушелъ отъ отца своего и во Аскалонѣ градѣ Сирскомъ дѣвица именемъ Декрета растленна бывши отъ него, зачать и роди женскъ полъ, стыдящеся же блуднаго дѣла своего... удалилась съ царевичемъ Мозои А рожденное бросила въ пустынь, гдѣ и была питаема отъ птицъ до возраста Это въ послѣдствїи была знаменитая Вавилонская Царица Семирамида» (16, с. 56).

«Изъ всѣхъ царей пастырей въ это время болѣе славенъ былъ царь Серухъ сынъ Рагавовъ сыномъ своимъ княземъ Нахоромъ, сеи послѣднїи наиболѣе прославился темъ что спасъ отъ морскаго чудовища на конѣ годуировомъ Царевну Метевиль дочь Царя Мозы сына Даннанова и которую онъ взялъ себѣ въ супружество.

Царь скиѣскаго города Виосаны Даннавъ сынъ Асатировъ прогнѣвался на двухъ сыновъ своихъ Плиноса и Сколопива [в «Родословной царей... — Пайнось и Скалопиоѣ] за непокорность женъ ихъ ему Мароенїи жены Плиноса, и Лампеду жену Сколопиова..., прогналъ ихъ отъ лица своего которыя <по долгомъ> своемъ странствованїи по разнымъ странамъ посѣлились наконецъ въ Каппадокїи и по смерти Плиноса и Сколопиова жены ихъ Мароенїя и Лампеда основали Амазонское царство» (16, с. 56–57).

Четвертой тысящи осьмаго ста лѣтъ дѣянїя

«...и остался [царевич Росс-Вандал, вступив в супружество с Полимнией] с нею жить у отца ея Царя Риссона въ столицѣ царства его городѣ Виосайдѣ гдѣ и былъ родоначальникомъ многочисленнаго потомства которое соединилось с <потомством> царя Велѣуда сына Риссонова и стало быть обоихъ родоначальниковъ многочисленно и носило на себѣ имя народа Россо-Вандаловъ» (16, с. 72).

«В это время знаменитыи полководецъ царевичъ Россъ-Вандалъ простеръ оружїе свое до предѣловъ царя Вавилонскаго Набопаласвара, съ сыномъ его царевичемъ Навуходоносоромъ, сперва ссорился а потом помирился» (16, с. 72).

Четвертой тысящи девятаго ста лѣтъ дѣянїя

«По смерти царя Риссона воцарился сынъ его Велѣудъ, который имѣлъ у себя соправителя князя Аллана, сына царевича Росса-Вандала*, мудраго ему совѣтника по совѣту котораго царь Велѣудъ уклонился отъ дальнеишихъ ссоръ со своими сосѣдними царями живущими въ Палестинѣ ушелъ отъ толь всеми племенами своими совсемъ <стяжанїемъ> ихъ и со всѣми богами чтимыми ими**. Для этого собрались они преждѣ въ великую народную массу и направили путь свой мимо Финикїи Сирїею в Арменїю на мѣсто жительства прародителя своего правѣднаго Ноя, на берега Евксинскаго понта, но тамъ не нашли они себѣ желаннаго прїюта, отъ туземцовъ не вѣдущихъ рода ихъ, которыя никоимъ образомъ не хотѣли признать ихъ однородцами своими происшедшими отъ племени царя Ула-росса отъ колена Мосоха сына Іафетова» (16, с. 74).

«Въ это время царствовали тамъ два знаменитыхъ царя по имени <Оиб> и Елїванъ потомки царя Амазиса сына Каинанова отъ колена Гамерова сына Іафетова, они проводили пастушескую жизнь въ мѣстѣ съ подданными своими въ крѣпкихъ городахъ своихъ, они крѣпко вооружились [против] мосоховъ, россовъ и мослемовъ не давая имъ сѣлиться въ землѣ своей.

* В примечании к рукописи говорится, что от племени Росса-Вандала I произошел знаменитый царь Великого Новгорода — Славян, у которого был сын, царь Новгородский — Вандал II.

** В примечании к рукописи говорится, со ссылкой на Румянцевский музей и рукопись Е.В. Трехлетьева, что эти грубые изваяния дошли до наших времен под названием «каменных баб», наибольшее количество которых находится в степях Украины.

Видя такое не гостепрѣимство себѣ царь Велѹдъ не вступилъ с ними въ битву но уклонился отъ нихъ по пути къ ночи и на пути томъ померь. По смерти царя Велѹда преемникомъ ему былъ сынъ его Сихей который привелъ народъ свои въ тѣ мѣста гдѣ жили предки сродичи ихъ въ городахъ основанныхъ знаменитымъ предкомъ ихъ Россомъ-Вандаломъ которыя по насѣленію въ нихъ превратилися въ области Иверскую, Колхиду и Пафлагонію» (16, с. 75).

Четвертой тысящи десятаго ста лѣтъ дѣянїя

«При царе Сихѣе остался только одинъ сынъ князь Зоравъ съ которымъ онъ и управлялъ многочисленнымъ народомъ...» (16, с. 75–76).

«Протчїя же дѣти царя Сихея засѣлили области Иверїю, Колхиду и Пафлагонію <настроили> тамъ крѣпкихъ городовъ и дали им свои имена и посадили въ каждомъ особаго царя А надъ ними всѣми былъ царь Сихеи старшимъ, скоро засѣлили они эти земли весьма густо, народами которыя жили всѣ мирно между собою и довольны [были] своимъ владѣніемъ или царствомъ» (16, с. 76).

Пятой тысящи перваго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Зоравъ переходя съ мѣста на мѣсто съ народомъ своимъ держался обычая сѣлится при переходахъ своихъ всѣ больше и больше въ глубь севера къ ночи и находясь уже въ преклонныхъ лѣтахъ въ пути томъ заболелъ и померь. Преемникомъ ему былъ царь Варись, сынъ Зорава...» (16, с. 77).

«Время и обстоятельства заставили царя Вариса вѣсти войны не только съ сосѣдними народами живущими окрестъ его но и со своими однородцами вышедшими изъ Палестины когда то съ предками его» (16, с. 78).

Пятой тысящи втораго ста лѣтъ дѣянїя

«Преемникомъ ему [Варису] былъ старшей сынъ его Свенонъ [Северон] [в «Родословной царей...» — Севергонъ] который как и отецъ его сталъ пересѣляться съ мѣста на мѣсто со своими племенами по разнымъ мѣстамъ въ глубь севера Имѣя по этому пересѣленію своему народу различныя имена по мѣстамъ. Гдѣ называли ихъ Мослемами, а инде называли Россами, въ иномъ мѣстѣ Мосоховитами, но онъ всѣ эти названїя отвергъ на скиво-урало-россовъ и сарматовъ.

В следствїи такихъ наименованїи посыленцы Иверїанъ Колхиды и Пафлагонїи хотя и одно племенные были имъ но не стали признавать ихъ такими стали съ нимъ вести первоначально ссоры а потомъ и кровопролитныя брани.

Царь Севенонъ... строилъ себѣ крепкія города и прокладывалъ себѣ путь всюду острѣмъ меча въ глубъ севера къ ночи» (16, с. 79).

Пятой тысящи третяго ста лѣтъ дѣянїя

«Цари народовъ и храбрыя витязи Оела и Асаведъ дѣти Севенона собрали бесчисленныя полчища воинства и ходили воевать въ Палестину взяли там и разграбили крѣпкіи городъ Аскалонъ, потомъ другой городъ Яффу и возвратились они от толь въ дома свои съ великою славою и обременныя великою корыстію добытою острѣмъ меча.

Воинственный царь Амврїи сынъ Севенонъ, былъ красивыи и мужественныи витязь ходилъ воевать Колхиду привезъ съ собою отъ толь Великія Сокровище «Золотое руно» и царевну Прозорсану дочь Колхидскаго царя которая стала быть его супругои» (16, с. 80–81).

Пятой тысящи четвертаго ста лѣтъ дѣянїя

«...сталь царствовать сынъ царя Сорїила царь Месемврїи при котормъ управляемыи имъ народъ до селился до горъ Гибербореискихъ (Кавкаскихъ) которыя перешли они на другую ихъ сторону двумя открытыми ими путями съ не малымъ трудомъ.

Перешедши они эти горы жили они тамъ не малое время при подошве этихъ горъ. И заняли пространства по берегамъ двухъ морей Каспитскаго и Евксинскаго Понта и гремѣли отъ сюда въ далекихъ странахъ своими военными подвигами и наложили великой страхъ на сосѣдніе народы своимъ многолюдствомъ и стремленїемъ къ прибыткамъ» (16, с. 81–82).

Пятой тысящи пятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Месемврїи съ братьями своими, Рагуиломъ и Кидарои [в «Родословной царей...» — Ругаиль и Киддакъ] ходили воевать далеко по побережью Евксинскаго Понта и въ это самое время соглядали привольныя мѣста для жительства себѣ, во время одного такого своего похода при устье рѣки Ахтубы кончилъ многолѣтнюю жизнь свою въ глубокой старости» (16, с. 82).

«Знаменитыи воинъ царь Ёрсисъ со всемъ народомъ своимъ жившимъ на берегу Евксинскаго Понта пришелъ въ степь образовавшуюся изъ дна обширнаго моря послѣ бывшаго великаго землетрясенія которое разорвало безбрежное морѣ заключавшее въ себѣ три моря, Аральское, Каситское [Каспійское] и Евксинскіи Понтъ, волны его <раздроблялись> съ одной стороны о скалы Карпатскія, А съ другою объ горы Общїи Сыртъ. Раздѣливъ это морѣ Великое на три моря, оставшееся ровное пространство покрытое до того водою осушилося и превратилося въ не обозримую степь» (16, с. 83).

«Князь Идумъ сынъ Ёрсисовъ удалился съ избранными имъ мужами по пути на полдни и подолгомъ своемъ странствованїи дошелъ наконецъ до Палестины и посѣлился въ Іерусалимъ и опредѣлился тамъ на службу къ премудрому царю Соломону сыну Давыдову у котораго онъ былъ ись первыхъ его воеводъ полководцевъ которыи выручалъ ись плѣна царя Соломона отъ короля Аполицкаго» (16, с. 83).

«...царь Соломонъ воеводу своего князя Идума сдѣлалъ намѣстникомъ Аполицкаго царства. По смерти царя Соломона знаменитыи полководецъ и царь Идумъ оставилъ Полицкое [ранее Аполицкое] царство одному изъ сыновеи своихъ А самъ со всемъ родомъ своимъ и съ другими родами своего племени посѣлился на берегахъ рѣки Дунаи на горахъ Балканскихъ, до самага Босфору-Фракіискаго» (16, с. 84).

Пятои тысящи шестаго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Идумъ и Садукъ дѣти Ёрсисовы <царствовали> первои на берегахъ Нижняго Дуная А послѣднїи на рѣкѣ Бористоль, они жили междусобои въ Великой любви и согласїи они были храбрыя полководцы, ходили воевать на рѣки Неманъ и Вислу, и возвращались всегда съ великою добычеи» (16, с. 84).

«Царь Заза прославился своими военными способностями и храбростїю и далекими походами Онъ съ племянемъ своимъ и множествомъ силы воинскои ходилъ на берега рѣки Дуная и основалъ тамъ себѣ многїя крѣпкія города какъ на рѣкѣ Дунае такъ и на рѣкѣ Бористоль...» (16, с. 85).

Пятои тысящи седьмаго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Заза разумножился съ племенемъ своимъ и занялъ для него пространство земли отъ береговъ рѣки Борисоена до береговъ рѣки Ис-

тра (Дуная) А нѣкоторыя бывшія с нимъ поколѣнія отъ племени <абіи> сына Севеконова [ранее — Севенон], и племени Завѣда и Елеса детеи Садуковыхъ удалились на берега рѣки Танаисъ и отъ толь рассялиси густо до береговъ рѣки Ра (Волги).

Дети царя Зазы Холкѣя и Адда [в «Родословной царей...» — Аядъ] и Ахитавъ ушли сълитися въ горы Алаунскія (Валдайскія). А князь Юсеведъ [в «Родословной царей...» и далее в тексте — Иоседекъ] ушелъ и съль на Ильмене Озерѣ. Гдѣ обитали предки его, тамъ онъ взялъ жену себѣ дочь изборскаго царя Сикуса, ведущаго племя свое от Оувела сына Іафетова, съ дѣтьми котораго князьями Паславомъ и Феруломъ пошли въ Скандинавію за Морѣ Неву, и взяли тамъ многія крѣпкія города въ которыхъ оба князя стали царствовать. А князь Иоседекъ возвратился отъ толь въ город Изборъ съ великою корыстію и при переправѣ чрезъ рѣку Великую отъ потопленія спасенъ былъ дочерью рыболова которую онъ взялъ себѣ въ супружество и посѣлился с нею въ городъ Русь» (16, с. 85–86).

Пятой тысящи осьмага ста лѣтъ дѣянїя

«Князь Авихамсъ [в «Родословной царей...» — Авихамъ] ушелъ отъ отца своего посмотреть инья земли и инья народы дошелъ до земли скандинавскія гдѣ царствовалъ тогда мудрыи Царь Феруль, который за храбрость князя Авихамса отдалъ ему въ супружество дочь свою царевну Ксатипу [в примечании А.Я. Артынов пишет — Ксантипа].

Знаменитыя цари Авихамсъ сынъ Семеса [в «Родословной царей...» — Симсесъ] и Дорса сынъ Вамы, соединились вкупѣ въ одинъ народъ, и стали обитать въ Верховьяхъ рѣки «Ры» [Ра] на горахъ Алаунскихъ и густо сидѣли тамъ.

Цари Россоломъ и Вѣкра дѣти Вамы ходили воевать въ полуденныя страны и на берегу Меотисъ Моря основали пять крѣпкихъ и многояюдныхъ городовъ и стали царить надъ ними» (16, с. 87).

«На горы Алаунскія Россолому и Вѣкре пришли князья Геѣемонъ, Захаѣ и Елмадокъ дети Дорсы, посѣлились въ ихъ крѣпкихъ городахъ. Куда пришли еще къ нимъ съ многочисленными народами князья Сервилъ [в «Родословной царей...» — Серриль], сынъ Вамы и Амонъ [в «Родословной царей...» — Иамонъ] сынъ Дорсы и посѣлились тутъ же на Меотисъ Морѣ и посредствомъ брачныхъ союзовъ слилися въ одинъ народъ, съ туземцами Россолома, и Вѣкры, и другихъ поколѣній и стали быть сильны всюду ради великой храбрости ихъ.

Изь нихъ нѣкоторыя ушли и посѣлились на горахъ Балканскихъ и Карпатскихъ» (16, с. 88).

Пятои тысящи девятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Сора съ многочисленнымъ племенемъ своимъ соединилъ съ различными своими поколенїями въ одинъ народъ которыи за сѣлилъ собою великїя пространства земли лежащїя въ Европѣ и Азїи, распространились въ одну сторону до горъ Алаунскихъ, А в другую до странъ Гибербореискихъ, и Пириербитскихъ, по этимъ странамъ наложили они на себя имя Вандаловъ*. А помѣстамъ называли себя Аланами, они построили такое множество городовъ и въ каждомъ изъ нихъ былъ особыи царь которыи давалъ своему царству или городу свое имя, или какое другое, по произволу своему, въ слѣдствїе этого эти царьки имѣли себѣ различныя имена у народа надъ которымъ царили» (16, с. 88—89).

«Царь Феоанъ прозванный Мадїя, сын Феоамы былъ знаменитый полководецъ своего времени Онъ съ <избранными> своими воинами ходил за рѣку Истръ, и тамъ при истокъ ея вель славныя и побѣдоносныя военныя дѣла свои и съ великими сокровищами возвратился въ домъ свои» (16, с. 89).

Пятои тысящи десятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Царь Феоанъ Мадїя прославился какъ своею мудростїю такъ и военною славою. А наипаче своею храбростїю и не утрашимостью, съ непобѣдимую свою дружиною ходилъ онъ въ далекїя страны и вездѣ и во всемъ имѣлъ не сомненныи успѣхъ. Побѣда шла по следамъ его» (16, с. 90).

«По смерти царя Россолома [сына Феоана Мадїя] преемникомъ ему былъ старшїи сынъ его князь Славянъ, которыи наиболее <всѣго> прославился построенїемъ крѣпкаго города на берегу рѣки Мутной которыи онъ назвалъ Кунигардїею**. Онъ былъ мудрый законодатель храбрыи и счастливыи полководецъ. Его не смѣтныя дружины когда

* В рукописи, в примечании, говорится, что от этого народа вандалов произошли знаменитые полководцы Буривой-Вайдевут, позднее Аларик Радегаст, победитель Рима. От него произошел Буривой II царь Новгородский, у которого был сын, знаменитый старейшина новгородский Гостомысл.

** В примечании к рукописи говорится, что древняя Кунигардия — ныне Великий Новгород.

были въ походъ въ жажду пили тогда осушали цѣлыя рѣки воды, онъ завоевалъ землю Скандинавскую плѣнилъ столичный городъ ихъ Сигстунъ. Исъ котораго въ знакъ побѣды своеи надъ нимъ, взялъ городскія ворота медныя весьма хитраго дѣла и принесъ онъ въ свои городъ Кунигардію...» (16, с. 90–91).

«По смерти царя Славяна сталъ царствовать въ Кунигардіи сынъ его царь Вандаль Онъ былъ во всѣмъ подобенъ отцу своему Мудрыи законодавецъ и счастливыи полководецъ Къ нему присоединились многія сосѣднія съ нимъ народы для которыхъ онъ на другомъ берегу рѣки Мутной на противъ Кунигардіи построилъ крепкой городъ назвалъ его Новымъ городомъ. А Кунигардіи въ память отца своего назвалъ Словенскъ*» (16, с. 91).

Шестои тысящи перваго ста лѣтъ дѣянія

«Построенныи Новыи городъ до такой степени [возвысился] подъ мудрымъ правленіемъ царя Вандала что стали называть его Великимъ Новымъ городомъ» (16, с. 91).

«Царь Вандаль сынъ Славяновъ имѣлъ у себя три сына по имени Избора, Столпосвѣта и Владимира, изъ нихъ князь Владиміръ былъ родоначальникъ перваго рускаго князя Рюрика.

По смерти царя Вандала сталъ править всѣмъ его царствомъ старшіи сынъ его Изборъ онъ былъ мудрыи и справедливыи царь любимыи своими подданными и уважаемыи всеми сосѣдями.

Средній сынъ Вандаловъ Столпосвѣтъ не пошелъ дорогои отца своего и старшаго брата. А пошелъ своеи любимой дорогои сталъ тамъ брать гдѣ не клалъ и жать гдѣ не сѣялъ. Этимъ легкимъ промысломъ сталъ промышлять онъ по всеи рѣкѣ Мутной и на море Невѣ, для этого промысла построилъ онъ себѣ на рочитое судно съ круглой крытой палубой и длиннымъ остроконечнымъ, носомъ и раскрасилъ его разными красками во всемъ похожимъ на морское чудо (крокодила), на такомъ судне онъ являлся тамъ гдѣ вовсѣ его не ожидали. По этому судну онъ вездѣ известенъ былъ подъ именемъ волхва по немъ и рѣка Мутная получила имя «Волхова» (16, с. 92).

«Младшіи сынъ Вандаловъ Владиміръ по предсказанію жрецовъ и волхвовъ оставилъ всѣ свое родительское наслѣдство братьямъ своимъ. А самъ пошелъ отыскивать себѣ сказанного волхвами царства, и пошелъ по пути отъ Нова города царства отца своего на востокъ сонца.

* В примечании сказано, что развалины древнего Славянска видны и доселе в Новгороде, на Софійской стороне.

Отыскивать мѣсто для этого такое гдѣ стоялъ Россовъ станъ Хотя не скоро и съ не малымъ трудомъ но онъ нашель это мѣсто и сталъ мудро царить въ немъ* (16, с. 93).

Шести тысящи втораго ста лѣтъ дѣянїя

«Послѣ знамѣнитаго возобновителя и распространителя города Ростова князя Владиміра сталъ царить въ Ростовѣ сынъ его Сарь. Онъ былъ храбрыи воинъ и мудрыи правитель народа которыи съ братьями своими Вѣкрои [в «Родословной царей...» — Векль] и Дуброномъ имѣли во власти своеи оба берега рѣки Дуная на великое пространство, тамъ они построили много крѣпкихъ городовъ особо и нарочитыи построилъ для себя тамъ же царь Сарь, и назвалъ его «Эксъ» потомъ построилъ подобныи городъ близъ Ростова на берегу быстротекущей рѣки которую назвалъ своимъ именемъ «Сара» Этотъ городокъ съ трехъ сторонъ огибаетъ эта рѣка** (16, с. 94).

«Царь Сарь сынъ Владиміровъ имѣлъ у себя три сына по имени Чендара, Сохата*** и Ахѣя (Аоея) изъ нихъ князь Ахеи былъ родоначальникъ князя Рюрика. Послѣ царя Сара остался царить на берегахъ Верхняго и Нижняго Дуная сынъ Его Царь Ахеи Этотъ побѣдоносныи герои того времени завоевалъ много земли лежащей по обеимъ берегамъ рѣки Танаиса, и Борисфена и въ это самое время на берегу рѣки Дуная укрепилъ и распространилъ городъ Эксъ и сдѣлалъ Его столицею всѣхъ придунаискихъ своихъ владенїи» (16, с. 94).

«Этотъ знаменитыи Царь скиѳовъ славяноруссовъ Ахеи (Аоеи) имѣлъ частыя и кровопролитныя битвы съ царемъ Македонскимъ Филиппомъ и съ нимъ Воеваша еще и противу древнихъ греческихъ и римскихъ кесаревъ, и всегда славную восприемлюще побѣду, пособствоваху же и великому царю Александру Македонскому, и отцу Его Филиппу покоряти подъ власть Свѣта сего державу, темъ же славныхъ ради дѣлъ и трудовъ воинскихъ дадѣ Александръ Царь Славя-

* А.Я. Артынов в другой рукописи «О древностяхъ Ростова Великого» (л. 1) пишет, что основание Ростову положила дружина царевича Вандаля-Росса, а место, где располагался военный стан царевича, было названо ими «Россов-стан». Далее у Артынова сказано, что за четыре с половиной столетия до Рождества Христова Владимир пришел на это место и стоящий тут городок назвал Ростовом. Он распространил Ростов и заселил его пришедшими с ним новгородцами, начал в нем царствовать и царство свое назвал Ростовской землей.

** На этом месте находится так называемое Сарское городище (Ю.Я).

*** В Ростовском районе и поныне сохранилось название — Сохатское болото (Ю.Я).

намъ привиллегіи или Грамоту. На пергаменте Златомъ написанную въ Александрїи, вольности и землю имъ <утверждающіи> въ слѣдствіе этого скиѣской царь Аѳеи былъ у цари Филиппа и Александра въ Великой Чести и Славы.

Этому много способствовалъ у царя Филиппа сынъ его Александръ котораго плѣнила воинственная храбрость супри [супруги] царя Аѳеи царицы Артаксеи благоразуміе и непримѣрная красота лица пленили юное сердце Александра и любовь къ ней закралась въ сердце Его.

Дивная Судьба Ея будучи уже вдовой могла пленить воинственной доблестью и своею мудростію и красотой Александра и быть Его супругой» (16, с. 95–96).

Шестой тысящи третьяго ста лѣтъ дѣянїя

«Князь Печегдъ царилъ надъ областію предка своего царя Владимїра сына Вандалова. Онъ былъ миролюбивъ не долго онъ правилъ Ростовомъ и Его областію оставя всѣ удалился на берега рѣки Дуная оставя свое семейство, отъ коле онъ уже и не возвратился болѣе.

Князь Печегдъ имѣлъ у себя четыре сына по имени Мудролѣта, Става, Сота и Прототїя. Отъ князя Мудролѣта произошла Старшая Линїя отъ котораго по прямой Линїи произошелъ первыи рускїи Великий князь Рюрикъ. Отъ князя Прототїя произошла Младшая Линїя отъ которой произошли Великїя князья ростовскїя о которыхъ въ договорѣ своимъ съ греками упоминаетъ Великїи князь Олегъ» (16, с. 96).

«Въ ростовскую область пришли сълиться съ береговъ рѣки Дуная сродичи царя Аѳея знаменитыя исъ пришельцевъ этихъ были два знаменитыя князя родныя братья Демоль и Рославль, братья царицы Артаксеи Первыи изъ нихъ поселился близъ городка укрепеннаго и распространеннаго царемъ Саромъ, на обширномъ лежащемъ тутъ полѣ. А послѣдней тоже не далеко отъ города Ростова основалъ крѣпкой городокъ.

Суда же пришелъ сълиться и князь Курьславъ сынъ князя Чендара брата царя Аѳея которыи тоже построилъ себѣ городокъ за сохатскимъ болотомъ въ Верховьяхъ рѣки Сахты.

Удобство жизни расположило князя Остряка сына князя Курьслава построить себѣ такой же городокъ на крутомъ берегу рѣки Бучи среди ровной и прелесной долины окруженной дремучимъ лѣсомъ*.

* В примечании Артынов пишет, что признаки этого городка видны еще и в настоящее время близ села Павловского Карашской волости, между Вепревымъ и Чашническимъ озерами.

По отшествіи князя <Печегда> сынъ Его князь Мудрольгъ чрезъ несколько времени съ супругою своею Фелицатою пересѣлился на жительство въ городъ Римъ и остался тамъ» (16, с. 97).

«Князь Прототїи сынъ Печегдовъ какъ и отецъ Его былъ храбръ и предприимчивъ. Ходилъ съ полунощными народами воевать въ Палестину и Египеть, и съ послѣдняго Царь ихъ Псаматихъ потомокъ Царя Птоломѣя-Лага, Статира <Полководца> царя Александра Македонскаго вышелъ къ нему съ дарами и испросилъ у него Миръ.

Князь Мадїа сынъ Прототїевъ вскорѣ послѣ этого ходилъ по стопамъ родителя своего. И на возвратномъ пути своемъ изъ Палестины многія чинилъ въ странахъ тѣхъ раззоренїя въ городѣ Аскалонѣ разграбилъ Знаменитыи храмъ Венеры, и Золотой идолъ богини этой унесъ съ собою на русь, потомъ ходилъ воевать Хвалискую землю и другїя земли лежащїя по берегамъ Хвалискаго моря и рѣки Волги, и возвратился въ домъ свои съ великою корыстїю» (16, с. 98).

Шести тысячи четвертаго ста лѣтъ дѣянїя

«Князь Локтисъ ходилъ воевать Мидїю Там потомокъ Царя Ксатора умыслилъ на пиру на поить вождеи его и пьяныхъ на пиру многихъ изъ нихъ погубилъ, а Локтиса съ остатками воинства его прогналъ въ землю Киммерїанскую отъ толъ онъ едва возвратился съ не многими дружинами своими.

Въ отсутствїе Его князь Вахрамъ [в «Родословной царей...» — Ваграмъ] наслѣдовалъ въ Ростовѣ престолъ отца своего Мадїи и не хотельъ возвратитъ его брату своему Локтису которїи не захотель въ этомъ захватъ вѣсти между усобную воину, но на томъ же берегу Ростовскаго озера не далече отъ города брата своего Вахрама заложилъ себѣ новыи городъ въ которомъ и жилъ онъ Великой Славѣ*. Спустя не много времени послѣ этого князь Локтисъ оградилъ свои городъ крѣпкими стенами, съ высокими башнями, боиницами и тайниками» (16, с. 99).

«В это самое время въ Римѣ былъ Цензоромъ Знаменитыи своею мудростїю Катонъ, которїи большею частїю жилъ въ Тускулумѣ въ мѣстѣ своего рожденїя <которїи> послѣ различныхъ событїи въ его жизни наконецъ вступилъ онъ въ супружество съ княжною Брахиль дочерью скиюславянскаго князя Локтиса у котораго онъ въ дунайской Скиоїи былъ плѣнникъ» (16, с. 100).

* В примечанин к рукописи сказано, что на этомъ месте стоит ныне Ростовскїй кремль, обнесенный землянымъ валом.

«Князь Траянъ сынъ Катонавъ будучи правящимъ должность цензора первыи началъ мостить улицы и народныя водоемы камнемъ, причемъ каждыи гражданинъ обязанъ былъ подавать въдомость о своемъ имуществѣ въ этотъ разрядъ входили и женскія наряды, по коимъ налагалися на нихъ и государственныя подати» (16, с. 100).

«Младшеи сынъ князя Локтиса Свѣтозаръ прозванныи Гунчакъ славился своими воинскими делами которыми наполнены ростовскія рукописи.

Старшій сынъ князя Локтиса Саблукъ прозванныи <Мша> основаль себѣ крѣпкій городъ на устье рѣки Мологи, при впаденіи ея въ рѣку Волгу» (16, с. 100–101).

Шестои тысящи пятаго сто лѣтъ дѣянія

«Князь Маркель былъ исъ знаменитыхъ римскихъ гражданъ и былъ противникъ гордымъ римскимъ <полководцамъ> терзавшимъ свое отечество. Каждый изъ нихъ старался происками склонить согражданъ своихъ на свою сторону отъ чего были и кровопролитныя междоусобицы главныи не другъ его былъ полководецъ Маріи, но любовь народная не усыпныи стражъ добродетельныхъ спасала его отъ сильныхъ нападковъ Маріа, потому что всѣ стремленія Маркела были къ защитѣ слабыхъ и не имущихъ гражданъ и безъ защитныхъ вдовъ и сиротъ» (16, с. 102).

«Случаи князю и полководцу Юлію сыну Маркелову привель достигнуть титла Кесаря римскаго побѣдивши прежде консула Помпѣя» (16, с. 103).

«Въ это время римская Сивилла Тыбуртыня, Кесаря римскаго Юлія вывела за руку изъ чертоговъ его и показала ему въ небѣ пречудную церковь, А въ неи жену въ вѣнцѣ на главѣ исъ звѣздъ сіяющихъ паче солнца облеченную въ драгоцѣнную царскую порфирю сіяющую паче солнца державшую на рукахъ своихъ младенца дивной красоты Сказала Кесарю Эта дѣвица имать безъ семене мужа родить Бога слова, которого ты видишь на рукахъ ея...» (16, с. 104).

«Знаменитыи полководецъ Октавіи сынъ Кельсѣевъ, побѣдивши Антонія, первыи былъ императоръ Рима, получивши отъ сната римскаго имя Августа и власть самодержавія. Тогда онъ раздѣлилъ вселенную въ содержаніи братіи своеи Брата своего Патрекія постави Царемъ <надъ> Египтомъ, а брата своего Августалія Александріи Властодержвца положи, брата жъ своего Каринія Властодержавца Сирии учини, и <брата> жъ своего Пруса постави съ берега Вислы и градъ Мадбо-

рукъ и Гданскъ и рѣку Неманъ, впадающую въ Море ему подчини» (16, с. 105).

«Знаменитыи <ростовскїи> князь Мечеславъ знаеъ былъ Августу Кесарю римскому который запретилъ вступать въ брань съ предводителемъ полуношнаго народа на предложенїе вести съ ними воину сказалъ окружающимъ его царедворцамъ, не подобаеъ мнѣ златои удицей рыбы ловити, не хочу я больше изгубити нежели обрести» (16, с. 106).

Шестои тысящи шестаго ста лѣтъ дѣянїя

«Дивныя дѣла и знаменїя совѣршались въ это время на небѣси и на земли звѣзда Новая не виданная явилась на небѣ и шла на посолунъ всѣ чего-то чаяли, рукотворныя боги падали на земле, ницъ, славя родившагося Бога. Пыюи велегласно зывали вопїяша, что Богъ пришелъ во вселенную Море индейское отдало изъ себя обратно островъ Цейлонъ» (16, с. 107).

«Сынъ Кесаря Октавія Эннїи укрываясь отъ гнева отца своего и пасынка его незаконно рожденнаго Тиберїя, у брата Кесарева Пруса, на рѣкахъ Неманъ и Вислѣ и по городамъ Медборукъ, Турукъ, и Хвойницахъ имель въ супружествѣ княжну Любу дочь славянорускаго князя Вышеслава» (16, с. 107).

«Князь Асканїи сынъ Прусовъ сталъ княжить посмерти отца своего на рѣкахъ Неманъ и Вислѣ. А братъ его князь Эннїи сынъ Октавія Кесаря совсемъ домою своимъ посѣлился за рѣкой Волгой въ построенномъ имъ городѣ который онъ назвалъ “Гелономъ”»* (16, с. 108).

«Дивное небесное явленїе среди дня сдѣлася тьма повси землѣ что темная ночь три часа...» (16, с. 110).

«По смерти князя Ираклїя и Помпея на слѣдаемъ княжество ихъ городъ Гелонъ князь Александръ сынъ Ираклиевъ, который ходилъ въ походъ за рѣку <Абисъ> [Альбис — по К. Тациту], къ народамъ называемымъ “Ковки” [хавки — по К. Тациту] и лонгобардамъ...» (16, с. 111).

«По смерти князя Ратобора Гривы сталъ княжить в Ростовѣ братъ его князь Грозославъ [в «Родословной царей...» и далее в рукописи — Землесилъ] у котораго въ это время была великая любовь съ новгородскимъ княземъ Переемъ-Гучеи у котораго въ это время возникла

* В примечании говорится, что, по сведениям ростовской рукописи, принадлежавшей Е.В. Трехлетову, город Гелон ныне называется Елабуга Вятской губернии.

В другбїи рукописи А.Я. Артынова «О древностяхъ Ростова Великого» (л. 2) сказано, что Александр Македонский построил на берегу реки Камы город и назвал его Гелон или Эллады-бог. На Руси название «эллады-бог» превратилось в «Елабуга».

великая вражда съ новгородскими жрецами и съ Новгородцами по проискамъ <техъ> же жрецовъ Перуна Новгородскаго за принятіе Новой Христiянской вѣры после воскресенія изъ мертвыхъ сына его...» (16, с. 115–116).

«Мѣстожителство князя Перея Тучи въ Ростовской землѣ древнiя развалины городка основанного княземъ Владимiромъ Вандаломъ. На берегу рѣки Ишни...» (16, с. 116).

Шестой тысящи седьмаго ста лѣтъ дѣянiя

«Когда еще Свѣтозвѣздъ былъ въ молодыхъ лѣтахъ въ это время были у него два <учителя> по имени Славолубъ и Ясень, которыхъ ростовцы за вѣру Христiянскую предали обѣихъ мучительной смерти» (16, с. 122).

«Первыи шагъ его [князя Гремислава] была война съ народами Муромой и Вѣсью, которыя мстили ростовцамъ За—Волочья но ихъ князья Туросвѣтъ и Варгунъ поразили жестоко на берегу р. Томарки, опасаясь подобнаго пораженія Муромы послали тайныхъ убiицъ въ Ростовъ убить князеи побѣдителии ихъ, а на ипаче князя Гремислава, но этого имъ сдѣлать не удалось, А только одной бурной ночью превратили въ пепель теремъ князя Гремислава, которыи достался ему отъ богатыря Вышаты. Во время этого пожара сгорело всѣ Заравье съ городскою стеною и воротами, это вооружило князя Гремислава и другихъ князеи мшенiемъ, они пошли на Вѣсъ и Мурому съ Великою силою ратною и побѣдили сопототивниковъ своихъ пошли и на союзниковъ ихъ Мордву и Черемису и построили крѣпкой городъ на рѣкѣ Мере.

Не много прошло мирнаго времени послѣ этой войны князь Гремиславъ после усмиренія всѣхъ внешнихъ враговъ по согласію всѣхъ князеи роставскихъ князь Гремиславъ ходилъ на общiи Совѣтъ въ Великои Новгородъ, гдѣ положено было съ Новгородскимъ княземъ и его союзниками идти на рѣку Дунаи противо римлянъ притѣсняющихъ одноплемѣнниковъ и сродичеи славяноруссовъ» (16, с. 122–123).

«Вскорѣ Великая полунощная рать Славяно—Скиоовъ и Сарматовъ наводнила придунайскiя берега, и тамъ имѣли они не однократныи бои съ самимъ римскимъ Кесаремъ Маркомъ Аврелiемъ, которыи водно время напалъ на нихъ на гладкомъ лѣдѣ рѣки Дуная жестоко поразилъ ихъ и много взялъ въ плѣнъ, въ числѣ котораго взяты были два молодыя князя ростовскiи князь Позвѣздъ и князь Иракль—Изборъ пришедшiи изъ города Стугны...» (16, с. 123–124).

Шестои тысящи осьмаго ста лѣтъ дѣянїя

«Чрезъ несколько времени сдѣлалъ онъ [князь Гремисвет] новыя городскїя ворота, новымъ дѣломъ весьма хитро, въ особенности Чудскїя и Молочныя со многими тайниками и забралами на дивъ людемъ.

Тишина и спокойствїе ростовцевъ нарушено было войною съ народами севѣрянами, древлянами и полянами» (16, с. 125–126).

«У княгини Ненилїи былъ родной дядя братъ ея матери по имени Вѣтрило Шугоръ, который пришелъ къ ней въ роставскую землю и посѣлился въ дремучемъ и не проходимомъ лѣсу на тихихъ озерахъ рѣки Нерли, къ нему ходили туда многїя потаенныя христіане, которые называли себя кто буривоевцами, кто крепкомысловцами а которыя славолюбцами, по именамъ своихъ учителей. Которыя жили въ различныхъ мѣстахъ въ окрестностяхъ Ростова» (16, с. 128–129),

«В одно время роставцы собрались съ княземъ Судиславомъ воевать съ поливонскими Оинами или народомъ Мереи» (16, с. 129).

«...Поливонскїе Оиномерыне разбили ростовцевъ наголову... Ростовъ былъ раззоренъ и заселенъ былъ густо мерянами, и земля ростовская стала быть достоянїе ихъ» (16, с. 130).

«<Намѣсникъ> ростовскїя области Скандинавскїи князь Фрелафъ управлялъ всею ростовскою землею назвалъ ее мерянской землею» (16, с. 131).

Шестои тысящи девятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Блистательные дѣла славянорусской республики* подвинули на зависть къ завоеванїю оныя заморскаго короля <Елоуса> который плѣнилъ Ростовскую землю прошелъ сквозь оныя съ мечемъ и огнемъ, разорвалъ конями знаменитую героиню и Великую красавицу царьдѣвицу супруго Ательскаго Царя, братья Ея Триславъ и Запрудъ дети князя Шустика кинжалами закололи его.

Князья Триславъ и Запрудъ не возобновили раззоренныхъ своихъ теремовъ вновь, опасаясь подобнаго погрома основали ихъ въ дремучихъ лѣсахъ» (16, с. 133).

«Въ это время князья братья Триславъ-Саръ, Запрудъ-Аммїи дети князя Шустика <одновременно вступили въ супружество>...» (16, с. 135).

* В примечании Артынов отмечает: некоторые писатели утверждают, что славяно-русская республика состояла из народов — русь, славяне, меря, весь, кривичи и мордва (Геродот, Иордан, Адам Бременский и Шафарик).

«В это время князь <Запрудъ> съ другими князьями собравшись съ великими дружинами ходили рѣкою Днѣпромъ и Кроніискимъ Понтомъ воевать въ богатую Грецію. Но этотъ походъ былъ для нихъ весьма губеленъ. Молодой князь <Запрудъ> палъ въ первой битвѣ съ Греками на устьѣ рѣки Дуная и многія князья получили себѣ тяжкія раны» (16, с. 135).

Шести тысячъ десятаго ста лѣтъ дѣянїя

«Теперь они [славяне] снова приняли походъ далечаишїи и уже не въ Римскую и Цыцарскую Земли А въ краесвѣтную Африку. По стопамъ предковъ своихъ для этого они соединились съ окрѣсными народами, волеи не волеи но увлекли ихъ съ собою подъ предводительствомъ знаменитаго своего князя и старейшины Простена прозваннаго Гандезерикомъ, и сына его князя Свѣтида внука князя Тучегона съ которыми они прошли и взяли въ плѣнъ много приморскихъ городовъ по берегу Средиземнаго моря.

Въ это самое время тамъ римскїи Кесарь Максентїи — <Геркулъ> давалъ князю Простену великія дары за то чтобы они сдѣлали ему помощь противъ восточнаго царя Константина. Но онъ такое предложенїе <отвергъ>» (16, с. 138–139).

«Они съ береговъ Средиземнаго Моря пошли къ горе Арики, гдѣ отъ зною и жажды не сносныхъ для северныхъ народовъ потерпѣли великую потерю въ дружинахъ своихъ съ которыми князь Простенъ [прошел] немалое пространство той страны.

Среди громкой славы и завоеванїи своего Родителя князь Свѣтидъ испрося дозволенїя у своего Родителя предпринялъ по своему любознанїю сдѣлать три испытанїя Первое испытать далеко-ли конѣцъ земли, Второе, узнать высоту поднебъсную, Третье, узнать глубину морскую, для этого онъ пустился въ путь одинъ по долгому странствованїи обильномъ дивными приключенїями онъ наконецъ возвратился въ свое отечество съ великою корыстію» (16, с. 139).

«В одно время бывшїи перевощикъ чрезъ рѣку Днѣпръ князь Кїи, приѣхалъ въ Роставъ съ братомъ своимъ княземъ Щекомъ къ зятю своему князю Громосилу звать его въ походъ вмѣстѣ съ собою воевать богатую Грецію, въ это время князь Щекъ увезъ съ собою въ городъ Кїевъ княжну Вексу дочь князя Лѣсогона Одноуса съ которой онъ тамъ вступилъ въ супружество» (16, с. 141).

«Около этого времени нѣкто изъ потомковъ князя Сельника по имени Силоволь-Рыжко, принялъ гонимую въ ростовской области вѣру Христіанскую отъ преславуатаго старца Всѣвѣда Славодума, который назывался еще Тарасѣемъ» (16, с. 142).

Седьмой тысячи перваго ста лѣтъ дѣянїя

«Прошло с техъ поръ два столѣтїя когда заморской король <Елоусъ> опустошилъ мечемъ и огнемъ ростовскую Землю. Это бедствїе теперь отразилось въ большею силою на ево отечество въ которомъ царили потомки ево, это королевство <бичъ> Италїи наконецъ было стерто съ лица Земли, и существованїе Его перешло въ преданїе старины храбростїю знаменитаго греческаго полководца Нарцыса и славяно-рускаго князя Вихреслава сына князя Гунчака, сеи юныи князь Вихреславъ былъ правою рукою Нарцыса...» (16, с. 146).

«...въ пятое лѣто его [малолетнего князя Горюша] правленїя былъ въ Роставъ великой Пожаръ которыи въ числѣ многихъ теремовъ княжихъ истребилъ и превратилъ въ пепель едва не весь Великїи Ростовъ, въ томъ числѣ и преславутии храмъ бога Велеса, дивныя знаменїя были предвѣсьниками этого пожара прежде всего звезда хвостата явилась въ нощи стоящи надъ храмомъ Велеса и Хвостомъ своимъ едва не задѣла верхъ его <досизающей> едва недооблаковъ, въ это же самое время были и другїя знаменья» (16, с. 150).

Седьмой тысячи втораго ста лѣтъ дѣянїя

«В одно время ростовской старейшина “Многосиль”» ходилъ съ дружинами своими воевать съ народомъ Муромой за хищныя его набѣги и уводъ у воды дѣвиць: зачто жестоко онъ поразилъ Мурому и в самыи день прихода его въ Роставъ видѣлъ ужасное бѣдствїе своего роднаго города Нашла страшная громовая туча съ проливнымъ дождемъ и градомъ отъ которыя сожжено было молнїей много домовъ и теремовъ и двѣ трети устретенской городской стены которую вскорѣ и построили новую вмѣсто погоревшей и поставили нанеи на дивь всемъ людемъ три великїя башни съ забралами и тайниками, въ это же время исправивъ обвѣтшавшія Чудскїя ворота и постави нанихъ чудную четырехъ угольную башню по образцу Цыцарскихъ башенъ забралами, бойницами и тайниками» (16, с. 153–154).

Седьмой тысячи третьяго ста лѣтъ дѣянїя

«...князь Гераклить какъ и отецъ выгнанъ былъ братьями своими вонъ исъ княжества отца ихъ Скрываясь отъ нихъ въ разныхъ странахъ на-конецъ нашель себѣ убѣжище въ Великомъ Новѣ городѣ гдѣ Новгородскїи князь выдалъ за него дочь свою княжну Елеспонту. Съ которои Онъ и с великою Новгородскою ратїю пошелъ добывать отъ

братей своихъ отцавскую часть наслѣдія своего... взялъ приступомъ княжество отца своего... и возвелъ на княжество престарелаго отца своего Эмму» (16, с. 155–156).

«Князь Аппонїи сынъ Гераклитавъ имѣлъ у себя три сына по имени Катулуса, Ладона и Олега...» (16, с. 158).

Седьмой тысячи четвертаго ста лѣтъ дѣянїя

«Князь Катулусъ Мудрой по смерти родителя своего князя Аппонїя сталъ править его княжествомъ мудро. Храбростїю своею получилъ себѣ супругу знаменитую героиню того времени по имени Софарису. Которой онъ лишился въ битвѣ въ горахъ Карпатскихъ съ королемъ франковъ Карломъ Великимъ которую за целомудріе ее и вѣрность къ супругу своему римскїи Папа Левъ III сжегъ мучительно на кострѣ» (16, с. 159).

«Последнїй походъ князя Свѣтогора [в «Родословной царей...» — Свѣтозарѣ] былъ на Мурому и Чудь...» (16, с. 159).

«Малолѣтство сына его [Свѣтогора или по «Родословной царей...» — Свѣтозара] князя Небослава было для Ростовской области самое тяжкое, Ростовъ былъ плененъ варягами которымъ платили они тяскую дань по бѣлкѣ съ дыма.

Князь Катулусъ сынъ Аппонїя имѣлъ у себя три сына по имени Рюрейхъ — Рюрикъ, Синеусъ, и Труворъ изъ нихъ князь Рюрикъ былъ первыи Великїи князь рускїи» (16, с. 159).

«Въ это время Новгородскїя и Роставскїя Славяна имѣли всеобщїи Совѣтъ о выборѣ себѣ князя которой бы защищаль ихъ отъ Внешнихъ враговъ и внутреннихъ не урядицъ Въ это время прошла Молва, что три брата Варяжскїя князья плѣнили столицу Карла Великаго короля франковъ...» (16, с. 160).

«У князя Небослава былъ исъ первыхъ Совѣтниковъ житель Великаго Ростова по имени Русинъ Михей который производилъ Великою торговъ съ Тавридою и Греціею котораго корабли плавали по греческимъ морямъ...» (16, с. 160).

«Предводитель мирныхъ варяговъ князь Рюрикъ мстя смерть своей матери королю франковъ Карлу Великому разгромилъ столицу его Лютецію (Парижъ) и надъ воротами оныя повѣсилъ побѣдоносныи щитъ свои. Это онъ всѣ сдѣлалъ по завѣту родителя своего князя Катулуса умершаго съ печали по супругъ своей» (16, с. 161).

**Родословная царей, старейшин и князей
от прародителя Ноя до великого князя Рюрика
и князей Великого Ростова*
(по материалам А.Я. Артынова)**

Лѣто отъ Сотворенїя Мїра третей тысячи втораго ста лѣтъ

Третеи тысячи третїе сто лѣтъ

1. Ной
2. Симъ I
3. Хамъ I
4. Иауетъ I (СР)

17. Людіиль 11 (СР)

18. Каинанъ 11
19. Иермодонъ 11

Третеи тысячи четвертое сто лѣтъ**

5. Гамеръ 4 [СР]
6. Магогъ 4
7. Мадай 4
8. Иованъ 4
9. Елеса 4
10. Оувель 4
11. Мосохъ 4 (СР)
12. Оирасъ 4

Третеи тысячи шестое сто лѣтъ**

20. Лудъ 14
21. Осса 14
22. Гатеръ 14 (СР)
23. Сармоовъ 14
24. Ароаксадъ 17 (СР)
25. Аoirъ 17
26. Эктанъ 17

Третеи тысячи пятое сто лѣтъ

13. Асханось 5
14. Риоадъ 5 (СР)
15. Ооргамъ 5
16. Салекъ 11

Третеи тысячи седьмое сто лѣтъ

27. Маема 22
28. Идумъ 22
29. Майнанъ 22 (СР) (Каинанъ)
30. Рагуиль 24
31. Завѣдъ 24
32. Оирасъ 24 (СР)
33. <Омаръ> 24

* Материалы по родословной царей, старейшин и князей у А.Я. Артынова имеют такое же название, как и общее наименование всей рукописи. Поэтому для исключения путаницы при ссылках на источник здесь дано несколько измененное название.

Хронология в «Родословной царей...» не всегда соответствует хронологии упоминания этих же имен в тексте рукописи. В отдельных именах имеется расхождение по сравнению с рукописью.

Цифра после имени указывает порядковый номер отца. По сравнению с материалами Артынова опущены некоторые повторяющиеся фразы, а также дублирующая хронология от потопа и введены следующие обозначения: (СР) — родоначальник славяно-русского народа; (РЮ) — родоначальник князя Рюрика; (РО) — родоначальник ростовских князей.

В круглых скобках в отдельных случаях дается написание имени, приведенное в тексте рукописи. В квадратных скобках дано написание имен, на основе анализа текста рукописи по мнению автора книги (Ю.Я.). В угловых скобках указаны имена с неясным написанием.

** Наименование столетия в рукописи отсутствует (Ю.Я.).

Трети тысячи осьмое сто лѣтъ

- 34. Масмуоъ 29
- 35. Асермооъ 29
- 36. Амазидъ 29 (СР)
- 37. Одарръ 29
- 38. Даданъ 32 (СР)
- 39. Еливанъ 32

Трети тысячи девятое сто лѣтъ

- 40. Алланъ 36
- 41. Адоарръ 36 (СР)
- 42. Оомусъ 36
- 43. Сармооанъ 38
- 44. Авегѣя 38
- 45. Арданъ 38
- 46. Ула-росс 38 (СР)

Трети тысячи десятое сто лѣтъ

- 47. Заза 41
- 48. Елиса 41
- 49. Лудъ 41 (СР)
- 50. Сувавъ 41
- 51. Ваанъ 41
- 52. Евилъ 46 (СР)
- 53. Унамль 46

Четвертой тысячи первое сто лѣтъ

- 54. Озва 49
- 55. Годуиръ 49
- 56. Оалеоъ 49 (СР)
- 57. Ахасанъ 52
- 58. Иоасанъ 52
- 59. Юрахъ 52 (СР)
- 60. Ассуръ 52

Четвертой тысячи второе сто лѣтъ

- 61. Адаръ 56
- 62. Алуй 56
- 63. Рагуиль 56
- 64. Рагуза 56 (СР)
- 65. Лакаонъ 59
- 66. Рагавъ 59 (СР)

Четвертой тысячи третье столѣтїе

- 67. Сала 64 [Салъ]
- 68. Енохъ 64
- 69. Салама 64 [Саламъ]
- 70. Авлонъ 64 (СР)
- 71. Ассонъ 64
- 72. Евилъ 66
- 73. Авегѣя 66 (СР)
- 74. Маема 66

Четвертой тысячи четвертое сто лѣтъ

- 75. Гамаиль 70
- 76. Иоафъ 70
- 77. Асатиръ 70 (СР)
- 78. Хеттура дочь 73 (СР)

Четвертой тысячи пятое сто лѣтъ

- 79. Савва 77 [Савъ]
- 80. Даннавъ 77 (СР)
- 81. Киддакъ 77
- 82. Гектанъ 77
- 83. Пайнось 80 (Плинось)
- 84. Скалопиоъ 80
- 85. Салплад 80
- 86. Моза 80 (СР)
- 87. Уламль 80
- 88. Мааль 86
- 89. Элладъ 86
- 90. Раоаи 86
- 91. Севегонъ 86 (СР)
- 92. Авѣя 91 (СР)
- 93. Евудъ 91
- 94. Азаиль 92
- 95. Иесерь 92
- 96. Авдѣя 92
- 97. Оусаломъ 92
- 98. Диссонъ 92 (СР)
- 99. Махиръ 92
- 100. Ооара 92 [Ооаръ]

Четвертой тысячи шестое сто лѣтъ

- 101. Руно 98
- 102. Докѣинъ 98
- 103. Риссонъ 98 (СР)

Четвертой тысячи седьмое сто лѣтъ*

104. Роѡамъ 103
 105. Велѣудъ 103 (СР)
 106. Садръ-Сиггъ 103
 107. Авиезерь 103
 108. Аліудъ [103]

Четвертой тысячи осьмое сто лѣтъ*

109. Валець 105
 110. Рекль 105
 111. Сихей 105 (СР)
 112. Азаиль 105

Четвертой тысячи девятое сто лѣтъ

113. <Тасуи> 111
 114. Миха 111
 115. Ёирасъ 111 (СР) (Зоравъ)
 116. Мосоломъ 111
 117. Адаи 111

Четвертой тысячи десятое сто лѣтъ

118. Сувавъ 115
 119. Адонія 115
 120. <Іафія>115
 121. Елиадонъ 115
 122. <Ивасъ> 115
 123. Варисъ 115 (СР)
 124. Егонія 115

Пятой тысячи первое сто лѣтъ

125. Севегонъ 123 (СР) (Северонъ)
 126. Савадіи 123

Пятой тысячи второе сто лѣтъ

127. Ёіла 125
 128. Амвріи 125 (СР)
 129. Асовѣдъ 125
 130. Семей 125
 131. Ананія 125

Пятой тысячи третіе сто лѣтъ

132. Иракль 128
 133. Еливанъ 128
 134. Даданъ 128
 135. Сорїиль 128 (СР)

Пятой тысячи четвертое сто лѣтъ

136. Месемвріи 135 (СР)
 137. Ругаиль 135
 138. Киддакъ 135

Пятой тысячи пятое сто лѣтъ

139. Узоль 136
 140. Ёорсисъ 136 (СР)
 141. Ёагоръ 136
 142. Гамасиль 136
 143. Улуи 136
 144. Идумъ 140
 145. Садукъ 140 (СР)
 146. Ависа 145
 147. Іеферъ 145
 148. Завѣдъ 145
 149. Елусъ 145
 150. Ора 145 [Оръ]
 151. Вальма 146** (145) (СР)

Пятой тысячи шестое сто лѣтъ

152. Іераи 151
 153. Массилла 151
 154. Заза 151 [СР]
 155. Миселла 151 (СР)***
 156. Хелкїи 155 (154)
 157. Аядъ 155 (154)
 158. Іоседекъ 155 (154)
 159. Симсесь 155 (154) (СР)
 160. Ахитавъ 155 (154)

Пятой тысячи седьмое сто лѣтъ

161. Вама 159 (СР)
 162. Авихамъ 159

* Разбивка на столетия дана предположительно (Ю.Я.).

** Указано ошибочно. По тексту рукописи отцом Вальмы был Садук.

*** Указано ошибочно. По тексту рукописи родоначальником славяно-русского народа был Заза, сыновьями которого соответственно являются №№ 156–160.

Пятой тысячи осьмое сто лѣтъ

163. Россоломъ 161
 164. Серрилъ 161
 165. Вѣкра 161
 166. Дорса 161 (СР)
 167. Соръ 166 (СР) (Сора)
 168. Геѡемонъ 166
 169. <Салелаи>166
 170. Іамонъ 166
 171. Захафъ 166
 172. Іелмадокъ 166

Пятой тысячи девятое сто лѣтъ

173. Аѡаимъ 167
 174. Іосія 167
 175. <Асосѣдъ>167
 176. Асфaгеллъ 167
 177. Ѡама 167 (СР)
 178. Мааль 177
 179. Марилль 177
 180. Ѡаонъ 177 (СР)
 181. Саѡонъ 177

Пятой тысячи десятое сто лѣтъ

182. Халевъ 180
 183. Геркаонъ 180
 184. Россоломъ 180 (СР)
 185. Аримъ 180
 186. Есаи 180
 187. Славянъ 184 (СР)

188. Корсъ 184
 189. Сологаи 184
 190. Сфорца 184
 191. Маріѡѡъ 187
 192. Ловеніи 187
 193. Вандаля 187 (СР)
 194. Елканъ 187
 195. Мааль 187

Шестой тысячи первое сто лѣтъ

196. Изборъ 193
 197. Столпосвѣтъ 193
 198.* Владимиръ 193 (СР)
 199. Анеѡоиль 198
 200. Саръ 198 (СР)
 201. Вѣклъ 198 (Вѣкра)
 202. Дубронъ 198

Шестой тысячи второе сто лѣтъ

203. Чендаръ 200
 204. Сохатъ 200
 205. Ахеи (Аѡеи) 200 (СР)
 206. Печегдъ 205 (СР)

Шестой тысячи третіе сто лѣтъ

207. Мудрольтъ 206
 208. Ставь 206
 209. Сотъ 206
 210. Прототіи 206

Отъ князя Печегда пошли два поколенія князеи Старшая Линія отъ князя Мудрольта пошла, князь Мудрольтъ былъ родоначальникъ Перваго Рускаго князя Рюрика, Младшая Линія отъ князя Прототія пошла князеи ростовскихъ поколенія. О которыхъ Великій князь Олегъ упоминаетъ въ договоръ съ греческими князьями. «На Ростовъ гдѣ великіа князья подъ Олегомъ володѣють».

* После № 198 у Артынова следует фраза «Знаменитые люди и полководцы этого времени были Вандаля, Изборъ, Столпосвѣтъ, Владимиръ, Неро и Кедрон».

Старшая Линія

211. Агтилїи-Регуль 207 (РЮ)
 212. Дометїи 207
 213. Катонь 211 (РЮ)
 214. Кублїи 211
 215. Лентуль 211

Младшая Линія*

303. Мадїи 210 (РО)
 304. Гогара 210
 305. Стадись 210

Шестои тысячи четвертое сто лѣтъ

216. Траянъ 213 (РЮ)	306. Локтись 303 (РО)
217. Комонь 213	307. Ваграмъ 303
218. Тацыгъ 213	308. Сатьма 303
219. Маркель 216	309. Мирма 303
220. Ѡабїи 216 (РЮ)	310. Цвѣтодухъ 303
	311. Саблукъ 306
	312. Горыня 306
	313. Свѣтозарь 306 (РО)
	314. Доброславъ 313 (РО)
	315. Славославъ 313
	316. Вѣтрославъ 313
	317. Дубославъ 313

Шестои тысячи пятое сто лѣтъ

221. Маркель 220 (РЮ)	318. Мечиславъ 314 (РО)
222. Протозилаи 220	319. Многославъ 314
223. Кнеусъ 220	320. Вышеславъ 314
224. Платонъ 220	321. Вышеславъ 318 [РО]**
225. Птоломеи 221	322. Доброславъ 318
226. Кельсїи 221 (РЮ)	323. Дубославъ 318
227. Юлїи 221	324. Шестакъ 321
228. Октавіи 226 (РЮ)	325. Релць 321
229. Патрикїи 226	326. Мечиславъ*** 321 (РО)
230. Августуліи 226	(Силославъ)
231. Коринеи 226	
232. Прусь 226	

* Нумерация идет после окончания нумерации старшей линии.

** По тексту рукописи Вышеслав являлся родоначальником ростовских князей.

*** По тексту рукописи родоначальником ростовских князей был Силослав.

Шестой тысячи шестое столѣть

233. Эннїи 228 (РЮ)	327. Мечиславъ 326 (РО)
234. Стратонъ 228	328. Славославъ 326
235. Полонїи 228	329. Миролюбъ 326 [РО]*
236. Иракль 233 (РЮ)	330. Мирославъ 329 (РО)**
237. Кнеусъ 233	331. Ратоборъ 329
238. Люцыллїи 233	332. Грозославъ 329
239. Помпеи 236	333. Рудакъ 331
240. Александръ 236 (РЮ)	334. Бульба 331
241. Дометїи 240 (РЮ)	335. Силославъ 331 (РО)
242. Верусъ 240	336. Бъжибогъ 331
243. Клеонъ 240	337. Брячиславъ 335 (РО)
244. Птоломеи 240	338. Полканъ 335
245. Аркадіи 241	339. Дубыня 335
246. Кустодїи 241 (РЮ)	340. Лепозоръ 335
247. Онорїи 241	341. Буря 335
248. Коринїи 246	342. Почепаль 337 (Полегонъ)
249. Иракль 246 (РЮ)	343. Зонарь 337 (РО)
	344. Землесиль 343 (РО)
	345. Кустодїа 343
	346. Ратоборъ 343
	347. Горосвѣтъ 344
	348. Буревои 344 (РО)***
	349. Буриной-Ваидевуть 344
[РО]***
	350. Буреломъ 348 (РО)
	351. Вѣтрогонъ 348
	352. Нагиба 348

Шестой тысячи седьмое столѣть

250. Кнезїи 249 (РЮ)	353. Мечелюбъ 350
251. Эннїи 249	354. Клеонъ 350
252. Стратонъ 249	355. Звениславъ 350 (РО)

* По тексту рукописи родоначальником ростовских князей был Миролюб.

** В тексте № 330 и 331 объединены: Мирослав-Ратобор, видимо, поэтому для следующего поколения Ратобор указан отцом №№ 333–336.

*** В тексте только один Буриной-Ваидевут, который и был родоначальником ростовских князей.

253. Өаба 249	356. Зародъ 350
254. Симїи 250	357. Рокитъ 350
255. Ликїи 250	358. <Буревой>355 (РО) (Сило-
воль)
256. Германъ 250 (РЮ)	359. Вихреславъ 355
	360. Дуботолкъ 355
	361. Туросвѣтъ 358
	362. Гремиславъ 358 (РО)
	363. Почекаль 358
	364. Буйносъ 362 (РО)
	365. Осина 362
	366. Талець 362
	367. Шулець 362

Шестои тысячи осъмое сто лѣтъ

257. Страбонъ 256	368. Яславъ 364 (РО)*
258. Икаръ 256 (РЮ)	369. Подгоръ 364*
259. Нептолемъ 256	370. Дубрава 368 (Дуброва)
260. Оръ 256	371. Судиславъ 368 (РО)
	372. Голаха 368 [Голахъ]
	373. Бакланъ 368
	374. Мечелюбъ 371
	375. Тугаринъ 371 (РО)
	376. Битка 371
	377. Горята 375 [Горятъ]
	378. Деряхъ 375
	379. Шустикъ 375 (РО)
	380. Бълунъ 375
	381. Балмакъ 375

Шестои тысячи девятое сто лѣтъ

261. Лукїи вудъ 258 (РЮ)	382. Триславъ 379 (РО)
(Триславъ—Саръ)
262. Ставопеи 258	
263. Северъ 261 (РЮ)	383. Запрудъ 379 (Запрудъ—
Аммїи)
264. Кустодїонъ 263 (РЮ)	

* По тексту рукописи у Буйноса был сын Гремисвет, сыновьями которого уже и были Яслав и Подгор.

265. Кнеусъ 263	384. Зарудъ 382
266. Юліи 263	385. Душило 382
267. Сосипатръ 263	386. Дунило 382
268. Салюстіи 263	387. Аларикъ 382 (РО)
	388. Систанъ 382
	389. Тучегонъ 387 (РО)
	390. Кузлеи 387
	391. Обирь 387
	392. Простень 389 (РО)*

Шестои тысячи десятое сто лѣтъ

269. Салтіи 264 (РЮ)	393. Нечай 392
270. Юрадъ 264	394. Светидъ 392 (РО)
271. Гаманъ 264	395. Осока 392
272. Помпоніи 269 (РЮ)	396. <Кутня> 392**
273. Геркуль 269	397. Лань 392**
274. Страбонъ 269	398. Лесогонъ 392
275. Гератъ 272	399. Свѣтогоръ 394
276. Мадіусъ 272 (РЮ)	400. Громосилъ 394
	401. Шустикъ 394 (РО)***
	402. Сарганъ 394
	403. Рудакъ 394
	404. Боделавъ 394
	405. Сельникъ 394 (400)
	406. Рославль 394 (РО) (400)
	407. Спирецъ 394 (400)
	408. Рѣзакъ 394 (400)
	409. Синдабъ 406 (РО)
	410. Роканецъ 406
	411. Полуи 406
	412. Солоть 409
	413. Гунчакъ 409 (РО)
	413. Хауръ 409 [ошибка —
повторение номера]
	414. Торлыга 409

* В рукописи дано также прозвище — Гандезерик.

** В тексте рукописи одно имя: Кутня-Лань.

*** По тексту рукописи родоначальником ростовских князей был не Шустик, а Громосил, у которого были сыновья №№ 405—408.

Седьмой тысячи первое столѣть

277. Тразїи 276	415. Стульсь 413
278. Лакаонъ 276	416. Вихреславъ 413 (РО)
279. Гетуреи 276	417. <Ръна> 413 (Ръма)
280. Діомидъ 276 (РЮ)	418. <Подсьль> 413 (Подльсь)
281. <Тробадуръ>280	419. Дитларъ 416
282. Куява 280 (РЮ)	420. Гремиславъ 416 (РО)
283. Симесь 282	421. Святославъ 420 (РО)*
284. Поліонъ 282 (РЮ)	422. Вышата 420
285. Агувелаи 282	423. Губъ 420
286. Каянъ 282	
287. Левкіи 284	
288. Спирось 284 (РЮ)	
289. Кнеусъ 284	
290. Геродотъ 284	

Седьмой тысячи второе столѣть

291. Деборусъ 288	424. Брячиславъ 421 (РО)
292. Емма 288 (РЮ)	425. Голузъ 421
293. Геріонъ 292	426. Ванча 421
294. Гераклитъ 292 (РЮ)	427. Брехаи 424
295. Александръ 292	428. Балмакъ 424
	429. Ерила 424 [Ериль]
	430. Новославъ 424 (РО)
	431. <Колокунъ> 424
	432. Иссадь 424
	433. Мауръ 430
	434. Куча 430
	434. Светославъ 430 (РО)
	[ошибка — повторение
номера]
	435. Омача 430
	436. Брячиславъ 434
	437. Курята 434 (РО)
	438. <Калячь> 434 (Колячь)

* По тексту рукописи у Святослава был сын Святополк, одним из сыновей которого уже был Брячислав (№ 424).

Седьмой тысячи третіе столѣтъ

296. Аппоніи 294 (РЮ)	439. Святославъ 437 (РО)
297. Катулусъ 296 (РЮ)	440. Осока 437
298. Ладонъ 296	441. Горбыня 437
299. Олегъ 296	442. Громобои 437
	443. Роканецъ 437
	444. Свѣтозаръ 439 (РО) (Свѣ-
тогоръ)
	445. Свѣтополкъ 439
	446. Свѣтосиль 439
	447. Свѣтолюбъ 439
	448. Вихреславъ 444
	449. Небославъ 444 (РО)

Седьмой тысячи четвертое столѣтъ

300. Рюрикъ 297	450. Мечеславъ 449
301. Синеусъ 297	451. Рукославъ 449
302. Труворъ 297	452. Горославъ 449 (РО)
	453. Лежиславъ 452
	454. Бѣгиславъ 452
- Изъ нихъ князь Рюрикъ былъ
первыи князь земли русской

Литература

1. *Абаев В.И.* Осетинский язык и фольклор. М.-Л.: АН СССР, 1949.
2. *Абаев В.И.* Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965.
3. *Абаев В.И.* О некоторых лингвистических аспектах скифо-сарматской проблемы. МИА. 1971. № 177, с. 11.
4. *Абаев В.И.* К вопросу о прародине и древнейших миграциях индоиранских народов. В кн.: Древний Восток и античный мир. М.: МГУ, 1972.
5. *Авдусин Д.А.* Археология СССР. М.: Высшая школа, 1977.
6. *Авиен Руфий Фест.* Описание земного круга. SC. II, 2, с. 358.
7. *Акрон Гелений.* SC. II, 1, с. 35.
8. *Алексеев В.П.* Антропологические типы Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье) в эпоху неолита и бронзы. ВИСДВ. Новосибирск: АН СССР, 1961.
9. *Алексеева Т.И.* Антропологическая характеристика славянских племен бассейнов Днепра и Оки в эпоху средневековья. ВА. 1960. Вып. 1, с. 97, 101.
10. *Аристофан.* Схолии к птицам. SC. I, 1, с. 353.
11. *Арриан.* Поход Александра Великого. Тактика. История Парфии. SC, I, 2.
12. *Артамонов М.И.* Спорные вопросы древнейшей истории славян и Руси. КСИИМК. 1940. вып. VI.
13. *Артеменко И.И.* Среднеднепровская культура. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 372–373.
14. *Артеменко И.И.* Культуры шнуровой керамики (среднеднепровская, подкарпатская, городоско-здолбицкая, стжижовская). В кн.: Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987, с. 35.
15. *Артынов А.Я.* Воспоминания крестьянина села Угодич Ярославской губернии Ростовского уезда. Ростов, 1882.
16. *Артынов А.Я.* Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских. Рукопись. ГМЗРК, Р-235. 1888.
17. *Артынов А.Я.* Ростовский летописец. Рукопись. ГМЗРК. Р-649.
18. *Артынов А.Я.* Летопись бытия временных лет Ростова Великого. Рукопись ГМЗРК. Р-294.
19. *Артынов А.Я.* О древностях Ростова Великого. Рукопись. ГМЗРК. Р-295.
20. *Астрономический календарь / Ред. В.К. Абалакин.* М.: Наука, 1981. Табл. 7.
21. *Багаутдинов Р.С.* Применение огня в погребальном ритуале ямной и полтавкинской культур Поволжья. В кн.: Неолит и бронза на территории СССР. Краткие сообщения. М.: Наука, 1984. Вып. 177.
22. *Бадер О.Н.* Поздняковская культура. Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987, с. 131.
23. *Барроу Т.* Санскрит. М.: Прогресс, 1976, с. 26.
24. *Берг Л.С.* Физико-географические (ландшафтные) зоны СССР. Л.: ЛГУ, 1937. Ч. 1.
25. *Березанская С.С.* Восточнотшинецкая культура. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 437.
26. *Березанская С.С., Чередниченко Н.Н.* Срубная культура. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985. с. 471.

27. *Бернштейн С.Б.* Очерк сравнительной грамматики славянских языков. М.: АН СССР, 1961. С. 292–293.
28. *Бессонова С.С.* Памятники религии и искусства. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986, с. 157.
29. *Бессонова С.С.* Религиозные представления. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 121.
30. *Бибиков С.Н., Збеневич В.Г., Мовша Т.Г.* Трипольская культура. В кн.: Археология Украинской ССР. т.1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 191.
31. *Богданов А.П.* О могилах скифо-сарматской эпохи в Полтавской губернии и о краниологии скифов. М., 1880.
32. Большая Советская Энциклопедия. М., 1957. Т. 47, с. 184.
33. *Борисевич Г.В.* Хоромное зодчество Новгорода. В кн.: Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982, с. 286, 288.
34. *Братченко С.Н., Шапошникова О.Г.* Катакомбная культурно-историческая общность. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 418.
35. *Брюсов А.Я.* Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху. М.: АН СССР, 1952.
36. *Бунак В.В.* Происхождение и этническая история русского народа. ТИЭ. 1965. Т. 88, с. 190.
37. *Вандриес Ж.* Язык. Лингвистическое введение в историю. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937.
38. *Васильев И.Б.* Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы. В кн.: Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979.
39. *Васильев И.Б.* Энеолит лесостепного Поволжья. В кн.: Энеолит Восточной Европы. Куйбышев, 1980. Т. 235.
40. *Васильев И.Б., Матвеева Г.И.* У истоков истории Самарского Поволжья, Куйбышев: Куйбышевское книжн. изд-во, 1986.
41. *Васильев И.Б.* К проблеме взаимодействия индоевропейских и финно-угорских культур. В кн.: Древние культуры лесостепного Поволжья. Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1995. с. 214.
42. *Васильевский В.Г.* Византия и печенеги. Труды В.Г. Васильевского. Т. 1. Спб., 1908. Ссылка к с. 29.
43. *Великанова М.С.* Антропологический материал выхватинского могильника. В кн.: Пассек Т.С. Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднепровья // МИА. 1961. № 84.
44. *Великанова М.С.* Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М.: Наука, 1975, с. 18.
45. *Венелин Ю.И.* О готах. Об обрах. О споре между южанами и северянами на счет их россизма. М.: Университ. тип., 1848.
46. Всемирная История. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1955. Т. 1, с. 411; 1956. Т. 2. с. 138, 139.
47. *Вуич Л.Г.* Черепа из курганов эпохи бронзы и сарматского времени на левом берегу Нижнего Дона // МИА. 1958. № 62, с. 424.
48. *Вязмитина М.И.* Сарматское время. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986.
49. *Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Проблема определения первоначальной территории обитания и путей миграции носителей диалектов общиндоевропейского языка. В кн.: Конференции по сравнительно-исторической грамматике индоевропейских языков. М.: Наука, 1972, с. 20.

50. *Гаркави А.Я.* Сказания мусульманских писателей о славянах и русских. Спб., 1870.
51. *Геденов С.А.* Варяги и Русь. Спб., 1876.
52. *Гелланик.* Варварские обычаи / В.В. Латышев. ВДИ. 1952. № 2.
53. *Гельмольд.* Славянская хроника. М.: АН СССР, 1963.
54. *Герасимов М.М.* Восстановление лица по черепу. М.: АН СССР, 1955.
55. *Геродот.* История в девяти книгах. Л.: Наука, 1972.
56. *Гесиод.* Каталогос, фрагмент 55 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 295.
57. *Gimbutas M.* Notes on the Chronology and Expansion of the Pitgrave Culture. — In: L'Europe a la fin de e'age de la pierre: Act. Simp. Praha, 1961. P. 193—200.
58. *Gimbutas M.* The Relative Chronology of Neolithic and Chalcolithic Cultures in Eastern Europe, North of the Balkan Peninsula and the Black Sea. — In: Chronologies in Old World Archeology. Chicago, 1965, p. 459—502.
59. *Gimbutas M.* The First Wave of Eurasian Steppe Pastoralists into Copper Age Europe. — JIES. 1977, vol. 5, № 4, p. 279—310.
60. *Глазкова Н.М., Чтецов В.П.* Палеоантропологические материалы Нижне-волжского отряда сталинградской экспедиции // МИА. 1960. № 78, с. 292.
61. *Гомер.* Илиада. М.: Худ. лит., 1967.
62. *Горбунов В.С.* Об оценке социально-экономических и организационных структур срубной культурно-исторической общности. В кн.: Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994, с. 6—7.
63. *Горнунг Б.В.* Из предыстории образования общеславянского языкового единства. V международный съезд славистов. М.: АН СССР, 1963.
64. *Городцов В.А.* Результаты археологических исследований в Изюмском уезде Харьковской губернии 1901 года. Труды XII. АС. Т. 1. М., 1905.
65. *Городцов В.А.* Бытовая археология. М., 1910, с. 384.
66. *Городцов В.А.* Дако-сарматские религиозные элементы в русском народном творчестве. ТГИМ. 1926, вып. 1.
67. *Горюнова Е.И.* К вопросу о культурных и этнических связях населения Верхнего Поволжья и Западного Приуралья в I тысячелетии нашей эры. УЗМНИИЯЛИ. Йошкар-Ола, 1954, вып. VI, с. 108.
68. *Горюнова Е.И.* Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. 1961, № 94.
69. *Граков Б.Н.* Каменское городище на Днепре // МИА. 1954. № 36, с. 20.
70. *Граков Б.Н.* Скифы. М.: МГУ, 1971.
71. *Гриневиц Г.С.* Праславянская письменность. Результаты дешифровки. М.: Общественная польза, 1993.
72. *Грозный Б.* Хеттские народы и языки // ВДИ. 1938. № 2, с. 28.
73. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1955.
74. *Даниленко В.Н.* Неолит Украины. Киев: Наукова думка, 1969.
75. *Дебец Г.Ф.* Расовые типы населения Минусинского края в эпоху родового строя // АЖ. 1932. № 2.
76. *Дебец Г.Ф.* Материалы по палеоантропологии СССР. Нижнее Поволжье // АЖ. 1936. № 1, с. 65—80.
77. *Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР. М.—Л.: АН СССР, 1948.
78. *Дебец Г.Ф.* Физический тип людей днепро-донецкой культуры. СА. 1966.
79. *Дебец Г.Ф.* О физических типах людей скифского времени. ПСА. М.: Наука, 1971, с. 9.

80. *Дексипп*. Летопись. SC. I. 3, с. 651.
81. *Св. Димитрий митрополит Ростовский*. Сочинения. Т. IV. М.: Синодальная тип., 1827.
82. *Динцес Л.А.* Русская глиняная игрушка. ТИАЭА. М.-Л.: АН СССР, 1936, с. 41, 43.
83. *Диодор Сицилийский*. Библиотека. SC. I, 2, с. 458–459.
84. *Дион Хризостом*. Борисфенитская речь. SC, I, 1, с. 173.
85. *Дионисий Галикарнасский*. Римские древности. SC, I, 2, с. 480.
86. *Дьяконов А.П.* Известия Псевдо-Захарии о древних славянах // ВДИ. 1939, № 4.
87. *Евстафий*. Комментарии к землеописанию Дионисия. SC. I, 1, с. 194.
88. *Епифаний*. Оглавление. SC. I, 3, с. 708.
89. *Забелин И.Е.* История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. М.: Синодальная тип., 1908.
90. *Забелло С., Иванов В., Максимов П.* Русское деревянное зодчество. М.: Гос. архит. изд-во, 1942, с. 26.
91. *Захарова Е.Ю.* Этническая принадлежность населения срубной культурно-исторической общности. Изучение, проблемы в отечественной археологии. В кн.: Срубная культурно-историческая область. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1994, с. 20.
92. *Зданович Г.Б.* К вопросу о происхождении культур развитой бронзы Северного Казахстана: Сб. научн. тр. по гуманитарным наукам. Караганда: Карагандинский гос. ун-т, 1974.
93. *Зданович Г.Б.* К вопросу об андроновском культурно-историческом единстве. В кн.: Неолит и бронза на территории СССР. КСИА. 1984. Вып. 177, с. 36.
94. *Златковская Т.Д.* К вопросу об этнокультурных связях племен южнорусских степей и Балканского полуострова в эпоху бронзы. СЭ. 1963. № 1, с. 85.
95. *Зосим*. Новая история / В.В. Латышев. ВДИ. 1948, № 4, с. 275–278.
96. *Иерусалимская А.А.* О предкавказском варианте катакомбной культуры. СА. 1958. № 2, с. 44.
97. Из ассирийских OMIN составленных для Асархаддона / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 270.
98. Из Вавилонской хроники. IV, 2 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 269.
99. Из книги пророка Иезекииля. XXXVIII, 1–8 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 276.
100. Из книги пророка Иеремии. I, 11–16 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 274.
101. Из книги пророка Исаии. V, 25–30 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 269.
102. *Иловайский Д.И.* Разыскания о начале Руси. М., 1882.
103. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Скифия. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986.
104. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Одежда, украшения и предметы быта. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986.
105. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Звериный стиль. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986, с. 166–167.
106. *Ильинская В.А., Тереножкин А.И.* Юхновская культура. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986.

107. *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М.: Восточная литература, 1960.
108. Ипатьевская летопись. ПСРЛ. Спб., 1908, Т. 2.
109. *Юлий Капитолин*. Два Галлиена. Марк Антонин философ. SC. II, 2.
110. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. 1. М.: Книга, 1988.
111. *Киселев С.В.* Древняя история Южной Сибири. М.: АН СССР, 1951, с. 59.
112. *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР. В кн.: Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: АН СССР, 1961.
113. *Киселев С.В.* Бронзовый век СССР. В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965.
114. *Класен Е.* Новые материалы для древнейшей истории славян. М.: Университетская тип., 1854.
115. Книга Бытия. X, 1–3 / В.В. Латышев. ВДИ. 1947. № 1, с. 265–266.
116. *Кобычев В.П.* В поисках прародины славян. М.: Наука, 1973.
117. *Кондукторова Т.С.* Материалы по палеоантропологии Украины. Антропологический сборник I. ТИЭ. 1956. Т. XXXIII.
118. *Кондукторова Т.С.* Антропология древнего населения Украины. М.: МГУ, 1972.
119. *Кондукторова Т.С.* Антропология населения Украины мезолита, неолита и эпохи бронзы. М.: Наука, 1973, с. 49.
120. *Корсаков Д.А.* Меря и Ростовское княжество. Казань: Университ. тип., 1872, с. 195.
121. *Крайнов Д.А.* Волосовская культура. В кн.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.
122. *Крайнов Д.А., Гадзяцкая О.С.* Фатьяновская культура. Ярославское Поволжье. Археология СССР. Свод археологических источников. М.: Наука, 1987.
123. *Крайнов Д.А.* Фатьяновская культура. В кн.: Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987.
124. *Кривцова-Гракова О.А.* Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // МИА. 1955. № 46.
125. *Круц С.И.* Антропологические особенности населения срубной культуры территории Украины. В кн.: Энеолит и бронзовый век Украины. Киев: Наукова думка, 1976, с. 224.
126. *Круц С.И.* Население территории Украины эпохи меди-бронзы (по антропологическим данным). Киев: Наукова думка, 1979.
127. *Круц С.И.* Палеоантропологические исследования степного Приднепровья. Киев: Наукова думка, 1984.
128. *Круц С.И.* Антропологический состав населения территории Украины в эпоху камня, меди и бронзы. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985.
129. *Ксенофонт*. Воспоминание о Сократе. SC. I, 2, с. 358.
130. *Ктесий Книдский*. История Персии. SC, I, 2, с. 354.
131. *Куликовский П.Г.* Справочник любителя астрономии. М.: Наука, 1971.
132. Лаврентьевская летопись. ПСРЛ. М., 1962. Т. 1.
133. *Лагодовская О.Ф., Шапошникова О.Г., Макаревич М.Л.* Михайловские поселения. Киев: АН УССР, 1962, с. 181.
134. *Basilus Latyshev*. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini graecae et latinae. Петербург, 1885–1900.
135. *Латышев В.В.* Древности Южной России: греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1889–1891 годах. Спб., 1892.
136. *Латышев В.В.* Древности Южной России: греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1892–1894 годах. Спб., 1895.

137. *Латышев В.В.* Древности Южной России: греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1895–1898 годах. СПб., 1899.
138. *Латышев В.В.* Scythika et Caucasia. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе / Собр. и изд. с рус. пер. В.В. Латышева. Т. I. Греческие писатели. СПб., 1893–1900. Т. II. Латинские писатели. СПб.: 1904, 1906.
139. *Лев Диакон.* История. М.: Наука, 1988.
140. *Либеров П.Д.* Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М.: Наука, 1964.
141. *Лимонов Ю.А.* Летописание Владимиро-Суздальской Руси. Л.: Наука, 1967, с. 185.
142. *Ломоносов М.В.* Замечания на диссертацию Миллера Г.Ф. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. Т. 6. М.–Л.: АН СССР, 1952.
143. *Лукиан Самосатский.* Токсарид или дружба. SC. I, 2, с. 550–552.
144. *Маврикий.* Тактика и стратегия. СПб., 1903.
145. *Мавродин В.В.* Происхождение русского народа, Л.: ЛГУ. 1978.
146. Мазуринский летописец. ПСРЛ. М., 1968, Т. 31. л. 2об.
147. *Маркиан.* Обезд внешнего моря. SC. I, 1, с. 249–251.
148. *Марковин В.И.* Дольмены Западного Кавказа. В кн.: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
149. *Марковин В.И.* Северокавказская культурно-историческая общность. В кн.: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994.
150. *Марковин В.И.* Северо-Восточный Кавказ в эпоху бронзы. В кн.: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994, с. 312.
151. *Марцеллин А.* Сохранившиеся книги истории. SC. II, 2.
152. *Мейе А.* Общеславянский язык. М.: Изд-во иностр. литерат., 1951, с. 396.
153. *Помпоний Мела.* Землеописание. SC. II, 1.
154. *Мельникова Е.А.* Новгород Великий в древнескандинавской письменности. В кн.: Новгородский край. Л.: Лениздат, 1984, с. 129.
155. *Мельникова Е.А.* Древнескандинавские географические сочинения. М.: Наука, 1986, с. 37.
156. *Мелюкова А.И., Мошкова М.Г.* Введение. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
157. *Мелюкова А.И.* Краткие сведения об истории скифов. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 35.
158. *Мелюкова А.И.* Скифское искусство звериного стиля. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 100.
159. *Мерперт Н.Я.* Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА. 1958. № 61. Т. II, с. 155.
160. *Мерперт Н.Я.* Некоторые вопросы истории восточного Средиземноморья в связи с индоевропейской проблемой. КСДПИИА. М., 1961, с. 7.
161. *Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы волжско-уральского междуречья. М.: Наука, 1974.
162. *Миллер В.Ф.* Осетинские этюды. Ч. III. М., 1887.
163. *Мовша Т.Г.* Поздний этап трипольской культуры. В кн.: Археология Украинской ССР. Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 255.
164. Monumenta Germaniae Historica. Epistolarum. Т. IV. Berlin, 1895, s. 32.
165. *Мошкова М.Г.* Краткий очерк истории савромато-сарматских племен. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 157.

166. *Мошкова М.Г.* История изучения савромато-сарматских племен. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 161.
167. *Мошкова М.Г.* Среднесарматская культура. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 184.
168. *Мошкова М.Г.* Хозяйство, общественные отношения, связи сарматов с окружающим миром. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989.
169. *Мунчаев Р.М.* Катакомбная культура и Северо-Восточный Кавказ. В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965, с. 92–96.
170. *Мунчаев Р.М.* Майкопская культура. В кн.: Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.: Наука, 1994, с. 171.
171. Народы Азии и Африки, журн. М., 1980. № 5.
172. Народы Азии и Африки, журн. М., 1980. № 6.
173. *Никитин А.Л.* Рождественская стоянка на озере Неро. СА. 1965. № 1, с. 263.
174. Никоновская летопись. ПСРЛ. М., 1965. Т. 9, 10, с. 5.
175. *Оросий П.* Историй против язычников 7 книг. SC. II, 2, с. 397.
176. *Овидий Назон.* Печальные песни. SC. II, 1, с. 94.
177. *Пассек Т.С.* К вопросу о среднеднепровской культуре. КСИИМК. 1947, Т. 16.
178. *Пассек Т.С.* Периодизация трипольских поселений. М.-Л.: АН СССР, 1949.
179. *Пассек Т.С.* Раннеземледельческие (трипольские) племена Поднестровья // МИА. 1961, № 84.
180. *Петренко В.Г.* Скифская каменная скульптура. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 104–105.
181. *Петренко В.Г.* Скифы на Северном Кавказе. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 216.
182. *Пизани В.* Общее и индоевропейское языкознание. Сб. Общее и индоевропейское языкознание. М., 1956.
183. *Г. Плиний Секунд.* Естественная история. SC. II, 1, с. 174.
184. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. SC. I, 2, с. 496.
185. Повесть временных лет. С.-Петербург: Наука, 1996.
186. *Полиен.* Военные хитрости. SC I, 2, с. 566.
187. *Полін С.В.* Про сарматське завойовання Північного Причорномор'я. Археологія. Київ: Наукова думка, 1984. № 45, с. 24–34.
188. *Попова Т.Б.* Племена катакомбной культуры. ТГИМ. 1955, вып. 24.
189. *Псевдо-Скилак.* Перипл. SC., I, 1, с. 85.
190. *Псевдо-Скимн.* Землеописание. SC, I, 1, с. 89.
191. *К. Птолемей.* Географическое руководство. SC. I, 1, с. 228–246.
192. *Приск Понтийский.* Готская история. SC. I, 3, с. 829.
193. *М. Валерий Проб.* Георгики. SC. II, 1, с. 28.
194. *Прокопий Кесарийский.* История войн римлян с вандалами. Кн. 1. С.-Петербург, 1891.
195. *Прокопий Кесарийский.* Война с готами. М.: АН СССР, 1950.
196. *Прахин А.Д.* Абашевская культурно-историческая общность, эпохи бронзы и лесостепи. В кн.: Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж: Воронежск. ун-т, 1980, с. 24.

197. *Пряхин А.Д., Халиков А.Х.* Абашевская культура. В кн.: Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы. М.: Наука, 1987.
198. *Пятых Г.Г.* Происхождение срубной культуры: проблемы и возможности. В кн.: Срубная культурно-историческая область. Саратов: Саратовский ун-т, 1994, с. 18.
199. *Рабинович М.Г., Латышева Г.П.* Из жизни древней Москвы. М.: Московский рабочий, 1961. с. 12, 13.
200. Радзивилловская летопись. Спб.: «Глаголь»; М.: Искусство, 1994.
201. Ригведа. Избранные гимны / Пер., комм., и вступ. ст. Т.Я. Елизаренковой. М.: Наука, 1972, с. 11.
202. *Ронин В.К.* «О власти» Карла Великого над славянами. СС. 1984. № 1, с. 44.
203. *Курций Руф.* История Александра Великого. SC. II, 1.
204. *Рыбаков Б.А.* Анты и Киевская Русь // ВДИ. 1939. № 1.
205. *Рыбаков Б.А.* Искусство древних славян. В кн.: История русского искусства. Т. 1. М.: Наука, 1953, с. 56–58.
206. *Рыбаков Б.А.* Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М.: МГУ, 1984.
207. *Рыбаков Б.А.* Мир истории. Начальные века русской истории. М.: Молодая гвардия, 1987.
208. *Рыдзевская Е.А.* Холм в Новгороде и древнесеверный Holmgård, ИРАИМК. Т. II. Петербург, 1922, с. 109.
209. *Самоковсов Д.Я.* Происхождение русского народа. М.: Синодальная тип., 1908, с. 7.
210. Сборник материалов о краеведе и церковном старосте Александре Артынове. Рукопись. ГМЗРК. P-236.
211. *Свешников И.К.* К вопросу о сходстве и различии тшинецкой и комаровской культур. В кн.: Новое в советской археологии. М.: Наука, 1965, с. 91–92.
212. *Седов В.В.* Восточные славяне в VI–XIII вв. М.: Наука, 1982.
213. *Серебренников Б.А.* Волго-окская топонимика на территории европейской части СССР. ВЯ. 1955. № 6.
214. *Феофилакт Симокатта.* История. М.: АН СССР, 1957. VII, 2, 5.
215. Сказание о князьях Владимирских. Памятники литературы Древней Руси. Конец XV — первая половина XVI века. М.: Худ. лит., 1984, с. 427.
216. *Смирнов А.П., Трубникова Н.В.* Городецкая культура. М.: Наука, 1965.
217. *Смирнов А.П.* Скифы. М.: Наука, 1966, с. 25.
218. *Смирнов И.Н.* Черемисы. Историко-этнографический очерк. ИОАИЭ, Т. VII. Казань, 1889.
219. *Смирнов И.Н.* Вотяки. Историко-этнографический очерк. ИОАИЭ. Т. VIII, вып. 2. Казань, 1890, с. 32.
220. *Смирнов К.А.* Дьяковская культура. М.: Наука, 1974, с. 17.
221. *Смирнов К.А.* К вопросу о связях племен городецкой и дьяковской культур с населением степи и лесостепи // СА. 1991. № 4, с. 58.
222. *Смирнов К.А.* Периодизация памятников городецкой и дьяковской культур. Автореф. дисс. докт. ист. наук. М., 1992.
223. *Смирнов К.Ф.* Савроматы. М.: Наука, 1964, с. 201.
224. *Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е.* Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М.: Наука, 1977, с. 53.
225. *Смирнов К.Ф.* Савроматская и раннесарматская культура. В кн.: Археология СССР. Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989, с. 169.
226. *Соболевский А.И.* Русско-скифские этюды. ИОРЯС. 1922. Т. XXVII.

227. *Соболевский А.И.* Названия рек и озер русского Севера. ИОРЯС. 1927. Т. XXXII.
228. Советский энциклопедический словарь. М., 1987.
229. *Соллий Г.* Стихотворения. SC. II, 2, с. 425.
230. *Стефан Византийский.* Описание племен. SC. I, 1, с. 266.
231. *Страбон.* География. М.: Ладомир, 1994.
232. *Татищев В.Н.* История Российская. Т. 1. М.-Л.: АН СССР, 1962.
233. *Тацит К.* О происхождении германцев и местоположении Германии. Л.: Наука, 1969.
234. Тверской сборник. ПСРЛ. М., 1965. Т. 15, с. 37.
235. *Телегин Д.Я.* Среднеэпогевская культура эпохи меди. Киев: Наукова думка, 1973.
236. *Телегин Д.Я.* Среднеэпогевская культура. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985.
237. *Титов А.А.* «Велесово дворище» и легенда о жреце Киче. М., 1887.
238. *Тихомиров М.Н.* Происхождение названия «Русь» и «Русская земля». СЭ. 1947. Сб. ст. VI–VII, с. 71.
239. *Толстов С.П.* Из предистории Руси. СЭ. 1947. Сб. ст. VI–VII.
240. *Толстов С.П.* Нарцы и волохи на Дунае. СЭ. 1948. № 2.
241. *Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. М.: АН СССР, 1962.
242. *Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. М.: АН СССР, 1953.
243. *Третьяков П.Н.* Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.-Л.: Наука, 1966.
244. *Помпей Трог.* История. SC. II, 1.
245. *Трофимова Т.А.* Черепа из могильника Тазабагьябской культуры Кокча 3. МХЭ. 1961. вып. 5, с. 143.
246. *Трубачев О.Н.* О синдах и их языке // ВЯ. 1976. № 4, с. 39.
247. *Трубачев О.Н.* Лингвистическая периферия древнейшего славянства. Индоарийцы в Северном Причерноморье // ВЯ. 1977. № 6.
248. *Трубачев О.Н.* «Старая Скифия» Геродота и славяне // ВЯ. 1979. № 4.
249. *Трубачев О.Н.* Indoagica в Северном Причерноморье. Источники. Интерпретация. Реконструкция. ВЯ. 1981, № 2, с. 3.
250. *Турчанинов Г.Ф.* Памятники письма и языка народов Кавказа и Восточной Европы. Л.: Наука, 1971, с. 78–79.
251. *Удальцов А.Д.* Племена европейской Сарматии II в. н.э. // СЭ. 1946. № 2.
252. *Феофан.* Летопись. М., 1884, с. 206.
253. *Филин Ф.П.* Образование языка восточных славян. М.-Л.: АН СССР, 1962.
254. *Фириштейн Б.В.* Антропологическая характеристика населения Нижнего Поволжья в эпоху бронзы. Памятники эпохи бронзы юга европейской части СССР. Киев: Наукова думка, 1967, с. 102.
255. *Иосиф Флавий.* Иудейские древности. SC. I, 2.
256. *Флавий Вопписк Сиракузский.* Божественный Аврелиан. SC. II, 2, с. 305.
257. *Квинт Гораций Флакк.* SC. II, 1, с. 30.
258. *Флор.* Сокращения из Тита Ливия. SC. II, 1, с. 259.
259. *Формозов А.А.* Каменный век и энеолит Прикубанья. М.: Наука, 1965.
260. *Формозов А.А.* Памятники первобытного искусства. М., 1966, с. 88–89.
261. *Формозов А.А.* Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М.: Наука, 1977.
262. *Фукидид.* О пелопоннесской войне. SC. I, 2, с. 351.
263. *Хабургаев Г.А.* Становление русского языка. М.: Высшая школа, 1980, с. 41.

264. *Хабургаев Г.А.* Старославянский-церковнославянский-русский литературный. В кн.: История русского языка в древнейший период // ВРЯ. 1984. вып. 5, с. 13.
265. *Халиков А.Х.* Древняя история Среднего Поволжья. М.: Наука, 1969, с. 149–153.
266. *Хотинский Н.А.* Голоцен Северной Евразии. М.: Наука, 1977.
267. *Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа. МИА. 1960, с. 38–47.
268. *Церетели Г.В.* О языковом родстве и языковых союзах. ВЯ. 1968. №3, с. 18.
269. *Чередниченко Н.Н., Пустовалов С.Ж.* Боевые колесницы и колесничие в обществе катакомбной культуры // СА. 1991. № 4, с. 213.
270. *Черных Е.Н., Кузьминых С.В.* Памятники сейминско-турбинского типа в Евразии. В кн.: Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М.: Наука, 1987, с. 84–105.
271. *Черных Л.А.* Деревянная повозка из катакомбного погребения у г. Каменка-Днепровская. В кн.: Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Источники. Проблемы. Исследования. Киев, 1991.
272. *Шапошникова О.Г.* Катакомбная культурная область. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 1. Киев: Наукова думка, 1971.
273. *Шапошникова О.Г.* Ямная культурно-историческая общность. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 1. Киев: Наукова думка, 1985.
274. *Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д.* Ямная культурно-историческая область (южно-бугский вариант). Вып. В 1–3. Свод археологических источников. Киев: Наукова думка, 1986.
275. *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. 1, кн. 2. М., 1847.
276. *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. 2, кн. 3. Приложение VII. М., 1847, с. 29.
277. *Шафарик П.И.* Славянские древности. Т. 1, кн. 2. М., 1848, с. 398.
278. *Шевченко А.В.* Антропология населения южнорусских степей в эпоху бронзы. В кн.: Антропология современного и древнего населения европейской части СССР. Л.: Наука, 1986, с. 143.
279. *Шелов Д.Б.* Скифо-македонский конфликт в истории античного мира. МИА. 1971. № 177, с. 58.
280. *Шилов В.П.* Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л.: Наука, 1975, с. 59.
281. *Шнитников А.В.* Изменчивость общей увлажненности материков Северного полушария. Записки географического общества. СССР, Т. 16. М.-Л.: АН СССР, 1957, с. 262.
282. *Шульц П.Н., Зубарь В.М.* Памятники позднескифской культуры в Крыму. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 2. Скифо-сарматская и античная археология. Киев: Наукова думка, 1986, с. 240.
283. *Шепинский А.А.* Кеми-Обинская культура. В кн.: Археология Украинской ССР, Т. 1. Первобытная археология. Киев: Наукова думка, 1985, с. 335.
284. *Эдинг Б.Н.* Ростов Великий. Углич. М., 1913.
285. Энеолит СССР / Ред. В.М. Массон, Н.Я. Мерперт. М.: Наука, 1982.
286. *Эшил.* Прикованный Прометей. SC. I, 2, с. 334.
287. *Югов А.К.* Думы о русском слове. М.: Современник, 1975, с. 187, 197–199.

Список сокращений

- АЖ** — Антропологический журнал
ВДИ — Вестник древней истории
ВА — Вопросы антропологии
ВИСДВ — Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока
ВРЯ — Вопросы русского языкознания
ВЯ — Вопросы языкознания
ГМЗРК — Государственный музей-заповедник Ростовского кремля
ИОАИЭ — Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности
ИРАИМК — Известия Российской академии истории материальной культуры
КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР
КСДПИИА — Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии
ЛГУ — Ленинградский государственный университет
МГУ — Московский государственный университет
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МХЭ — Материалы Хорезмской экспедиции
ПВЛ — Повесть временных лет
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
ПСА — Проблемы скифской археологии
(Р) — Рукопись А.Я. Артынова «Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от пра-родителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских»
SC — В.В. Латышев. Scythika et Caucasia. Известия древних писателей, греческих и латинских о Скифии и Кавказе
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
СС — Советское славяноведение
ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
ТИАЭА — Труды Института антропологии, этнографии и археологии
ТИЭ — Труды Института этнографии
УЗМНИИЯЛИ — Ученые записки Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории

Содержание

<i>Введение</i>	3
Часть I. Пересматриваем позиции	10
История рукописи	10
Ираноязычны ли были скифы?	15
Часть II. Расселение племен	36
Единство родов и начало его распада	36
Курганы	68
Куда исчезла трипольская культура?	70
Загадка протоиндийской цивилизации	75
По ту сторону Эвксинского Понта	81
Россы	87
Славяне в Греции и Италии	94
Сейминско-турбинские племена — специализированные военные отряды?	95
Последняя волна расселения славян. Все дальше к ночи.	97
О халибах, Ахилле и славянском побратимстве	117
Часть III. Общеславянское государство	120
Сплочение славян — государство вандалов	120
Три территории россов	129
Скифы	139
Основание Новгорода	144
О Столпосвете и реке Мутной	148
Царство «Ростовская земля»	150
Загадка города Экс	157
От зноя травы сухи и мертвы	162
Перелом в общеславянском языке. Об именах.	165
Ростовские события и походы	169
Где был город Гелон?	179
Первые христиане Руси	182
Сарматия — союз славянских племен	184
Часть IV. От Аларика до Рюрика	190
Готские войны — это славянские войны с Римом	190

Поход ростовского князя Простена (Гейзериха) в Африку	196
От славян — до славян	198
Снова дела ростовские.	204
Государство россов — Русь	209
И еще немного после Рюрика	214
Часть V. Подводя итоги	222
Рукопись Артынова — исторический источник	222
Основные положения и выводы	236
Приложение	249
А.Я. Артынов. Родословная славяно-русского народа, его царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Ростовских (выдержки из рукописи)	249
Родословная царей, старейшин и князей от прародителя Ноя до великого князя Рюрика и князей Великого Ростова (по материалам А.Я. Артынова).	273
Литература	283
Список сокращений	293

Научное издание

Яхонтов Юрий Александрович

**ЛЕТОПИСЬ СЛАВЯН-РОССОВ
С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО РЮРИКА**

Корректор *О.Н. Богачева*

Верстка *В.В. Царьков*

Художественное оформление *Д.В. Грушин*

ООО «Издательский дом «Вече»

Почтовый адрес:

126348, Москва, ул. Красной Сосны, 24, а/я 63.

Фактический адрес:

127549, Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Санитарно-эпидемиологическое заключение

№ 77.99.60.953.Д.000452.01.09 от 27.01.2009 г.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 03.06.2009. Формат 60 × 90^{1/16}.
Гарнитура «NewtonС». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 18,5. Тираж 1000 экз. Заказ В-932.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленного электронного оригинал-макета
в типографии ОАО ПИК «Идел-Пресс».

420066, г. Казань, ул. Декабристов, 2.

E-mail: idelpress@mail.ru

Новаторское и уникальное исследование, полностью меняющее наше представление о долетописной истории славян. Автору удалось доказать достоверность сведений, изложенных в рукописи XIX в. крестьянина Артынова, которые тот переписал из несохранившихся древнейших исторических источников.

В книге дана столетняя хронология событий на протяжении четырех с лишним тысячелетий с древнейших времен до призвания Рюрика. Решены многие основополагающие и спорные до сих пор вопросы: определены этапы и время расселения славян (начало — IV тыс. до н.э.), а также установлены самоназвания славян в древнейшие времена; выяснено происхождение этнонима «рос» (не позднее IV—III тыс. до н.э.); определена этническая принадлежность многих археологических культур; установлено, что в VII в. до н.э. было образовано огромное славянское государство вандалов; фундаментально доказано славянство скифов, сарматов, а также готов; определено, что создание Русского государства в IX в. произошло объединением Новгородской и Ростовской земель; установлены точное время основания Москвы и ее основатель и многие другие важнейшие вопросы.

Книга рассчитана как на специалистов, так и на широкий круг читателей, интересующихся историей.

ISBN 978-5-9533-4027-4

9 785953 340274

